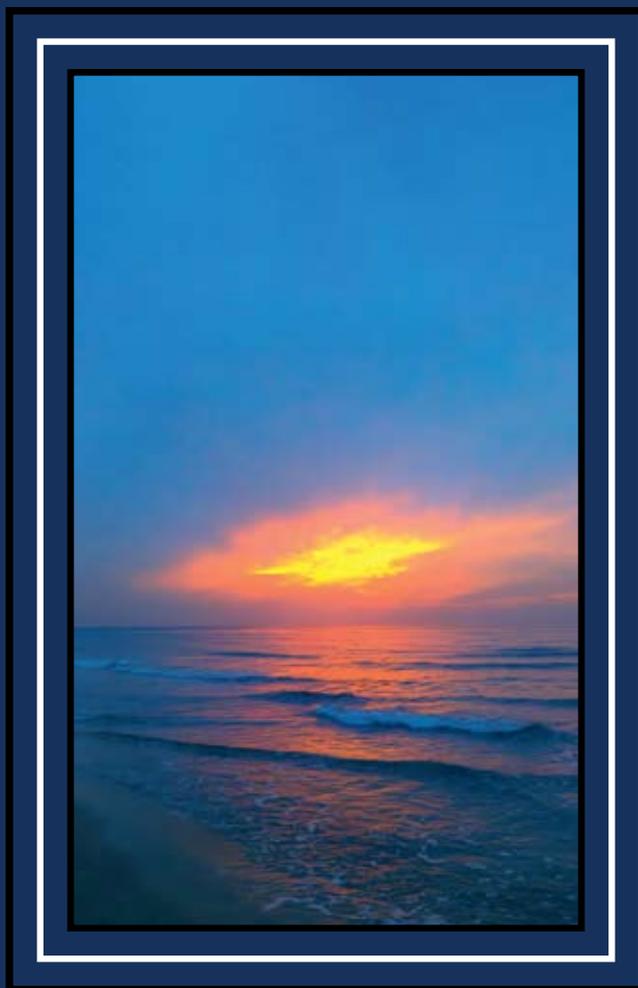

Ильсаф Азарьев

ВОСПОМИНАНИЯ
О БУДУЩЕМ

Ильясф Азарьев

ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ

Роман

Волгоград 2023

УДК 821.161.1«1917/1991»

ББК 84(2Рос=Рус)6

А35

Азарьев, Ильясаф

А35

Воспоминания о будущем [Текст] : Роман / Ильясаф Азарьев. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2023. – 356 с.

В повествовании, которое вы держите в своих руках, автор пытался быть искренним и честным, независимо от поворотных и судьбоносных событий в его жизни. Ничего не бойтесь и никогда не сдавайтесь, говорит он нам; не паникуйте и не падайте духом, что бы с вами ни произошло. Каждый из вас посланец Бога на земле, наделенный даром речи, системным мышлением и разумным эгоизмом. Не растрачивайте напрасно деньги, время, ум, свои таланты и жизненную энергию, чтобы не выглядеть неблагодарным по отношению к Творцу. Забудьте прошлое, живите сегодня так, как будто это последний день в вашей жизни. Знайте: все, что делаете каждый божий день, записывается в книгу жизни, которую вы пишете сами...

Откройте с этим напутствием книгу и погрузитесь в описываемые события, размышления, ощущая чувство наполненности и покоя, транслируемого автором.

УДК 821.161.1«1917/1991»

ББК 84(2Рос=Рус)6

Пролог

Впервые я завел личный дневник, когда моя голова покрылась серебристой сединой, а лицо – заметными морщинами. Я недолго размышлял над тем, какое название дать своей новой задумке, и тут мне вспомнился совет моего научного руководителя, Венгерова Алексея Анатольевича, вечная ему память. Профессор категорически заявлял, что название темы диссертации должно быть кратким и точно соответствовать содержанию, объекту и предмету исследования. «При этом следует помнить, – обоснованно утверждал он, – что три-четыре слова в названии диссертации превращают ее в реферат студента».

Алексей Анатольевич был великим человеком, потрясающим учителем и мудрым наставником. Он творил чудеса, помогал открывать скрытые способности, таланты, мечты, которые до поры до времени таились в дальних закоулках моей души. Профессор часто говорил, что задача каждого человека – изо дня в день выходить за пределы своих возможностей, но не следует переступать за их рамки. «Задумайся, для чего ты пришел в этот мир и в чем смысл твоей жизни на земле, – говорил он страстно и уверенно, пытаясь быть максимально убедительным в своих высказываниях. – В жизни нет случайностей – все происходит по воле Творца, и если ты пришел в этот мир, то ставь перед собой высокие цели и честолюбивые мечты, выжми из себя все, на что способен, чтобы потом не было стыдно за прожитые годы. Но если не будешь действовать, то никогда не узнаешь, что пришло время перемен. С уважением относись к людям, их словам и поступкам. Будь рядом с теми, кому работа в радость, кто рискует, ошибается, падает, разбивается в кровь, затем поднимается и снова рискует. Примкни к тем, у кого чуткая, доверчивая и любящая душа, которые, выходя из дома, напевают любимые песни, а возвращаясь с нетерпением ожидают встречи с семьей. С такими людьми можно осилить любую, даже самую трудную дорогу, такие люди всегда добиваются результатов. Сторонись эгоистичных, завистливых, жадных и лицемерных людей: именно эти качества подталкивают человека к предательству. Только так

можно добиться внутренней свободы, которой нельзя жертвовать! Только так можно чувствовать себя независимым человеком, когда ограничения, наложенные внешними обстоятельствами, нужно ломать! Только так можно добиться успеха и реально выполнить миссию, которую Создатель возложил на тебя!»

Алексей Анатольевич настойчиво и терпеливо вбивал в мое сознание нечто большее, чем то, что было важно для защиты диссертации. Он часто говорил мне, что у человека в мозгу положительные эмоции занимают гораздо больше пространства, чем отрицательные, поэтому, когда человеку трудно, он начинает позитивно мыслить. Главное – надо действовать смело и решительно, но осмысленно, и не следует бояться неудач и ошибок: они держат человека в постоянном тоне, без них просто нет личностного развития. Дельные советы мудрого человека, но, к сожалению, я не всегда прислушивался к его наставлениям...

Могу уверенно, без малейшей доли сомнения сказать, что только из-за одного названия «Воспоминания о будущем» стоит прочитать эту книгу. Вы, наверно, подумаете, что я мечтатель и фантазер, – и не ошибетесь. Но могу однозначно сказать: читая эту книгу, скучать точно не придется. Это тот редкий случай, когда автором книги является любимчик Бога. Господь терпеливо и настойчиво, через невероятные трудности вел меня к сегодняшнему дню, сделав меня одним из самых счастливых людей на свете. Эта книга стала моим главным детищем, в которое я вложил последние годы жизни и на которое потратил все свое время и силы. Как впоследствии оказалось, именно личный дневник помог мне познать самого себя, проанализировать свой жизненный опыт, научиться не повторять ошибок прошлого, ничего не страшась, пройти по извилистой, с глубокими ухабами и крутыми виражами, дороге. Только потом, спустя какое-то время, я понял и осознал, что это было самым удачным моим решением на тот момент.

Что я только не передумал, когда писал эту книгу. Порою было эмоционально сложно балансировать между реальностью и фантазией, между прошлым и будущим, когда назойливые, тягостные мысли упрямо лезут в воспаленный мозг, тревожат душу и сердце подавленными чувствами и нешуточной тревогой.

«Пустая трата времени, – убеждал я самого себя, склоняясь к тому, чтобы раз и навсегда бросить эту нелепую и бесполезную затею. – Можно какие угодно события, истории и факты записывать в дневник, но эти записи навряд ли смогут когда-нибудь позитивно повлиять на мое будущее. Они дадут лишь возможность посмотреть на себя со стороны и увидеть, как пуста и неприглядна была моя жизнь. Тебе это надо? Ты хочешь увидеть и осознать, как день за днем все тщетное и пустое, не имеющее существенного значения, заполняло твою суетную жизнь? Как ты каждый день без сожалений терял по дороге, ведущей неведомо куда, свою истинную и вечную ценность – время? Исчезая бесследно и безвозвратно, время уходит в прошлое, куда не хочется возвращаться даже в своих отрывочных воспоминаниях. А как же быть, к кому постучаться, у кого спросить совета?» Стыдно признаться, но оказывается, даже в моем возрасте необходим мудрый совет, а вокруг – никого.

Вот мой личный дневник и стал моим главным советчиком. Важно отметить: он был всегда правдив и беспристрастен. Он помог мне разобраться и реально оценить судьбоносные события в моей жизни и сделать выводы: кто я, где я и куда же потом.

Несомненная польза от ежедневных записей в дневнике была очевидной и ощутимой: стрессы, неудачи, накопленный негатив, даже за прошлые периоды моей жизни, – словом, все то, что существенно сказывалось на моем душевном равновесии, стало незаметно исчезать из моего сознания. Бумага терпела все, что я писал: она не проливали горьких слез отчаяния от нахлынувших чувств, не рвала на части сердце и душу, не кричала благим матом от злости и обид, не молилась в полный голос, прося о помощи, не протестовала и не качала права, была хладнокровна и холодна, правдива и анонимна; какими бы горькими, скорбными, откровенными не были мои записи, они сохранялись в глубокой тайне. Бумага, несмотря на мои смысловые и многочисленные орфографические ошибки, не критиковала меня даже по-товарищески конструктивно, не делала мне обидных, язвительно-ехидных замечаний, пусть даже справедливых и дельных, а я, не чувствуя порицаний с ее стороны, давал волю своим чувствам и фантазиям, писал все, что приходило в мою голову, откровенно и честно. Я так увлекся процессом, что этот каждодневный ритуал стал для меня приятным времяпровождением, которое приносило мне истинное неопишное удовольствие, и вскоре я начал записывать некоторые свои воспоминания, события и поступки из своей прошлой жизни, всесторонне и вдумчиво анализируя их прямо по ходу записей в дневнике. Ведение дневника сыграло большую и неопределимую роль в моей будущей жизни, свободное размышление о прошлом и настоящем развило во мне творческое начало. В моей голове крутилась навязчивая бредовая идея, которая всецело захватила мое сознание, и я впервые задумался написать роман.

Как судьбоносные события, необыкновенные случаи и документальные факты из моей реальной жизни, порой занимательные и поучительные, временами невероятно запутанные и драматические, повлияли на мою будущую жизнь, – клянусь богом, я до сих пор не могу дать вразумительного ответа. Но в итоге незаметно, даже для самого себя, я собрал материал для настоящей книги, а насколько моя настойчивая, кропотливая и напряженная работа получилась увлекательной – судить вам.

Глава 1

В мае 2012 года, в канун моего дня рождения, раввинатский суд города Нетании, расположенного в 40 километрах севернее Тель-Авива, принял соломонново решение: равнодушно, без шума и суеты, не привлекая излишнего

внимания, расторгнул наш брачный союз. Мой мир рухнул тогда, а небо упало на мою седую голову, словно не было этих 40 лет семейной жизни.

«Ты за все годы ни разу вместе с семьей не выезжал на природу. Палатки, песни под гитару у костра, поход за грибами вместе с детьми – у тебя на это никогда не было времени. Да что говорить, вспомни, когда ты в последний раз дарил мне цветы. Ты как глава дома так и не создал семейных традиций, которые могли бы сохранить наш брак», – тихим, вкрадчивым голосом произнесла моя бывшая супруга на прощание.

В нумерологии цифра 40 – это символ абсолютной законченности: 40 дней длился Всемирный потоп; 40 лет еврейский народ был вынужден бродить по пустыне, прежде чем обрел свое счастье на Земле обетованной; 40 дней Моисей ждал заповедей на горе Синай; на 40-й день Иисус был вознесен в Небеса; в 40-летнем возрасте услышал слова Аллаха и был призван пророк Магомет; около 40 недель длится беременность, и на 40-й неделе появляется новый человек; на 40-й день после смерти человека решается, куда его душа пойдет дальше (религии называют это раем и адом).

Мне даже в страшном сне не могло присниться, что мы с Сусанной когда-нибудь разбежимся в разные стороны и станем чужими друг для друга людьми. Глядя уничтожающим, убийственным взглядом на раввинов, этих почтенных глав больших семейств, законопослушных представителей Всевышнего на Земле обетованной, не лишенных людских пороков, я думал лишь об одном: как все это произошло? Как я весь из себя такой продвинутый и крутой мужчина оказался здесь? Почему я безропотно допускаю унижение своего мужского достоинства и что вынуждает меня отвечать на эти нелепые, порой оскорбительные вопросы? Кто, вообще, все эти люди, вульгарно восседающие за этим маленьким столом, всецело регламентирующие религиозные, правовые, семейные и даже бытовые отношения моей жизни. И эти суки должны сейчас решить, быть ли моей семье единой и неделимой на этой прекрасной, благословенной земле, которую я полюбил и боготворил всем своим сердцем и душой.

Мои друзья на редкость активно принимали участие в церемонии нашего бракосочетания, которая проходила аккуратно в день дурака – 1-го апреля, 40 лет назад. Они по известной причине были убеждены в том, что мы с Сусанной долго не протянем одной семьей, максимум не более года.

«Илья в день первоапрельского розыгрыша решил вот таким хитрым способом обвести нас вокруг пальца», – шептались они в закоулках, вдоволь насмехаясь и шутя над моим неприглядным внешним видом. Впрочем, у них на то была веская причина: на мне был костюм с чужого плеча, ношенный и не подходящий мне по размеру. Короткие рукава костюма и укороченные брюки делали меня больше похожим на пугало с огорода, чем на новоявленного жениха. Почему так сложилось – ответ прост: у меня, студента третьего курса, банально не было средств на покупку свадебного костюма. А что же родители,

спросите вы. Родители... Мой отец решительно был против моего бракосочетания, он был ошеломлен и поражен внезапным и неожиданным моим решением.

«Прочитав твое письмо, я с трудом дошел до кровати, – писал мне отец в своем коротеньком ответе, – но я приму любое твое решение, сынок, только помни: в богоугодных делах холодный разум важнее горячего сердца. – Я помню каждое его слово из того письма. Он не грозил, не увещевал и не упрекал меня, потому что верил в благоразумие своего сына, он просто пытался по-взрослому говорить со мной. – Возможно, твоя девушка, – продолжал писать отец, – самая красивая на всем белом свете, по-другому и быть не может. Я верю, что ты безгранично и очень страстно любишь ее, и даже понимаю тебя. Но пройдет время: может год, а может, три... Не исключаю, что у тебя это возьмет гораздо больше времени, но первая любовь, какой бы она ни была бескорыстной и восторженной, обязательно пройдет, навсегда оставив яркий след в душе, – такова правда жизни, сынок. Ты сейчас открываешь самую увлекательную и захватывающую главу своей жизни, в ней будет много красивых и достойных женщин, которых ты будешь страстно и искренне любить, и каждый раз будешь считать, что именно эта женщина предназначена тебе самой судьбой. Но тебе, сынок, нужна одна единственная женщина, которая родит тебе истинных иудеев – это святое предназначение каждого еврея в этом мире. – В заключение своего послания ко мне отец добавил: – Сынок, я желаю тебе только одного – чтобы в твоей жизни не было второго брака».

«Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь Бог твой дает тебе» – эта заповедь, моральный устой, который нельзя забывать, который учит нас быть почтительными к родителям и вообще ко всем старшим, укоренилась в моем сознании с тех самых пор, когда я еще семилетним мальчиком горделиво, вместе с дедом, посещал синагогу на слободке. Почему именно пятую заповедь он пытался настойчиво и последовательно вбить в мои детские, неокрепшие мозги, я понял лишь тогда, когда сам стал отцом. Неужели надо было прожить целую жизнь, чтобы понять и осознать простые истины? Я часто в последнее время вспоминаю то трогательное письмо, которое еще 40 лет назад написал мне мой отец. Он давно ушел в мир иной, но его последнее послание ко мне, как скрижали судьбы, навсегда сохранилось в моей памяти, проникнув глубоко, в самые потаенные уголки моего сердца.

Неимоверно тяжело, хоть волком вой, вести содержательный и осознанный диалог с человеком, в чьей жизни воцарились опустошенность и растерянность. Я в полной мере испытал, что значит быть одиноким в зрелом возрасте, имея троих взрослых детей. История моей одинокой жизни больше смахивает на писательскую фантазию начинающего прозаика, богатую реальными, невероятными драматическими, но также и удивительно позитивными событиями. Теперь, оглядываясь назад, в прошлое, я и сам не понимаю, как мне удалось преодолеть страх одиночества и в здравом уме дожить до сегодняшнего дня,

чтобы сейчас, когда пишу эти строки, я мог сказать самому себе: «Илюха, какой же ты молодец! Выстоял, вовремя сориентировался, нашел свое место в жизни, хоть и заплатил дорого...»

Перед моими глазами события из прошлого мелькали, словно кадры из известного мне документального кинофильма. Они медленно, затем, набирая крутые обороты, стремительно, как мгновение, пронеслись через мою судьбу, через все то, что я прошел за многие годы своего одиночества. Пока я жив и в сознании, пока мой мозг способен разумно и объективно мыслить, я хочу честно и искренне, ничего не утаивая и ничего не прибавляя, поведать тебе, мой друг, о своей жизни. Я тебя понимаю, как никто другой, потому что сам существенно ограничен во времени, но это повествование, как сейчас модно говорить, основано на реальных событиях. Я инстинктивно уверен в том, что, затратив всего несколько часов своего драгоценного времени, ты в этой книге найдешь то, что ищешь – разумное решение своих проблем, что даст тебе возможность изменить к лучшему свою судьбу и стать счастливым человеком, мастерски используя мои, а не свои ошибки.

Браки и разводы евреев в Израиле осуществляются по законам Торы. Кроме того, в компетенцию раввинатского суда входит проведение гиюра – процедуры обращения человека другого вероисповедания в иудаизм. Вопрос о том, кто является евреем, является фундаментальным, но до сих пор не разрешенным в Израиле. Согласно Закону о возвращении (1950 г.), любой еврей имеет право «вернуться», то есть репатрироваться, или сделать алию, в Израиль. На практике, однако, ситуация несколько сложнее. Государство Израиль, естественно, не хочет, чтобы каждый человек в мире имел право иммигрировать в Израиль, просто заявив, что он еврей, или даже просто получив сертификат от любого раввина. «Папа, тебе очень повезло, ты единственный настоящий еврей в нашей семье», – то ли в шутку, то ли всерьез сказала моя старшая дочь, поняв, что без гиюра ей в Израиле никак не обойтись.

Сам процесс гиюра сложный и длительный, сопряжен со многими моральными и духовными переживаниями, а этические эмоции (эмоции долга и обязанностей) требуют прежде всего изменения сознания и коренной ломки сложившихся стереотипов. Ладно моим детям – они от рождения были составной частью еврейского народа. Живя в России, они в большей степени воспитывались на еврейских традициях. Что касается их матери, моей бывшей супруги, ей было сложнее: она прошла полноценный гиюр в Израиле. Должен признаться, я проявил мужской бессознательный эгоизм, ни разу не спросив ее, каково это – сменить свою религию ради другого человека, пусть даже своего законного супруга. Я бы сам никогда и ни при каких обстоятельствах не сменил свою религию, хотя, кто его знает, – как говорят, от сумы и от тюрьмы не зарекайся. Ведь сам только что написал, что даже в страшном сне мне не могло присниться, что когда-либо я разведусь. Так что держи свою мысль при себе и как можно дальше от языка, тогда и не попадешь впросак.

Во время судебного заседания я впервые ощутил странное для себя чувство всеобщей апатии. Полное равнодушие и тупое безразличие, охватившие меня в зале суда, парализовали мою волю и ум – я безропотно и безучастно, как бы со стороны наблюдал за происходящими событиями, словно решалась судьба совершенно незнакомого мне человека. Но когда раввин в завершение суда, обратившись к моей бывшей супруге, с деланным равнодушием произнес: «Отныне ты вольна делать с собой все, что пожелаешь», обостренное чувство вины за этот позор мгновенно переросло в плохо скрываемое возмущение. Как этот жирный ублюдок, с растрепанной бородой, маленькими бегающими равнодушными глазами, в белой неутюженной рубашке, мог позволить себе сказать такое моей жене, да еще и в моем присутствии, я не могу этого осознать по сей день. Я был на грани нервного срыва, мне хотелось разорвать судьбу в клочья. Его туманные, пошлые намеки в адрес пусть даже моей бывшей супруги глубоко шокировали меня. Я был ошеломлен таким откровенно наглым и недостойным поступком судьи, который посмел прикоснуться к неприкасаемому. Истинный еврей и настоящий израильтянин, как любой восточный мужчина, не имеет морального права нарушать восточную этику поведения по отношению к женщине.

Мне надолго запомнился тот знойный майский день, когда впервые в своей жизни мне показалось, как будто весь мир ополчился против меня. До меня наконец дошло, что я достиг самого дна и оттуда уже никто не постучит и не протянет руку помощи. «И горячая вода остывает» – в этой еврейской поговорке мудрости не меньше, чем во всем огромном, безграничном пространстве интернета. Каждый из нас неоднократно наблюдал, как забавно выглядит человек, который пытается пить горячий чай: он дует, прихлебывает, обжигается... Но пройдет всего-то несколько минут – и чай остынет. Так зачем суетиться, если можно подождать? Умение терпеливо ждать, считают мудрые евреи, это простой, но самый эффективный метод решения даже самых сложных проблем. Шестое чувство подсказывало мне, что все будет хорошо, что еще не все кончено, хотя в сценарии раскручивания событий вокруг распада моей семьи изменить что-либо уже было нельзя. Дать задний ход надменная гордость не позволяла, к тому же роковое событие, больше похожее на кошмарный сон, уже произошло и стало печальной историей моей жизни.

«Это всего лишь сон, – успокаивал я себя. – Эй, кто-нибудь, – кричал я беззвучно в полный голос, – ущипните меня, я должен проснуться, чтобы этот кошмарный сон вдруг не превратился в вещий». Я орал, звал на помощь, озираясь по сторонам, но никого, ни одного знакомого лица, ни одной родственной души не было рядом. «Куда, черт бы их побрал, подевались мои заклятые друзья и соратники? Почему их нет, когда реально нужна их помощь и поддержка? Наверно, эти суки сейчас дружно хлопают в ладоши, перемалывают мои косточки, распускают базарные слухи и сплетни», – невесело размышлял я над своим незавидным положением. – “Поделом ему, – наверняка, потирая руки, злословят они между собой, – а то совсем возгордился: видите ли, ему нипочем оплатить тысячу баксов за одни посиделки в ресторане”».

«Нет, мой друг, это не сон, – услышал я впервые свой внутренний голос, – это реальность твоей нынешней жизни, ты все это время с открытыми настежь глазами сладко и безмятежно спал. Даже сейчас ты в блаженной дремоте, потому что ничего не видишь и ничего не слышишь, смутно понимаешь и не достаточно полно осознаешь то, что всего два часа назад произошло в твоей жизни».

Все закрутилось и смешалось в моей горячей голове. Мне казалась, как будто эта безумно злоецающая история когда-то давно уже произошла и только сейчас раввин решил как можно четче озвучить этот прискорбный случай из моей прошлой жизни. Водоворот судьбоносных событий, всплывая в памяти, крутился в мозгу, не поддаваясь логическому осмыслению произошедшего. В клочья разорванный разум не позволял ни одной здравой мысли прийти на ум, чтобы можно было хоть что-то внятное возразить этому кошмарному, полному мистического бреда событию. Словно жестокий майский хамсин испепеляющим дыханием, бурей прошелся по моему оголенному сознанию, спалив дотла весь остаток памяти. Как будто ничего не было, даже этого судебного процесса, и сами судьбы в фееричных одеяниях были не от мира сего. Вокруг было все настолько фантастично и до конца непонятно, будто и меня реально не существовало в этом зале суда. Да и сам суд казался мне сплошной бутафорией.

«Стоит только выйти за пределы этого душного небольшого зала, – думал я, – и все возвратится на круги своя, все будет, как прежде, без постоянных скандалов и ссор, сцен ревности и выяснения отношений».

Сорок лет семейной жизни с невероятной скоростью всего за пару часов пронеслись мимо нашей заветной мечты построить крепкую, счастливую семью. Мы с Сусанной разошлись по правильным причинам – просто у нас ничего не вышло. Мне предстояла еще встреча с детьми, надо было сказать им правду: мол, простите меня великодушно, мои дорогие, похоже, после долгой совместной жизни мы поняли, что наш брак был поспешным. Но тут я банально струсил, мне было невыносимо стыдно говорить с детьми об этом. Еще долгое время они даже не подозревали, что их родители уже давно в разводе. Знаю многих людей, которые в своей жизни по много раз женились и разводились, снова женились и вновь разводились. Как, черт возьми, им это удается?

Глава 2

Развод, одна из самых мучительных и унижительных семейных драм, сопровождается множеством страданий, нервных стрессов и депрессией, наступающих в силу утраты веры в себя и полного отрицания будущего. Всевышний

неизменно утешает нас своим присутствием в наших сердцах и умах. В трудные времена жизни он бережно защищает нас, раз за разом предоставляя возможность изменить свою судьбу. Нам же кажется, что это элементарная удача или невероятно счастливый случай, возможно даже редкостное везение, надо только использовать стопроцентный шанс и долгожданные возможности. В Книге пророка Малахии, входящей в состав еврейской библии (Танах) и Ветхого Завета, записано: «Ибо ненавижу развод – говорит Господь, Бог Израиля». Но тем не менее Бог допускал, что люди могут ошибаться в своем выборе и поэтому может произойти развод между ними, чтобы соблюсти права тех, кто разводится. Иудаизм стал первой религией в мире, еще в древние времена признавшей право супругов на развод, хотя по Галахе (своду иудейских законов) брак может быть расторгнут, только если на развод согласен муж. Если же муж заявляет, что хочет сохранить семью, то женщина развод никогда не получит.

С момента нашего развода прошло уже десять лет, а я помню, как сейчас, до мельчайших подробностей наш последний совместный ужин с Сусанной.

Она, убирая посуду со стола, как бы невзначай приглушенным от волнения голосом произнесла:

– У нас на завтра назначена встреча с адвокатом... – Явно было видно, что эти несколько слов дались ей с большим трудом. Сусанна всеми возможными способами стремилась сохранить наш брак, – вернее сказать, то, что от него еще осталось. А ведь когда-то мы страстно любили друг друга, что даже пошли наперекор пожеланиям своих родителей.

Сделав вид, что я внимательно ее слушаю, хотя в последнее время мне было глубоко безразлично все, чем она занималась, я спокойно спросил, глядя прямо в ее растерянные глаза:

– А зачем нам нужен адвокат? Пока на наследство никто из наших детей не претендует.

Конечно, я знал, какова была главная цель нашего похода к адвокату. Наш брак трещал по швам, не было ни одной формальной связи, которая могла бы хоть на время сблизить нас. Интимных отношений, наполненных энергией любви, глубокими, нежными чувствами, пылкой страстью и темпераментом, за которые можно было уцепиться и шаг за шагом спасти нашу семейную жизнь, уже давно не было.

Израиль – маленькая страна, но безусловный лидер в мире по числу адвокатов на душу населения, и если адвокат зацепил клиента, то это намертво: он ляжет костями, но доведет дело до суда, чтобы получить свой гонорар. Раскладывая на столе множество документов по известному только ему одному порядку, адвокат все время приговаривал: «Не беспокойтесь, друзья, на суде все будет окей, я кого надо уже подогрел». Я не волновался, но был крайне удивлен тем количеством документов, которые моя супруга своевременно предоставила адвокату.

«Видимо, серьезно, а самое главное – втихую готовилась моя супруга к нашему бракоразводному процессу», – подумал я, но почему-то был совершенно спокоен и безразличен ко всему тому, что происходило со мной и вокруг стола.

Мне не удалось даже мельком взглянуть на содержимое документов, разложенных в ужасающем беспорядке на захламленном столе, но я молча, не задавая лишних вопросов, подписал их. Как американцы додумались, что рабочий стол, беспорядочно захламленный документами, может способствовать творческому мышлению и поиску нестандартных решений сложных проблем, – ума не приложу.

«С чего я вдруг об этом вспомнил?» – подумал я, стараясь поскорее покинуть этот маленький убогий кабинет. На самом деле это все очень просто и абсолютно не зависит от нас: наш мозг всегда в действии, даже во сне он бесперебойно и продуктивно работает, но не любит случайностей и всегда находит связи там, где их нет.

Мне хотелось как можно скорее избавиться от этого судебного разбирательства, унижающего чувство моего собственного достоинства. Вопросительно взглянув на Сусанну, я безучастно спросил ее: «Ты хотела этого? Ты боялась, что я буду возражать? – И напоследок я все же сказал ей обидные, недостойные настоящего мужчины слова: – Я сожалею лишь об одном – что произошло это слишком поздно, когда сердце уже окаменело, душа очерствела, а губы разучились улыбаться». Зачем тогда я сказал ей эти нелцеприятные скверные слова, я не понимаю и не нахожу ни одного вразумительного ответа в свое оправдание до сих пор. Меня просто жаба душила, что именно она, моя супруга, стала инициатором нашего развода.

«Как это произошло? – стократно спрашивал я себя. – Неужели я упустил что-то очень важное, слепо доверившись своим противоречивым чувствам, ведь мы так нежно и страстно любили друг друга. С неописуемым наслаждением в каждый удобный момент целовались в губы, а какой трепетный восторг испытывал я, когда она раз за разом с замиранием сердца, прищулив глаза от яркого весеннего солнца, произносила: “Можешь повторить?” И что, Господи, на этом все? Можно прикрыть этот амбициозный и многообещающий проект? Ты, который 40 лет терпеливо охранял наш союз от моих безрассудных и необдуманных поступков, ходил по пятам, сопровождая по бесконечным просторам моей незавидной судьбы, решил, наконец, что врозь каждому из нас будет гораздо лучше жить? Или тот самый профессор, больше похожий на тибетского монаха, который еще в студенческие годы предрек мне полное одиночество, говорил со мной твоими устами? Как же, Господи, я тогда не догадался, что встреча с седобородым профессором была делом рук Твоих?»

Для меня его мрачное пророчество стало полной неожиданностью, но тогда я не придавал этому никакого значения, ведь я был молод и полон надежд на будущее. Я, как сейчас, помню его цепкий, изучающий взгляд. Он попере-

менно смотрел то мне прямо в глаза, то на кудрявые пряди моих черных волос, плотными волнами обрамляющие мою голову.

Протянув мне зачетную книжку, в которой красовалась отметка «отлично» со знаком плюс, он некоторое время молчал, но затем все-таки произнес:

– Молодой человек, вам нужно заняться настоящей физикой, а не прохлаждаться в строительном институте. – Дружелюбно пожелав мне всего хорошего, он неожиданно спросил меня: – Вам известно, что обозначает имя Ильясаф?

– Нет, – коротко ответил я.

«Лучше сгореть со стыда или провалиться сквозь землю, – подумал я, – чем признаться в том, что, дожив до студенческих лет, я так и не удосужился узнать значение своего имени. Хотя зачем мне это было нужно, ведь на слободке я отзывался на кличку Англичан, а в России меня звали просто – Илья.

– Не велика беда, сегодня многие молодые люди не придают этому значения, считая, что это не столь важно для их жизни, хотя в имени заложен глубокий смысл. Имя играет важную роль в судьбе каждого человека, – медленно, с расстановкой говорил профессор. Откинувшись на спинку кресла, словно это было его единственной опорой для того, чтобы собраться с мыслями, он таинственно произнес: – Ильясаф – древнееврейское имя и означает оно «посланник Бога на Земле», если коротко – «ангел». Карие же, с темно-коричневым оттенком глаза, такие, как у тебя, говорят о противоречивости характера человека. Они ранимые романтики, волевые и сильные духом люди.

Не успев что-либо возразить ему, я снова услышал спокойный и ровный голос профессора.

– Трудная и сложная ожидает тебя судьба, – еле слышно, пророчески предсказал профессор мое будущее, – но вы справитесь, а закончите, как все ангелы, в полном одиночестве.

Как он мог узнать об этом еще 40 лет назад? Мне кажется, он точно имел доступ к архивам Творца, где хранилась и моя Книга Жизни.

«Это все придумки старого профессора», – думал я и все свои мысли сконцентрировал на скорой встрече с Сусанной. Я был страстно влюблен в самую красивую девушку института, которая отвечала мне пылкой взаимностью. Мне казалось, что эта веселая, сказочно прекрасная планета создана только для меня, а весь этот огромный мир обязан открыть передо мной свои безграничные возможности. Надо еще чуть-чуть, всего немного усилий – и все мои мечты и даже невероятные фантазии обязательно сбудутся. Я буду парить высоко над землей, как в своих детских снах, которые приносили мне неопишное чувство восторга и вдохновения от ощущения свободного полета. Но в самые потаенные уголки моего сознания вкрадывалась, набирая свою разрушительную силу, небольшая, еле заметная мысль, которая медленно, но последовательно вселяла сумятицу и беспокойство, пока еще легкое сомнение в верности выбранной мною дороги жизни.

«Сейчас это совсем неважно, – полагал я, успокаивая самого себя, – просто издержки взросления». Я с самого раннего детства знал о всемогуществе Господа Бога, Царя Вселенной. Я помнил, как дедушка в своих молитвах к Всевышнему именно таким образом обращался к нему, подымая руки к небу: «О, Царь Вселенной!» Поэтому я верил и надеялся, что Всемогущий Царь, Творец Вселенной не оставит меня в одиночестве в этом огромном, меняющемся с космической скоростью мире. Я инстинктивно, как это делал мой дед, подняв руки к небу, обратился к Всевышнему: «Господи, убереги меня от необдуманных поступков! Я знаю, твои возможности безграничны, и это твоя привилегия, но я обещаю, как твой посланник на земле, быть добрым, правдивым и честным человеком, я никогда тебя не подведу. Пусть даже я не стану удачливым бизнесменом, знаменитым спортсменом, писателем, певцом, артистом, – продолжал я мысленно общаться с Богом, – но при деньгах я буду всегда. Никто и никогда не увидит меня с протянутой рукой».

Открыто улыбаясь, широко и уверенно шагая навстречу своей судьбе, мне было приятно осознавать, что я счастлив, полон сил и энергии, у меня есть все, а самое главное – красивая, восхитительная, нежная, ласковая и очень умная девушка, и принадлежит она мне одному. Я трепетал от одной только мысли, что наступит время, и эта прекрасная брюнетка с темными, красиво вьющимися волосами, с бровями, словно вытянутая стрела на открытом и доверчивом лице, с алыми и сочными губами будет в одной постели со мной.

«Неважно, – думал я, – что она не еврейка, ведь и мой отец когда-то женился по любви». Счастливо улыбаясь прохожим, я ускорил свой шаг, чтобы творить свое будущее.

Все когда-то заканчивается, и тот волшебный, завораживающий день подходил к своему логическому завершению, но чувство волшебства субботнего дня не покидало меня. Мое сознание и мысли стремительно понесли меня во Вселенную, навстречу своему будущему. Моя жизнь, как фантастический фильм, мелькала передо мной чередой то ярких цветных фотографий, то тусклых, черно-белых, с едва заметными силуэтами знакомых и незнакомых мне людей. Все это произойдет уже завтра, через год, через десять, двадцать, а то и сорок лет, а я носитель такого значимого имени Ильясф не смогу изменить, хотя бы исправить, внести пусть даже еле заметные коррективы в тот самый непрерывный процесс, который у людей называется жизнью.

– Ничего в реальной жизни не дается легко, – услышал я вновь знакомый мне голос. – Задавай вопросы, я обстоятельно и правдиво на них отвечу. Не обвиняй себя в плохих результатах, это может стать причиной нервного срыва, но знай – я всегда и везде рядом с тобой. Научись остроумно и метко шутить, искренне смейся и веселись, не вноси хаос в свою жизнь – она не закончилась. Но помни: ты должен работать каждый божий день не покладая рук – это единственный, известный с давних времен способ достигнуть успеха. Знай,

жизнь – это не бег на короткие дистанции, нет нужды торопиться занять первое место. Чем терпеливее, осмысленнее и настойчивее будешь идти к намеченной цели, тем значительней станет ожидаемая награда. Вооружившись терпением, ты можешь добиться в жизни всего, чего только пожелаешь. Смело и решительно ввязывайся в дело, которое ты будешь считать достойным. Жизнь – это не игра с дюжиной игроков и множеством зрителей. Определись, кто ты в этой жизни: зритель или игрок? Если игрок, то знай – игрок не может не выиграть. Но учти, что жизнь сложна. Далеко не все из тех, кто целенаправленно, упорно и терпеливо трудился, достигли успеха. Однако без этих трех составляющих успех невозможен. Нет необходимости строить долгосрочные планы – они бессмысленны, потому что в современном мире все быстро и неожиданно меняется. Живи сегодняшним днем, не оборачиваясь назад, в прошлое: того, что произошло, уже не изменить. И последнее: будь тем, кто ты есть, и стань тем, кем ты способен стать, действуй смело и решительно и никогда не сдавайся – в этом весь секрет счастливой жизни.

– И что же ты прикажешь мне делать с твоими нравоучениями? – спокойно и вежливо обратился я вслух к своему внутреннему голосу, чтобы не дай бог случайно не обидеть своего наставника. – Черный верблюд смерти уже пристроился ко мне, он медленно, но верно идет рядом, ожидая, что совсем скоро мне придется взобраться ему на горб и следовать с ним одной дорогой? На душе и так паскудно, еще ты со своими всевозможными мудрыми советами делаешь мне мозги. Я с тобой веду серьезный диалог, а ты мне ласковым голосом колыбельную песенку поешь.

– Во-первых, мне кажется, что ты недостаточно внимательно усвоил то, что я только что тебе сказал, – лаконично, не обращая внимания на мое ехидное замечание, ответил голос. – Во-вторых, эти нравоучения, как ты только что пренебрежительно высказался, – плод тысячелетних раздумий великих мудрецов. И если они тебе кажутся недостаточно убедительными и ты не намерен придерживаться их, то извини, я здесь уже ничем тебе не смогу помочь. Остается лишь одно – ждать, когда твоя дорога жизни реально пересечется с дорогой этого самого черного верблюда. Все в твоих руках, но я уверен, что в твоей будущей жизни все будет хорошо и ты спустя десять лет с некой сентиментальностью будешь вспоминать это прискорбное событие твоей жизни.

– Ого! Ты предрекаешь мне еще десять лет жизни? Это очень великодушно с твоей стороны. А что сейчас? Что ты прикажешь мне делать сегодня, завтра, послезавтра? Я только что развелся с женщиной, которая верой и правдой все эти сорок лет пыталась сделать меня счастливым человеком!

– Молись, – услышал я однозначный ответ, – ничто не дается без молитвы. Господь обязательно укажет тебе верную дорогу в твоей будущей жизни. Ты что, не веришь в Бога?

Риторический вопрос повис в воздухе.

– Какой нормальный человек не верит в Бога? – уклончиво ответил я, ожидая новые вопросы, но их не последовало.

Единственное, что мой внутренний голос сказал напоследок, прозвучало очень странно:

– Ты знаешь, что тебе нужно делать. Разберись в себе, действуй и считывай только на свой разум, но учти – твое время на исходе. Зло случается с нами постоянно, каждый день, каждый час, каждую минуту. Но большинство людей замечает зло лишь тогда, когда это происходит с ними самими.

– Какого черта я вообще переехал в Израиль? – Раздражение, гнев, ярость завладели моим сознанием. – Ведь хорошо же я жил в России, даже, можно сказать, на широкую ногу, был известным человеком, а сейчас, выйдя на улицу одного из лучших городов Израиля, где полным-полно русскоговорящих людей, я чувствую себя изгоем: со мной никто не здоровается, меня здесь никто не знает.

Мой внутренний голос не реагировал.

«Ну вот, обиделся, наверно, не нашел вразумительного ответа», – подумал я, как вдруг властный, командирский голос снова объявился.

– Конечно, нет, я не обижаюсь, только умалишенный сердится на самого себя. Я просто хочу напомнить тебе событие, которое вынудило тебя к переезду в Израиль. Давай, пошевели мозгами, ведь это произошло совсем недавно, ты должен хорошо помнить об этом.

Да, конечно, я хорошо помню тот злополучный предновогодний день, когда моего двоюродного брата Вячеслава похитили чеченские бандиты. Когда он не появился на праздничный новогодний ужин, я подумал, что Слава загулял, но когда он не объявился и на следующее утро, всех нас, родных и близких, охватила тревога и страх. Только через несколько месяцев мы получили первую весточку от него. Слава находился в Чечне, в Урус-Мартане, в яме размером 5 на 5 метров, глубиной до 7 метров. Впоследствии он рассказывал, что был очень удивлен, как его похитителям удалось незаметно провезти его через огромное количество милицейских постов из Волгограда до Чечни на его же джипе. «Но когда мне в яму бросили парня из Москвы, – вспоминал он, – я больше ничему не удивлялся».

Слава оказался сильным, волевым и жизнестойким человеком с развитой эмпатией, именно поэтому его выбрали в качестве своей легкой жертвы бандиты. Но он выстоял, он смог в суровых, нечеловеческих условиях сохранить мужское достоинство. Ему рубили пальцы, и это жестокое видео отсылали семье, бандиты выдвигали абсолютно запредельные условия его освобождения.

«Все ничего, – с юмором описывал Слава условия своего содержания в плену, – но как я смог выжить, питаюсь целый год одной вермишелью, для меня до сих пор остается загадкой». Но главной загадкой всей этой жуткой истории все-таки было то, что и до своего похищения, и после освобождения самыми близкими друзьями Славы были чеченцы. Вскоре после его освобождения скончался Израэль, мы его ласково называли Изя, у него не выдержало

сердце. Это он в одиночку неоднократно ездил в Урус-Мартан на переговоры с бандитами. Чуть погодя скончался и Слава: год в яме глубиной семь метров трагически завершил его жизнь. Вот это гнусное преступление против нашей семьи потрясло нас, и мы были вынуждены покинуть Россию, спасаясь от жуткого беспредела того времени.

«Что я сделал не так, Господи? Неужели у тебя не нашлось для меня другого решения, чем этот постыдный, позорный фарс с бракоразводным процессом? Я дважды тонул и каждый раз благополучно выплывал. Многократно попадал в серьезные транспортные аварии и катастрофы, но каждый раз без серьезных последствий. Каких только проходимцев и злодеев, вымогателей и бандитов не встречал я на своем жизненном пути, но все по большому счету обрзовывалось лучшим образом. Да Ты просто вспомни, сколько раз по жизни Твои ангелы были рядом со мной в трудные времена моей жизни. Сколько раз я, обращая свой взор на небеса, благодарил Тебя. Господи, если я хоть в чем-то виноват перед тобой, прости меня, но только не оставляй меня одного в этом безумном мире, дай мне хотя бы еще одну возможность, еще один шанс начать все сначала. Мне мечтается, что наступит время, я обязательно стану в ряд Твоих любимчиков на земле и непременно займу видное место в окружении Твоих земных ангелов».

Глава 3

Майский хамсин разгулялся не на шутку, он нашел удобное пристанище в моем ослабленном организме, что было вызвано последствиями чрезмерного эмоционального и нервного напряжения. Развестись с женой, с которой прожил 40 лет жизни, это вам не поле перейти. Этот раскаленный пустынный ветер вперемежку с песком и удушливой пылью, видимо, решил с комфортом обосноваться и во мне. Вначале сжег дотла мой рассудок, а теперь методично накрывает толстым слоем грязной пыли мою опустошенную, сломленную и вконец измученную душу. Еще немного постыдного малодушия и абсолютного бездействия – и ни одна, даже самая яркая, идея не сможет пробиться сквозь горечь поражений, нешуточных и злободневных проблем к моему воспаленному разуму. Мое сознание, и это вполне реально, может надолго войти в ледниковый период. Даже мое горячее сердце не выдержит – окаменеет, перестанет чувствовать боль и страдания и не сможет противостоять наступающим холодам; рано или поздно замерзнет, а может, и заледенеет навсегда.

«Не парься, – советовали друзья, – всего сто граммов нашей русской водочки с утра – и ты свободен от дурных мыслей на весь день». Заметив мое пристрастие, моя бывшая супруга сказала как-то вскользь: «Для тебя сто граммов мало, а больше тебе нельзя. На тебя смотрят дети, займись делом, это у тебя лучше получается». Легко сказать «займись делом», это каким таким делом я сейчас должен заняться, если в течение последних месяцев меня занимали семейные сплетни, дразги и разборки, а деловые навыки – они просто испарились, исчезли, как хамсин под натиском восточного ветра Средиземноморья.

Прошла неделя после развода и моего вынужденного томительного безделья. Я в ожидании вылета в Россию – а куда еще я мог рвануть без языка и денег? Никуда, одна дорога – позорно возвращаться в Волгоград. Слава богу, хоть есть где жить, хватило ума не продать остатки былой роскоши. А что делать и как зарабатывать себе на хлеб? Придумаю, нужно только время и терпение, я самоуверенно успокаивал самого себя – жалкого, законченного неудачника, самого крутого лузера, который в глазах горских евреев может стать всеобщим посмешищем. А как назвать самовлюбленного эгоиста, который, имея уникальные возможности в бизнесе, когда-то очень состоятельный человек, умудрился в течение нескольких лет бездарно растерять свою былую мощь и жизненную энергию и в итоге оказаться на пороге полного одиночества, а там, глядишь, недалеко и до бродяжничества.

Если бы не море, то я давно бы сошел с ума. Море – мой верный, истинный друг, единственный, кто ни разу не предал и не изменил, который всегда принимал меня таким, каким я был на самом деле. Море неизменно молча выслушивало мои унылые причитания, забирая и поглощая в себя душевные боли и страдания, тоску и горечь, которыми я искренне и волнующе делился с ним во время своих длительных уединенных прогулок. Усталый и изможденный, но эмоционально удовлетворенный, я чувствовал себя легко и свободно. Я успокаивался и начинал размышлять на свежую голову, а глубоко в сознании начинал протестовать мой внутренний голос. «Эй, парень, – говорил он мне твердо и уверенно, – жизнь только начинается, не сдавайся, успех придет, он по дороге к тебе».

Какие удивительные, порой фантастические истории произошли со мной на море, рассказываю друзьям – не верят. «Ты, наверно, пересказываешь сценарии классических голливудских фильмов», – говорили они дружно, с явным недоверием взирая на меня, пытаюсь понять, не шучу ли я, или, может быть, я уже того, схожу с ума. Нет, конечно, я был в полном порядке. Пытаюсь заглянуть за горизонт удивительно красивого своим лазурным цветом Средиземного моря, я хотел оказаться на берегу синего Каспийского моря, иногда приобретающего красивый зеленовато-бирюзовый оттенок, родного и дорогого ко мне от самого моего рождения. Мама все наши болячки лечила на море. Вспоминая это, на ум приходят одни и те же мысли. Почему море, не важно где и какое оно, давало мне неисчерпаемую жизненную энергию, было благо-

желательно к моей судьбе? Почему море каждый раз давало мне шанс выжить, порой в немыслимых, безнадежных ситуациях. Не для того ведь, чтобы увидеть мой неслыханный сегодняшней позор. Я только сейчас начинаю понимать и осознавать, почему море, мой единственный, самый близкий и надежный друг, сохранило до сей поры мою жизнь. Море как составная часть моей природы желало того, чтобы спустя много лет я упомянул о нем, написал добрые и проникновенные слова благодарности в его адрес за то, что оно никогда и ни при каких обстоятельствах не оставляло меня в одиночестве.

Не хотелось идти домой: ничего хорошего меня там не ожидало. Единственное, что меня еще удерживало от того, чтобы не переселиться в гостиницу до моего отъезда из Израиля, был мой сын. Мне было мучительно стыдно перед ним: он как-то сказал своим друзьям, что хочет быть похожим на своего отца... Какой же пример я ему подаю и что он сейчас обо мне думает? Горько себе это представить...

«Поэтому, – думал я, – поброжу по морю, попою вдоволь, вспомню свои старые блатные песни, увлекательные истории из моей жизни, связанные с морем», – а их было много разных, порой не от мира сего, настолько они были невероятно фантастическими. Но некоторые из этих историй вписались в мою память настолько четко, что даже спустя много лет я помню их до мельчайшей подробности, от начала и до конца.

Начало марта, я в новом стильном приталенном пальто с отложным воротником собираюсь в школу.

– Девчонки из седьмого «Б» класса выстроятся в ряд, – язвительно пошутила моя младшая сестра, которая тоже собиралась в школу. – А как же, сегодня их посетит настоящий Англичанин.

– Ладно, – дерзко огрызнулся я, – только попробуй обратиться ко мне за помощью, сама будешь отбиваться от своих ухажеров, – и гордо рванул за ворота.

Как обычно, выходя из дома, оглядываюсь направо и не могу сдержать своего удивления – не вижу моря, и это впервые за все время моего знакомства с самим собой. Вместо темно-синей морской глади передо мною предстала сплошная белая мгла до самого горизонта. Чуть позже я обратил свое внимание на непонятное освещение неба: оно было ослепительно белым, как будто с земли тысячами прожекторов пытались его подсветить. Вместо школы я, весь из себя крутой, модный пацан, оказался на берегу моря, – а где я должен был быть, когда все пацаны со слободки уже тусовались на берегу? Многие из них, не скажу, конечно, что все, но отдельные смельчаки уже приспособили огромные льдины и, как на плотках, плавали у берега моря.

Зрелище было невообразимое. Это, конечно, не Миссисипи и даже не Волга, где можно было сотни километров плыть вниз по течению. О! Как я завидовал мальчишкам из моих любимых книг о великих путешествиях, которыми зачитывался до утра. И сейчас у меня была реальная возможность испытать

на себе весь тот кайф, который мои далекие в прошлом сверстники чувствовали, путешествуя на плотах. Разве я мог удержаться от такого соблазна – ощутить себя исследователем и мореплавателем среди громоздких плавучих льдин, которые, напирая друг на друга, создавали причудливые ледяные формы. И все это происходило не на Северном Ледовитом океане, а на самой южной оконечности Каспийского моря.

«Нам сюда еще парочку белых медведей, – шутили пацаны, – и тогда все было бы в полном ажуре».

Вот и я, укротив одну из льдин, мигрировал вдоль берега с нарастающей скоростью. В движении моя льдина скрежетала, кружилась и вскоре стала на ребро – и я, в новом пальто, оказался в холодном море.

«Мама меня убьет! – прежде всего подумал я, а когда под ногами не почувствовал дна, то в голове мелькнула уже совсем другая мысль: – Может, из-за пальто она меня не убьет, но если я сегодня вовремя не вернусь из школы на своих ногах, мне точно несдобровать, она мне этого точно уже не простит».

Все обошлось, я смог ухватиться за новую льдину и благополучно добрался до берега, где уже горели десятки костров, на которых такие, как я, горе-мореплаватели сушили свои одежды. Я пристроился к ним и целый день пытался привести в порядок свое модное пальто, но уже не в окружении красивых девочек из седьмого «Б» класса, а в кругу продрогших, замерших насквозь полуголых пацанов с махаллы.

Мать жестоко осерчала, все приговаривала: «Новое ведь пальто, и ни разу почти неодеванное, и вот пришлось выбросить коту под хвост». А то, что я живой и целехонький, сижу и пью рядом с ней чай с малиной и медом, она об этом почему-то не задумывалась. Отец, сколько я себя помню, никогда серьезно не ругал меня, даже ни разу не поднял голоса – мы ведь мужчины...

Страстная, всепоглощающая любовь обрушилась на мою юную голову. Произошло это совершенно случайно на берегу нашего моря. Девочка в желтом купальнике стремительно захватила мое сознание, встревожила мою чуткую и трепетную юношескую душу непонятными для двенадцатилетнего пацана чувствами, которые щемили мое неокрепшее сердце сладостной тоской. Ни подростком, ни в двадцать лет, ни в пятьдесят и даже до сих пор я не забываю ту девочку, нежно, с чувством глубокой благодарности вспоминаю юную шатенку с голубыми глазами. Я не сумел добиться ответного внимания Ирины, мы не смогли даже познакомиться, хотя пять лет до окончания школы жили на одной улице.

Мы по своему обычаю азартно и шумно играли в футбол на берегу моря, не обращая внимания на загорающих в лучах утреннего солнца женщину и девочку в желтом купальнике. Женщина читала книгу, а Ирина лежала на животе, подставив спину солнцу. Она украдкой посматривала на нас, возмущаясь нашему веселому балагану. Мы, слободские пацаны, были нахальны

и дерзки, да и берег моря, где мы всегда играли в футбол, считали своим и поэтому никак не реагировали на ее недовольные взгляды, продолжая громко и оживленно отмечать забитые голы. Ирина с укором взглянула на меня и тихо произнесла: «Мальчики, пожалуйста, отодвиньте ворота чуть подальше от нас, вы нам мешаете».

Я обомлел, впервые увидев у девчонки глаза цвета лазурного моря. Они были восхитительны и пленили меня навсегда. Я мечтал о дружбе с ней, мне снились удивительные цветные сны, в которых мы были друзьями, вместе ходили в кино, гуляли по берегу моря. Я негромко пел полюбившиеся ей песни, а она с молчаливой благодарностью слушала, снова и снова своими ласковыми словами, полными нежности и любви, уговаривала меня петь еще и еще. Мои друзья советовали мне: «Эй, парень, подойди же ты к ней и заговори хотя бы». Но я трусил, я боялся одного, что если я вдруг получу отказ, то никогда больше даже украдкой не смогу смотреть в ее сторону.

И вот однажды мне все-таки представился удобный случай. Это произошло через пять лет после нашей первой злополучной встречи на берегу моря. Школьный выпускной бал, я уже молодой человек, а Ирина Островская – красивая, элегантная девушка, за которой ухаживали многие парни. Ведущий объявил танец, в котором парни приглашают девушек. Ирина во главе большой группы таких же красивых юных созданий стояла совсем близко от нас, и я рискнул. Я подошел и пригласил ее на танец. Девушки смущенно, одобрительно махали ей головой. Ирина молча вышла из круга, и мы вместе пошли в центр зала, я был вне себя от радости, от нахлынувших чувств.

«Неужели, – думал я, – свершилось то, о чем я мечтал и чего желал все последние пять лет моей жизни?»

Мы несколько минут стояли друг против друга с опущенными головами и руками, так и не начав танцевать. Затем Ирина, подняв голову, пронзительно посмотрела в мои глаза и тихо прошептала: «Я не буду с тобой танцевать, ты слишком поздно решился на поступок». Повернувшись, она спешно удалилась от меня...

А это уже другая и, на мой взгляд, очень поучительная история.

– Папа, поедem на море к бабушке, – неожиданно с мягкой просьбой обратилась ко мне моя семилетняя дочь Жанна.

– Нет, Жаннуль, не поедem, у меня нет времени на поездки, – ответил я, оправдывая самого себя тем, что каждая моя поездка к матери длилась не менее недели, а впереди защита диссертации.

– Хорошо, папа, давай на спор, если я тебя сегодня обгоню на нашей беговой трассе в Кузьминки, – а это все двадцать километров, – мы поедem, если не смогу, то останемcя куковать в Москве.

– Хорошо, – согласился я, подумав о том, что это очень удачный повод приучить хрупкую девочку к бегу, тем более врачи неоднократно советовали ей заняться хоть каким-то спортом.

Какого же было мое удивление, когда я обнаружил, что Жанна каждый раз во время нашей пробежки опережала меня на трассе. Добегая первой до наших условных мест, она становилась в позу и с нескрываемым восторгом говорила мне: «Ну как, папа, поедем?» Я всегда проявлял отцовские слабости к ее просьбам и пожеланиям, по большому счету именно она стала инициатором переезда нашей семьи в Израиль.

И вот мы уже в Дербенте. Море сильно штормило, а я, взрослый человек, позволил семилетнему ребенку уломать меня попрыгать и поплавать на волнах. Кто вырос на море, знает, какое это огромное удовольствие. Крепко зажав маленькую кисть руки доченьки в свой кулак, я вместе с ней наслаждался плаванием на волнах. Не успели мы выскользнуть из воды, как очередная огромная волна со страшной силой накрыла нас, вырвав кисть Жанны из моего кулака. Я быстро поднялся на ноги, вокруг бурлящая морская пена и никого не видно вокруг. Ужас охватил меня, я орал во весь голос, обращаясь к Богу. Прошла минута, затем вторая – Жанны не было, а волны как назло только усиливались, белая пена от них накрывала все пространство. «Нет, только не это, мой друг! Лучше я, но только не Жанна», – пытался я уговорить бурлящее море, прося прощения за свою непростительную халатность. И в этот раз оно оказалось благосклонно ко мне.

Вдруг из пены далеко от меня показалась курчавая маленькая голова Жанны, она как ни в чем не бывало, во весь голос, восторженно кричала: «Папа, как здорово! А ты не хотел ехать на море».

Как-то Расула Гамзатова спросили: «Какой, на Ваш взгляд, самый красивый цвет на земле?» Он не задумываясь ответил: «Самый красивый цвет – это цвет моря, несмотря на то что оно всегда разного цвета». Разве можно устоять от пленительного лазурного цвета моря, светло-голубого на берегу, плавно переходящего в темно-синий на горизонте, серого, иногда почти черного во время шторма, завораживающего своей магической силой притяжения. И все это в сопровождении монотонного, чарующую душу ритма прибоя... словно под аккомпанемент, ты начинаешь петь во весь голос, как будто хочешь, чтобы тебя услышали и за горизонтом.

У нас была взаимная любовь с морем. Ему нравились наши азартные и счастливые голоса от забитого на его берегу гола. Море ценило наш неподдельный восторг от эмоционального взаимодействия с ним и благодарно успокаивалось. Глядя на наши мокрые от пота, молодые, мускулистые, загорелые тела, море ласково зазывало нас в свои теплые, нежные объятия. Уже возвращаясь домой, голодный и обессиленный, я всегда нежно и искренне разговаривал с ним. «Море, я твой безумный фанат, до завтра», – вглядываясь далеко-далеко в темно-синий горизонт, говорил я ему на прощанье.

А сейчас, прогуливаясь по берегу Средиземного моря, я раздумывал над тем, сколько же времени прошло с тех далеких пор моей беззаботной

юности и что изменилось в моей жизни. Вроде и цвет у морей одинаковый, и кажется, что они как две капли воды похожи, как брат и сестра, пусть даже и двоюродные, но одинаковые по своей сути, а разница все-таки есть, и она очень существенная. Я не играю здесь, на этом берегу, в футбол – не с кем. Да и чайки тут другие, их голоса и крики более пронзительные, чем у чаек на Каспии, которые ласкали слух нежными и протяжными звуками. Важно знать не кто ты есть и где ты есть, а каким ты будешь и где умрешь. Для меня море это – мое все, и на этот раз оно соглашается со всеми моими доводами, принимая все на веру, но я твердо обещал ему: моя жизнь закончится непременно на море.

«Классные пожелания! – стремился я завести живой диалог со своим внутренним голосом. – Приятно, просто здорово думать и мечтать об этом, да если бы эти мои мечты и фантазии еще и в уши Господа Бога, то им бы не было цены».

Глядя в бесконечные просторы синего моря, я кричал во весь голос, пытаюсь донести до Всевышнего свои мольбы. Море стерпит и это мое эмоциональное обращение, но почему я хочу достучаться до небес, до обители Всевышнего, обращаясь в бескрайние просторы моря, я не могу объяснить даже самому себе. Я родился и вырос на Каспийском море. Это значимая привычка, которая укоренилась в моем сознании еще с детства: так поступали мой дед и отец, – и все зависело от настроения моря и от его цвета на текущий момент. Едва пробудившись от первых лучей солнца, сначала робко, затем более настойчиво пробивающихся сквозь тонкие белые занавески на моем окне, я невольно вглядывался вдаль, пытаюсь определить, какого цвета оно сегодня с утра. Если море было голубым, значит оно стояло, если же море было серого цвета – штормило. Порой море было сплошь в белых кучерявых волнах, а горизонт – синим, это означало, что море с утра беспокойно, и мы, слободские пацаны, задумывались над тем, стоит ли идти нам на встречу с морем, будет ли оно благосклонно к нам и донесет ли оно наши просьбы и призывы до Всевышнего.

Глава 4

Весть о нашем разводе быстро разошлась по городу. Большинство моих друзей и родственников до последнего не могли поверить в эту потрясающую своей неожиданностью, невероятную в их понимании историю трогательной и романтической любви, завершенной так просто и буднично. О чем думал и пере-

живал мой сын, только что закончивший школу, который нуждался в нашей помощи и поддержке, ведь он готовился идти в армию, я не знал, не мог даже догадываться. Мы некоторое время жили вместе, но особняком, держались по-рознь друг от друга, больше молчали, стараясь не замечать неудобства от такой совместной жизни, словно это была коммунальная квартира с общим туалетом и кухней. Разве мог я представить себе, что в моей жизни наступит время и я буду играть главную роль в драматическом фильме с очень плохим концом.

Я не актер, а обычный человек, который играл самого себя в этом неправдоподобном триллере, созданном на основе подлинных событий. Сценаристом, продюсером и главным режиссером фильма была наша реальная жизнь, основанная на неразрешимых межнациональных противоречиях. Я – воспитанник махаллы с жестким ортодоксальным понятием чести и достоинства мужчины, она – светская армянка, красивая и открытая девушка, у которой среди друзей было огромное количество парней.

Я настолько впился в роль, что не мог скрывать своего раздражения. Злость, гнев и негодование охватили все мое естество от происходящего вокруг меня. Было чертовски стыдно, потому что каждый раз, сталкиваясь со своим сыном лицом к лицу, я боялся его умного вопросительного взгляда с немимым вопросом: «Почему?» Мой сын, моя гордость, моя надежда, мой жизненный стимул, одним своим существованием помогал мне преодолевать семейные проблемы. Но однажды и он не выдержал и все-таки высказал то, что накопилось у него на душе, по-юношески прямо и откровенно: «Как мне надоели ваши разборки, поскорее бы от всего этого безобразия уйти в армию, и лучше, если это будут боевые войска».

Надо было поскорее заканчивать это безобразие, это унижение и стыд, охватившие меня, отца, который так долго мечтал о сыне. И вот теперь я не мог смотреть ему в глаза. Когда в десять вечера зазвонил телефон и моя бывшая супруга, переодевшись, молча вышла на улицу, мой сын, вопросительно посмотрев на меня, приподнял плечи и удивленно развел руками, давая мне понять, что он сам ничего решительно не понимает, и, чтобы не видеть моего изумленного вида, снова уткнулся в экран компьютера. Я безучастно смотрел на безобидные интрижки моей бывшей супруги, понимая, что это – мучительный способ моей казни за разрыв наших отношений, и я уже никак не реагировал на ее вызывающее, безрассудное и легкомысленное поведение – я был абсолютно равнодушен к ней.

Я изменял своей жене направо и налево. Среди женщин, которые не прочь были переспать со мной, были и ее ближайшие подруги. Эти сучки, затем встречаясь с ней, вели себя, как будто ничего неприличного и недозволенного не случилось. Я изменял самой красивой, сексуальной женщине, когда-либо встретившейся на моем жизненном пути. В последние годы нашей совместной жизни мы все реже и реже занимались сексом, бывали случаи, когда я неуклюже

отклонял ее настойчивые просьбы, оправдывая свое нежелание усталостью и проблемами на работе. Вернувшись домой после очередной измены, я старался поскорее принять горячий душ, пытаюсь отмыться от грязи порочных связей, хотя понимал, что предательство и измена не на теле, а глубоко внутри, в душе и в сердце моем. Как был прав мой покойный отец, когда говорил матери: «Нечего ему делать в России, там девушки его испортят».

Наконец наступил и этот день. Сегодня ночным рейсом я снова, как прежде, улетаю, но на этот раз впервые у меня нет никаких конкретных целей и планов: куда, зачем и что делать потом. Куда – я знаю: в Россию, в Волгоград – больше некуда, там хоть есть жилье, в этом городе я начал полноценно работать и зарабатывать деньги. Их было много, поэтому транжирил налево и направо: транжирство – наша наследственная, не поддающаяся лечению вирусная болезнь. Я ходил по квартире, занимаясь черти чем, бросая в сумку все, что попадало под руки и что могло быть мне полезно в первое время моей одинокой жизни. Никто меня уже не спросит, куда, зачем и почему. Впервые, даже для самого себя, я не мог однозначно ответить на эти вопросы. Мой сын молча наблюдал за моими сумбурными действиями и, конечно, понимал, что я волнуюсь и переживаю за то, что вскоре придется расставаться и что он надолго, а может и навсегда, останется без отца. Ему придется лгать друзьям, отвечая на неудобные для него вопросы, кто твой отец и чем он занимается, а он, может быть, просто ответит: у меня нет отца, он недавно совершенно случайно умер, ну, например, разбился в автомобильной катастрофе.

Мне пора выходить: такси уже ждет. Я по привычке поднимаю голову и устремляю свой взгляд в окно нашей спальни на третьем этаже. И на этот раз моя супруга стоит у окна, провожает уже в последний раз, но не машет рукой с надеждой на скорую встречу. Этот прощальный ее силуэт в проеме окна в полумночной темноте долго еще сопровождал меня, напоминая о том, что впервые за сорок лет нашей совместной жизни все наши молчаливые междоусобные войны, доходящие порой до абсурда, исчезли навсегда и безвозвратно.

– Куда едем? – уточнил водитель такси.

– В аэропорт, – коротко ответил я и больше уже не мог что-либо говорить.

Очень хотелось спать, но я никак не мог уснуть, я вообще не спал в самолетах и всегда завидовал людям, которые безмятежно, свернувшись в калачик, не обращая внимания на запахи от позднего ужина, которые я весьма трудно переносил, спали аж до конца полета. И на этот раз у меня ничего не получалось, даже пара таблеток не произвели должного эффекта. Сумбурные, невеселые мысли, словно связанные неразрывной нитью, не давали расслабиться и успокоиться. Они хаотично кружились в свободном полете, словно только и ждали возможности вырваться из цепких объятий условностей, ханжества, лжи и предательства, чтобы наконец успокоиться и начать работать по-новому. Все то, что произошло со мной хорошего и плохого за всю мою

сознательную, суетливую жизнь, мелькало перед моими глазами, как картинки, которые мои мысли каким-то невероятным способом изымали из моего воспаленного сознания.

«Это был не я, и все то, что я вижу на этих картинках, происходило не со мной, – пытался отчитаться я, как будто держал ответ перед самим Богом. – Не мог я жить такой безрассудной и извращенной жизнью. Нет, конечно, это все я, – признавался я перед самим собой, мысленно положив руку на Священную Книгу Жизни, – и сейчас надо понять и вбить это в свои мозги, до каждой его нервной клетки, что времени нет, его осталось очень мало, для того чтобы изменить все свое существо и добиться того, о чем говорил я, когда держал своего новорожденного сына в своих дрожащих руках: “Ты будешь гордиться своим отцом, сынок!”»

Но эта неожиданная для меня домашняя заготовка жены, – она, оказывается, втайне от меня и детей давно готовила операцию под названием «развод», – проведенная экспромтом, не позволила мне сконцентрироваться на решении внезапно возникшей сложной житейской проблемы.

«Нет ни одной явной точки опоры, не за что ухватиться, черт возьми», – думал я растерянно, с горечью осознавая, что впервые за много лет я получил такую явную оплеуху от жены. Как быть и что делать – этот извечный вопрос человека встал ребром и передо мной, а я-то думал, что у меня нерешенных проблем не будет никогда. Но раз они, эти проблемы, уже встали, нужно хотя бы составить какой-либо внятный план, что делать завтра с утра и как вообще жить дальше.

Оглядываюсь по сторонам: слева и справа пассажиры непринужденно едят.

«Два часа ночи! Какого черта они это делают? – мысленно возмущался я. – Неужели непонятно этим людям, что поздний ужин приводит к резкому повышению давления? Но они за это заплатили и черта с два пропустят, как им кажется, халявный, но негодный ужин. Куда все они летят по ночам, что им всем не сидится дома?»

О, какой я был весь из себя крутой в первые месяцы нашего пребывания в Израиле! Я по привычке на все деловые встречи носил костюмы и непременно был при галстуке. Порой, возвращаясь домой с какой-либо встречи, я старался пройти через овощной рынок. Продавцы, увидев мужчину в костюме да еще и при галстуке, признавали во мне налогового инспектора или адвоката. Чуть позже они все-таки остановились на адвокате. Адвокат – вот такое новое прозвище я получил уже в Израиле.

Будучи советником губернатора Волгоградской области по внешнеэкономическим связям, я снова продвигал интересы российских компаний, но уже на своей исторической родине. На одной из встреч с руководством крупнейшей израильской компании, производящей концентрированные соки, я предложил им свою помощь в продвижении их концентратов на российский рынок.

Генеральный директор, посмотрев на меня с ухмылкой и некоторым раздражением, с непреклонностью, граничащей с презрением, сказал: «Вы, новые репатрианты из России, приезжая в Израиль, считаете себя очень крутыми людьми. Опуститесь на землю, вы в другой реальности, в которой невозможно добиться успехов прошлыми заслугами». Спустя несколько месяцев после нашей встречи этот же мужик искал встречу со мной по всему Израилю.

Прошло совсем немного времени по меркам иммигрантов, и мне все же удалось возглавить делегацию руководителей трех ведущих предприятий Израиля – производителей концентрированных соков, посетившую «Сады Придонья» – набирающего мощь гиганта агропромышленного комплекса России. Израильцы поразило все, они с удивлением и восторгом осматривали новейшие технологии, используемые в «Садах Придонья». «Такого оборудования нет даже у нас в Израиле», – говорили они меж собой.

Уже на обеде, устроенном Самохиным, президентом компании, в честь гостей из Израиля, тот самый руководитель, который в свое время даже не пожелал говорить со мной, взяв тост, сказал: «Я хочу поднять этот тост за Ильясафа! – Я был приятно удивлен, его почтительный взгляд, брошенный в мою сторону, смутил меня. – Я часто с глубоким сожалением вспоминаю мою первую встречу с Ильясафом, тогда я не захотел даже разговаривать с ним, – продолжал эмоционально вспоминать он, – но уже через год я искал с ним встречи. И вот сегодня мы здесь благодаря его упорным стараниям, настойчивости и терпению. Спасибо тебе, мой друг, и прости меня, старика. То, что мы увидели в компании “Сады Придонья”, нас, израильцев, выдавших виды людям, поразило до глубины души», – сказал он, уже обратившись к Самохину.

Ашкенази, европейские евреи, имеют более высокий интеллект, чем все другие родственные народы, сефарды, мизрахим, романиоты, поэтому часто преуспевают во многих областях знаний, деловой и творческой деятельности. Сегодня среди представителей горских евреев также немало людей, чьи имена широко известны во всем мире. Доктор исторических наук, профессор А.И. Мускалиев отмечал, что отдельные авторы, писавшие статьи в газетах «Кавказ», «Вестник Кавказа», «Каспий», «Терские ведомости», издававшихся почти сто лет тому назад, пытались представить горских евреев отсталыми, беспомощными и жалкими... Между тем именно их предприимчивость, торговля и ссуда под проценты были первыми вестниками перехода к новой рыночной системе экономических отношений на южной территории Российской империи. В среде горских евреев немало выдающихся профессионалов своего дела, они находчивые, жизнерадостные и целеустремленные люди, даже в эпоху развитого социализма, при тотальных запретах и ограничениях, они умудрялись находить возможности и средства эффективно работать, добиваясь успехов во всем и везде. Мой профессор говорил: «Если дать им свободу деятельности, как на западе, то они свернут горы». Это категорически не нравилось состоявшимся и

утвердившимися экономическим и политическим элитам в Израиле. Они видели в нас сильных, порой жестких и очень агрессивных конкурентов.

Запустил фильм, думал хоть как-нибудь уйти от мыслей, которые давили на мозг, возвращая меня снова и снова в мое светлое прошлое. «Это в основном удел неудачников...» – невольно вспомнились мне слова из недавно прочитанной какой-то заумной книги. Но туда, в прошлое, нет никаких дорог, и если они хоть как-нибудь и просматриваются, то они размыты, изрыты очень глубокой колеей, по которой невозможно будет добраться в нужное место и, что очень важно, в нужное время. А на моем экране идет фильм «Человек, который изменил все».

Здорово сказал герой фильма в завершении: «Я однажды в своей жизни принял важное решение, опираясь на деньги, – оказалось, что у этого решения нет позитивного конца, такой выбор ведет всегда в тупик». Ему, конечно, было легко рассуждать об этом, имея в кармане предложение на многие миллионы долларов. Но как быть мне? Как жить и что делать, чтобы не потеряться в этом огромном, постоянно меняющемся мире? Вопрос непростой, даже для меня, человека не бедного, профессионального управленца высокого уровня... С этими мыслями я все-таки заснул.

Глава 5

Проснулся уже в России. Мой американский брат считает, если обитаешь в России, то непременно надо жить в Москве, и больше нигде – ни в одном другом городе в стране пьяных медведей с балалайками.

Самолет из Москвы в Волгоград приземлился поздней ночью. Было ощущение, как будто мы совершили посадку в открытом поле, а не в аэропорту города с миллионным населением: вокруг была сплошная темень.

«Почему при одних и тех же людях, – размышлял я, – Израиль, где население на четверть состоит из российских евреев, ночью освещен настолько идеально, что кажется нереальным, завораживающим зрелищем? Какие метаморфозы происходят в сознании людей, оказавшихся в иной системе координат, где успех и благополучие являются наивысшей целью человека?»

Избак Куаньшевич, первый вице-аким Актюбинской области Казахстана и мой хороший друг, всю дорогу из аэропорта им. Бен-Гуриона в Нетанию был нем как рыба. Он не отрывал своего изучающего, любопытного взгляда от освещенных дорог, но на подъезде к гостинице все же сказал то, что у него

накопилось за два часа пути: «У вас в Израиле нет своего Чубайса, он быстро привел бы вас в чувство и не допустил бы такого расточительства. Это просто безумие – так бездарно тратить энергию на освещение дорог». Избак Куаньшевич после десятидневного пребывания в Израиле еще раз остроумно высказался об избранном народе: «Вы, евреи, снова успешно дурите мировое сообщество: в Израиле не 8, а все 80 миллионов населения».

«Какого черта я, горский еврей, гражданин Израиля, делаю в этом забытом Богом месте, – шальная, запоздалая мысль крутилась в моей голове, не давая покоя мне на протяжении всего пути из аэропорта домой. – Надо было еще тогда, при сдаче документов в приемную комиссию строительного института, послушаться настоятельного совета председателя комиссии, который упорно отговаривал меня от моего неразумного, опрометчивого поступка».

«Молодой человек, – спокойно, почти по-отечески сказал он мне, разглядывая мой аттестат, – у вас в Махачкале много хороших вузов, с такими отличными результатами надо на своей родине поступать в институт». Я не знал, каковы были его истинные мотивы и чем он тогда руководствовался, отговаривая меня от сдачи документов в российский вуз, но мне казалось, что он мотивировал свое нежелание принять мои документы какими-то вопросами, связанными с моей национальной принадлежностью. Он преследовал меня по пятам, на всех моих экзаменах он оказывался рядом со мной, что ставило в тупик даже моих экзаменаторов.

«Черт бы тебя побрал, – нелестно вспоминал я своего благодетеля, – будь ты чуть-чуть порешительней по отношению ко мне – и вся моя жизнь пошла бы по совершенно другому руслу».

Вся дорога была сплошь покрыта глубокими ямами, выбоинами и скрытыми лужами, освещения, можно сказать, почти не было.

«Волгоград не меняется, – с грустью думал я, глядя на все это безобразие. Сказать по правде, я был в глубоком шоке. – Нет, меняется, но только в худшую сторону».

Водитель гнал машину за 140 километров в час, и это по такой не обустроенной дороге. Я был поражен, моя рука невольно, по инерции искала ремень безопасности.

Заметив мое беспокойство и стремление обезопасить себя, водитель раздраженно сказал:

– Друг, ты что, себя любишь, а я нет, что ли? – Чуть погодя он добавил: – У меня ремень заблокирован, так что не суетись.

– Куда ты гонишь, друг? Мы что, опаздываем? – с раздражением спросил я водителя.

Он невозмутимо, но уже дружелюбно ответил:

– Я должен успеть в аэропорт, чтобы забрать новых клиентов. Хочешь жить – умей вертеться, брат.

Вскоре машина как вкопанная остановилась у моего подъезда. Я едва успел выйти из такси, как машина почти из-под меня рванула в темноту.

«Нет, – сказал я самому себе, – пересплю, а утром рвану куда глаза глядят, на худой конец улечу обратно в Израиль». В голове вертелся только что услышанный мною от водителя такси афоризм: «Хочешь жить – умей вертеться». Да разве я был другим в его возрасте? Ведь сам часто говорил своим помощникам и компаньонам, что работа не враг, а друг, кто мало трудится, кто не настойчив и не последователен в реализации своих целей, тот никогда не добьется успеха.

Долго не мог найти спички, а они оказались, как обычно это бывает, перед глазами, – вот так и устроена вся наша жизнь: то, что мы упорно ищем, всегда находится рядом, прямо перед нашим носом. Хотелось горячего свежего чая, благо у нас в волгоградской квартире азербайджанский листовый чай можно было найти всегда. Поднес спичку к горелке, появился голубой огонь. Слава богу, работает.

«Какие простые вещи меня радуют», – думал я, тупо делая на автомате весь процесс приготовления чая. Поставил чайник на газовую плиту, жду, когда вода закипит. Ладно, с чаем как-нибудь справлюсь, а как быть с приготовлением пищи?

«Что за херня, о чем ты думаешь и страдаешь? Возможно, тебе и не придется этим заниматься, – старался успокоить я себя. – Хорошо, с завтраками, обедами и ужинами я справлюсь, а кто будет мыть посуду? – Обернувшись вокруг себя, я увидел повсюду следы толстого слоя пыли. – Кто будет заниматься уборкой, стиркой белья, глажкой?» Хотя можно и без глажки, израильтяне вообще ничего не гладят. Вопросы, вопросы, кругом и во всем одни вопросы, а ответы пока не просматривались ни в чем.

«Все, хватит причитать! Нет дороги назад, засучи рукава, сука, и давай действуй, посмотрим на что ты способен, этакий засранец. А чего ты ждал? дифирамбов в свой адрес? Хочешь хвалебных слов? Получай – ты самый крутой неудачник в своем окружении, это надо было умудриться так бездарно растерять все то, что приобрел в течение многих лет своей активной жизни. А дети? Они, не разобравшись в причинах нашего развода, решили, что ты, как самый последний трус, бросил их в чужой им стране, а сам возвратился за хорошей жизнью в Россию. Некуда деваться, сам выбрал себе такую судьбу, никто за ворот не тянул. Давай теперь посмотрим, на что ты способен, – зло, с особым пристрастием мысленно говорил я самому себе. – И что дальше? Это и есть мое светлое будущее, можно уже аплодировать?» – риторически спрашивал я самого себя, а перед глазами мелькали последние фразы и слова из письма отца, написанные мне 40 лет назад: «Я одного не хочу сынок – второго брака в твоей жизни». «Хорошо, папа, – мысленно говорил я отцу, заваривая чай, – я не женюсь». Да мне это совершенно не нужно, какая женщина позарится на меня, кому нужен беспомощный и безденежный мужик? Грустно, очень грустно было думать, что моя участь в настоящее время – пить чай в одиночестве, познавая самого себя, размышляя над тем, что это как раз та столбовая дорога, которая

прямиком заведет меня в сумасшедший дом или в лучшем случае в дом для престарелых.

«Хороша перспектива, ничего не скажешь», – думал я, наливая чай в хрустальный стаканчик Армуды.

Чай надо пить вдвоем, а лучше даже втроем, чтобы можно было познать вкус чая и своих собеседников. Великий азербайджанский поэт Сабир Рустамханлы, с которым я познакомился совершенно случайно в самолете министра иностранных дел Узбекистана, который из Ташкента держал курс в Самарканд, сказал как-то мне: «С восточными людьми, прежде чем сесть за чайный стол, нужно вначале решить все вопросы, которые ты хочешь обсудить с ними». Прежде я не мог себе представить одинокую жизнь мужчины. Говорят, что женщины легче адаптируются к одинокой жизни, мужчины же гораздо сложнее переносят одиночество, потому что многое в нашем существовании зависит от быта.

«Кто-то же должен хотя бы приготовить чай, обеды и ужины, ты ведь привык вкусно и сытно кушать. Без женщины никак не управиться», – думал я, и на этом грустном решении, что когда-либо мне все-таки придется завести себе новую женщину, упал на кровать. Постель, аккуратно заправленная, пахла сыростью и пылью.

«Неужели хамсин добрался и сюда», – подумал я, но уже не в силах рассуждать о чем-либо уснул замертво.

Проснулся, как обычно, в пять утра, распаковал чемоданы, в которых были сложены самые необходимые на первое время вещи. Аккуратно развесил свой любимый темно-синий костюм, рубашки, брюки и другие фирменные шмотки на вешалки и убрал их в шкаф. С удовлетворением отметил, что мои зимние пальто и теплые куртки хорошо сохранились. Затем начал обход квартиры, в которой было почти все для нормальной, полнокровной жизни. В просторном зале было светло и тихо. Но мне почему-то захотелось включить хрустальные люстры, – их было аж три в зале, но все были различных размеров. Вдруг три маленьких солнца осветили мою душу, и я уже в приподнятом настроении стал всматриваться в вещи, которые когда-то составляли быт моей благополучной семьи.

Вот фортепиано удобно устроилось в самом дальнем углу полупустого зала. Сусанна всех наших детей приучила к музыке. Жанна – та вообще выступала с сольными концертами на различных фортепианных конкурсах. Мы во время моей учебы в Москве купили ей старое, выдавшее виды пианино. Надо признаться, звучание у него было отменным. В Израиле перед Жанной встал серьезный вопрос, где учиться дальше, она даже обдумывала вариант учебы в музыкальной академии. «Ну хорошо, закончу я учебу, стану гастролирующим музыкантом, – совещалась она со мной, – и какой горский еврей стерпит такую жену?» И в конце концов решила заняться экономикой.

Жанна, очень нежная, хрупкая натура, несмотря на ранний возраст была терпеливой и мудрой девочкой. Это она в семь лет, ради того чтобы быть рядом с нами, сказала мне афоризм, который обескуражил меня, и я был вынужден

забрать ребенка в Москву. «Папа, когда семья вместе и душа на месте» – ну как после этих слов семилетнего ребенка я мог лишиться ее родительской опеки.

Инна, моя старшая дочь, музыкальную школу по классу фортепиано, по-моему, закончила в Москве, точно не помню, но то, что она именно в столице научилась самостоятельно играть на гитаре, – помню однозначно. Ее романсы под гитару с восхищением слушали мои московские друзья, которые прочили ей блестящее будущее на сцене.

Гидон, мой сын, музыкальную академию по классу фортепиано закончил уже в Израиле. «Ты насильно заставлял меня учиться музыке, и поэтому я ее ненавижу», – возмущался он после завершения учебы. Но я сумел убедить его в том, что для современного молодого человека это колоссально важно – уметь играть на фортепиано. «Представь себе, – говорил я ему, – ты уже состоявшийся деловой человек, у вас какая-то корпоративная вечеринка – и ты в самом разгаре тусовки заиграешь на самом значимом инструменте классического образования – фортепиано. Ты даже не представляешь себе, какой это произведет фурор на твоих друзей и коллег, ты будешь выглядеть на все сто привлекательным и преуспевающим мужчиной». Он, успокоившись, в конце все же согласился с моими убедительными доводами.

Даже я, слободской пацан, выросший на улице, не имеющий никакого понятия о музыкальном образовании, пытался уже в зрелом возрасте научиться игре на фортепиано, но из этой затеи ровным счетом ничего путного не вышло. Никто в детстве не взял меня за руку и не отвел в музыкальную школу. Моим родителям было невдомек, что детей с самого юного возраста надо обучать музыке и иностранному языку. Денег было предостаточно, но вот заняться музыкальным образованием детей – на это им не хватало времени или простого понимания того, что это крайне важно для подрастающего поколения.

Справа от фортепиано стоял мой письменный стол. Им в свое время владел генеральный директор деревообрабатывающего комбината. Мастера неплохо над ним потрудились, создав настоящий художественный шедевр. Сергей Борисович замечал, с какими горящими глазами я любовался этим настоящим произведением искусства. «Ладно, не облизывайся, – сказал он как-то мне, – когда уйду на пенсию, я подарю тебе этот стол». Он сдержал свое слово, и теперь этот стол занимает центральное место в интерьере большого зала моей квартиры, который я переоборудовал в удобный личный кабинет. Когда друзья бывали у меня в гостях, они искренне восхищались моим рабочим столом.

Я сел за стол, включил компьютер, – невероятное дело, он заработал.

«Ничего себе, – подумал я, – у меня даже есть инструмент для созидательной работы».

Перевел свой взгляд налево. На стене, на том же месте висел ковер с изображением выдающегося подвижника, лидера течения хасидизма Хабад

раввина Шнеерсона. Я приобрел этот ковер 30 лет назад на знаменитом ковровом рынке, который расположен вдоль северной крепостной стены Дербента. Это удивительная история, она заслуживает того, чтобы я рассказывал о ней подробно и без каких-либо преувеличений. С упоением вглядываясь в портрет старца, который пытливо глядел на меня своими ясными, мудрыми глазами, я, словно под гипнозом, до мельчайших деталей вспоминал событие далекой истории.

Как-то однажды, приехав в Дербент, чтобы навестить маму, – это были времена массового исхода горских евреев «за бугор», – я по привычке, которая со временем перешла в традицию, пошел на ковровый базар. Еще издалека я заметил большую толпу слободских пацанов. Подойдя поближе, я увидел, как наши парни с явным пренебрежением убеждали продавца, что портрет Шнеерсона на его ковре соткан с существенными изъянами, поэтому не имеет никакой коммерческой ценности. В связи с этим они призывали жителя горного поселения юга Дагестана сделать им значительную скидку. Но горец оказался не из робкого десятка и к тому же был прекрасно осведомлен о сложившейся социально-экономической ситуации будущих эмигрантов.

«Вы все пусть не сегодня, так завтра все равно уедете в свой Израиль, а рубли ведь с собой не заберете, – с ехидной ухмылкой говорил он нашим ошалевшим от неожиданной, но правдивой оценки реальной ситуации слободским парням. – Черт бы его побрал, ведь он был прав. – Так что молитесь Бога, – продолжал он безразлично свой монолог, потом в глазах его появился азартный блеск, – я вам предлагаю нормальную цену, так что не жадничайте, иначе потом пожалеете», – и он оказался прав.

«Жадность – это забвение собственного достоинства, – писал Дмитрий Сергеевич Лихачев, – это попытка поставить свои материальные интересы выше себя, это душевная кособокость, жуткая направленность ума, крайне его ограничивающая». Торговец битый час намертво стоял на своей цене. Пока все это продолжалось, я даже успел обойти базар, а воз, как говорят у русских, был и поныне там, покупатели и продавец так и не сумели договориться о цене: никто не хотел уступать друг другу. Слободские то отходили, то снова и снова ломали табасаранца, делая вид, что интерес к коврам у них явно упал. Парни со слободки тоже не лыком шиты, они, большие мастера в торговле, знали, как надо умело добивать цены, тем более у них был явный, беспроегранный аргумент. «Кому нужен твой ковер с портретом еврейского раввина в Дербенте? Так что придется тебе забрать свой ковер обратно домой, в Табасаран», – самодовольно ехидничали наши парни.

«Еще пару минут и парни из слободки точно добьют продавца», – думал я, и тут чрезмерно завышенная самооценка своих возможностей взяла верх над рациональным разумом. Мне не был интересен этот ковер, но надо же было показать своим соседям, что я крутой и добился значительных успехов в дале-

кой России. Стремительно подойдя к продавцу, я предложил ему цену, которую он просил, и ковер с портретом Шнеерсона оказался в моем доме.

На следующий день дядя Миша, отец моего друга и друг моего отца, отправил за мной гонца. Он, как всегда, восседал на своем «троне» за чашкой чая возле калитки своего дома. Предложив мне сесть, он тут же налил мне чая. Дядя Миша медленно, но уверенно заговорил со мной: «Сынок, зачем тебе этот ковер? Ты скоро уедешь в Россию, что ты с ним там будешь делать? – вопросительно взглянув на меня, он продолжил: – Отдай ковер парням, они предлагают за него двойную цену, а то могут дать и три цены». Я отказался.

Было время, когда я хотел подарить этот чудо-ковер центру движения Хабад в Нью-Йорке, но моя младшая дочь убедила меня не делать этого. «Папа, – проникновенно-прозорливо сказала мне тогда Жанна, – ребе Шнеерсон был одним из самых известных подвижников среди знаменитых еврейских мудрецов. Будет очень здорово, если такой уникальный и великий душой человек станет твоим наставником по жизни и талисманом нашего дома». Сегодня уже тридцать лет, как Шнеерсон, поселившись в моем доме, оберегает мою душу от греховных соблазнов жизни. Но от развала семьи он все же не смог меня уберечь...

Напротив ковра с изображением Шнеерсона, направо от моего стола, висит в рамке на стене черно-белое фото моих умерших родителей. Вешать ли на стены фотографии умерших родных – дело сугубо личное. Согласно устоявшемуся мнению, хранить на видном месте фотографии усопших нельзя. Все дело в том, что они могут отбирать положительную энергию человека. И уж тем более не стоит хранить такие фото рядом с изображениями живых людей. Почему? Чего мы опасаемся и чего избегаем? Писатель Николай Крышук считает, что дело вовсе не в фотографиях. Он приводит доводы разных источников и специалистов. Знахари отвечают однозначно: «Висящие на стенах фотографии мертвых будут высасывать вашу жизненную энергию». Поклонники фэншуй столь же непреклонны: «Мертвые образы направляют отрицательную энергию в ваш дом». Они рекомендуют держать фотографии в альбомах или в картонных коробках на антресолях. Более терпимо и объемно относятся к этой проблеме психологи. Они считают, вешать или не вешать фотографии – дело личного выбора. Дмитрий Сергеевич Лихачев однажды категорично высказался и на этот счет: «Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саду, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, значит, он не любит их». Я с ним полностью согласен, потому что, глядя на старые фото умерших родителей, я чувствую, что они и сегодня со мной рядом, хотя, будучи совсем зеленым пацаном, без разрешения родительской воли покинул отчий дом...

Сейчас мои молодые, красивые родители, приветливо улыбаясь краешками губ, смотрят на меня с черно-белого фото своими пытливыми, ободряющи-

ми взглядами, словно хотят сказать мне: «Все будет хорошо, сынок!» Я знаю и верю в то, что у меня все будет хорошо, другого варианта просто не приемлю.

«Помнишь, мама, как ты от души смеялась, рассказывая мне забавную историю из ваших с папой отношений? – глядя на общую фотографию отца и матери, я в мыслях обратился к ней. – Я с твоего разрешения перескажу ее своим читателям. “Когда твой папа в кругу своих слободских друзей появлялся на танц-площадке, – рассказывала ты, отводя стыдливо глаза в сторону, чтобы не дай бог я не увидел в них тоску по твоим молодым годам, – для меня на этом танцульки заканчивались, мне можно было ретироваться и уходить в общежитие, потому что с появлением твоего отца меня уже никто не смел приглашать на танец”».

Отец умер рано утром, ему не было и пятидесяти.

«Господи, как же так? – подумал я, переведя свой взгляд с фотографии родителей на ковер с изображением раввина Шнеерсона. – Я ведь только вчера был рядом с ним, он даже вручил мне свои наручные механические часы».

«Пусть пока они будут у тебя, сынок, – сказал он мне, надеясь на скорое возвращение к полноценной жизни. – Эти часы надо постоянно заводить, чтобы они работали долго и исправно. Это как живой человек – только упорная и настойчивая работа может позволить человеку добиться успехов», – сказал он мне свои последние напутственные слова. Отцовы часы со мной свыше 40 лет, я их надеваю только в особых случаях, и мне всегда в этот день фантастически везет.

Уже в полдень вся слободка была заполнена людьми, которые пришли проститься с моим отцом. И в этот же день в соответствии с еврейскими традициями он был похоронен. В первую ночь после похорон мне приснился сон. Отец несколько раз пытался подняться с колен, но у него это никак не получалось. Проснувшись, я рассказал матери о своем сне.

– Мама, ты помнишь об этом? – сказал я уже вслух, пытаясь поговорить с образом матери на фотографии.

Какие-то маги, гадалки, экстрасенсы считают, что запрещено говорить с ушедшими в иной мир людьми, поскольку этим можно привлечь мертвую энергетику. Чепуха и сплошная белиберда! Откуда они это взяли и кто их надоумил? Как будто они реально наблюдали за этим невидимым процессом. Евреи не верят в приметы и суеверия, они верят в то, что в этом мире нет ничего случайного.

– Помнишь, мама, ты еще постелила мне постель во дворе и посоветовала мне: «Если папа еще раз приснится тебе, ты скажи ему, что у нас все в порядке, пусть он не беспокоится и больше не тревожит тебя во сне».

Я уже стал засыпать, когда услышал стук в ворота. Было далеко за полночь. «Это, наверно, опять мне снится сон», – подумал я, но кто-то за воротами продолжал настойчиво стучать. Я привстал и направился к воротам. Открыв их, я никого не увидел – это снова сон? Но, обернувшись в сторону ворот, я увидел отца. Он стоял во весь рост и молчал. На лице виднелась еле заметная улыбка, а голова его была обрамлена сияющим венцом.

«Папа, ты что-то хочешь мне сказать?» – спросил я его. Он продолжал молчать и все это время смотрел в мою сторону.

– Мама, ты знаешь, я поступил именно таким образом, как тогда ты мне посоветовала. «Папа, если тебе нечего сказать мне, пожалуйста, не приходи ко мне больше в снах моих», – сказал я ему. В ту ночь он надолго исчез из моего сознания, и я очень сожалел об этом.

Господь Бог услышал мои молитвы, отец снова пришел ко мне во сне. Он выглядел молодым, ямочка на подбородке делала его лицо мужественным и привлекательным. Этот образ отца моего детства навечно в памяти моей. На нем была белоснежная рубашка, которая еще более подчеркивала благородство его лица. «Папа, смотри, как тебе подходит белая рубашка. Почему ты раньше не носил белых рубашек?» – спросил я отца, но, взглядевшись пристальнее, я заметил, как багрово-красная точка возле его сердца становилась пятном, медленно растая, расплзлась вниз по рубашке. Но в каком бы образе мой отец не приходил мне во сне, этот день становился для меня очень удачным и позитивным.

Много лет прошло с тех пор. У меня родился сын, назвали мы его в честь отца. Он уже окончил университет, завершил службу в армии. Замечательный молодой человек, гордость семьи! Но до сей поры не могу простить себе свое малодушие и трусость, что я когда-то, пусть даже во сне, позволил сказать своему отцу: «Не тревожь меня».

– Как с отцом, так и с тобой, моя дорогая мамочка, разговор мой остался незаконченным. Прости меня, ради бога, что не смог уберечь тебя. Прости меня за эгоизм, за невежество и ошибки. Прости меня за недостаток чуткости к тебе, за то, что я беспардонно и бесцеремонно вмешивался в твою личную жизнь, за то, что я оказался среди тех людей, которые всю твою жизнь грубо притесняли тебя, попирали права, определяли, как тебе следует правильно жить.

Чем дальше в прошлое уходил тот день, тем отчетливей становились мои воспоминания... Майские праздники, я на несколько дней прилетел в Дербент повидаться с матерью и посетить могилу отца. Мама попросила меня нигде не задерживаться и на обеде непременно быть дома, потому что должны прийти к нам гости. Она суетилась, готовила мои любимые блюда, было видно, что у нее приподнятое настроение. Я был этому очень рад. «Конечно, буду. Ты же знаешь, мама, как я люблю твои обеды», – ответил я ей, абсолютно не думая о гостях, которых она ждала. Вернувшись домой, я увидел красиво накрытый стол, за которым сидели трое взрослых мужчин, ни с одним из этих людей я не был знаком. Мама, нарядно одетая, сидела напротив них. Мужчины о чем-то тихо разговаривали между собой, но никто из них до обеда еще не дотронулся, ждали меня.

«Как будто сидят на сватовстве», – подумал я и присел рядом с матерью.

За столом все затихли, и эта тишина, как мне показалось, длилась очень долго. Прервал это неловкое молчание самый старший из гостей. Он отломил

кусочек хлеба, приложил его к губам, как когда-то это делал мой отец, затем сказал, обращаясь ко мне:

– Клянусь этим куском хлеба, сынок, мы пришли в твой дом с чистыми и хорошими намерениями, – взяв короткую паузу, он продолжил: – Твой отец был хорошим человеком, царство ему небесное и вечный покой душе его на небесах, – он говорил так, как будто очень хорошо знал моего отца, – но уже почти десять лет твоего отца нет среди нас, а твоя мать все это время живет в одиночестве. Она нам нравится, мы знаем ее как очень порядочного человека и хорошую женщину и хотим взять ее в наш дом. – Он повернулся рядом к сидящему с ним мужчине, положил руку на его плечо, затем сказал: – Мой брат давно тоже одинокий человек, твоя мать и мой брат хорошо знают друг друга, я думаю, если они объединятся и станут одной семьей, то станут счастливыми людьми.

– Вы что, пришли сватать мою маму? – с недоумением, явно показывая свое изумление и неприязнь к этому предложению, спросил я жестко человека намного старше меня. – Но моя мама самостоятельный человек и может принять решение, не спрашивая моего согласия.

Я поднялся из-за стола, не очень любезно попрощался с людьми и вышел прочь из дома. Моя мама надеялась на понимание и благоразумие сына. Она так и осталась вдовой...

Глава 6

Шаббат для иудеев – это не просто день недели и не просто выходной. В этот день нужно оставить обычные повседневные дела, любую работу, посвятив его Богу и общению с близкими. Мой старый добрый друг, казах, исповедующий ислам, после очередного визита в Израиль с неподдельным восхищением высказался о Шаббате. «Какие евреи молодцы! Придумали такой веселый, а самое главное, очень нужный для современного человека семейный праздник, когда ты просто обязан, самим Богом предписано, один день в неделю проводить среди близких и родных тебе людей», – искренне произнес он все то, что думал об одном из наиболее строгих религиозных заповедей иудаизма, полученных Моисеем от Бога на горе Синай. Вот что гласит эта заповедь в двадцатой главе библейской книги «Исход»: «Помни день субботный, чтобы освятить его; шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни вол твой, ни осел твой, ни

всякий скот твой, ни пришелец, который в жилищах твоих. Ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил. Посему благословил Господь день субботний и освятил его».

В Шаббат я обедал у сестры, где в последнее время проживала моя мама. Мы ели вкусные блюда кавказской кухни, характерные и для нас, горских евреев, выпивали красное вино израильских производителей. Сегодня в Израиле сотни винодельческих компаний, производящих отменные вина, которые пользуются заслуженным спросом во всем мире. Шаббат без вина – это все равно что брачная ночь без невесты. Мама вспоминала, как я пацаном давил тонны винограда, и наше домашнее вино из Дербентского винограда было ничуть не хуже израильских вин. К ноябрю в нашем подвале в десятках десятилитровых баллонов и кувшинах созревало молодое вино красного, белого и даже розового цвета. Я пью вино, сколько себя помню, с самого детства. Я даже еще в школу не ходил, но уже составлял компанию своему деду. Читая молитвы перед обедом и ужином, он выпивал бокал нашего домашнего вина, а учитывая, что я был всегда под рукой, он сажал меня напротив себя и, конечно, иногда наливал мне рюмочку. Никто не противился этой традиции.

Давно известно, что вино раскрепощает, сбрасывает застенчивость и развязывает языки. За бокалами вина и мы судачили, говорили обо всем и обо всех, вспоминали слободских соседей: кто, где и как устроился после эмиграции, кто кого сватает, кто уже скончался, не выдержав новых реалий жизни в Израиле. Время за столом с обильной едой и хорошим вином в окружении близких мне людей проходило очень оживленно и приятно, но шло уж очень и очень быстро, безжалостно пожирая часы. Мама с чувством и очень искренне интересовалась жизнью простых людей в России, я же всегда по мере своей информированности старался удовлетворить ее любопытство. Вот и сегодня, как обычно, я у сестры в гостях. Обед уже закончился, пора и честь знать, надо собираться к себе домой, где уже накрывают шаббатный ужин.

Должен признаться, в последние годы нашего проживания в России мы не всегда придерживались заповедей и еврейских традиций, причин для этого было достаточно. А в Израиле все резко изменилось – Шаббат стал для новых репатриантов не просто многовековой иудейской традицией, а важнейшей составной частью жизнедеятельности наших семей на новой родине. Помню, как однажды в Нью-Йорке мой друг Адам созвонился в преддверии Шаббата с сыновьями, которые достигли в Штатах значительных успехов, и пригласил их на Шаббат, подкрепив свою просьбу тем, что на ужине у них дома буду присутствовать и я, только что прилетевший из Израиля.

«О! Дорогой папочка, обязательно будем, – в один голос отвечали они, – и огромный привет дяде Илье, очень рады возможности снова встретиться с ним за одним столом». Но наступало долгожданное время Шаббата, а телефонные звонки приносили лишь одни искренние извинения из-за внезапно сложившейся

непредвиденной ситуации, не позволяющей им принять участие в совместном шаббатном ужине.

– Как однажды шутя сказал наш великий поэт Расул Гамзатов, лучшее место у гостя – это его спина. Наступило и мое время показать вам свою спину, – пошутил я, обращаясь к маме.

– Ты вечно торопишься, куда ты бежишь все время? Остался бы еще немножко, – говорила мама, вставая со стола.

– Мама, у меня завтра ночной самолет, – успокаивал я ее. – Вот прилечу через неделю, мы с тобой еще обязательно выпьем вина, – уже стоя в проеме двери, сказал я матери, бросив на нее прощальный взгляд.

Косынка, завязанная узлом на ее голове, запомнилась мне еще с детства. Вот такая осталась она в моей памяти навсегда...

Международная выставка новейших израильских агропромышленных технологий в России была в самом разгаре, когда раздался звонок моего мобильного телефона. Звонили из Израиля.

«Только вчера ночью вылетел из дома, наверно, что-то случилось серьезное», – подумал я и не ошибся.

«Умерла мама. Сегодня похороны. Ты можешь успеть только на семь дней», – сообщила сестра страшную для меня новость, и на этом разговор закончился.

Снова ночной самолет... Лечу уже домой, в Израиль, на похороны матери. Она умерла достойно. Утром после Шаббата искупалась, легла отдохнуть и ушла к отцу на небеса. Детдомовская с двух лет, она вышла замуж с одним полупустым чемоданом приданого. Бесхитростная, открытая и прямодушная женщина, великая транжира, она готова была на все ради того, чтобы братья и сестры отца и его многочисленные родственники признали ее своей. Но она так и не смогла перешагнуть порог детского дома и войти в свой собственный дом, о котором мечтала всю свою жизнь...

В самолете задние ряды сидений были пустые. Можно было прилечь, вытянув ноги. Я закрыл глаза, пытаясь хоть немного поспать, но каждый раз передо мной вставал образ матери. Как в документальном сериале, мелькали все значимые события из ее жизни, невольным свидетелем, а порой и активным участником которых я оказывался. Они запомнились мне и оставили в моей памяти глубокий и неизгладимый след.

Вот завершился очередной учебный год, я перешел в четвертый класс с отличными оценками. Бегу домой на одном дыхании, скорей к маме – рассказать ей о своих успехах. Но все, что я увидел дома, до сих пор осталось самым мерзким и гнусным событием моего детства: мою маму били. Брат отца орал на нее во весь голос, размахивая руками перед ее лицом, грубо толкал ее в плечи и грудь, обзывая грязными словами и каждый раз подчеркивая, что она детдомовская. Как будто она совершила позорный, недостойный поступок, сделала

что-то такое, из-за чего ей не было прощения. А мама всего лишь не успела вовремя подогреть обед моему дяде. Она умоляла подождать всего лишь пять минут, закрывая руками лицо от его кулаков. Только тогда, когда я стал между моей мамой и этим злодеем, его агрессивная спесь спала. Жгучая ненависть, впервые охватившая мое детское сознание к этому дьяволу в человеческом облики, не прошла до сей поры. Уже потом, много лет спустя, я узнал страшную новость: после очередных побоев моя мама потеряла мальчика на седьмом месяце беременности.

– Мама, почему ты так долго терпела все эти унижения, грубые выходки и оскорбления отцовских братьев и сестер? – спросил я ее однажды, много лет спустя.

– Я была готова уйти, но у меня были уже дети, я не могла позволить себе, чтобы ты и твои сестры по утрам просыпались в детском доме, чтобы вам был знаком этот ужасающий и незабываемый мною до сей поры запах столовой детского дома, – ответила она, как бы смущаясь и стесняясь своего детдомовского прошлого. Мама о своей жизни в детском доме больше никогда ничего не рассказывала...

Неприятный запах позднего ужина в ночном самолете вывел меня из детства в реальность сегодняшнего дня. Я залпом выпил бокал красного вина и попросил стюардессу налить мне еще, но позитива в мои мысли это все равно не привнесло. Все, что было связано с жизнью моей матери в отцовском доме, несло с собой только отрицательное восприятие моих воспоминаний. Я прикрыл глаза, стараясь успокоиться, но невеселые, навязчивые мысли вновь и вновь переносили меня в историю жизни моей матери.

В нашем большом доме появилась новая семья. Дядя Митя, средний брат отца, женился на красивой девушке, и им выделили одну из комнат. Не прошло и недели после свадьбы, как у молодоженов стали пропадать деньги и золотые изделия. Они молчали, но когда у них пропали обручальные кольца, дядя Митя рассказал об этом отцу, намекая, что только моя мама могла совершать эти гнусные кражи. Тейло, старшая сестра отца, уверенно заявляла, что это воровство – дело рук моей матери. Отец, раздраженный, не замечая даже моего присутствия, угрожал и требовал у матери признаний в воровстве. В доме воцарилась обстановка тревожного ожидания серьезного семейного конфликта. Моя бедная мама была вечно в слезах. Она всячески оправдывалась перед отцом, и однажды я услышал, как она, обратившись к нему, сказала: «Клянусь жизнью нашего единственного сына, ничего подобного я не совершала». Детдомовская, проклятьем заклеянная, моя мама так и не смогла вписаться в самобытную жизнь этой большой ортодоксальной семьи горских евреев, хотя сама она была дочерью известных в прошлом людей, которых убили в одну ночь во времена раскулачивания.

Все-таки Бог есть на свете, и правда восторжествовала. Как-то один из моих слободских друзей мимоходом признался мне, рассказав всю эту грязную

историю с исчезновением золотых украшений и денег у моего дяди: «Ты знаешь, на слободке ходят слухи, что твоя мама хотела убить себя. Дядя Боря вытащил ее прямо из-под колес проходящего поезда. Это Захар, сын твоей тети Тейло, крадет деньги и золото в вашем доме». Я обомлел и не поверил его словам. Захар был любимым и самым доверенным племянником моего отца. В этот же день об этом разговоре я рассказал отцу. На ворованные деньги и золотые изделия Захар покупал голубей, самых свободолюбивых птиц, которые невольно могли стать причиной и моего сиротства...

Капитан объявил, что наш самолет приступил к снижению, и попросил всех готовиться к посадке. Я прильнул лицом к иллюминатору, стараясь разглядеть прибрежные огни Тель-Авива, которые всегда извещали о скором завершении полета. Море слилось с черным небом. Мне казалось, что в этом огромном пространстве без горизонта нет никого, кроме меня и четкого черно-белого изображения лица моей матери по ту сторону иллюминатора, где обитают души ушедших в иной мир близких и родных нам людей. Я чисто из-за элементарного, неодолимого любопытства бросил взгляд в окно за моей спиной, где уже мерно жужжали и яростно ревели моторы автомобилей. Начинаясь новый рабочий день...

Впервые за последнее время я ободряюще улыбнулся, вспомнив публикацию, прочитанную мною недавно в популярном журнале, в которой научно обсуждался вопрос о значении нумерологии в выборе этажа, на котором человек предполагает жить, и о том, как номер этажа может отразиться на судьбе этого самого человека. Оказывается, в Китае номера 4 и 14 считаются несчастливymi, потому что слова «четыре» и «смерть» звучат похоже на этом языке. Из-за поверья во многих зданиях не нумеруют 4-й этаж – после 3-го сразу идет 5-й. И в Японии похожая история с 4-м этажом, но там добавляется еще и 9-й: слова «четыре» и «девять» на японском схожи со злополучными «смерть» и «боль», поэтому иногда эти этажи пропускают, нумеруя иначе. И не стоит забывать о числе 13. От жизни на этом этаже многие суеверные тоже предпочли бы отказаться во всех странах. Вот третий этаж, на котором находится моя квартира, это место, как считает автор статьи, для новаторства и творческого начала, счастливой семейной жизни и «крутости». Ведь тройка считается числом фортуны. Этот этаж идеально подходит для всех тех, кто безраздельно и безрассудно любит жизнь.

«Ну надо же, – пошевелив извилинами, невесело, с иронией рассуждал я, вспоминая эту любопытную журнальную статью. – В точности написано про меня, – размечтался я. – Оказывается, у меня еще есть реальный, стопроцентный шанс добиться успеха в этой жизни». Вняв благим пожеланиям незнакомому мне исследователя, я решил без раскачки взять быка за рога и сразу же начать активную и созидательную деятельность. В подавляющем большинстве неудачники, находясь в иллюзорном мире, подпитывают свое существование

сладоприятными мечтами, они жаждут блистательных и головокружительных успехов и, конечно, баснословно больших и, что немаловажно, быстрых денег. Бедолаги считают: все то, что произошло с ними, это чистая случайность и недоразумение, стоит им чуть-чуть подсутиться – и все возвратится на круги своя. «Не бойтесь услышать отказ, бойтесь и дальше жить в иллюзиях» – не помню, кто это сказал, но я всегда старался принимать решение с этой обоснованной и ценной рекомендацией.

Прогуливаясь по набережной, я обратил внимание на молодую семью, рядом с которой резвился семилетний мальчик. Он поскользнулся и неудачно упал, повредив ногу, но тут же поднялся, словно ничего ужасного не произошло, и уже смиреннее пошел рядом с родителями.

Любой взрослый израильтянин знает, что уверенный в себе человек, знающий чего хочет, становится автором своей жизни. Он отстаивает свою точку зрения, держит удар и не прогибается под внезапно возникшими проблемами. Такого человека сложно сбить с ног, он найдет решение в любой жизненной неурядице. Именно поэтому израильские родители с малых лет стараются воспитывать в ребенке внутренний стержень и прививать ему высокую самооценку. Поравнявшись с мальчиком, я, к немалому удивлению его родителей, сказал ему: «Неважно, что ты упал, важно, что ты поднялся, ты молодец!» И тут мальчик снова, с еще с большим озорством и рвением начал играть и прыгать вокруг отца и матери, которые с благодарностью взглянули на меня.

«Это вам спасибо, – подумал я, – что ваш малолетний мальчик, сам не ведая того, дал мне, взрослому человеку, наглядный и поучительный урок выживания».

Недолго думая, я начал свой поход к успеху со встречи с вновь назначенным губернатором Волгоградской области Сергеем Боженковым.

«А с кем я должен был встречаться, – высокомерно размышлял я, – ведь именно губернатор был единоличным хозяином региона. Надо дерзнуть со своим планом, – думал я, – или я в его обойме – и тогда все решится само собою, если же постигнет неудача, терять-то нечего, к стенке не поставят. В общем, пан или пропал». Я был настроен решительно и позитивно, ведь кто не рискует, тот не пьет шампанского.

Мою встречу с Боженковым своим звонком организовал Николай Максютя, бывший губернатор области, у которого в прошлом я был советником по внешнеэкономическим связям. Прокручивая в голове все возможные варианты разговора с губернатором, я понимал, что от этой встречи может зависеть многое, если не все мое дальнейшее будущее, и поэтому готовился к ней в высшей степени тщательно и основательно. Как всегда в таких случаях, я был при полном параде: темно-синий костюм итальянского покроя, голубая рубашка, модный галстук в тон рубашке, приобретенный мною в Лондоне, и, конечно, туфли – это моя слабость, я их купил в Милане и берег для особых случаев. Встреча прошла неожиданно хорошо, Боженков, который заменил Максютю на посту губернатора,

показался мне разумным и заинтересованным человеком. Как раз в это время работники администрации Волгоградской области готовили для торгового представительства США в России презентацию продукции предприятий области.

«Я со своим предложением могу быть в теме, – думал я, – только надо с первых же минут заинтриговать губернатора».

Он внимательно и заинтересованно выслушал мой короткий доклад, затем неожиданно пригласил к себе в кабинет премьер-министра регионального правительства Олега Кирсанова.

«Ого, наверно, я его зацепил и попал в самую точку своим крутым предложением», – думал я, стараясь не выдавать своего явного удовлетворения, а мысли и фантазии с головокружительной скоростью понесли меня к успеху.

Боженков был поверхностно знаком с моей идеей, которую я ему предложил на нашей встрече. Он был крайне удивлен моими познаниями в социально-экономических связях Астраханской области с приграничными регионами Казахстана и Туркмении. До переезда в Волгоград он много лет являлся мэром Астрахани и, конечно, был в теме деловых отношений с этими республиками. Пару лет назад я делал доклад для руководства областного парламента Астраханского региона, который возглавлял Клыкканов Александр Борисович. Мы с ним познакомились случайно, я и он были международными наблюдателями на выборах не то парламента, не то президента Казахстана и целых пять дней бок о бок провели в одной команде в Атырау. Мое предложение по Туркмении Клыкканова крайне заинтересовало. Он набрал телефон губернатора и тут же организовал нашу совместную встречу с ним.

Жилкин Александр Александрович внимательно слушал мою презентацию о потенциале Астраханской области в деле продвижения туркменских товаров на рынки Поволжья и Юга России. По сути, я делал предложение, которое в свое время исходило от руководства Туркменистана. Первый заместитель премьер-министра Туркмении на нашей очередной встрече с крайней заинтересованностью предложил мне продвигать продукцию их предприятий на российский рынок. После стремительного распада Союза Россия стала самым известным и понятным для туркменских производителей рынком сбыта их продукции. Астраханцы не справились: они не смогли тогда в полной мере оценить и достойно использовать свое уникальное расположение на постсоветском пространстве и стать логистическим хабом, где можно было бы обрабатывать огромные объемы различных грузов с последующей реализацией их на быстро развивающихся рынках огромной страны.

Большинство региональных руководителей того времени не были склонны к масштабному мышлению, многие «красные» директора предприятий и партийные лидеры, которые стали руководителями областей, были сильными личностями, способными добиваться успехов в узких рамках своей компетенции. Генерировать масштабные идеи, расставлять приоритеты и воплощать их

в жизнь – это было сложной задачей для новых хозяев страны, потому что во времена Госплана они не обладали стратегическим мышлением и видением перспектив. Их ставленники – дети, зятья, ближайшие родственники – были нацелены на сиюминутный результат, стратегические ориентиры их не интересовали, многим из них нужны были деньги, большие деньги и только сейчас, поэтому большинство из них занимались мелким и средним бизнесом, а там крутились совсем другие мысли.

В своем открытом письме в мае 2006 года я написал президенту независимого и нейтрального Туркменистана Сапармурату Ниязову:

«Многоуважаемый Господин Президент, Вы на заседании Кабинета министров Туркменистана 23 марта сего года отметили, что любой товар, даже самый качественный, нужно уметь продавать. “В современном мире – это целая наука, – говорили вы, – которую нужно как можно скорее постигать и брать на вооружение применительно к условиям Туркменистана”. Я внимательно слежу за всеми экономическими и социальными событиями, происходящими в Вашей стране. Открытие железной дороги Ашхабад – Каракумы – Дашогуз – это грандиозное событие, важность которого невозможно полностью оценить в настоящее время. Эта дорога – уникальный действующий памятник Вашей настойчивости и последовательности в деле дальнейшего экономического процветания Туркменистана. Транс-Каракумская магистраль даст мощный толчок к дальнейшему развитию основных отраслей народного хозяйства Туркменистана, в особенности аграрного и нефтегазового комплексов, что приведет к значительному увеличению производства различных видов продукции, в которых могут быть заинтересованы как внутренние потребители, так и за рубежами Вашей Республики.

Темпы экономического развития Туркменистана в последние годы настолько велики, что может возникнуть ситуация, когда из-за отсутствия возможности реализации всей производимой продукции предприятиям Туркменистана придется снижать объемы их производства. Но Вы также отметили, что недопустимо даже самое незначительное снижение заданных параметров, так как это может сказаться на темпах развития Туркменистана в целом. В этой связи именно дальнейшее развитие и совершенствование внешнеэкономической деятельности министерств и ведомств является ключевым вопросом дальнейшего сохранения высоких темпов развития экономики Туркменистана».

Своим письмом я дал понять, что хорошо знаком с реальной экономической ситуацией в Туркмении, поэтому сделал смелое предложение самому Ниязову. «Мы готовы, – писал я президенту страны, – оказать существенную помощь агропромышленному комплексу и текстильной промышленности Туркменистана в деле продвижения их продукции на быстроразвивающийся рынок РФ. Мы также готовы организовать информационные и маркетинговые центры для эффективного продвижения продукции туркменских предприятий в Израиле, США, Евросою-

зе и других международных товарных рынках на базе собственных печатных и электронных СМИ диаспоры горских евреев, ныне проживающих в этих странах и занимающих в них активные жизненные позиции. Господин Президент, для меня будет большой честью возможность личной встречи с Вами». Это был смелый поступок с моей стороны, и президент по достоинству оценил его.

Я, конечно, понимал, что моя встреча с Ниязовым навряд ли возможна. Но это письмо получило огромный резонанс в Туркменской прессе. Оно было напечатано на первой полосе самой популярной на то время русскоязычной газеты «Нейтральный Туркменистан». Одно короткое письмо, но какое – к вождю, лидеру, покровителю туркменского народа, оно сыграло колоссальную роль в расширении моих деловых связей на самом высоком уровне управления страной. Я получил официальное приглашение посетить открытие кардиологического центра в Ашхабаде, построенного германскими специалистами, а также принять участие в национальном празднике «День туркменской дыни», отмечаемом ежегодно во второе воскресенье августа. Из свыше 1 600 сортов дынь мирового бахчеводства 400 – созданы в Туркменистане. Об этом с нескрываемой гордостью сообщал «Туркменистан: Золотой век» в своем обзоре о туркменских дынях.

Первый раз я посетил Ашхабад сразу после развала Советского Союза. Тогда столица Туркмении больше походила на провинциальный город из российской глубинки, чем на главный город государства с колоссальными запасами газа и производством миллионов тонн высококачественного хлопка. Первые валютные контракты были заключены нами именно с нефтегазовыми компаниями Туркмении. Технологическое оборудование, производимое предприятиями Волгограда, было крайне востребовано тамошними газовиками и нефтяниками, и, что важно, они всегда рассчитывались исправно и вовремя, иногда, когда возникала острая необходимость, они производили даже предоплату. Первая валюта на моем банковском счету появилась именно от контрактов с туркменскими нефтегазовыми компаниями. Я был вхож в кабинеты руководителей ведущих министерств и крупнейших предприятий страны. И в это самое время израильская компания «Мерхав» была агентом правительства Туркмении по модернизации двух нефтеперерабатывающих комплексов.

Согласно специальному постановлению президента Ниязова, государственной торговой корпорации «Туркменнефтегаз» было разрешено заключить с израильской компанией «Мерхав МНФ Лтд.» ряд соглашений. В частности, израильская компания должна была подготовить документацию для проведения международного тендера и взять на себя выполнение функций представителя заказчика по модернизации и реконструкции Сейдинского нефтеперерабатывающего завода. На модернизацию этого действующего производства планировалась затратить более \$1 миллиарда. Кроме того, намечалось внедрение новой технологии переработки углеводородного сырья, что могло позволить довести мощность НПЗ с 2 миллионов тонн до 7–8 миллионов тонн нефтепродуктов в год, а также

производство полиэтилена. Заявки на участие в реконструкции предприятия были сделаны компаниями из Японии, Китая, России и Ирана. Туркменбаши доверял израильтянам, говорили, что его супруга, Муза Алексеевна Ниязова (Мельникова), была еврейкой по материнской линии. С Сапармуратом она познакомилась в Ленинграде, где училась в политехническом институте. Злые языки утверждали, что ближайшие помощники Ниязова тоже имели еврейские корни.

Внезапная шумная слава от близкой дружбы Ниязова с главой израильской компании «Мерхав» Иосифом Майманом осветила и мою еврейскую голову. Старинный друг и соратник Туркменбаши, Йосси Майман, и при новом туркменском режиме остался, что называется, на коне. Незаменимость и универсальность израильского бизнесмена, многие годы верой и правдой служившего Сапармурату Ниязову, были по достоинству оценены и президентом Гурбангулы Бердымухамедовым, который несколько раз встречался с посланцами Земли обетованной.

Как-то однажды первый вице-премьер Туркмении предложил нам взять в управление Ашхабадский хлопчатобумажный комбинат – старейшее промышленное предприятие столицы. Я обговорил это предложение с руководством компании «Итера» и даже сумел убедить их в целесообразности реализации этого проекта, но в последний момент нам поставили дополнительные условия, которые мы не смогли принять. Они хотели, чтобы в придачу мы взяли на себя производство хлопка-сырца на 5 000 гектаров земли с использованием израильской системы капельного орошения. Здесь нужны были реальные инвестиции, которые исчислялись многими миллионами долларов, но у нас на это предложение не было финансовых возможностей. Зато совершенно неожиданно для себя я получил приглашение посетить в Герцлии, – город в Израиле, известный как «богатая сестра Тель-Авива», – офис компании «Мерхав» для проработки вопросов по закупке нефтегазопромыслового оборудования с российских предприятий. Впоследствии особняк, в котором был расположен офис компании «Мерхав», не то приобрело, не то арендовало посольство Казахстана в Израиле, где я, уже будучи советником посла Казахстана в Израиле, Кайрата Абдрахманова, неоднократно бывал.

Сегодня Ашхабад – красивый и благоустроенный город, столица самой закрытой страны в Средней Азии, – наверно, и на всем постсоветском пространстве. Несмотря на то что туризм назван одним из приоритетных направлений развития Туркменистана и в него инвестируются гигантские средства, этот сектор в экономике настолько незначителен, что страна вообще не была включена в рейтинг стран мира по уровню конкуренции для путешествий и туризма Всемирного экономического форума. Популярный центр отдыха в Туркменистане – Национальная туристическая зона «Аваза», расположенная на восточном берегу Каспийского моря, в 12 км от города Туркменбаши и в 20 км от международного аэропорта Туркменбаши, так и не стала новым туристическим раем в мире. Оформление документов для посещения Туркмении – самый сложный процесс, в последний раз я просто не выдержал всех тех условностей, необходимых для получения заветной

визы, и решил раз и навсегда отказаться от этой идеи. Но в Ашхабаде до сих пор проживают мои близкие друзья, с которыми я выпил не один бочонок вина.

Но зато цена на бензин для граждан Туркмении до 2008 года составляла около \$0,02 за литр. С 2008 года владельцы автомобилей получали талоны на бесплатные 120 литров топлива в месяц, но в 2014 году бензин снова стал платным. По данным Global Petrol Prices, на 6 февраля 2017 года цена бензина в Туркмении составляла \$0,28 за литр (дешевле только в Саудовской Аравии). Я был поражен увиденным, когда за один доллар мой друг под завязку заправил свой джип. В 1993 году в Туркмении были введены коммунальные льготы: граждане страны начали бесплатно получать газ, электричество и воду. В соответствии с указом Ниязова льготы должны были действовать до 2030 года, однако Бердымухамедов ввел лимит на потребление газа – бесплатными остались 50 кубометров в месяц на одного человека. Сапармурат Ниязов в 2001 году ликвидировал Туркменский театр оперы и балета, государственную филармонию, национальный ансамбль народного танца, а также центр эстрады и циркового искусства. После прихода к власти Гурбангулы Бердымухамедов отменил запрет на оперу, балет и цирк. Вот такая страна Туркмения, которая до сих пор неизведанная, но желанная, вспоминается мне с душевной теплотой: люди в ней живут простые и бесхитростные, готовые ради друга в буквальном смысле на все.

В общем, 2000-е годы были золотым временем и в моей бизнес-карьере. У меня все легко и непринужденно получалось, тогда точно сам Господь Бог вел меня за руку от одного успеха к другому. Я был международным наблюдателем на выборах президента и парламента Казахстана. В качестве международного наблюдателя я также принимал участие и в выборах в парламент Узбекистана, – это было удивительное время в моей жизни. Меня в Ташкенте принимал нынешний президент Узбекистана. На реализованном мною агропромышленном проекте в Казахстане присутствовал Нурсултан Назарбаев. Да и деньги сыпались, как из рога изобилия. Разбогател, появились всякие излишества, вокруг крутились первоклассные женщины, лстивые мужчины, и все стремительно понеслось к сегодняшнему дню, в самую бездну моего падения...

– Господин Азарьев, бывший советник Николая Максюты. Вы знакомы? – обратился Боженков к Кирсанову, только что вошедшему в кабинет.

Тот отрицательно помахал головой.

– Хорошо, вы успеете познакомиться, надо будет организовать совещание для экономического блока администрации на предмет реализации очень интересных, на мой взгляд, предложений Азарьева, – продолжил Сергей Анатольевич, затем, немного поразмыслив, добавил: – Рациональное зерно в его экстравагантной идее есть, буду рад, если вы найдете реальную возможность хотя бы частично реализовать его наработки.

На следующий день в 10 часов утра в кабинете председателя правительства Волгоградской области я делал доклад. Просторный кабинет с боль-

шим столом для совещания, за которым уже сидели руководители управлений и ведущие специалисты администрации, настраивал на деловой, позитивный лад.

«Вот видишь, ведь можешь, если хочешь, – подсознательно убеждал я самого себя. – Давай вперед, никого и ничего не бойся!» – этот девиз из Талмуда был и остается моим главным жизненным принципом.

Кирсанов, представив меня, демонстративно поднялся из-за стола и встал за моей спиной возле окна. Он был невысокого роста, но очень амбициозен: стать, пусть даже случайно, председателем правительства региона – это было большим достижением. Я его не знал.

«Ну и черт с тобой, – подумал я, не обратив внимания на его откровенное игнорирование моего присутствия в кабинете. – Ты все равно ничего не решаешь, – продолжал я спокойно размышлять над реально сложившейся ситуацией. – А ты думал, Илюха, что тебя здесь будут встречать с распростертыми руками? Ты здесь чужой и все твои идеи и предложения им по херу». Одно воодушевило: за столом сидела элегантная, очаровательная помощница губернатора по экономике, и поэтому было кому доложить о моем предложении и реакции на него руководителей управлений администрации региона. Я, конечно, понимал, что совещание в присутствии этой молодой, красивой женщины является, по сути, продолжением моего прямого контакта с губернатором.

Пустые, безразличные взгляды пронзили меня, проникли в мое сознание, в котором лихорадочно выработывалось новое решение, основанное на неприятии чужих, пусть даже самых оригинальных и новаторских, идей. Два часа пытался я расшевелить присутствующих, зажечь хотя бы слабый огонек в их глазах. Руководитель моей диссертационной работы говорил мне: «Если не видишь страсти в глазах, если в них нет огонька, эти люди организационные дистрофики, не трать на них свое драгоценное время, ты их не разбудишь: глубоко дремлющего человека невозможно растормошить». Они совершенно не понимали, о чем идет речь, их мышление было способно выполнять только указания вышестоящего руководителя. Глядя на эту безмолвную толпу красивых, обустроенных, довольных собой людей, я думал об одном: зачем все это им надо, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан... Зачем мне это нужно, разве я смогу за пару часов заставить их мыслить иначе, по-другому? Они ведь все здесь в основном случайные люди, устроенные по знакомству, которые в своей деятельности не соприкасались с управленческими решениями высокого уровня. Моя старшая дочка говорила: «Папа, ты хочешь увлечь чиновников за горизонт, а они в большинстве своем люди, которые не видят даже своего берега». Но советница Боженова по экономическим вопросам слушала меня заинтересованно и внимательно, и я был очень доволен тем, что произвел на нее благоприятное впечатление.

«Ничего не изменилось в их жизни», – думал я, вспоминая, как однажды на совещании Максюта всенародно выразил свою благодарность мне

за хорошую работу. Я стоял у истоков заключения крупнейшего контракта на поставку труб большого диаметра с ВТЗ американской корпорации «Шевройл». «Азарьев один больше приносит пользы области, чем все управление по внешней экономике, в котором работает уйма людей, – сказал он, затем добавил, повернувшись ко мне: – Смотри, на тебя уже жалуются, что ты в своей работе не советуешься и не ставишь в известность руководство управления по внешней экономике».

– Хорошо, – раздался из-за моей спины голос Кирсанова, – а что мы, жители Волгоградской области, будем иметь в конечном итоге?

– В результате мы создадим сотни новых рабочих мест! – пылко, азартно, с жаром ответил я, чуть замедлив с продолжением своего яркого экспромтного выступления, убедительно произнес: – Учитывая уникальную транспортную схему нашей области, мы сможем стать крупнейшим торговым центром, где будут пересекаться товары из Средней Азии на Юг России, соответственно из России – в Среднюю Азию.

– Вот-вот, евреи вечно думают о деньгах и торговле, – съехидничал Кирсанов, – а нам нужны новые технологии и производства.

Не было никакого желания и никаких сил вести с ним дальнейший диалог: недалновидный, случайный, скучный человек на таком ответственном посту.

– Знаете, господин Кирсанов, – сказал я ему вежливо, – короли и императоры в свое время завозили к себе евреев, чтобы те начинали торговлю, которая являлась основой развития материального производства. А здесь еврей самостоятельно, по своей инициативе пришел к вам, так используйте его потенциал и знания хотя бы наполовину – и успех вам гарантирован.

Я понимал, что мой первый выход на грани срыва и уже не волновался о его результате. Главное, что я вынес из всей этой суеты, так это то, что могу заинтересованно, без волнения и страха вести диалог с руководителями высокого ранга. Прощаясь, Динара, так звали помощницу губернатора, пригласила меня в свой офис: «У нас есть о чем поговорить, только через неделю, не возражаете?» Конечно, нет, как я мог противиться такому обнадеживающему предложению.

Глава 7

Каждый раз, когда после долгого отсутствия кто-то из моих друзей или знакомых дозванивается до меня, слышу один и тот же удивленный вопрос: «О, Илья, ты в России?» – «Да», – отвечаю коротко. Следом, и это совсем не

смешно, спрашивают: «В Москве?» Мои близкие друзья знают, что в основном я обитаю в Волгограде, поэтому спрашивают наверняка, чтобы получить утвердительный ответ: «Ты в городе, встретимся?» Ей-богу, иногда просто стыдно признаться, что я до сих пор проживаю в Волгограде. Как-то однажды мы большой командой предпринимателей возвращались из Калуги в Москву. Ну так вот, один из новоиспеченных бизнесменов, вдохновленный результатами нашей встречи с руководством области, спросил меня: «Илья, почему ты до сих пор не переберешься в Москву, ты ведь знаешь, здесь крутятся все деньги России, – затем как ни в чем не бывало добавил: – Такие люди, как ты, во что бы то ни стало должны жить в Москве». Мне оставалось только развести руками и молча покачать головой.

Сегодня многим успешным и уважаемым себя российским бизнесменам стыдно жить в провинциальном городе, пусть даже это столица областного центра. Какой ты деловой человек, если не имеешь средств, для того чтобы приобрести жилье в Москве.

Боженков, прощаясь со мной, спросил меня мимоходом:

– Как тебе Волгоград?

– Ужасно, – ответил я ему не лукавя, – раньше этот город был гораздо привлекательней.

Он посмотрел на меня коротким, пронзительным взглядом и негромко спросил:

– Зачем тогда ты здесь?

Я промолчал, не хотел отвечать: ложь он почувствовал бы сразу, да и зачем надо было лгать в простом вопросе. Что я мог бы вразумительного ответить умному человеку, когда сам, каждый божий день просыпаясь рано утром и укладываясь спать поздней ночью, задаю себе этот вопрос: «Зачем я здесь?» Я глубокомысленно размышляю, перебираю ответы, но пока в голову не приходит ничего путного, потому что у меня просто нет внятного ответа на этот избитый, но резонный вопрос.

Так уж повелось, что со Столицей Победы, как гордо называют Волгоград местные патриоты, связаны самые важные и волнующие, но в то же самое время – очень трудные, порой драматичные события моей жизни. Кому рассказать – не поверят. Не всегда можно довериться друзьям, знакомым и даже близким людям, чтобы поделиться с ними своими проблемами, и, похоже, я остался совсем один. Не у кого просить помощи или хотя бы разумного совета: нет никого рядом, вокруг пустота и безлюдье. Куда подевались все те люди, которые день и ночь крутились подле меня, нахально, без всяких правил, использовали мои связи и возможности?!

Сегодня многие из них крутые деловые люди. Суки, проходят мимо и не здороваются, хоть бы кивнули головой ради приличия. Со мной происходило ровно то, что ранее произошло с моим отцом. Когда он был при деньгах, в нашем доме творилось что-то невообразимое, – мне казалось, что друзья отца

каждый день обедали и ужинали у нас дома, разве что не завтракали. А когда отца не стало, даже ближайшие родственники перестали обращать внимание на нашу неожиданно обедневшую семью. В наше время, как и тысячу лет назад, деньги являются единственным и бесспорным мерилom процветания, а успех в современной жизни считается высшей ценностью, поэтому все вертится и крутится вокруг успешных и состоятельных людей. Если я хочу добиться успеха и признания, а по-другому и быть не может, мне придется во что бы то ни стало сделать все, чтобы вновь войти в круг удачливых и значимых людей. Знаю – задача не из легких, для некоторых людей практически невозможная, но для меня она осуществима, по крайней мере это будет серьезным стимулом для полноценной жизни.

Собрался заварить чаю... Уже неделю пью его в одиночестве, познаю самого себя и смысл своей сегодняшней жизни: кто я, где я и куда же потом. Мои мысли, как машина времени, постоянно возвращают меня туда, где нашло пристанище мое прошлое. Там ему самое место: не слышно голосов людей, плеска волн, шелеста ветра, шума дождя, рокота моторов – всего того, что сопровождает человека в его реальном существовании. Все судьбоносные события в жизни уже произошли, но почему, черт меня возьми, их отголоски до сих пор мешают мне жить полноценной жизнью? Я знаком со многими достойными людьми, которые вовремя не заметили изменившихся требований к нынешней жизни. Испугавшись трудностей, они сдались, и ныне многие из них так и остались в прошлом, им там комфортно: нет проблем. Для меня сегодня крайне важно, чтобы в моей нынешней ситуации ностальгические воспоминания не захлестнули мое сознание. Но как это сделать, как вернуть себе душевное равновесие, когда моя заблудшая, измученная и опустошенная душа в тревоге и смятении стремится к замкнутости и одиночеству, а воля сломлена и ничем сверхъестественным себя не проявляет...

Сейчас, спустя десять лет с тех сложных и самых трудных дней моей жизни, могу смело и откровенно признать, что первый год после моего развода был самым критичным периодом в моей судьбе. В голову с нахальной настойчивостью, бесстыдно и навязчиво лезли крамольные, греховные мысли: как безболезненно и с чувством собственного достоинства уйти в иной мир. Я не был разорен – и тогда, в самые сложные времена своей жизни, я обладал массой возможностей для безбедной холостяцкой жизни. У меня не было главного, без чего человеческая жизнь теряет смысл, – не было осознанной цели, хотя бы краткосрочного плана на месяц или даже на неделю. Они или полностью отсутствовали, или совершенно не просматривались, я был моральным, духовным и организационным банкротом. Зато сегодня, как во времена моей бурной молодости, я сожалею лишь об одном – что день так быстро заканчивается. Вновь с жадным нетерпением ожидаю наступления нового утра – этой магии жизни. Обращая свой взор в небо, где обитает Творец, я кричу во весь голос:

«Господи, я самый счастливый человек, которого Ты создал на этом свете, я кайфую от каждого нового дня! Спасибо тебе за новую интригу в моей жизни, за дерзкую фантастическую мечту, за то, что каждый новый день, начиная с пяти утра, я занят любимым делом, которое всецело овладело моим сознанием, душой и сердцем».

Тогда, десять лет назад, в тревожные времена моей жизни, я спокойно и непринужденно общался со Всевышним и мне не нужно было искать посредников для этого. Вспоминаю свой вещий сон, как будто все это произошло вчера и наяву, настолько все это было реалистично. Мы с Богом за массивным белым столом неторопливо пили чай с вареньем из инжира, но разговор наш был совсем не праздным и сладким. Я говорил, а Бог молчал и с удовольствием пил чай, – видно было, что варенье из инжира ему очень нравилось, еще бы не понравилось – оно всем по душе. Я продолжал непринужденно докучать Всевышнему своими вопросами, как будто именно ради этого мы и устроили чаепитие. «Почему, Господи, Ты позволил мне так беспечно отвергнуть наставления и разумные наказания моего отца? – тихо спросил я его. – Почему провалы и ошибки преследовали меня в последние годы? Где были Твои ангелы-хранители? Разве я мог подумать, что в моей жизни наступят времена, когда Ты снова и снова будешь тестировать меня на прочность?»

Господь молча слушал, но продолжал с превеликим удовольствием пить чай, наслаждаясь вареньем из инжира. Я же, вдохновенно и взволнованно общаясь с Богом, горячо убеждал его: «И в этот раз, Господи, я выдержу твой тест на выживание – сделаю все, чтобы мой сын гордился своим отцом. Я создам в своем сознании виртуальную Стену Плача, до которой будет не менее 10 километров ходу. Каждый день, в любую погоду обязуюсь, Господи, посещать это место, где буду обращаться к тебе, подняв свой взор и руки к небу и благодарить Тебя за данное мне время, за то, что ограждаешь меня от прямых контактов с черным верблюдом смерти. Сейчас я понимаю, Господи, значение Твоего завещания. Передавая мне моего новорожденного сына из рук в руки, Ты приказал мне беречь его как зеницу ока. Поэтому мне остается только одно – продолжать жить и не сдаваться, наступит время, оно обязательно придет, и я предстану перед тобой победителем. Господи, твердо обещаю – Тебе не будет стыдно за меня!» Всевышний напился чаю, посчитал, что вправил мне мозги, и удалился восвояси.

«Слова, лозунги, призывы – ты не на партсобрании, – говорил я сам себе. – Пора уже что-то делать, – злился я на самого себя, – ты уже неделю здесь, а дел никаких, и в это самое время все вокруг крутится-вертится, просто зависть берет. Неужели это моя очередная ошибка? Рванул сгоряча куда глаза глядят и теперь встал враскорячку и не знаю, что делать и куда двигаться. То ли возвращаться в Израиль, то ли перебраться в Москву, а может, чуть успокоиться, пораскинуть мозгами, подтянуть свои старые связи и знакомства и начать какое-

то дело? Но чем, каким делом ты хочешь заняться? – продолжал я разговаривать с собой. – Тебе непременно ведь нужна значимая и масштабная работа, а в одиночку этого невозможно добиться, нужна команда умных парней, а за то время, что ты прохлаждался в Израиле, все умные парни, которые работали с тобой и у тебя, разбрелись кто куда, по другим компаниям. А многие открыли свои бизнесы и успешно работают, не могу же я напроситься к ним в компаньоны. Но как быть и что делать?» – спросил я снова себя и как раз в это самое время закончил мыть полы в своей квартире.

Я все это время, пока размышлял над своей дальнейшей судьбой, мыл полы. Оказывается, мытье полов не было таким уж невыполнимым делом, как мне казалось раньше, правда, с меня пот стекал ручьем, но когда я удовлетворенно посмотрел на чистые полы, я понял самое важное для себя – я должен взяться за реальную работу, которую я смогу, пусть с трудом, проливая реки пота, реализовать самостоятельно, в одиночку.

Прошло уже два месяца, как я покинул Израиль, и за все это время у меня ни разу не возникло желание связаться с моей бывшей супругой. Я часто задумывался над этим, хотел понять и осознать, как такое могло произойти в моей жизни. Почему, несмотря на 40 лет совместной жизни, у меня ни разу за эти два месяца не появилось душевного тяготения поговорить с женщиной, которую я когда-то страстно и безгранично любил, ради которой я впервые послушался своего отца. Что произошло? Это реальный конец наших чувственных отношений? Любовь угасла, затихла ее музыка, и я уже спокойно могу обойтись без нее? А ведь были и другие времена, когда мы с Сусанной только-только начинали проявлять жгучий интерес друг другу, когда жажда страстных объятий и поцелуев становилась желанней и проникновенней, когда не было сил удержаться от сексуальной близости с этой доверчивой и очаровательной девушкой. В самый переломный момент наших отношений я решил нажать на тормоза, остановиться, пока не перешел невидимую грань дозволенного. Я думал тогда, что поступаю благородно, по-мужски, сохранив ее невинность для ее будущего супруга. Я знал с самого детства, что кавказская девушка должна выходить замуж непременно девственницей. Я помню, с каким нетерпением мы, зеленые пацаны, в самый разгар свадьбы ожидали показа кровавого платка родственниками невесты после первой брачной ночи, что свидетельствовало о ее невинности. Сегодня даже на Северном и Южном Кавказе традиции, связанные с потерей девственности во время брачной ночи, ушли в прошлое. Теперь молодые люди живут одной семьей, даже официально не зарегистрировав свои отношения, – вот какие настали времена.

Мы неоднократно, между собой обсуждая семейные темы, старались заверить друг друга в том, что мы останемся только добрыми друзьями, хотя с каждой новой встречей наши откровенные беседы становились прелюдией к физической близости и мне с каждым разом было все труднее и труднее

сдерживать себя от неминуемого соблазна. Однажды мы не виделись почти месяц, я даже грешным делом подумал, что, оказывается, можно жить и не умереть от любви.

Перед отъездом домой на каникулы я познакомил ее с моим товарищем, армянином. Я возложил на него все свои надежды и чаяния, думал, что он сможет увлечь ее, ведь они были одной крови. Мы даже вместе гостили у него дома. Я предательски, под надуманным предлогом ушел, оставив Сусанну одну в окружении семьи моего друга. Он был доволен моим безрассудным поступком, считая, видимо, что именно так должен поступать настоящий друг. Но зато мое в высшей степени ничтожное и недостойное настоящего мужчины поведение чудовищно унизило меня в своих же собственных глазах. Это сейчас я понимаю всю глубину тогдашнего нравственного и морального своего падения и позора, когда уже повзрослел, когда сединой покрылась моя голова. Тогда, в мои не полные двадцать лет, когда наши отношения с Сусанной еще сохраняли дружеский характер, я решил вновь, как и с Натали, проявить благородство души, но ничего доброго и благородного из моего опрометчивого поступка не вышло.

Встреча с Сусанной произошла чисто случайно, как обычно происходят все значимые события в нашей жизни. Эта девчонка свалилась мне на голову неожиданно-негаданно и задержалась на 40 лет, почти на всю мою сознательную жизнь. Ной, мой друг, царство ему небесное, кивнул мне, взглядом показывая на группу студентов, в которой особо выделялась красивая, невысокого роста девушка с выразительной восточной внешностью.

– Как ты думаешь, она армянка? – произнес Ной, устремив свой вопрошительный взгляд на меня.

– Нет, еврейка, – возразил я, глядя ей вслед.

– Ты путаешь, это не Софа, вот эта девочка, по-моему, гораздо лучше Софы, – продолжал Ной восторгаться юной брюнеткой, плавно, с достоинством шедшей во главе группы студентов, облепивших ее со всех сторон. – Давай, мой друг, что, слабо? Прояви свою кавказскую неотразимость, – продолжал Ной издеваться над моим самолюбием, подначивая меня к решительным действиям.

– Нет, ничего не выйдет, эта афера не пройдет, с этой девочкой дружить на бегу не получится – с ней надо основательно и всерьез, иначе это пустая затея и трата времени, – возразил я Ною, который восхищенным взглядом провожал красивую фигуру девушки, как снег в летний день свалившейся на мою голову.

– О, хороша телка! Она просто красotka! Илюха, давай, не тормози, непусти свой шанс.

Разве мог я тогда подумать, что эта восточная красавица с удивительно тонкими, длинными пальцами, которые придавали ее рукам особую элегантность и изящество, будет вскоре сидеть со мной за одним столом в кафе, спокойная и уверенная, что ее репутации ничто не угрожает. Мы были

друзьями – в этом при любом случае мы старались друг друга убедить. Она армянка, я горский еврей: одна ментальность, одна музыка, одна кухня и одни принципы жизнедеятельности, но разные религии. Мы понимали, что будущего в наших отношениях не могло быть, хотя наши поцелуи с каждой новой встречей становились все более жаркими, страстными и проникновенными. Но спустя 40 лет Высший раввинатский суд расторгнет наш брак и мы расстанемся навсегда, оставив после себя троих детей, которые потеряли самое главное в своей жизни – целостность и единство семьи. Но все это произойдет потом, а сейчас, находясь дома в окружении близких мне людей, я не находил себе места и все свое время проводил на море, разговаривая с ним откровенно, по душам. Зачем нужна такая любовь, от которой лишь одни страдания и переживания? Я даже для самого себя до сих пор не могу внятно и убедительно ответить, казалось бы, на такой простой и банальный вопрос. Горские евреи вообще очень редко расстаются со своими женами, не принято этого делать, если это и происходит, то только в крайних, особо трудных и сложных ситуациях семейных отношений.

Благополучие любой семьи зиждется на ее целостности и единстве. «Когда семья вместе – и душа на месте» – сказала как-то мне моя младшая доченька. Я поинтересовался у нее, где она услышала такой замечательный, глубокий по своему философскому содержанию афоризм, и надо же, ведь запомнила и глубоко осознала смысл этого необычного изречения. В семь лет она уже понимала, что когда папа, мама и дети живут вместе, одной семьей, это очень хорошо для всех. А для мужчины это, вообще, первостепенный и самый важный фактор успеха. Если честно, то я совсем не хочу рассказывать об этом, потому что больше всего в нашем сознании запоминаются почему-то именно драматические и трагические события из нашей жизни. А я ужасно устал, полностью вымотался и сник от этих мрачных историй, и мне хочется забыть обо всем плохом и начать все заново, с чистого листа, новую жизнь, которая будет непременно лучше прошлой. Но как добиться душевного равновесия, как восстановить былую уверенность в своих действиях, когда ты, всецело погруженный в свои житейские проблемы, стал молчаливым, без чувства юмора, неуверенным и разочарованным в себе человеком? Что нужно делать, как себя вести и какие принимать решения, чтобы твои партнеры видели в тебе внятного человека, умеющего остро мыслить, принимать оперативно верные решения и эффективно их реализовывать.

Я, конечно, мог остановить процесс развода, но почему-то не стал предпринимать для этого никаких решительных действий. И вот сегодня мне позвонила моя бывшая жена. «Ты должен общаться с детьми. Ты должен им звонить и говорить с ними», – старалась меня она уговорить, но я ее уже не слышал. Мне хотелось поскорее закончить этот тягостный, уже бессмысленный телефонный разговор. Все прошло, мы чужие люди, а в голове

навязчиво крутилась одна и та же мысль: есть ли что-то, ради чего я смог бы восстановить хотя бы формально наши семейные отношения? «Только дети, – подумал я, – но ведь они все, слава богу, живы и здоровы и не нуждаются уже в покровительстве».

Мои мысли, как загнанные шальные олени, отчаянно метались из стороны в сторону, они безумно, с остервенением искали выхода из тесного пространства моей разгоряченной головы. Они бунтовали, возмущая и без того мое хрупкое спокойствие, без тормозов и пауз донимали мою беспокойную душу. Они бесились, не давая покоя моим воспаленным мозгам, требуя раз и навсегда очистить разум от хлама и мусора. Если я не смогу в ближайшее время успокоить свои мысли и направить их в нужное русло, то они просто-напросто взорвут мои мозги.

«Мне сейчас только этого и не хватает, – с иронией думал я, – и не дай бог, если я еще и заболею, ухаживать за мной здесь точно никто не будет».

Спорт, спорт и только спорт мне нужен сейчас. Я всем рассказывал, что свою диссертацию я писал, бегая ежедневно по 20–25 километров в подмосковном лесу. Я поражался удивительным идеям и решениям, которые заполняли мою очищенную от мелких забот и хлопот голову. Сейчас, десять лет спустя после нашего развода, могу смело сказать, что именно благодаря моим активным спортивным занятиям сегодня я держу в своих руках первую изданную мною книгу, основное содержание которой было сочинено во время моих длительных пеших прогулок.

В предисловии к своей книге я написал: «Сегодня я самый счастливый человек на свете!» Но тогда, десять лет назад, разбитый, морально подавленный, безвольный «импозантный мужчина», лежа на диване перед ящиком в ожидании начала очередного политического ток-шоу для бездельников и организационных дистрофиков, думал, что пора начинать заниматься спортом, хотя бы делать пешие прогулки. Я так расслабился, что меня черта с два можно было оторвать от экрана, где Соловьев, загадочный, но страстный заклинатель, укрощал своей ядовитой откровенностью многочисленных зрителей. Я тот самый человек, который совсем недавно советовал своим друзьям, знакомым и партнерам закончить многочасовые посиделки перед зомбоящиком. Представляя телевизор как главного врага современного мужчины, сам с нетерпением ожидал выхода факира на сцену. В наше время люди хотят и любят обманываться, и я незаметно для самого себя стал активным членом сообщества обманутых телезрителей, искренне полагая, что наше сотрудничество с телевизором имеет незаменимую ценность для нас, зрителей, и тех, кто с другой стороны экрана.

«Поднимись, выйди на улицу! – приказал я самому себе. – Сделай хоть какое-нибудь позитивное дело, будь мужчиной! Но если ты не поднимешь свою задницу и не совершишь “героический самоотверженный поступок”, которым ты потом будешь гордиться, тогда нечего тебе здесь делать, заткнись

и вали отсюда на хер! Но как заставить себя заниматься спортом? Очень просто, – мелькнула внезапно здравая мысль, – надо в своей голове, в своем сознании создать свою виртуальную Стену Плача и каждый божий день идти к ней пешком и просить Всевышнего, чтобы Он стал наставником над моим сыном, – я знаю, ему сейчас сложно: с живым и здравствующим отцом он стал солдатом-одиночкой».

Я сделал это, выиграл эту битву, победил самого себя. Победа над самим собой – главная и самая важная победа каждого мужчины в своей жизни. Сегодня ежедневно, несмотря ни на какие погодные условия, я прохожу минимум 10–15 километров. Уже в течение многих лет я молю Бога у своей Стены Плача, чтобы он уберег моего сына от необдуманных поступков. Да и все интересные моменты из моей новой книги, которую я пишу, приходят ко мне именно по дороге к Всевышнему.

Это дорога упорного и непрерывного поиска смысла жизни, она извилистая и пустынная, но завещана мне самим Господом Богом. Это дорога к счастью, потому что записана в моей Книге Жизни, и во что бы то ни стало она приведет меня к успеху. Сегодня я занимаюсь новым для себя делом, в которое влюблен по-юношески страстно и трепетно. Знаю и понимаю: чтобы добиться верного результата, придется много трудиться, проявить больше усердия и силы воли, а итог может оказаться менее значимым, чем ожидаю. Я верю твердо, убежден на все сто, что моя дорога, по которой я сегодня иду, не кольцевая – она столбовая, и я больше никогда и ни при каких обстоятельствах не сверну со своего пути. Я не могу, не имею права просто и незаметно уйти из этой жизни, не оставив свой заметный след в этом мире. Ведь за мной может пойти мой сын, который как-то сказал мне: «Папа, я всегда хотел быть похожим на тебя». Тогда это были лишь мои мечты, а в реальности все обстояло совсем по-другому, в моей жизни наступило самое драматичное время.

Глава 8

И тут я понял, что еще задолго до наступления Йом-кипура – Дня искупления, покаяния и отпущения грехов, важнейшего праздника в иудаизме, во время которого решается судьба каждого еврея, я морально и духовно был мертв. Я, здоровый, состоятельный, разумный мужчина и галантный кавалер, – так по крайней мере болтали между собой женщины, знавшие меня лично, – не чувствовал ни радости любви и ни горечи разочарований. Огонь в душе, бес-

ценный божий дар, погас, мое некогда пламенное сердце покрылось льдом, и жизнь потеряла всякий смысл. Я ушел, как люди уходят в иной мир, живым, в полном расцвете своих физических сил. Это был один из самых оглушительных, унижительных и позорных поражений в моей жизни. Почему вся эта лажа, эта бестолковая жизнь вцепилась в меня мертвой хваткой, захватывая все большее пространство в моем сознании? Почему под агрессивным натиском «благжелателей» я спасовал и не смог найти однозначных исчерпывающих ответов на серьезные вызовы в своей жизни?

Мне было мучительно стыдно за навязчивые панические мысли, которые не покидали мою отчаянную голову. Чем я провинился перед тобой, Господи? И стоило ли ради этой никчемной жизни, ради однообразных, суетных дней моего современного существования ослушиваться отца? Я же всегда послушно подчинялся его воле, но когда дерзкие фантазии и желания, юношеские романтические мечты берут верх над разумом, невозможно согласиться даже с самыми убедительными и вескими доводами, и я впервые в тот неудачный день воспротивился власти своего отца. Где же был мой ангел-хранитель? Почему позволил мне, неразумному, неокрепшему духом молодому человеку, совершить столь необдуманый поступок – покинуть родной дом, где все мне было знакомо, мило и в радость, где душа и сердце были на месте, где было теплое синее море, в котором я неоднократно тонул, но каждый раз выходил сухим из воды, где жили красивые, понятные и по гроб жизни надежные и верные горские еврейки, которые тревожно, с замиранием сердца ожидали, когда понравившийся парень придет в ее дом сватов.

Я встал, сложив руки в замок за спиной, как когда-то делал мой отец, бесцельно прошелся туда-сюда по уютной, просторной столовой с большим, овальным столом и изысканной итальянской кухней. Через минуту-другую я присел на краешек стула, скрестив ноги, словно неожиданный гость зашел мимоходом и был готов в любое время ретироваться. «Этот стол должен помнить частенько устраиваемые нами дружеские пирушки», – думал я, вспоминая большие и веселые компании друзей и закадычных приятелей, которые неприлично долго засиживались за обильными обедами и ужинами кавказской кухни.

«Мой чай уже остыл, как и я к некоторым людям», – угрюмо подумалось мне. Всплыли ностальгические воспоминания из прошлого... Вроде все было хорошо, но все-таки чего-то не хватало в этой прекрасной гостинице. Да, конечно, что долго размышлять и вспоминать – я не слышал неповторимых ароматов блюд, которые бесконечной чередой ставила на этот обильный стол моя супруга. Моя душа невыносимо тосковала, заполнялась гнетущей грустью, страдала и черствела, оставляя глубокие раны и шрамы на сердце.

Не старый и не молодой, окруженный одиночеством и пустотой, я не находил смысла для продолжения жизни в этой повседневной суете. Страх панический и гнетущий охватывал меня, страх всепоглощающий и неконтроли-

руемый, который, проникая глубоко в сознание, подводил меня к мысли, что наступило время, когда надо решать главный вопрос своего существования: нужно ли вообще продолжать эту бессмысленную, однообразную, никчемную жизнь? Это был не страх смерти – это была всепоглощающая душевная тревога, вызванная мыслями о своей несостоятельности. Я никому не был нужен, никто меня не искал, никто не беспокоился за меня, я уже не принадлежал этому реальному миру. Стоило ли продолжать и был ли, вообще, хоть какой-то здравый смысл в моем существовании здесь, на земле, в такой запутанной и безысходной житейской ситуации, которая с каждым новым днем становилась все хуже и хуже.

– Ведь говорил тебе, – услышал я вдруг свой внутренний, неподдельно искренний голос, ласкающий слух.

«Это я разговариваю с самим собой, – подумал я, – еще немного и я точно сойду с ума». Но голос уверенно, убедительно, без фальши продолжал свой неторопливый монолог:

– Оставь сына в покое, и пусть он идет своей дорогой. Он молод, его душа, его сердце, да и вся его сущность стремятся к новым людям. Там, где ему интересно, где он может максимально эффективно развиваться и работать; там, где улетучиваются сомнения в своих силах, а надежда и вера постоянные спутники по жизни; там, где мечты и фантазии уносят его в заоблачные выси, которые позволяют ему душой и сердцем оставаться как можно дольше молодым, вечно ищущим и жаждущим успехов человеком, – там ему место. Не ищи его, как безумный фанат «Игры престолов», который сутками напролет безвольно живет в сказочном виртуальном мире, прожигая свою реальную жизнь по полной программе.

– Но мы ведь семья, в наших жилах течет одна кровь, мы отец и сын, – возражал я своему внутреннему голосу, которому доверял и к которому прислушивался. – Мы же с Кавказа, где отношения между родителями и детьми особенные: они уважительные, душевные и в высшей степени доверительные, – продолжал я проникновенно свою речь.

– Загляни в свою память, – многозначительно сказал мой собеседник, – и пройдишь по ней день за днем, месяц за месяцем и год за годом. Понимаю, сложно это сделать, но ты напряги свои мозги, – возможно, и вспомнишь то, что не очень хочется вспоминать. Разве не ты оставил уже начинающего болеть отца одного, ведь он так не хотел, чтобы ты уезжал из дома. Разве не ты женился в таком раннем возрасте помимо воли отца? Разве не ты, имея время и возможности, так редко встречался с больным отцом? Разве это ты на свои кровные деньги хоронил своего отца? Хочешь продолжения? Могу напомнить еще много фактов и событий из твоей разгульной, пустой жизни, но они явно не в твою пользу и не украсят твою историю. Одно я все-таки скажу: твой отец ушел молодым и очень одиноким человеком. Помнишь, что он сказал тебе на прощание: «Любой отец мечтает, чтобы его сын жил рядом с ним». И последнее,

могу напомнить тебе твою же мысль из рассказа «Незаконченный разговор с отцом»: «Почему так несправедлива эта жизнь? – писал ты. – Когда мой отец нуждался в помощи, я не смог ему помочь, сейчас, когда я могу сделать для него почти все, его нет рядом».

«Все нужно делать вовремя. Вчера было слишком рано, а завтра будет слишком поздно» – эти слова выдающегося писателя Бернара Вербера должны быть и для тебя главным и важнейшим правилом в жизни. Не жди подходящего момента для того, чтобы осуществить свою мечту. То нет времени, то обстоятельства не те... Вспомни, что однажды сказала тебе Сусанна, твоя бывшая жена: «Тебе все мешает», хотя было время когда у тебя не было проблем в решении даже самых сложных задач. Нет известных людей в истории, у которых не было проблем в процессе достижения поставленных целей. Виктор Гюго неказисто постригал себя, чтобы исключить желание выйти на улицу и вовремя закончить роман. Да и сам Вебер назначил сам себе дисциплинарный режим: каждое утро (с 8:00 до 12:00) что бы ни случилось – писать. Стоит начать – и тебя не остановить. Ты знаешь сам, что незавершенные дела жутко раздражают сознание человека и он перестает реалистично мыслить. Что касается твоих отношений с сыном, не ты первый, не ты последний в этом мире, и не тебе одному выпала на долю такая участь. Отпусти его и пусть живет своей жизнью.

– Ох, как трудно быть достойным сыном своего отца! – вырвалось у меня из груди. – Господи! Дай мне хотя бы еще одну возможность, одно мгновение живым увидеть отца, у нас остался незаконченный разговор с ним...

Мое сердце, заполненное до краев скорбью, печалью и нестерпимой болью, готово было разорваться в любой момент. С каким наслаждением я принял бы эту божью кару, безумно и нестерпимо желал бы я такого счастливого конца для себя. Это хотя бы избавило меня от дурных мыслей, от последнего и наихудшего греха в своей жизни – суицида.

– Стоп, стоп! Не валяй дурака! Хватит тебе жаловаться и причитать, хватит ныть и нести несусветную чушь, хватит болтать, лгать и глупить! Ты всю свою жизнь прожил в достатке. У тебя были полные карманы денег, красивые женщины. Ненадежные друзья окружали тебя, они крутились и вертелись вокруг тебя, снесли тебе крышу и вознесли до небес. А вот оттуда очень плохо, почти ничего не видно, какие драмы разворачивались и случались на земле. Твоя мать уже двадцать лет, как жила одинокой жизнью, а ты элементарно не смог перебороть в себе чудовищно черствый эгоизм – она до конца своей жизни осталась вдовой. Умереть – ой как легко, жить трудно, а хорошо жить еще труднее. Наверно, ты хочешь, чтобы и твой сын также стал одиноким человеком. Да ты вспомни, черт тебя не возьми, или у тебя напрочь отбило память, что сказал тебе твой сын, прощаясь в аэропорту Рима: «Папа, я тебя очень люблю». Или ты хочешь, чтобы он каждое утро звонил и как молитву произносил эти приятные твоему сердцу и слуху слова? За что, за какие особые твои заслуги

он должен это делать? Он при живом отце был солдатом-одиночкой. Ни на одном важном, судьбоносном для него мероприятии тебя не было рядом с ним, тем самым ты омрачал крайне скудные счастливые моменты его жизни. Ты сам часто звонил отцу? Раз в месяц – и это в лучшем случае. Оставь своего сына в покое, он умный, динамичный, независимый молодой человек – сам найдет дорогу к счастью. А я-то думал, что отцовский эгоизм в зрелом возрасте уходит на второй, а то и на третий план в отношениях между отцом и сыном...

Голос умолк так же внезапно, как и начал говорить, возникла тревожная пауза. Затаившись, я с нетерпением ожидал продолжения разговора. Это был реальный разговор о реальных вещах, который своей правдивой откровенностью производил жесткий разбор полетов моей жизни. Я некоторое время молчал, и мой внутренний голос, который без оглядки рубил правду-матку, смело и открыто, не опасаясь последствий, внезапно затих. Худшего времени в моей современной жизни, чем нынешнее, трудно было даже представить. В самом кошмарном, бредовом, безумно фантастическом сне нельзя было ожидать такого резкого и крутого разворота в моей жизни. А несколько лет спустя я буду вспоминать этот наш откровенный, непростой, но безмолвный разговор как поворотный момент во всей моей последующей жизни, пусть без славы и признания, но зато насыщенной важными и яркими событиями. Именно тогда, в то историческое время своей жизни, я осознал и окончательно определился, что главным смыслом моего дальнейшего существования должно стать творчество – создание чего-то нового, ранее не встречавшегося в моей деятельности.

Это голос разума и сердца, тайный голос интуиции лихо, по-боевому, без каких-либо сомнений говорил со мной, указывая мне путь в сложном мире новых и быстрых перемен. Он сделал выбор и как знак судьбы запечатал его в моем сознании; подобно первым Скрижалям Всевышнего, открыл мне одну единственную дорогу к новой жизни, с которой я не имел права свернуть или сойти. Но это произойдет потом, когда впервые за долгие годы своей бесцельной минувшей жизни я понял и глубоко осознал: если ты хочешь сделать что-то великое, если ты хочешь, чтобы о тебе говорили и даже сплетничали, то ты должен безумно и страстно любить свое дело, которое потребует от тебя всей твоей жизненной энергии. Сегодня мое дело, моя работа является моим наставником и помощником, самым близким и преданным моим другом на свете. Мы засыпаем и просыпаемся вместе, завтракаем, обедаем и ужинаем, и, конечно, на спорт я без нее не выхожу. Я даже не загадываю на этот счет – мы и умрем вместе с ней в один и тот же день, и похоронят нас в одном гробу.

Когда я дрожащей от волнения рукой подписывал первые свои книги, когда завораживающая своим сказочным волшебством музыка Моцарта, Бетховена, Чайковского способствовала моим мечтам взлетать высоко в бесконечное пространство, что позволяет мне сегодня легко и непринужденно писать абзацы за абзацами своей новой книги, когда Харуки Мураками, Джером Сэлинджер,

Сергей Довлатов и многие другие выдающиеся писатели современности неизменно со мной, когда на другие, пусть даже самые заманчивые, предложения не хватает элементарно времени, – я стал понимать и осознавать каждой клеткой своего существа, что в моей жизни наступили новые времена. Разве мог я мечтать и фантазировать тогда об этом, во времена всеобщего самообмана, сладкой наглой лжи, полного развала сознания и дистрофии души? Но все это произойдет потом, спустя долгие десять лет моей жизни, в процессе тяжелейшего, драматического по своему содержанию и накалу, но честного, правдивого и эмоционального общения с самим собой. А сейчас, в мучительно-тягостном одиночестве, сидя за большим обеденным столом, на котором стоял недопитый стакан холодного чая, я посмотрел по сторонам.

«Ничего не изменилось, – подумал я, – все, как прежде, и все на своем месте, вот и мой резвый бронзовый конь взметнулся в углу, готовый прыгнуть в любой момент со своего постамента и ускакать на волю вольную...» Но изменения все-таки были и явно бросались в глаза. Квартира запущенная, без души, без запахов, без звонких ребячьих голосов, без близких и родных мне людей, которыми всегда было заполнено наше гостеприимное жилье. Я медленно, словно нехотя, приподнялся со стула, подавленный увиденным. Но настойчивый внутренний голос снова заставил меня призадуматься.

– Посмотри, во что превратилась некогда безумно желанная квартира! А знаешь, почему? – голос некоторое время молчал, он будто искал лаконичный ответ на свой наводящий вопрос, затем ожидаемо продолжил: – У квартиры женское начало: чем больше за ней ухаживаешь, тем она привлекательнее.

Сегодня впервые за долгое время я вошел в комнату младшей дочери. Не знаю почему, но я всегда питал к Жанне особые, нежные чувства. В то раннее июльское утро в роддоме, где Сусанна рожала второго нашего ребенка, произошел довольно забавный случай. Все говорили мне, что в этот раз, на все сто процентов, у меня точно родится мальчик. Не буду долго рассказывать, чем они объясняли свое предположение. Были и такие, которые определяли пол ребенка по форме живота: если он круглый и выглядит как шар, который доходит до боков, то будет девочка; если острый живот и торчит вперед, то мальчик. Уверенный, что в этот раз я точно увезу домой мальчика, я кинул высокомерный взгляд на медсестру.

Помню, какой я был горделивый, – мол, знай наших, мы тоже можем делать мальчиков, – и между прочим спросил медсестру:

– Кого родила Сусанна Азарьева?

– Мальчика, – тут же ответила она, – а впрочем, погодите минутку, сейчас уточню, – и во весь голос крикнула в длиннющий, полутемный коридор: – Оксана, кто родился у Сусанны?

– Девочка, – услышал я зычный голос, который звенит у меня в ушах и по сей день.

Приглядываясь к вещам, некогда окружавшим Жанну в ее комнате, я вначале остановил свой взор на опрятно заправленной кровати, а затем на ее прибранном рабочем столе, на котором стопкой аккуратно располагался трехтомник Джавахарлала Неру «Взгляд на всемирную историю». Я подарил ей эти книги, когда она едва перешла двенадцатилетний рубеж. Жанна не удивилась и не обиделась на меня, закрылась в своей комнате и залпом одолела все три тома. Зато теперь она доктор политических наук – горжусь ее успехами. А начиналось ее восхождение к успеху совсем просто и обыденно, – так обычно происходят все масштабные изменения в нашей повседневной жизни.

Как-то за ужином Жанна ненавязчиво спросила меня:

– Папа, есть программа для еврейской молодежи, если я пройду успешно отбор, ты разрешишь мне уехать в Израиль для продолжения учебы в школе?

– Да, конечно, – недолго раздумывая, спокойно ответил я, потому что был совершенно уверен в том, что она не сможет пройти эти сложные экзамены, да еще и надо было владеть ивритом.

Жанна успешно прошла отбор, а когда она на хорошем иврите беседовала с израильским консулом, тот в изумлении спросил ее:

– Где ты так прекрасно научилась говорить на иврите?

– Дома, – коротко ответила она. Жанна вопросительно, настороженно, сверлящей улыбкой взглянула на меня, шепотом, но чтобы консул непременно услышал ее тихий, дрожащий от волнения голос, спросила меня: – Папа, ну что, отпустишь меня учиться в Израиль, ты мне обещал, помнишь?

– Да, – не раздумывая долго ответил я, а сам думал и хотел осознать и понять, что я только что натворил, дав обещание моей маленькой, горячо любимой доченьке отпустить ее одну на учебу в чужую страну. Меня горские евреи просто растерзают, сотрут в порошок, будут говорить, сплетничать, – вот к чему приводит демократия в семейных отношениях, что я окончательно потерял голову и не могу управлять даже своими детьми.

«Я точно сошел с ума», – провозжая Жанну на перроне вокзала, думал я с горечью. И сейчас, сидя в ее комнате, перебирая книги Дж. Неру, я понял, что очень плохо знал своих детей. Мне очень захотелось, чтобы зазвонил звонок в дверь, вошла Жанна, следом за ней первоклассник Годик, и мы все вместе, как прежде, сядем ужинать, и пойдут интересные рассказы из школьной жизни и бесконечные вопросы, на которые я не всегда мог вразумительно ответить. Никто не звонил, а Годик давно уже израильтянин, совсем взрослый парень, отслуживший в одной из самых лучших армий мира, и даже начал работать в американской корпорации в Израиле.

Каждый раз, возвращаясь домой, я снова и снова обходил каждую комнату своей большой, но пустой квартиры с надеждой на то, что случайно наткнусь на старые альбомы, пусть даже знакомые, неоднократно виденные мною фотографии или семейные записи. Часто перечитывая поздравления в честь моего юбилея от Годика, написанные корявым, неокрепшим почерком,

в которых он желал мне долгих лет жизни и успехов в работе, я думал: «Какой я все-таки счастливый человек!» Иногда хотелось бросить все к чертям, заглушить свою непомерную гордость, высокомерие, эгоизм и возвратиться домой, в Израиль. У меня была неудержимая, необъяснимая жажда вновь увидеть сына, пусть коротко, мимоходом, издалека. Это непреодолимая, непостижимая тяга и стремление во что бы то ни стало снова видеть и слышать его привела меня к тому, что в конце концов я вновь оказался в Израиле.

– Ну и что, нашел, кого искал? – вдруг снова услышал я знакомый голос.

Мне необходимо было хоть какое-то внятное общение, в котором звучала бы, пусть даже самая резкая, разгромная и несправедливая, критика. Этот удивительно спокойный и проникновенный голос, который я никогда раньше не слышал в своей сознательной жизни, но который я теперь с нетерпением ожидал и наконец дождался, внес некое спокойствие, но вместе с тем и утомительную тревогу в мою размеренную, будничную жизнь.

– Нет, не нашел, но я усердно искал, у меня была надежда, что я обязательно найду его. Но я нашел только короткое сообщение на своей почте: «Папа, прости, я очень занят, у меня не будет времени на встречу с тобой».

Снова и снова перечитываю это невероятное сообщение и не могу поверить своим глазам. Вначале я подумал, что оно обращено не ко мне. Затем в голову полезли дурные мысли: наверно, случилось, не дай бог, что-то такое, и он вынужденно избегает встречи со мной. Мое сердце разрывалось на тысячи мелких частей, и каждая из них жестоко, мучительно болела и плакала.

«У меня все хорошо, я жив и здоров, у меня просто нет времени» – новое сообщение все поставило на свои места: эти послания для меня.

«Главное, что ты в порядке, сынок, – думал я, – но как мне с этим жить дальше?» Я не мог найти ответа.

– Ну и что, – съехидничал я, обратившись к своему невидимому собеседнику, – может, подскажешь, как мне быть и что делать дальше, ты же ведь такой мудрый и всезнающий. Или в твоём запаснике только набор грубо оскорбляющих и унижающих меня и мое достоинство нравочений?

– Искал и не нашел – значит, плохо искал, или тот, кого ты искал, не хотел, чтобы ты его нашел. Нельзя насильно, против воли достойного, пусть даже законного, сына стать его настоящим отцом, и не всякий отец способен сделать своего сына родным и счастливым человеком, – глубокомысленно, не обращая внимания на мое ошарашенное, искаженное и негодующее лицо, произнес голос ниоткуда, откуда я не мог его достать, чтобы решительно сказать ему: «Все, хватит, заткнись, наконец, если не можешь сказать что-нибудь приятное».

Словно повинувшись приказу своего подлинного и всемогущего хозяина, голос смущенно и задумчиво долгое время упрямо молчал.

– Ладно, и на этот раз я прощаю тебе эти безрассудные и дерзкие выходки, – почтительно выдавил из себя голос. – Я понимаю, у тебя настало

трудное время, оно тревожит тебя, но это всего лишь эпизод в твоей жизни. Ты забыл жизнеутверждающие ценности и принципы Талмуда: «Никого и ничего не бойся и никогда не сдавайся». Хочу напомнить тебе и цитату, написанную аж несколько тысяч лет тому назад на кольце царя Соломона: «Все проходит – пройдет и это».

Голос снова замолчал, как будто размышлял, продолжать ли ему этот откровенный, нелюбезный, но поучительный разговор.

– Я не буду тебя спрашивать, как все это произошло, как такое стало возможным, когда сын не желает встречи с родным отцом. Закрой дверь в прошлое, а ключ от замка выкинь в море, чтобы ты никогда, ни при каких обстоятельствах не смог его найти в будущем. Ты же ведь знаешь: никто не поможет тебе в этом мире, кроме тебя самого.

Глава 9

Мечтать, воображая себя крутым человеком, парящим в бескрайних просторах синего неба, представляя себя желанным соседом Творца Вселенной, никому не возбраняется. А сбудутся эти фантастические мечты или нет – известно одному Богу. Мой внутренний голос с недавних пор не оставлял меня в покое, он обрушивал на меня неиссякаемый поток бесчисленных образов, звуков, запахов. Своими ценными наставлениями и дельными советами продолжал монотонно и настойчиво вправлять мне мозги.

– Надо лишь закрыть глаза, – продолжал спокойно и уверенно голос моего разума, – и мечтать, мечтать возвышенно, по-крупному, придумать в своем сознании счастливую, насыщенную новаторскими идеями и знаковыми событиями жизнь. Но воплотить мечты и фантазии крайне сложно, потому что мечтатели и фантазеры не от мира сего, но они разумные люди и признают возможность неминуемого и сокрушительного провала. А вот ты, мой друг, – вольно, по-дружески обратился голос ко мне, – не всегда умел не только принимать удары, но и сдерживать их. Несмотря на это, ты не можешь просто взять и вычеркнуть из своей жизни даже самые безумные и честолюбивые мечты и планы. Они твои верные и надежные партнеры, никогда не предадут, бескорыстно, не требуя взамен благодарности, будут способствовать тебе на пути к успеху. Важно понимать, – продолжал голос вежливо и заботливо, – мечтая и фантазируя, ты легче справишься со стрессом и найдешь соломоново решение для самых сложных жизненных обстоятельств, потому что выход

есть всегда из любой кризисной ситуации. Правда, придется потрудиться и вдоволь попотеть. Надо осознать следующее: пока твой проект не земле не закончился, а черный верблюд смерти не усадил тебя на свой горб, чтобы увезти в беспросветную мглу, ты жив, у тебя есть еще время, чтобы совершить мужественный, достойный поступок. Однако суровая действительность часто подставляет нам подножку, свою коварную правую ногу, и мы со всей своей очевидностью понимаем, что в этой жизни не все так легко и просто дается. Но есть божественный, незыблемый закон жизни... – голос с минуту молчал, давая мне сосредоточиться на главной мысли нашего оскорбительного и безжалостного, но дружественного и правдивого ночного разговора. – Пока в твоей душе горит огонь, никто и ничто тебя не остановит. Если ты обладаешь твердой волей, а она у тебя есть, и безграничным терпением, вот этого у тебя недостаточно, если ты будешь действовать смело, решительно и настойчиво, если ты не струсил и не сдашься в суровых условиях своего существования, то реализуешь любую, даже самую сложную задачу и обязательно получишь утвердительный ответ на животрепещущий и злободневный вопрос своей настоящей жизни – «да» или «нет». Это означает, что у тебя есть все пятьдесят процентов на успех, – ну как не решиться на подвиг, имея такой мощный потенциал на победу.

Уже светало. За окном первые лучи восходящего солнца упрямо и властно превращали волшебное предрассветное зарево в чистое, отдохнувшее от дневной гари и пыли, светло-голубое небо, похожее на огромное зеркало, отражающее в памяти мою прошлую жизнь. Нежно смешиваясь с лазурным оттенком поднебесной, небо медленно принимало свой естественный голубой цвет.

«Не хватает только одного, – думал я, – горизонта, где сливается синее море с голубым небом, завораживая и маня, призывая сознание раскрыть свой внутренний мир, а ясный, острый ум взмыть ввысь, заглянуть за горизонт и помечтать».

– Сделай это, – послышался мне знакомый, командирский, но усталый от бессонной ночи голос. Этот повелительный тон моего собеседника вызвал у меня короткую вспышку гнева, однако породил доверие и уважение: никто и уже очень давно со мной таким образом не разговаривал.

«Наверно, тоже, как и я, не спал всю ночь. А ему чего не спится?» – подумал я, ехидничая.

– Помнишь, ты всегда говорил, – продолжал голос властно, – что жалеешь лишь об одном: что не было рядом с тобой человека, который каждый раз мог бы дать тебе по мозгам, чтобы остановить от необдуманных, опрометчивых поступков. Помнишь, что говорили тебе вслед твои недруги, да и завистливые друзья: «То, чем он занимается, не имеет никакой ценности, он не способен сделать даже самый мало-мальски простой бизнес, он может только

учиться». Ты сегодня на правильном пути, иди до конца и сделай то, что задумал, в противном случае даже не начинай. Твои бывшие и нынешние ревнители и хулители с нетерпением будут ожидать встречи с тобой, будут биться над разгадкой твоих успехов и удач. Но помни: тебе будет очень сложно. Если бы это было так легко, то все твои доброжелатели, близкие и не совсем закадычные друзья и товарищи сделали бы то же самое – все то, что принесло бы им известность и славу. Не сдавайся и ничего не бойся, радуйся каждому дню своей жизни, соверши безрассудный поступок, устрой себе долгожданный радостный и счастливый праздник жизни. Не оглядывайся назад, потому что это уже прошлое, это уже вчера, сделай из своей жизни мечту, а из мечты реальность своей неповторимой жизни.

– Эй, друг, ты мимолетом не перепутал берега? Ты случайно не ошибся адресом? Это ты говоришь обо мне? Если все, что ты сейчас наговорил, не бред и не шутка, было бы желательно вложить эти прекрасные, окрыляющие слова в уши самого Господа Бога.

Чуть погодя я услышал слова, которые определили всю мою последующую сознательную жизнь:

– Я и есть Твой Бог, а ты мой посланник на земле...

Уже почти два месяца, как я в разводе, и пока совершенно не ощущаю каких-либо серьезных изменений в своей повседневной жизни. Бывали случаи, когда я по делам надолго уезжал из Израиля, но чтобы я на долгое время мог оставить свою дружную семью без внимания, без торжественных застолий в Шаббат, – такого не было в моей памяти, этого я не позволял себе никогда.

Бессонная ночь, приватный и совсем не праздный ночной разговор взволновали меня, затронули самые сокровенные лабиринты моего сознания, растревожили, раскидали в пух и прах мои сокровенные мысли. Они лихорадочно, словно загнанные олени, искали выхода, стараясь найти любую, даже самую небольшую брешь, чтобы вырваться на волю из замкнутого пространства моей до предела возбужденной, горячей головы.

Я молча, словно набрав в рот воды, наблюдал со стороны на самого себя глазами моего ночного собеседника, и ничего приятного, что может радовать взгляд азартного волевого человека, ищущего выход из сложной жизненной ситуации, я не видел. Кругом в квартире царило гнетущее, всепоглощающее одиночество, беспомощность, бесконечные мучительные сомнения и мертвая тишина вокруг и внутри меня. Все мы проходим через трудные времена в своей жизни, иногда случаются моменты, когда молчание – на самом деле золото. Люди любят спокойствие безмолвной ночи, тихий шелест верхушек деревьев, мягкий, монотонный шорох осеннего дождя, звуки моря, убаюкивающий шум морских волн и крики чаек. Они по достоинству оценивают тишину за то, что она позволяет им оставаться наедине с самими собой, со всеми своими сокровенными мыслями и тайнами, получают жизненную энергию от самих себя,

погружаются в осмысленное раздумье, и наступает устойчивый, системный порядок в сознании, уравновешенное состояние ума.

Задумчиво и с любопытством наблюдая, как медленно и незаметно моему взору, неумолимо сокращалась за окном тень от восходящего солнца, я вдруг уже в который раз снова услышал знакомый и желанный мне голос.

«Как здорово, что ты еще со мной», – подумал я с радостью, внимательно вслушиваясь в каждое его слово, которое он наговаривал мне прямо в ухо. Наверно, мой незримый остроумный собеседник думал, что именно таким образом можно достучаться до моего сознания, до самых сокровенных глубин моего сердца.

– Время не стоит на месте и не идет вспять, – наговаривал голос простые, доходчивые слова, знакомые каждому из нас с детства. – Оно движется только вперед, посмотри внимательно за окно и понаблюдай за тенью: каждый сантиметр, каждый миллиметр сокращения тени означает сокращение и твоей жизни. Бессонная ночь ушла в историю, а завтра еще не наступило, только настоящее находится рядом с тобой, здесь и сейчас. То, что ты видишь за окном, и есть реальность твоей нынешней жизни. Мне пора восвояси, мой друг, мне жаль расставаться с тобой, но таковы правила моих отношений со Всевышним. Я уйду, как только скроется тень, – говорил он с чувством выполненного долга, – когда солнце встанет прямо над твоей головой. Мне надо успеть до заката доложить Ему о моей работе, но напоследок хочу все-таки разобраться с тобой простую жизненную ситуацию, происходящую в данный момент перед твоими глазами, за твоим окном.

Обрати внимание на тех парней, вон там внизу, под твоими окнами, которые ни свет ни заря идут гурьбой, вплотную прижавшись друг к другу. Это узбеки. Куда они направляются, как ты думаешь? О чем говорят они меж собой? О чем думают и мечтают? Не напрягай свои мозги по пустякам, я подскажу тебе. Они торопятся на биржу, где их работу, если, конечно, повезет, купят за гроши местные нувориши. Они с завидным постоянством надеются, что сегодня им обязательно удастся найти пусть даже самую унижительную работу, которая позволит им заработать на хлеб насущный. Они не думают о том, что сегодня им не очень-то хочется работать, потому что, видите ли, у них сегодня нет настроения трудиться, а у кого, мать его, есть настроение с утра и до вечера, семь дней в неделю, из месяца в месяц трудиться не покладая рук и за гроши?! Даже с высоты третьего этажа я вижу их невзрачное одеяние, их немые ноги в сандалиях на босу ногу, которые давно не встречались с душистым мылом. Спроси не их – спроси себя, как живет им в чужой, холодной и недоброжелательной стране, почему оставили родные места, дома, отцов и матерей, жен и детей и пустились в неизвестность, в чуждый им мир. У них «амбициозные» цели, они простые и конкретные: накормить, обути и одеть свои семьи – это спасительный круг, который держит их на плаву.

А теперь посмотри на себя, на свое жилище, в котором бесконечное количество комнат и огромное пространство, шкафы ломятся от содержимого в них – итальянских и английских костюмов и рубашек, а дорогим галстукам нет счета, которыми ты уже давно не пользуешься. Чего ты хочешь, что ты здесь потерял и так усердно ищешь, чего не хватает тебе для счастья? Нет, конечно, ты не сможешь сию минуту ответить на эти простые вопросы. Ты должен будешь пройти через безденежье и нищету, упасть настолько низко, где нет уже места живым, тогда, возможно, ты и найдешь ответы на вопросы, кто ты есть, где ты есть и куда же потом. Да, вернуться к осмысленной, наполненной яркими событиями жизни, – непросто, большинство людей теряются, им нужна помощь, вот почему я здесь, рядом с тобой, выполняю волю Творца. Если там, наверху, Он осознал бы, что твоей проект на земле завершен, если Он не увидел бы в тебе то, что усердно и терпеливо ищет в своих земных помощниках, я не провел бы наедине с тобой бессонную, насыщенную обстоятельными и откровенными беседами и разговорами ночь. Начни с простого, выбери главную цель своей настоящей жизни и следуй за ней не оглядываясь. А мне пора, солнце уже в зените и вот-вот тень исчезнет. Мы еще встретимся, но в следующий раз это случится в день твоего блистательного, заслуженного триумфа, и это обязательно произойдет, потому что Господь Бог положил на тебя свой взор...

Через несколько секунд солнце встало в зенит, тень исчезла и вместе с ней покинул меня мой душевный друг, но разговоры, его мудрые наставления закрепились в моем сознании навсегда.

Глава 10

Волгоградская область расположена на юго-востоке Восточно-Европейской равнины, граничит с крупнейшим степным регионом Казахстана, большую часть которого занимают солончаки, полупустыни, приближаясь к настоящим пустыням. Знойный юго-восточный ветер, довольно часто дующий из тех мест, носится от края до края над Волгоградом, оставляя тысячи тонн раскаленного песка и пыли на улицах и площадях города, опустошенный, выдыхается, распадается на ветерки и исчезает на бескрайних его просторах. В Волгограде этот ветер называют «казахским дождем», поэтому лето здесь жаркое и сухое, как в Израиле – там уже господствует хамсин, изнуряющий, жаркий ветер из Аравийской и Синайской пустынь. Временами хамсин в Израиле пере-

ходит в шарав – это название для очень жаркого и сухого дня. Средняя дневная температура в июне в Волгограде составляет + 27 °С, а в июле и августе + 29 °С. Нередки дни, когда столбик термометра поднимается до + 35, а то и до + 40 °С. И в Израиле самое жаркое время приходится на июль, когда средняя температура доходит до + 37. Что ж, хоть что-то общее есть между ними.

За последние 10 лет численность населения Волгоградской области сократилась почти на 120 тысяч человек, а по уровню жизни в 2022 году область оказалась на 42-м месте. Сам Волгоград, по данным Финансового университета при Правительстве России за 2022 год, вновь признан худшим городом по качеству жизни. Хуже, чем в Волгограде, по мнению экспертов, можно жить только в Чите, Якутске и Астрахани. Но вот израильский Тель-Авив впервые возглавил рейтинг самых дорогих городов мира и поднялся на первое место с пятого, которое он занимал в последние годы. Это связано прежде всего с ростом израильской валюты, шекеля, по отношению к американскому доллару. При этом и темпы роста населения Израиля являются одними из самых высоких среди развитых стран запада, ежегодно показывающих увеличение почти на 150 тыс. человек. В 2021 году общий коэффициент рождаемости в Израиле увеличился на 0,1 ребенка и достиг 3 детей на одну женщину. В Волгограде и области наступила демографическая катастрофа: рождаемость упала в два раза, а убыль населения пропорционально выросла – вдвое. Причем это не мнения каких-то неизвестных экспертов, а официальная государственная статистика.

Черт меня возьми, если я хоть что-то понимаю... Почему я все еще здесь, в этом захудалом провинциальном городе? Пугающая перспектива жизни в этом богом забытом месте, навязчивый и необъяснимый страх от безысходного одиночества перевернули мою жизнь вверх дном и ввергли меня в глубокую и затяжную депрессию. Почему именно в моей судьбе произошли эти прискорбные, необъяснимые события, не поддающиеся осмыслению, которые привели меня снова в этот волжский город? Почему все-таки моя карьера так стремительно пошла под откос, и почему я не смог противостоять этой неудержимой лавине трагических событий в моей жизни? Почему, в конце концов, тягостное ощущение одиночества, постоянно усиливаясь, ввергло меня в пучину дурных мыслей и меланхолии? Вопросов было миллион, а внятных, удовлетворительных ответов я не находил. Вскоре я потерял интерес ко всему тому, что происходило вокруг меня, даже стихийные бедствия в Израиле: наводнение, засухи, массовые лесные пожары, – с некоторых пор не цепляли мои чувства.

Если быть до конца откровенным, то и мое жилье с некоторых пор абсолютно не раздражало меня, все заботы и хлопоты о своем холостяцком житье-бытье я пустил на самотек. Меня совершенно не напрягала пыль, которая толстым слоем после «казахстанского дождя» накрыла мебель по всей квартире, разбросанные повсюду вещи, немытая на ночь посуда. По приметам чистая кухня привлекает удачу и достаток в дом. Как настоящий иудей, я не верю во

всякие приметы, суеверия и предрассудки. В Торе сказано, что властителем мира является великое Божественное провидение, и евреи верят в определенную закономерность происходящего. Зато телевизор, диван и вино вытеснили из моего однообразного существования активную жизненную позицию, что вызывало апатию и потерю способности позитивно мыслить. А зачем надо было это делать, если с экрана телевизора подсказывали, какими нужно быть, как жить и как вести себя, чтобы все было хорошо. Откуда было взяться способностям логически мыслить, если просмотр телепередач пожирал все мое свободное время.

Потребность в любой работе, лишь бы занять себя, губительно давила на психику. Я постоянно подстраивался под окружающих, чтобы быть для них классным парнем, чтобы всегда им угождать с целью привести их в хорошее расположение духа. Сегодня слыть неудачником, неуспешным человеком, не таким, каким нужно быть, стыдно и позорно, поэтому одиночество становилось привычным, а общение с друзьями не вызывало у меня положительных эмоций. Постоянная тяга и любовь к ностальгии, к прошлому перерастала в нежелание мечтать. Незавидная судьба и унылое существование ожидали меня в четырех стенах моего жилища, и это печальный и закономерный финал моей будущей жизни – несчастливый человек в счастливом мире, и тут ничего не скажешь.

В голове царил полный сумбур, неразбериха, хаос, обрывки мыслей и десятки, сотни провокационных вопросов. Все смешалось в сознании: честолюбивые планы, фантастические мечты и даже простые житейские радости, которые вмиг сменялись гнетущими воспоминаниями. В воспаленном мозгу нервное состояние: грустные мысли и горькие разочарования от упущенных феноменальных возможностей не давали покоя и в мгновение ока переводили меня от состояния легкой паники к глубокой душевной депрессии. Ностальгия по прежним временам принимала характер одержимости, постепенно овладевала моим разумом, снова и снова уносила меня в далекое и близкое прошлое.

Порой суровая очевидность моей реальной жизни казалась мне фантасмагорией, мне не верилось, что весь этот бред, это повальное форменное сумасшествие происходит со мной наяву. Но несмотря ни на что мое сердце продолжало ритмично биться в груди: тик-так, тик-так, тик-так, – и поэтому, не обращая внимания на реалии окружающего мира, я старался максимально, на пределе своих духовных и физических сил жить страстно и азартно. Я подсознательно понимал, что этот ровный, спокойный ритм моего сердца и есть тот самый волшебный Божий дар, мой главный вожденный приз от Всевышнего.

«У меня еще есть шанс оседлать свою жизнь и подчинить ее своей воле, – думал я, – взять под контроль свои мысли, чтобы достичь внутренней гармонии».

Конечно, легко описывать свое прошлое и настоящее, даже если оно не совсем увлекательное. Но зато какой кайф вспоминать о будущем, стать хоть на

короткое время, пусть даже в бредовых фантазиях, победителем – это когда ты можешь все, ну или почти все. Это заветное желание каждого человека, которое наполняет его существование смыслом, и не дай бог, чтобы эта жизнь прошла мимо и не оставила следа.

Хотелось мечтать, мечтать по-крупному, сладостно, дерзко, честолюбиво, по-юношески, представить себя порхающим высоко в небе, чтобы все то, что происходит там, внизу, казалось настолько мелким и незначительным, недостойным моего пристального внимания, что мне будет стыдно за мои пораженческие мысли и настроения. Давно известно: все, что происходит с нами и вокруг нас, случается только к лучшему. Так уж завелось испокон веков, что осень непременно перейдет в зиму, а за ней неизбежно наступит долгожданная весна. И мы вновь готовы страстно и восторженно любить, – понятно, без драмы и здесь не обойтись, так даже романтичней.

И вот я аж с самого утра напеваю блатные песни, а знакомые продавщицы зеленыю, заметив мое игривое настроение, понимающе, с приветливой улыбкой спрашивают: «Эй, Илюха! Наверно, ночь была классной, что ты до сих пор поешь?» «Да, конечно, – отвечаю я, – весна пришла, травка зазеленела, а соблазнительные женщины скинули с себя зимнюю одежду, полуобнаженные, с аппетитными формами, чувственные и эротические, они заставляют меня широко улыбаться и петь с утра».

«Что вдруг случилось со мной? Какие волшебные события неожиданно произошли, из-за чего моя душа затрепетала, а сердце учащенно забилось и силилось вырваться из груди?» – вполголоса спрашивал я самого себя, чтобы не дай бог не испугать чувства невероятного восторга и удовлетворения, внезапно захлестнувшего мое сознание. Неожиданно, ни с того ни сего все стихло, в комнате воцарилась непривычная тишина. Ненавижу тишину, а если она еще внутри тебя, тогда поминай как звали. А как хотелось быть услышанным, узнаваемым, востребованным, но никто меня не видел и не слышал, никого не было вокруг, – это нешуточное испытание, которое не поддается быстрому решению.

«А где же голос? Куда он делся, черт его возьми, мы ведь совсем недавно вели с ним доверительную и откровенную беседу, – продолжал я говорить с самим собой. – Голос? – мысленно спросил я себя. – Но он ведь исчез, скрылся из виду сразу, как только солнце стало в зените, хотя обещал вернуться в день моего триумфа. Ну и ладно, бог с ним, с голосом, повеселились, посмеялись, помечтали черти о чем, хотя он был бы сейчас очень даже кстати».

Чашка ароматного кофе – и все стало на свои места. Некоторые буйные мысли послушно, как первоклашки, застыли в ряд, ожидая своего выхода на подмостки. Другие, словно анархисты, где-то и как-то группировались, но не бунтовали, терпеливо ожидая своего выхода на авансцену. А самые решительные, представляя себя примадоннами и ведущими актерами, уже в полной мере хозяйничали на сцене, подсказывая своим коллегам, кто и когда должен

выходить на передний план, чтобы озвучить свои крылатые фразы и реплики, которые должны стать актуальными цитатами дня.

«Сегодня я ведь решил заняться уборкой... – вспомнил я одобренный мною стратегический план великих своих свершений, – никуда не денешься, когда приспичит, и полы начнешь мыть».

Жанна, когда повзрослела и сама стала мамой, часто советовала мне:

– Папа, если тебе хотя бы пять минут нечем заняться, если ты не находишь себе места и не знаешь, куда себя деть, начни с самого простого – с уборки. Нет, конечно, дорогой папочка, – писала она ласково, с любовью, – конечно, я не советую тебе каждое свое утро начинать с мытья полов, хотя это занятие очень полезно для здоровья. Я знаю с детства – ты полы не мыл. «Не мужское это дело», – говорил ты пренебрежительно, словно этот повседневный и неблагодарный труд удел лишь одних женщин. Наверно, и сегодня, проживая вдалеке от нас, полы в твоей квартире давно не встречались со шваброй и мыльной водой. Превзойди себя, – учтиво советовала мне Жанна, – начни с самого простого, но очень важного дела: надо без малейшего промедления и всякого сожаления выкинуть в мусорный ящик все то, что попадаете тебе под руку, все старье, все ненужные вещи, которыми ты уже давно не пользуешься. Пусть они в хорошем состоянии и определяют когда-то независимость твоей личности, пусть эти вещи служат тебе напоминанием о твоём прекрасном прошлом, но сегодня они несут в себе то, что уже давно минуло и уже невозможно вернуть назад. Эйфория в восприятии прошлого приводит к неудачам и поражению в настоящем, готовит катастрофу в будущем. Так вот, дорогой папочка, ноги в руки и давай дружно, с огоньком, как ты всегда делал свои дела, очисти от всякого баракла и хлама свою квартиру, и ты вскоре почувствуешь, какие прекрасные мысли и идеи вдруг ни с того ни с сего заполонят твою голову. Давай, папочка, смело и решительно и только вперед, с благными песнями, возмись за дело – и все у тебя получится!

Через пару часов в зале на полу была уже большая куча ненужных вещей. Не буду вдаваться в подробности, что именно я решил выкинуть, чтобы не отвлекать вашего внимания от моей умственной деятельности, но одно все-таки скажу – вещей в шкафах меньше не становилось. Я долго размышлял, что делать с визитками, которые ровными рядами заполнили плоскую коробочку, – их было не менее 500. Простое вроде бы дело – выкинуть визитки или оставить их на будущее, а нет, пришлось долго размышлять, прежде чем принять окончательное решение.

«Выкинь, – услышал я голос своего сердца, – это связь с прошлым. Никакими, даже самыми энергичными действиями невозможно изменить ход истории твоей жизни или внести даже незначительные исправления в этот процесс». Но голос разума настоятельно призывал: «Не смей выкидывать визитки, оставь их, они тебе еще пригодятся».

«Но как же так?» – думал я, вспоминая недавно прочитанные книги «Отношение определяет все» Джефа Келлера и «Маленькая черная книжка о связях» Джеффри Гитомера. Эти писатели – авторы бестселлеров по психологии управления и продаж, в которых они успешно, вправляя мозги своим читателям, советуют очевидные вещи.

«Сегодня многое зависит от связей, – пишут они, – у каждого из нас есть записная книжка, в которой хранятся координаты друзей, партнеров по бизнесу и прочих влиятельных людей. Возможно, среди этих людей есть и те, от которых может зависеть и твое будущее, достижение рабочих и жизненных целей, и это во многом может произойти благодаря этим визиткам, на которых напечатаны имена и телефоны их владельцев. Если ты обладаешь умением здраво мыслить, новаторски применять свои связи, творчески и системно использовать любую, даже самую случайную информацию, ты обязательно добьешься поставленных целей».

Так что же делать, чем руководствоваться, принимая это важное и принципиальное решение? Следовать зову сердца и выкинуть визитки, тем самым порвать связи с прошлым и начать все с нуля, или же задействовать разум, оставить визитки с надеждой на то, что когда-нибудь они выведут меня на связи, которые в конечном итоге и определяют направление моего счастливого будущего. Конечно, самый оптимальный вариант – это когда голос сердца и голос разума совпадают, но так случается крайне редко, потому что логика, ум и здравый смысл могут ошибаться, а вот голос души чаще всего оказывается прав, потому что не думает долго и не задает себе бесконечное количество вопросов.

В своей книге «Как заработать большие деньги?» гуру бизнеса Борис Березовский писал, что большие деньги всегда зарабатывались не очень умными и продвинутыми людьми, потому что они, начиная какое-либо дело, долго не раздумывали о возможных проблемах, которые могут возникнуть в процессе реализации планов и идей, они просто быстро принимали решение, где всегда есть 50 % на успех.

Помню, на заре моей безумной популярности в Казахстане, – я неоднократно в качестве международного наблюдателя принимал участие в выборах президента и парламента Казахстана, – мне порой приходилось бесчисленное количество раз давать интервью, часто выступать перед большими аудиториями. Так вот, на одной из таких встреч я высказал мнение о том, что каждое решение, принимаемое нами, всегда и при любом случае завершается позитивно, потому что в нем уже заложено пятьдесят процентов на успех. Спикер нашего собрания, обратившись в зал, сказал: «Обратите внимание, как мыслят израильтяне: 50 % на успех – и они начинают действовать. А мы же приступаем к активным действиям только тогда, когда уверены в успехе на все 100 %».

Конечно, не совсем верно принимать решения, не обдумывая и не анализируя логику всех действий, но не слушать интуицию и голос сердца при при-

нятии судьбоносных решений – никак нельзя. Так чему довериться – слушать сердце или разум? Можно сколько угодно спорить с мыслями, которые идут от разума, неприлично долго рыться в памяти, выискивая ответы на вопросы... И снова его величество случай просто и буднично разрешил извечный спор в этом сложном выборе между сердцем и разумом. Я, перебирая пальцами визитки в коробочке, машинально вытянул одну из них, и на этом закончился разлад, всякая полемика и разногласия между моим сердцем и разумом. Они вместе, в обнимку, в едином порыве понеслись к моим мечтам и фантазиям. На визитке жирным шрифтом, одними заглавными буквами красовалась надпись: «Посол Казахстана в Израиле Оразбаков Галым Избасарович».

В заключение этой полемики хочу привести отрывок из притчи «Разум или Сердце?».

Однажды Сердце тихо сказала Разуму:

– Кажется, я начинаю понимать, в чем подвох... На самом деле я всегда поступало так, как хотел ты.

Разум посмотрел на Сердце исподлобья:

– Потому что, поступая по-своему, ты теряло меня.

– Когда я поступало по-своему, я было живым! Поступая же так, как велишь мне ты, я умираю...

– Ну хорошо, скажи мне, кому нужно сердце, лишённое разума?

– А кому нужен разум, лишённый сердца?

Разум лишь холодно улыбнулся в ответ:

– Успокойся. Я обязательно что-нибудь придумаю. И никто этого не заметит, только никогда в жизни не отказывайся от радости сердца.

Чужая радость – она не своя, и печаль чужую не унять и не взять на себя. Можно сколько угодно радоваться и огорчаться, взволнованно говорить слова восхищения и утешения, но каждый человек в зависимости от своего душевного состояния по-своему испытывает чувство истинного наслаждения и сердечную боль. Поворотные события в судьбе каждого из нас имеют способность возвращаться бумерангом сквозь туман времени, чтобы напомнить нам, что ничто не вечно под луной и ничто не исчезает бесследно, что каждое наше слово, каждый наш шаг и поступок, каждое наше действие имеет свои последствия, которые в значительной мере и определяют наше настоящее и будущее.

Все проходит в жизни: веселье и грусть, счастье и несчастье, любовь и ненависть. Лишь время – этот невидимый, неосязаемый и бесценный ресурс, эта божественная магия жизни – постоянно, оно вечно, пока мы живем. Время, по известным только самому Господу Богу законам и правилам, едва заметными мазками рисует нас, органично вписывая наш образ в очертания постоянно обновляющегося пейзажа, в окружении которого мы находимся.

Я помню все, во всех подробностях, когда в 15 лет я впервые познал радость любви. Дождь, дудук, саксофон, флейта – невероятно красивая музыка

безмерно обостряла и без того пылкие, нежные и трепетные чувства, которые испытывал я тогда. Я помню все так четко, словно это произошло вчера, – нет, лгу, наверно все-таки позавчера, ну максимум неделю назад, – в общем, все произошло совсем недавно, а сегодня мне уступают место в трамвае, а бестактные кассирши в супермаркетах настойчиво требуют от меня пенсионную карточку, черт бы их забрал.

Рано или поздно все становится историей, именно время и обладает той великой силой, которая определяет систему и образ нашего мышления, ход и порядок сменяющих друг друга явлений и событий в нашем сознании. Мало-помалу все отходит на второй план, а то и на третий, четвертый и, возможно, даже на пятый. Наступают времена, когда нас перестают волновать и преследовать события из прошлого, когда напрочь все забываешь и с трудом вспоминаешь лица даже самых близких и родных тебе людей, когда начинаешь понимать, что ты глубоко одинок, опустошен, отвержен и не принадлежишь даже своей семье. И вот сейчас, держа в своей руке визитную карточку посла Казахстана в Израиле, формата всего-то 50 на 90 мм, мне представилась огромная страна со всеми ее регионами, их взаимосвязями и, конечно, людьми – видными, важными и влиятельными. Со многими из них я знаком лично и по сей день поддерживаю дружеские отношения. Но почему, черт возьми, держа в руке визитку Оразбакова, я думаю о Мусине Аслане Еспаулаевиче – человеке, который вспоминается мне каждый раз, когда в моей голове крутятся мысли о Казахстане. Почему именно Мусин, его образ прежде всего встает передо мной так ясно и масштабно, что невольно поднимаешь свой взор к небу и осознаешь, как непостижима жизнь человека и непредсказуема его судьба.

Мусин, один из самых влиятельных акимов Казахстана, на то время возглавлял Атыраускую область, основу экономики которой составляла, и составляет до сих пор, добыча нефти и газа. Такие компании, как СП «Тенгизшевройл» (ТШО) и Атырауский нефтеперерабатывающий завод, и ныне являются локомотивом экономического роста «степной республики». Среди четырех регионов – доноров республиканского бюджета первое место с большим отрывом и в настоящее время занимает Атырауская область. Как же мне, человеку со стороны, удалось вписаться в управленческую элиту богатейшей области Казахстана? Как мне, предпринимателю средней руки, так редко и фантастически повезло? Каким это образом карты легли в масть, что мне так легко и просто удалось осуществить масштабные проекты в Атырауской области, о которых знали и говорили во всем Казахстане? Как же я, черт возьми, умудрялся при лимите всего пять минут задерживаться в кабинетах многих акимов в Казахстане гораздо больше времени, чем отводилось мне первоначально.

Тугельбаев Сагат Кашкенович – первый аким Атырауской области после развала СССР. В Казахстане экономическая разруха, прерванные экономические связи привели к масштабной безработице, которая исчислялась

десятками процентов, что порождало трудноразрешимые социальные проблемы, а задержка зарплат исчислялась месяцами. Я же, чудак из Израиля, – именно таким образом обозвал меня Тугельбаев на первой встрече, – рисую ему, бывалому предпринимателю, фантастическую программу решения вопроса безработицы в Кульсарах, где и была в основном сосредоточена добыча нефти и газа региона. Аким с удивлением посмотрел на Сагитжанова Серика Кабдыкалиевича, президента АО «Тенгизнефтегаз», бестактно, с ехидной улыбкой спросил его:

– Ты что, доверяешь этому парню? Ты веришь в то, что он сейчас нам здесь рассказывает? Он же фантазер, я не верю ни одному его слову, думаю, что он просто разводит тебя. Смотри сам, – продолжал аким неодобрительно разглядывать меня, медленно поднимаясь с кресла, тем самым дав нам понять, что встреча перестала его интересовать. Напоследок он все же сказал то, что крутилось у него на языке: – Тебе платить и тебе отвечать.

– Вы совершенно правы, господин аким! – не удержался я и вписался в этот откровенно тягостный для меня разговор. – Да, я романтик, мечтатель и к тому же, как вы правильно заметили, большой фантазер, но я оптимистичный реалист, поэтому мы обязательно справимся с этой непростой задачей.

Чего-чего, а красноречия мне не занимать, да и страха перед руководителями высокого ранга я никогда не испытывал, – это, между прочим, израильская ментальность, – поэтому я смело высказал ему все, что было у меня на уме.

Сагитжанов был первым крупным руководителем в Казахстане, который доверился мне вслепую, и я его не подвел. Долго рассказывать о всех перипетиях реализации этого фантастического проекта, но ровно через полгода, как я и обещал акиму, в Кульсарах была возведена и пущена в эксплуатацию швейно-трикотажная фабрика на 350 рабочих мест. Тугельбаев, проходя между ровных рядов новеньких швейных машин, на которых работали местные женщины, не верил своим глазам. Он все допытывался у них: «Вы случайно не из соседней с нами Астраханской области прибыли к нам?» Но самое приятное произошло за торжественным обедом в честь открытия фабрики. Аким положил передо мной голову барана, затем сказал: «Илья, сегодня твой праздник, командуй на нашем параде». Спустя несколько лет Тугельбаев предложил мне взять в управление его аграрный бизнес, но мы не сошлись в цене: он хотел бесплатно, я же запросил слишком высокую цену.

Реальная жизнь порой крайне несправедлива. Я сам нешуточно испытывал это на своей собственной шкуре, но об этом потом, а сейчас хочу рассказать историю, которая вмиг перевернула, разорвала в клочья судьбу успешного предпринимателя, который купался в лучах своего процветания.

Сын Тугельбаева, красавец парень, гражданин Швейцарии, у которого вся жизнь была впереди, разбился насмерть на трассе, которая вела в Атырау. У него были грандиозные планы, он хотел создать лучший аграрный холдинг в

Казахстане. Было приобретено импортное оборудование для первых проектов, в том числе и возведения крупной птицефабрики. Уже были построены птичники, тут и там на площадке бесхозно лежали большие коробки с оборудованием, до которых никому уже не было никакого дела. «Я хочу назвать этот холдинг именем своего сына», – сказал мне Тугельбаев, показывая масштабы задумок своего сына. Как вы уже знаете, мы тогда не договорились.

Долго раздумывал, рассказать ли вам и эту печальную историю, но все же решился. Ибрагим и Райхан – самые влиятельные предприниматели в Западном Казахстане. Мне посчастливилось реализовать для них крупный аграрный проект на берегу Урала, в сорока километрах севернее Атырау.

Ибрагим, возмущаясь, с жаром говорил мне: «Послушай, Илья, я перестал заниматься своими прямыми делами и все свое время провожу на полях, показывая многочисленным гостям со всего Казахстана твои овощные проекты».

Ибрагим – один из самых крутых казахстанских подрядчиком «Тенгизшевройла», он в середине рейтинга 50 богатейших бизнесменов Казахстана. Его офис в центре Атырау говорит о колоссальной мощи его компании. Сын Ибрагима, Сулеймен Ибрагимұлы, родился 24 августа 1992 года в г. Кульсары. С 2003 по 2011 год он обучался в Билькенской лаборатории и международной школе в Анкаре (Турция). В период с 2011 по 2015 год Сулеймен учился в Эксетерском университете в Великобритании. Именно Сулеймейну Ибрагимұлы принадлежала идея создания боксерской промоутерской компании Suleimen Promotions, но воплотить мечту, к сожалению, молодому предпринимателю не удалось. В феврале 2017 года в возрасте 25 лет Сулеймен Акдрашев ушел из жизни. Убереги нас, Господи, предавать земле своих сыновей.

Чердабаев Равиль Тажигариевич – нефтяная легенда Казахстана, он был в свое время генеральным директором вновь созданного СП с американской корпорацией «Шевройл». Впоследствии он возглавил Атыраускую область, а затем управлял министерством энергетики страны. Будучи советником губернатора Волгоградской области по внешней экономике, я пригласил Равиля Чердабаева на встречу с представителями деловых кругов нашего региона. На приеме Равиль Тажигариевич предложил волгоградским предпринимателям рассмотреть возможность строительства в Атырау автозаправочных станций.

Он открыл карту города и дал им право выбрать любые места для строительства заправок.

– Все, что вы построите сейчас в Атырау, через пять-десять лет будет дороже в пять-десять раз, – говорил им аким.

– И кого же мы будем там заправлять? – насмехаясь, спрашивали они акима. – Верблюдов и баранов?

Недальновидность и скепсис, высокомерие и самомнение не позволили в то время россиянам увидеть реальность и перспективность этой заманчивой

идеи и занять достойное место в самом привлекательном инвестиционном регионе на всем постсоветском пространстве той поры. Автомобильные пробки из дорогих машин на дорогах Атырау сегодня уже норма. Особенно горжусь моим активным участием в сделке между Волжским трубным заводом и СП «Шевройл», на которой был заключен крупнейший контракт того времени – поставка труб большого диаметра для КТК.

Имангали Тасмагамбетов, бывший аким Атырауской области, своими великолепными организаторскими способностями за очень короткое время преобразовал Атырау в действующую нефтяную столицу Казахстана. Мои друзья и знакомые после возвращения из Казахстана, поднимая большой палец, говорили: «Мецуян», что на иврите означает «великолепно». Впоследствии мы с ним встретимся еще раз, но уже в кабинете посла Казахстана в России. На прощание он сказал мне: «Жди моего звонка, я тебя наберу». Я терпеливо жду до сих пор, но пока все безрезультатно.

Неожиданно зазвонил мой телефон, который вывел меня из краткого экскурса в историю моих взаимоотношений с политической элитой Казахстана.

– Господин Азарьев, – услышал я спокойный мягкий женский голос с заметно сохранившимся восточным акцентом.

Я обалдел, затем встряхнулся, сильно сжав телефон в руке, пытался лихорадочно вспомнить, кем бы могла быть эта женщина.

– Доктор Азарьев? – снова спросила она, словно хотела убедиться, что у телефона именно я.

– Да, – коротко ответил я, напряженно ожидая продолжения разговора. Голос не был знаком мне, что всегда настораживает, но и обнадеживает. Когда наши помыслы устремлены в мечты и фантазии, когда наши надежды направлены на светлое безоблачное будущее, мы на подсознательном уровне ожидаем только добрые вести, способные вдохновить на новые возвышенные дела и поступки.

– Ильясаф Годович, здравствуйте, это вас беспокоят из приемной посла Казахстана в России Галыма Избасаровича, – спокойно сказала она. Убедившись, наконец, что у телефона именно тот человек, к которому она обращалась, уверенно продолжила: – Посол готов встретиться с вами во вторник следующей недели в посольстве в Москве. Адрес посольства, надеюсь, вам известен. Пожалуйста, не опаздывайте, у посла очень плотный график работы.

– Да, конечно, – успел я только выговорить, хотел было поблагодарить женщину, но клянусь небом, я потерял дар речи, просто захватило дух.

«Вот это да! – воскликнул я, совсем не ожидая, что в моей жизни еще возможны приятные сюрпризы. – Вот это новости! Вот уж совсем не ожидал, – продолжал я восторгаться только что произошедшим событием, вновь открывшимся передо мной новым возможностям, и на самом высоком уровне. – Откуда, черт возьми, ему известно, что я сейчас в России? – И тут же ответил самому себе: – Какая разница, откуда, и какое, вообще, это имеет сейчас значение?!»

Мое лицо расплылось в счастливой улыбке, моему изумлению и восторгу не было предела.

«Наконец, по истечении двух месяцев абсолютного бездействия и мне привалило счастье», – думал, я предвкушая удачную встречу с послом Казахстана в России, а там, как у нас говорят, дело мастера боится.

Какой кайф вот так просто получить заряд хорошего настроения, тем более когда в памяти незримо встает образ выдающегося управленца, человека с противоречивым характером, жизнь которого была полна взлетов и падений, разочарований и чудовищных жизненных трагедий. Аслана Мусина, чья успешная карьера началась с назначения на должность акима Актюбинской области в 1995 году, называли человеком дела. «Где бы и на какой бы должности я ни работал, интересы своего народа, страны ставил и ставлю выше личных. Моя главная цель – придерживаться принципов скромности, духовности, доброты», – сказал Мусин уже в бытность акимом Атырауской области. Вскоре он станет одним из самых влиятельных глав администрации президента Казахстана за всю ее историю. В дискуссионном клубе «АйтПарк» оппозиционный политик и бывший вице-премьер Толеген Жукеев заявил: «Идеал Аслана Мусина – Лаврентий Берия».

«Что может быть логичнее безумной, красивой, абсолютно неправдоподобной случайности?» – писал Сергей Довлатов. Вот такая счастливая случайность настигла и меня, сведя меня с Асланом Мусиным. Его уважительное, благосклонное отношение ко мне позволило мне тогда в течение почти целого часа доказывать ему целесообразность возведения яблоневых садов в Атырауской области на основе капельного орошения. Скептиков в окружении Мусина было предостаточно, но аким поверил мне на слово.

– Хорошо, – сказал он в конце нашего разговора, – тебе нужно только найти фермера, кому мы могли бы выделить кредиты для реализации твоего проекта.

Напоследок Аслан Еспулаевич деликатно выразил мне свою сердечную благодарность за оказанную мною помощь его сестре, Светлане Еспулаевне. Она проходила месячный курс лечения в Израиле, и все это время мы не оставляли ее без нашего чуткого внимания. Затем несколько отвлеченно Мусин спросил меня, всецело осознавая нереальность своей задумки:

– А эти твои сады мы сможем показать президенту Казахстана?

– Да, конечно, нет никаких сомнений, Аслан Еспулаевич.

Голос мой звучал решительно и безапелляционно. Моя непоколебимая вера, высокомерная уверенность в только что озвученном мною обещании привела акима в благодушное, минорное настроение.

Он доброжелательно улыбнулся, затем сказал:

– Даю тебе один день, этот фермер должен быть у меня в кабинете завтра в это же время. – Вызвав помощника, он дал ему указание: – Илья завтра у нас в 15:00, запиши его.

Выйдя из кабинета акима, я кинул мимолетный взгляд на большую толпу чиновников, скопившихся в приемной. Усталые от долгого ожидания, они с нескрываемым раздражением смотрели на меня, веселого, жизнерадостного человека, только что вышедшего из кабинета самого Мусина с улыбкой на лице. Им, конечно, было интересно знать, кто я такой, как мне, человеку с улицы, удалось задержаться в кабинете акима аж на целый час времени и за какие такие заслуги я удостоился такой чести. А мне же оставалось только одно – удержаться на земле и не взлететь на небо, хотя в этом мире уже давно, с самого моего рождения, никто и ничто не могло остановить моего неукротимого стремления к активной жизни. Ведь Сам Господь Бог комфортно, по-хозяйски устроился внутри меня, я же не возражал против того, что Он, всемогущий Творец, мой наставник, мой проводник, хранитель волшебного огня моей жизни, не позволяет моей душе лениться, мечтам и фантазиям запылиться и потускнеть, а сердцу взять верх над разумом.

«Улыбайтесь, друзья, улыбайтесь везде и всегда... – вспомнилась мне первая строчка из самого популярного на то время хита, – ведь жизнь такая классная штука, она так прекрасна!» – вот и все, что я мог сказать моим немым «доброжелателям» в порыве своего счастливого момента. «Сделанное тобой к тебе же и вернется», – как-то сказал Черчилль. Чтобы завоевать благосклонность власть имущих, нужны добрые дела, убейте меня, но я не помню, кто сказал: «Твори добро направо и налево, не скупись на благие слова и еще лучше на дела – люби, дабы быть любимым».

Кайрат Абдрахманов, посол Казахстана в Израиле, умный, интеллигентный человек и к тому же интересный мужчина, редко звонил напрямую мне, и вдруг его неожиданный звонок застиг меня врасплох.

«Видимо, что-то очень важное», – подумал я, приготовившись внимательно выслушивать посла.

«Илья, привет, ты мне нужен для личного разговора. Когда сможешь быть у меня в посольстве?» – «Час времени, господин посол, и я у вас, считайте, что я уже в дороге».

Я лихорадочно перебирал в мыслях последние события из нашей жизни, пытаюсь понять, что могло произойти сверхъестественного, зачем послу так скоро понадобилась личная встреча со мной. Мне почему-то вдруг вспомнился вчерашний разговор с послом Узбекистана Ойбеком Усмановым. Оказалось, что в последнее время большое количество узбеков нелегально перебираются в Израиль для работы в массажных салонах. «Мне ужасно стыдно, – говорил Ойбек, – каждый раз реагировать на звонки из МВД Израиля с просьбой решить проблему с возвращением моих землячек обратно в Узбекистан».

«Но неужели такая проблема существует и с казашками, – думал я, – ну если это так, то чем я смогу быть полезен?» – в общем, в голове большая неразбериха. Но на самом деле все оказалось банально просто.

– Илья, – начал посол без предисловий, – мне позвонил аким Атырауской области Мусин и попросил оказать содействие его сестре, нужны хорошие врачи в Израиле.

У меня отлегло от сердца.

«Слава богу!» – подумал я, затем, обратившись к послу, я заверил его в том, что все будет сделано на самом высшем уровне.

– Погоди, погоди, Илья, это, конечно, очень здорово, просто замечательно, – отреагировал посол на мое решительное согласие, которое я дал ему не задумываясь. – Ты должен понимать, Светлана Еспулаевна родная сестра одного из самых влиятельных акимов в Казахстане и проколов в ее лечении не должно быть. Во-вторых, – продолжал посол, – она восточная женщина, да к тому же в возрасте, ей потребуется заботливый уход и особое отношение. Насчет финансов не переживай, – заверил он меня, – ей просто понадобится доброе человеческое участие во время ее пребывания в Израиле.

– Кайрат, ты ведь знаешь, мы, горские евреи, тоже восточные люди, у нас с вами общий менталитет, мы понимаем и глубоко осознаем, что необходимо нашим матерям в преклонном возрасте. Не переживайте, она не будет чувствовать себя одинокой с нами.

Светлана Еспулаевна пролечилась почти два месяца, и, когда пришло время расставаться, у нас всех глаза были мокрые от слез сожаления от предстоящей разлуки. Каждый раз, созваниваясь со мной, она, причитая, говорила: «Ой, Илюшенька, когда же я тебя познакомлю с моим сыночком? Он лично хочет поблагодарить тебя за твое нежное и доброе отношение ко мне, за твое внимательное и сердечное участие в решении моих житейских проблем во время моего пребывания в вашей прекрасной стране».

К моему сожалению, я не смог снова увидеться со Светланой Еспулаевой, но с ее сыном я встретился уже в Иерусалиме, где он со своим двоюродным братом, Асылбеком Мусиным, сыном главы администрации президента Казахстана, могущественного человека на то время, гостил у нас в Израиле.

На прощальной вечеринке Асылбек сказал: «Илья, я влюблен в Израиль, – сложив руки на груди, с большим почтением произнес Асылбек. – Я бывал во многих странах мира, в том числе в государствах Ближнего Востока, учился в Дамаске, Лондоне, Массачусетском технологическом институте, но так свободно, как в Израиле, мне нигде не дышалось. Ваши кибуцы поразили меня. Жаль, что у нас в Казахстане невозможно это реализовать: казахи большие индивидуалисты, они не перенесут кооперацию в предпринимательской деятельности. Тебе ведь известно, что индивидуалисты извечные враги социализма. Я же до сих пор, и пока безрезультатно, пытаюсь, основываясь на опыте израильских кибуцев, внедрить эту систему общественного труда в Казахстане».

Это была моя последняя встреча с Асылбеком Мусиным. Он трагически погиб в возрасте 38 лет, выпав из окна пятнадцатого этажа жилого дома в Риге. Аналогичным образом погибла и его супруга, эта драма произошла несколькими месяцами ранее таким же образом – она выпала из того же самого окна того же самого дома. Меня взволновало до глубины души, поразило в самое сердце, взорвало мозг, перевернуло сознание с ног на голову это страшное известие.

«Как же так, – раз за разом предавался я глубокомысленным размышлениям, – ведь совсем недавно мы вместе обедали в престижном ресторане Иерусалима и даже условились, что в следующий раз Асылбек прилетит в Израиль уже вместе со своей семьей. Были красивые люди, полные жизненной энергии, и они самостоятельно, сами по себе, без каких-либо принуждений ушли из жизни невысказанным способом».

А мир продолжает жить, не зная покоя. В Казахстане в воскресенье 19 марта 2023 года прошли внеочередные выборы депутатов мажилиса (нижней палаты парламента). Согласно предварительным данным Центризбиркома относительно результатов голосования, по партийным спискам в мажилис проходят шесть из семи принимавших участие в выборах партий. Так, партия «Аманат», правящая пропрезидентская и крупнейшая политическая партия Казахстана, набрала 53,9 %, народно-демократическая патриотическая партия «Ауыл» – 10,9 %, партия Respublica – 8,59 %. По словам президента Токаева, несмотря на различия во взглядах граждан, у всех казахстанцев общие устремления – это благополучие народа и светлое будущее государства. «Предстоит большая работа. Если мы сохраним наше единство и будем сплоченно трудиться, мы сможем преодолеть любые препятствия. Я верю в светлое будущее нашего талантливого народа. Интересы государства – превыше всего», – заключил он.

В качестве международного наблюдателя я принимал участие в выборах в мажилис Казахстана, которые проходили 19 сентября 2004 года. Кандидатами в депутаты мажилиса парламента баллотировались 513 человек. В выборах принимали участие 12 политических партий. «Отан» (Отчизна) получила 60,6 % мест в мажилисе, партия «Ақжол» – 12,0 %, «Асар», новая политическая партия во главе с дочерью президента страны, получила 11,4 %. Оппозиционные деятели утверждали, что быстрый рост влияния партии «Асар» во главе с Даригой Назарбаевой был связан скорее с династическими амбициями нынешнего казахстанского лидера, чем со способностью этой партии привлечь голоса избирателей. Однако на съезде партии 24 февраля дочь президента объявила, что в «Асар» («Всем миром») вступило уже 172 тысячи человек, что ставит ее на второе место по количеству членов после пропрезидентской партии «Отан». По словам Назарбаевой, треть казахстанских граждан, или примерно 5,5 млн человек, поддерживает предлагаемую «Асар» программу умеренных социальных реформ.

«“Асар” уверенно лидирует по доверию среди населения», – заявила Назарбаева *Kazakhstan Times*, добавив, что партия надеется получить большинство мест в будущем составе парламента. Это заявление Дариги Назарбаевой не было блефом. Я был свидетелем, каким образом были сфальсифицированы результаты выборов в Атырауской области. Председатель областной избирательной комиссии с волнением в голосе докладывал Мусину, что партия «Асар» намного опережает результаты партии «Отан». «Ты знаешь, что надо делать, – властно приказал Мусин председателю областной комиссии, – тебе полчаса, партия “Отан” должна выиграть выборы в нашей области».

Вице-президент парламентской Ассамблеи ОБСЕ Игорь Осташ заявил: «Во многих отношениях парламентские выборы в Казахстане не соответствуют стандартам ОБСЕ и Совета Европы о проведении демократических выборов». Ну разве мог Мусин тогда, на пике своей власти, предвидеть, что авторитарные методы управления страной могут бумерангом задеть его самого и ближайших членов его патриархальной семьи.

Трагедии семейства Мусиных на этом не закончились, – как говорят, пришла беда – отворяй ворота. Благородное семейство засветилось в серьезном скандале республиканского масштаба, который инициировал старший брат Аслана Мусина – Орынбасар Мусин. Он, разъяренный, как горный аргали – нет, наверно, все-таки, как евразийский волк, – это животное продолжает процветать в степях Казахстана, – выложил на YouTube адресованное главе государства обращение, в котором обвинял своего младшего брата Аслана в рейдерстве. Снова деньги, снова раздел имущества, снова финансовые разборки – и все это происходило между родными братьями, которые допустили самый страшный грех в исламе – гыйба – поклеп, осуждение, охаивание за глаза. Я отказывался верить тому, что видел своими глазами и слышал собственными ушами.

«Такого не может быть! – думал я. – Неужели эти почтенные мужи, которых я боготворил и уважал, ревнителю исламских традиций, где нечистые мысли и намерения являются таким же тяжким грехом, как и нечистые действия, могли ради имущества разорвать вековые устои братских отношений?!» Но когда в своем видеообращении Орынбасар Мусин попросил прощения у своего младшего брата, заявив, что оговорил его в пылу эмоций и что события, которые он изложил в своем предыдущем видеообращении, не совершались и не происходили, в моей голове вертелась только одна мысль: кто они, эти люди, и как, вообще, такое было возможно. Деньги, деньги, деньги, еще раз деньги... Если они в умелых руках, то могут сотворить чудо, но бредовая мания величия, основанная на шальных деньгах, доставшихся легко, без каких-либо усилий, является причиной большинства преступлений, и самое главное, может разрушить даже генетическую связь между родными братьями.

Все эти несчастья свалятся на голову Аслана Мусина потом, спустя много лет, а сейчас он, один из сильнейших акимов страны в зените своей славы, представляет президенту страны, Н.А. Назарбаеву, бескрайние просторы яблоневых садов на капельном орошении, раскинувшиеся до самого горизонта на фоне унылого пейзажа ковыльно-солончаковой степи. На этот раз головы барана не было, хотя, возможно, она и была, но меня самого не было на этом пышном придворном празднике, так как охрана категорически запретила присутствие иностранного специалиста на встрече с президентом. Зато было огромное количество телевизионщиков, которые показали всей стране израильские технологии при возведении яблоневых садов в западных регионах Казахстана.

Глава 11

Господь, создавая человека, скорее всего, заручился поддержкой Небесного Отца. «Ну а Бога самого кто создал и какие доказательства о его существовании можно представить?» – спрашивают атеисты. «А не нужно никаких доказательств, – отвечают верующие. – Если Бога нет, то кто тогда приложил свою чудотворную и всемогущую руку, создавая единую сложную систему, в которой клетки, ткани, органы тесно связаны друг с другом и взаимно друг на друга влияют?»

Мы, когда оказываемся в каких-то сложных жизненных ситуациях и обстоятельствах, когда нам помощь Божия особенно нужна, интуитивно просим его содействия. Сейчас, по истечении шести тысяч лет от сотворения Адама, можно пытаться оспорить это божественное творение, потому что у каждого из ныне живущих на земле найдется немало животрепещущих, возможно не очень деликатных, но злободневных и нелицеприятных вопросов к Творцу. Но главное Бог все-таки сделал. Он одарил человека интеллектом, одновременно наполнил сердца каждого из нас верой, надеждой и любовью, а рассудок – редкостным свойством, разумным эгоизмом, абсолютной человеческой ценностью, которая на первое место в жизнедеятельности человека ставит самого себя. А здравый смысл, как основной и надежный гарант земного существования человека, и сегодня ведет осознанную борьбу за выживание в этом непредсказуемом, стремительно меняющемся мире.

Отбросив безмерную гордыню и неуемную жажду денег из нашего самосознания как что-то незначительное, не имеющее истинной ценности,

разумный эгоизм не позволяет нам умереть живыми. Не мог же Господь Бог, автор самого популярного и на шумевшего произведения в истории человечества «Книга Жизни», мирового бестселлера всех времен и народов, дать человеку, популярному и ведущему актеру в театре жизни, роль второго плана или, того хуже, сделать его безмолвным зрителем. Конечно же, нет, ведь от Творца, сценариста, постановщика и главного режиссера, всецело зависит успех спектакля, в котором актерская игра наполнена полетом фантазии, а каждый эпизод – сплошная импровизация, каждое действие – мини-представление.

Хотим ли мы этого или нет, наша миссия на земле определена от начала и до конца. Мужчина в 60 лет – это самый «сок» жизни, он в полной мере осознает добро и зло, никому и ничего не должен доказывать. В этом возрасте мужчина понимает роль и смысл своей жизни, а самое важное – он свободен, но безнадежно одинок. Он с редкостным упрямством, навязчиво, во всем сравнивает себя с другими людьми, сумевшими добиться значительных успехов в своей деятельности и признания от общества. В сознании шестидесятилетних хозяйничает синдром нереализованного потенциала – это когда ты не раздумывая, безгранично веришь в себя, а надежда не оставляет равнодушным, считая, что ты еще достаточно молод и обаятелен и можешь удивить и впечатлить всех и вся. А сексуальные, с потрясающими бюстами, красивые женщины только и делают, что ждут твоих восторженных и заинтересованных взглядов, мечтая о встрече с тобой. Мужчина в 60, как и в 25, мечтает смело и романтично, хотя его мечты более приземленные и реалистичные. Но грезы о скором успехе, славе и богатстве из-за боязни их крушения сжимаются под влиянием настроений своих же доброжелателей. Не дай Господь попасться им на языки, чтобы не приклеили тебе позорное прозвище «трепач», злорадствуя над твоими временными неудачами. Ты по своей простоте делишься своими сокровенными планами, и все это только ради одного – чтобы похвастаться, показать ближнему окружению свою особую значимость, что ты в деле и такой весь из себя крутой, что можешь вот так запросто встретиться даже с послом Казахстана в России.

В своем стремлении добиться успехов мы часто обращаемся к помощи власть имущих, но эти люди едва ли пойдут на сближение ради только ваших амбициозных, пусть даже реалистичных, проектов. Ни былые заслуги, ни дружеские отношения не сдвинут их с места, они никогда не станут действовать вопреки своим личным интересам и выгодам.

Я впервые за много лет своей бизнес-карьеры не знал, что предложить чиновнику и чем его заинтересовать. Дело было в том, что, представив себе всю последующую цепочку взаимосвязей, я видел много различных проблем, которые могли усложнить реализацию даже самого элементарного проекта с участием посла. Я понимал, проблема была, в том числе и во мне, это у меня произошел надлом, который не позволял из-за страха неудачи в полной мере раскрыть свой профессиональный потенциал.

Медленно прохаживаясь по узкому коридору, устланному красной ковровой дорожкой, которая вела напрямик к приемной посла, я почувствовал абсолютное безразличие к предстоящей встрече.

«Зачем ты здесь? – вдруг снова услышал я свой внутренний голос. – Это очередная бесполезная трата времени. Посол, как любой чиновник, прежде всего человек. Он умен и рационален... Кстати, ты же с ним знаком и даже имел возможность общаться с ним в Тель-Авиве. Он, как и любой разумный человек, видит свою миссию на земле в том, чтобы прежде всего улучшить свою собственную жизнь, и ничего не предпримет ради твоей, пусть даже очень актуальной, бизнес-идеи, которая не принесет ему личной выгоды. Обрати внимание на фотографии предыдущих послов на стене, со многими из них ты лично знаком, а что в результате? Одно разочарование и унижение».

Я по инерции взглянул на длинный ряд портретов солидных мужчин в темных костюмах, которые с любопытством, неотрывно смотрели мне в глаза. Вот и Крымбек Кушербаев, старый мой знакомый, честолюбивый, амбициозный человек, жаждущий подчинить своей воле всех и вся. Я познакомился с ним здесь, в посольстве Казахстана в России, тогда он был лишь послом. Бывший боксер, с бойцовским характером и комсомольским запалом, в своем стремлении к власти он не был склонен к великодушию и возвышенным сентиментальным чувствам. Будучи прагматиком, хорошо понимающим законы власти, он гибко учитывал разные возможности и варианты решения проблем. Этот человек стоял и стоит по сей день в ряду самых влиятельных и непотопляемых государственных чиновников высокого ранга в Казахстане. У нас было много общего с ним: он и я родились в один и тот же день – 20 мая, начинали карьеру с ударных комсомольскихстроек, что интересно – мы оба занимались орошением. Кушербаев мечтал реализовать фееричную идею – создать в Мангистауской области агропромышленный комплекс, основанный на израильских технологиях, но у него не было слаженной, профессиональной команды для ее воплощения. Поэтому он пригласил меня и очень надеялся на то, что мое личное участие станет залогом абсолютного успеха этой фантазмагории, и для пущей важности назначил меня своим внештатным советником по внешнеэкономическим связям.

«Можешь на встречах любого ранга смело представляться моим главным советником», – высокопарно, сквозь зубы процедил Кушербаев. Это было во многом пафосное предложение, не подкрепленное официальным указом акима, но для организации частных деловых встреч с руководителями нефтегазовых и энергетических компаний региона было важным решением.

«Ну не будут же директора компании сомневаться в правдивости моих слов, – думал я, – чтобы удостовериться, так ли это на самом деле». Да и времена были сложные, в регионах Западного Казахстана, в особенности Мангистауской области, начинали зарождаться первые ростки социальных протестов

рабочих и нефтяников нефтегазовых компаний. Какой сумасшедший в такой сложной ситуации лишний раз потревожит акима области? Таких не было, и вот я, новоявленный советник акима, имел беспрепятственный доступ в кабинеты высоких начальников, в которых реально решались вопросы.

На стол Кушербаеву легла моя десятистраничная докладная записка, в которой указывался ряд насущных демографических, экономических и социальных проблем и варианты их решения, согласованные с президентом НК АО «КазМунайГаз» Каиргельды Кабылдиным. Я познакомился с ним совершенно случайно в кабинете Алекперова Вагита Юсуфовича, президента нефтяной компании «Лукойл». Представляя меня Кабылдину, Алекперов произнес несколько лестных фраз в мой адрес и красноречиво добавил, что я являюсь официальным представителем Лукойла в Поволжье. Да и реализованные нами проекты в Казахстане были известны всей стране, поэтому Каиргельды Максатович всецело доверял мне. Он заверил меня, что компания «КазМунайГаз» будет готова инвестировать 10 миллионов долларов в проекты, обеспечивающие новые рабочие места в Жанаозене.

«Как ты этого добился? – неподдельно удивился Кушербаев, затем добавил: – Но финансирование проектов будет происходить исключительно через администрацию области», – дав понять мне, что финансами будет распоряжаться лично.

Я уже был знаком с тем, каким образом решались вопросы финансирования, на примере управления сельского хозяйства администрации области, в три раза превышающего цены на системы капельного орошения фермерам региона. Когда дело запахло керосином, начальник управления области был уволен, но он успел в зародыше угробить само желание фермеров в дальнейшем использовать новейшие ирригационные системы на своих полях. Во время судебных разбирательств по ситуации в Жанаозене я предложил Кушербаеву перевезти его семью в Израиль. Сердечно поблагодарив меня, он вежливо отказался, но, прощаясь, сказал: «Илья, ты единственный человек, кто предложил мне помощь в это сложное для меня время. Что любопытно и очень интересно, этим человеком оказался еврей». Вскоре Кушербаев был назначен главой администрации президента Казахстана – непотопляемый чиновник.

Сегодня, на момент, когда я пишу эти строки, начало нового 2022 года, в городах и селах на западе Казахстана снова не утихают уличные протесты, на этот раз из-за повышения цен на газ. Митинги начались вечером 1 января после того, как стоимость сжиженного газа поднялась вдвое. Протесты проходят в городах Жанаозене, Курике, Шимкенте, Акшукуре, самый большой – в Актау. По сообщениям местных СМИ, на площади в Жанаозене утром 4 января насчитывалось около 10 тысяч протестующих. Люди всю ночь поочередно выступали на митинге и высказывали возмущение той ситуацией, когда «граждане страны, богатой углеводородными ископаемыми, вынуждены просить доступные цены

на газ». В течение трех дней протестов количество требований протестующих также увеличилось: кроме снижения цены на газ, они хотят искоренить коррупцию и кумовство, начать в стране строительство фабрик и заводов, сократить безработицу. Протесты тогда охватили всю страну, в результате цены на газ оставили на прежнем уровне, а правительство подало в отставку. Как будут развиваться события, никто тогда предвидеть не мог. Но Жумабай Карагаев, бывший заместитель акима Атырауской области, с которым мы планировали развернуть в регионе реализацию проекта кибуца, став заместителем министра энергетики Казахстана, попал под раздачу следственных органов. Он был арестован и многие месяцы провел под следствием, но вскоре был освобожден и сейчас занимает должность первого заместителя акима Мангистауской области.

Спустя некоторое время мы с Кушербаевым встретимся вновь, и на этот раз уже в Кызылорде, куда он был переведен акимом области.

– Ну что, Илья, – горячо, по-дружески обнимая меня, сказал Кушербаев, – считай, что у нас с тобой начинается новая ударная комсомольская стройка. Ты готов к активной работе? – Затем как ни в чем не бывало, просто и буднично спросил: – Как тебе Кызылорда?

– Я ужасно разочарован этим городом, – сухо ответил я.

Тотальный, сконцентрированный сгусток отрицательных эмоций готов был разорвать меня изнутри. Буквально всего два дня назад он отказался от встречи со мной в Алматы, на которую я прилетел специально по его приглашению из Израиля и битых три часа ходил вокруг да около назначенного места. Он так и не появился. «Прилетай в Кызылорду», – коротко ответил он и на этом наш телефонный разговор закончился.

Если хочешь что-то приобрести, ты должен быть готов что-то отдать. Я отдавал самое ценное – свое время, и с этим можно было смириться, я позволял Кушербаеву попираť свое человеческое достоинство. Он, принуждая меня к безоговорочному повиновению, выполнению всех своих желаний, не сомневался в том, что я разобьюсь, но выполню их, это ведь я и никто другой тремя самолетами добирался к нему на встречу, это ведь я терпеливо почти три часа ожидал его в Алматы, это я молча, не проявляя никакого, даже малейшего возмущения, выдержал его наглый ответ: «У меня нет времени». Знал бы мой сын, что его благополучная, обеспеченная жизнь зиждилась на глубоком унижении достоинства его отца.

Глядя прямо ему в глаза, зрачок в зрачок, я заметил, что не мигаю, я перегорел и он перестал меня интересовать.

«Как же горько, – думал я, – потратить так много времени на то, чтобы еще раз убедиться, что он так и остался властным, авторитарным повосточному, деспотичным человеком. Ведь говорила же мне моя старшая доченька перед моим отлетом в Алматы: “Папа, ты уже другой человек, ты много лет прожил в Израиле, где даже президента страны называют по имени. Ты не

сможешь там активно работать, отдавая свое сердце и всю свою душу их делу”. Надо было все-таки мне пройти этот длинный путь, чтобы я мог освободиться от мифического образа заурядного, чванливого человека, который был сам покорным, безвольным рабом президента страны».

Кушербаев смотрел на меня невидящим, холодным взглядом чиновника. Он понимал, что на этом наши отношения уходят в историю.

Каждый раз, когда я стою перед выбором, какое решение принять, я вспоминаю своего отца, гордого и смелого человека, который ради моего мнимого благополучия унизился перед возвеличенной безраздельной властью директора совхоза. «Хозяин» запросил слишком высокую цену, для того чтобы я, инженер-строитель, закончивший престижный строительный институт в России, мог получить работу у него в совхозе.

Выходя из кабинета директора, отец сказал мне:

– Хорошо, я отдам ему эти деньги, которые он запросил, – по тем временам это была огромная сумма, – но откуда ты будешь брать средства, которые ты должен будешь отдавать ему каждый месяц? Зарплата начальника участка в два раза меньше той суммы, которую он запросил, откуда ты будешь брать эти деньги?

Мой ответ завис в воздухе, слова замерли у меня на устах, я не посмел сказать отцу то, что крутилось у меня на языке.

– Буду воровать, как и все, – наконец выдавил я из себя.

Обернувшись, отец с горечью, но решительно сказал:

– Ты будешь воровать для того, чтобы платить ему шальные деньги, а я не буду спать ночами. Как тебе такая идея? Нет, сынок, – твердо и убедительно произнес он, – твое место в России, ты должен жить и работать среди русских людей, они добрее, душевнее и профессиональнее, чем многие коренные жители, откуда ты родом, это крайне важно в начале твоей карьеры...

«Это ваша стройка, уважаемый Крымбек! Я никак себя не вижу в ней», – сказал я акиму, мгновенно избавившись от гнетущих меня мыслей. Немного замешкавшись, я все-таки изложил ему свои условия, которые прежде всего возвысили меня в своих собственных глазах.

Я впервые дал понять демоническому властителю душ, что и он не все может. Подумав так, я коротко взглянул на него взглядом свободного человека, как вдруг зазвонил мой мобильник и я услышал знакомый голос Абдибекова: «Где бы ты ни был, никому ничего не обещай, срочно прилетай в Караганду, я тебя жду, меня назначили акимом Карагандинской области».

Я принял предложение Абдибекова и вскоре стал его официальным советником по внешнеэкономическим связям, но и это мое решение также оказалось неверным. Об этом чуть позже, а сейчас, глядя безразличным взглядом на человека, который в момент потерял всякую значимость для меня, я размышлял над тем, почему Творец, создавая наш разум, не дал нам возможность возвра-

щаться иногда в прошлое, чтобы мы хотя бы пару раз в жизни могли исправить необдуманно допущенные ошибки...

Вдруг я услышал уже знакомый мне женский голос: «Господин Азарьев, прошу вас, посол готов к встрече с вами».

Философия поведения чрезвычайного и полномочного посла Казахстана в России имеет свои законы, которые необходимо соблюдать строго по этикету. Но безмятежные и беззаботные времена безвозвратно ушли в прошлое, они изменились, превратились в беспокойный кризисный период современной истории Казахстана, население которого стремительно растет, ежегодно увеличиваясь почти на 3 %. Из года в год на рынке труда появляется более 500 тысяч новых, экономически активных, жаждущих хорошей жизни молодых людей. Оказалось, что отдельные казахи очень даже неплохо устроились по жизни, они имеют буквально все, живут в роскоши в особняках и дворцах на лазурном побережье Средиземного моря в Италии, Франции, Испании, а у большинства семей в Казахстане едва хватает средств на самую малость, на полноценное питание.

Эта нешуточная угроза социально-экономической стабильности в стране подошла совсем не вовремя, в самый разгар беспечного веселья и разгула безмерной, горделивой радости от прекрасно устроенной жизни нуворишей в Казахстане. Конечно, люди наверху, чинно восседающие на креслах-тронах в кабинетах размером с футбольное поле, понимали и осознавали эту серьезную опасность социального взрыва и каждый год клепали различные постановления, обязывающие акимов областей всемерно поддерживать развитие малого и среднего бизнеса в регионах. Главным показателем эффективной деятельности акимов на местах долгое время, да и сейчас, было создание новых рабочих мест. Власти Казахстана ставили перед собой «амбициозную» задачу – добиться устойчивой доли малого и среднего бизнеса в ВВП страны с 30 % до уровня 35 %, что является довольно низким показателем по сравнению с развитыми странами, в которых доля малого и среднего бизнеса находится в пределах 50–65 %. Но чрезмерно централизованная бюрократическая система управления, апатия, безразличность и подавленность среднего звена управления, отсутствие прозрачности и проблемы с коррупцией подрывали, подрывают и сегодня, усилия, направленные на проведение реформ, и отрицательно сказываются на доверии инвесторов и граждан. Инвесторы уходят, а граждане выходят на улицы городов с требованиями, не страшась репрессий и жестких подавлений инакомыслия.

В областных центрах всех без исключения регионов Западного Казахстана я обращал внимание на огромное количество вновь возведенных с архитектурными излишествами, помпезных дворцов торжественных обрядов.

– У нас, у казахов, много праздников, – отшучивались мои друзья.

Это отчасти было правдой, и дай Бог, чтобы в жизни этого степного гостеприимного народа были только праздники. Но проблема была все-таки в другом, в большинстве своем даже самые крутые деловые люди и люди с

большими деньгами имели местнический образ мышления. И если следовать за мыслями деловых людей, вложивших огромные средства в проекты, имеющие сомнительную эффективность, то их можно было понять.

– Да, – говорили они единогласно, – конечно, гораздо лучше строить производственные комплексы, но отсутствие масштабного внутреннего рынка сбыта сдерживает инвестиции в производство.

– Но обратите внимание на запад, – пытался я убедить своих друзей, – там, и это совсем рядом, Россия с грандиозным рынком, который может поглотить любую продукцию и в неограниченных объемах. – Я приводил им убедительные доводы в пользу инвестиции в производство и торговлю: – Посмотрите на своих соседей: таджиков, узбеков, киргизов, – они заполонили все крупнейшие торговые комплексы Москвы и других крупных городов Юга России, они просто озолотились на этом. – Я рассказывал им разные реальные истории из жизни новых торговых магнатов из азиатских республик, ближайших соседей Казахстана

Сегодня 12 июня 2012 года, шесть вечера, я на встрече с вновь назначенным послом Казахстана в России Галымом Оразбаковым. Не поддаваясь эмоциям, – слава богу, сама жизнь научила меня доверять себе и своим инстинктам, – я, не отвлекаясь на мелочи, максимально убедительно доложил ему о развитии малого и среднего бизнеса в Казахстане. Надо отдать ему должное, он молча, ни разу не перебив мой монолог, внимательно слушал меня.

– Казахи склонны к бизнесу, – говорил я послу, – поэтому если мы откроем на Юге России торговые центры для продажи товаров и продукции, производимой в Казахстане, то вы как посол в России с лихвой выполните свое главное предназначение, став крутым лоббистом по продвижению казахского бизнеса в этой стране. Думаю, – заканчивая свое выступление, сказал я послу, – умные люди найдут и свое место в таких масштабных проектах. Самое важное, вы ни на йоту не отходите от главной линии руководства страны, создавая в России такие центры. Так исторически сложилось, главным и самым масштабным рынком для реализации продукции малого и среднего бизнеса Казахстана и сегодня являются южные регионы России с их высоким покупательским потенциалом, и поэтому они могут стать основой для эффективного внедрения и продвижения продукции малого и среднего бизнеса вашей республики на быстро развивающиеся рынки России.

Оразбаков после завершения деловой части нашей встречи медленно, без суеты достал свою визитную карточку из солидного, дорогого футляра, оценивающе посмотрел на нее, повертел в руках, задумался на пару секунд, прикидывая исключительную важность своего решения, словно от этого поступка могла зависеть судьба государственных отношений между Израилем и Казахстаном. Затем, стремительно взяв ручку, он решительно записал номер своего мобильного телефона и, протягивая мне визитку, почти беззвучно сказал:

– Интересная идея, встретимся с тобой через неделю после встречи Назарбаева с Путиным в Москве. Жди моего звонка.

Ждать – это, наверно, самое трудное, что можно делать. Но горький опыт прошлых лет научил меня быть предельно сдержанным в своих действиях и поступках.

«Послу понравился мой доклад, наконец-то я дождался понимания крутого чиновника», – думал я, прощаясь с ним уже навсегда.

Вскоре послом Казахстана в России был уже совсем другой человек. Но он все же успел представить меня своему другу, за что я ему безгранично благодарен.

– Я хочу познакомить тебя с очень интересным человеком, он как раз в Москве и с минуты на минуту должен появиться здесь, – сказал посол, нетерпеливо взглянув на старинные настенные часы.

Вскоре в кабинет ураганом ворвался коренастый мужчина невысокого роста, плотного телосложения. Обнявшись по-дружески с послом, он повернулся ко мне и с восклицательной интонацией в голосе произнес:

– О, это тот самый горский еврей, о ком ты мне рассказывал?

Мы познакомились и с тех самых пор не расстаемся, стали добрыми закадычными друзьями.

В тот вечер мы засиделись допоздна.

– Ты знаешь, – говорил Шахмаран с жаром, – я, проживая в Казахстане, вообще не знал о существовании евреев. Но все изменилось в одночасье, когда я, Шахмаран Сеилов, степной парень, после школы поступил в Ленинградский электротехнический институт связи. На втором курсе лекции по теории линейных электрических цепей нам читал доктор технических наук, профессор Черне Хаим Исаакович. Данный курс мы изучали два семестра. Экзамен я сдал на «отлично». После моего блестящего ответа на вопросы Хаим Исаакович удивленно спросил меня: «Откуда вы родом, молодой человек?» – «Я из Казахстана, из города Никольский Джезказганской области». Понимая, что профессор может не знать, где этот город находится, я с гордостью пояснил, что это рядом с космодромом «Байконур», – с теплотой вспоминал Шахмаран историю из своей студенческой жизни. – «Вы издалека приехали учиться в Ленинград, так что не упускайте шанса получить хорошие знания. Казахстану нужны хорошие инженеры!» – напутствовал меня профессор. Вот так состоялось мое первое короткое общение с профессором Черне Хаимом Исааковичем. Доволен ли был он моим ответом, я не понял, но в душе был рад, что получил оценку «отлично»! – с гордостью рассказывал Шахмаран, немного смущаясь своего откровения с незнакомым ему человеком. У него была замечательная возможность вновь соприкоснуться со своей юностью, и он с воодушевлением продолжал экскурс в свою студенческую историю. – Хаим Исаакович начал читать нам вторую часть курса по теории линейных электрических цепей. После

лекции он попросил меня остаться и сказал: «Сеилов, я хочу вам предложить поработать у нас в лаборатории. Приходите на улицу Маклина завтра после занятий к 15:00. Это недалеко, за 30 минут доедете. Я буду там и расскажу, чем мы занимаемся». – Настолько сильно врезалась в память будущего доктора наук, декана факультета информационных технологий одного из самых престижных университетов Казахстана, президента Казахской академии информационных коммуникаций эта эпохальная для его будущей жизни встреча в далеком холодном Ленинграде, что он запомнил все до мельчайших подробностей. – Я был в восторге от этого неожиданного предложения, – вспоминал Шахмаран с такой широкой, открытой, искренней улыбкой, как могут улыбаться только люди с бескрайних степных просторов, – ведь это ответственно и престижно. Значит, я могу быть ему полезным. Вот так я, студент второго курса, был замечен и приглашен в лабораторию СВЧ-устройств нашего института. Я был счастлив от того, что мог видеть, как реальные люди делают настоящую науку! Низкий поклон вам, Хаим Исаакович, царствие вам небесное! Вы мой наставник! Вы мой кумир! Вы мне указали верную дорогу жизни, – горячо обращался Шахмаран, преисполненный искренней, сердечной благодарностью, к человеку, с которым я был знаком исключительно по его рассказу.

Глава 12

Вдохновленный встречей с посланцем, я, как когда-то в далеком детстве, в своих фантастических сновидениях, взмахнул руками, словно крыльями, и резко, на огромной скорости взмыл в небо. Там, высоко в небесах, где расположился сам Господь Бог, и я нашел свое удобное и надежное пристанище. Устремив свои помыслы в самую сущность своей заветной мечты, я наблюдал в реальном времени за тем, что происходило на земле, с высоты птичьего полета. Передо мной медленно, но уверенно вырисовывались корпусы нового казахстанского торгового комплекса в Поволжье.

«Оказывается, все возможно, – думал я, – нужно просто много и плодотворно трудиться – и успех не заставит себя ждать». «Зря ты сомневался», – мысленно обратился я уже к своему влиятельному другу, богатейшему человеку западного Казахстана, который однажды с удивлением спросил меня:

– А что, в Казахстане можно производить товары, которые могут заинтересовать российских покупателей?

– Да еще как можно, – убежденно ответил я ему, – в Киргизии ведь смогли.

Я часто рассказываю друзьям и знакомым эту удивительную историю, приключившуюся когда-то со мной ранним утром в аэропорту Алматы. Бизнес-зал аэропорта был заполнен до отказа лицами кавказской национальности. Это были смуглые мужчины с ухоженными черными волосами, одетые в куртки и плащи из натуральной черной кожи – самый пик моды 90-х годов.

Черный цвет считается классическим, его ассоциируют с интеллектом, властью и престижем. Стилисты говорят, что это тот цвет, в котором вас будут воспринимать всерьез. Вместе с тем психологи отмечают, что такую одежду не всегда носят уверенные в себе и своей власти люди. В любом случае любителям черного цвета чаще всего важно мнение других людей о себе.

Ленивым, черепашьям шагом переходя от одной компании к другой, они то и дело вставляли остроумные реплики в беседы стихийно сложившейся тусовки, так же медленно уходили, оставляя мирно беседующих парней в недоумении.

«Кто такие и куда летят в таком большом количестве? – неожиданно для самого себя подумал я, ощущая жгучее, неподдельное любопытство. Вглядываясь в лица парней, я все больше и больше находил в них до боли знакомые мне черты лица. – Наверно, прилетали на похороны своего знатного земляка», – заключил я, стараясь незаметно пробраться к стойке бара. Я сам «черный», привык видеть вокруг себя подобных себе людей, поэтому спустя некоторое время мой интерес к ним абсолютно пропал. Вели они себя достойно, говорили между собой шепотом, всячески стараясь не обращать на себя лишнего внимания.

Крепкий, ароматный, только что сваренный кофе повысил уровень дофамина в мозгу, который стремительно улучшил мое настроение, я почувствовал себя бодрее и веселее, тем более у меня была веская причина для горделивой радости. Снова и снова прокручивая в голове вчерашнюю встречу с Кулибаевым, я возгордился до небес. «Ты молодчина! – мысленно похвалил я самого себя. – Добился встречи с таким крутым человеком в Казахстане!» Я был горд тем, что поручение губернатора выполнил на все сто процентов. В своих мыслях я мечтал о массе одобрительных отзывов от губернатора в присутствии сотрудников администрации области. Вдруг меня на безупречном языке горских евреев попросили немножко подвинуться за стойкой бара двое молодых людей. Они приняли меня за своего парня и не ошиблись.

– Вы горские евреи? – с нескрываемым удивлением спросил я их.

– Да, – коротко ответил один из них, вопросительно взглянув на меня, не прикалываюсь ли я случайно.

– Откуда вы едете и куда держите свой путь? – продолжал я свои расспросы и, не дождавшись ответа, задал им нелicenseприятный вопрос: – Вы, наверно, были здесь на похоронах? – После такого не очень корректного вопроса в ответ я услышал долгую, тягостную тишину.

«Какого черта я задал этот идиотский вопрос, – думал я, – что, совсем слетел с катушек, кавказские люди не задают друг другу подобные вопросы».

– Черкизон, ты слышал о таком рынке в Москве? – с некоторым запозданием и недоумением, жестко ответил молодой человек из-за плеча сидевшего рядом со мной своего приятеля. – Мы работаем на этом рынке, торгуем китайскими товарами. – Он немного помолчал, затем продолжил говорить на нашем родном языке: – Ты пройдишь и присмотришь! Возможно, найдешь своих знакомых среди нас. Если ты горский еврей, ты не можешь не знать про Черкизовский рынок. – Оставив недопитым кофе, извинившись уже по-русски, он потянул своего товарища за рукав, и они растворились в этой огромной толпе моих земляков.

Черкизон («Черная дыра») – легендарный оптовый рынок, народный университет горских евреев России с одним единственным факультетом, но зато каким! Экономика управления малым, средним и даже крупным бизнесом, изучающая инструменты и методологию для решения практических задач в бизнесе, кузница выдающихся предпринимателей мирового уровня под названием «Черкизон» тогда только начинала свою недолгую, но яркую историю. Эти молодые ребята стояли у истоков зарождения и развития гигантского оптового рынка, который создавал новый тип делового человека из среды горско-еврейской молодежи.

После распада Советского Союза большинство горских евреев Кубы и Дербента разъехались кто куда – в Израиль, США, Германию, но главным образом – в крупные города России и, конечно, в Москву. Жизнь выталкивала из своих родных мест энергичных и предприимчивых мужчин на заработки. Волгоградский рынок также был наводнен моими земляками из Северного Азербайджана и Южного Дагестана. Овощами и фруктами на рынке в основном торговали горские евреи, выходцы из города Кубы, что расположен на северо-западе от Баку. Было понятно, что к Острову Свободы азербайджанская Куба не имела ни малейшего отношения. Хотя именно Красную Слободу, которая уютно расположилась на склонах горы Шахдаг, на правом берегу реки Кудиал-чай, с уверенностью можно было назвать «островком еврейской свободы».

Роскошные дома европейского уровня, отмеченные азиатским шиком, прежде всего говорили о том, что их владельцы больше всего тяготеют к восточному образу мышления. По мнению некоторых ученых, горские евреи являются потомками древних евреев, изгнанных из Израиля в Иран, где они освоили язык местного населения, а затем были вынуждены переселиться на Кавказ. Сначала они спасались здесь от огнепоклонников, а спустя века – из-за отказа принять ислам – от преследований мусульман. Существует и другая версия – о том, что горские евреи являются татами – иранцами по происхождению, которые во времена Хазарского каганата (VIII–X века) были обращены в иудаизм.

«Нам не надо доказывать, что мы евреи, это и так ясно: еврейская жизнь в Кубе и Дербенте всегда бурлила. Некоторые говорят, что мы потомки

хазар. Нет, мы не хазары. Другие говорят, что мы выходцы из Израиля, но не приводят никаких доказательств этому, потому что нет исторических документов правдивости этой версии. Отдельные любители истории горских евреев, вообще, полагают, что мы потомки пленников, выведенных из Сциллы и Харибды после безуспешной осады Иерусалима аж две тысячи лет назад. Я считаю, что мы на самом деле выходцы из Испании», – об этом я написал в своем открытом письме королю Испании.

Иногда и я, студент строительного института, стоял рядом со своими земляками и помогал им в торговле цветами. Мне платили хорошие деньги, которые позволяли по тем временам прожить нормально неделю в большом городе. У многих из них были уже свои овощные склады, крупные магазины. Развивались бурно еврейские семейные кланы, они создавали новые виды деятельности и бизнеса. Детей устраивали в музыкальные школы и университеты, делали свадьбы на кавказский манер. Невест и женихов уже находили здесь, на месте, не надо было ради этого ехать в Дербент или Кубу. Но все переменялось в течение одного месяца – большинство семей стремительно поднялись и перебрались в Москву. Черкизон открывал перед ними новые, более масштабные горизонты в бизнесе. Они не ошиблись в своем новом выборе и выиграли по крупному, стали хозяевами своей судьбы.

Экономическое благополучие и материальный достаток открывали возможности для новых горских евреев к масштабной политической деятельности. С Зауром Гилаловым, московским бизнесменом, я встретился впервые накануне собранного им первого Всемирного конгресса горских евреев, который проходил в феврале 2003 года в гостинице David Intercontinental. Со всего мира собрались на съезд представители горских евреев: руководители общин, видные государственные, религиозные и общественные деятели, представители науки и культуры, бизнесмены, журналисты. Отчетливо помню, как с трибуны форума к делегатам обратились бывший министр иностранных дел Израиля Биньямин Нетаньяху, бывший генеральный директор канцелярии президента страны Авигдор Ицхаки, главный сефардский раввин Израиля Элиягу Бакши-Дорон, главный раввин Москвы, глава Раввинского суда СНГ Пинхас Гольдшмидт, депутат кнессета Юрий Штерн (Благословенной памяти) и другие известные деятели. Было зачитано приветствие от президента Евроазиатского еврейского конгресса Александра Машкевича. Надо отметить, что все финансовые затраты по организации и работе конгресса взяла на себя группа компаний «ЗАР».

В ноябре 2003 года Заур Гилалов в качестве президента DRUT совершил в Нью-Йорке свой первый официальный визит в Белый дом, встретился с представителями американской администрации и президентом Совета крупнейших еврейских организаций Америки Рональдом Лаудером. А 13 ноября 2003 года Заур Гилалов провел в Нью-Йорке заседание президиума Всемир-

ного конгресса горских евреев. Под эгидой DRUT 22 января 2004 года в Тель-Авиве, в университете Бар-Илана, состоялась конференция. Прошло много лет со дня проведения Всемирного конгресса горских евреев. За это время выросло новое молодое поколение горских евреев. В настоящий момент во многих городах Израиля и в странах, где проживают горские евреи, проходят форумы, конгрессы, вечера культуры и конференции. И это, безусловно, заслуга первого конгресса горских евреев и его первого президента Заура Гилалова. Тот свет, который он зажег в сердцах своих соплеменников, еще долго будет освещать путеводной звездой их великие дела и свершения! В 2004 году, в канун праздника Пурим в Москве, недалеко от своего дома Заур Гилалов был убит. С тех пор всякая масштабная деятельность Всемирного конгресса горских евреев прекратилась.

Вдруг, словно издавека, я услышал знакомый голос человека, который энергично тряс меня за плечо, пытаясь вывести из гипнотического оцепенения: «Эй, Илья, проснись, хватит уже прохлаждаться, мы идем на посадку», – говорил мне возникший откуда ни возьмись Алексей Семенович Овчинников, ректор Волгоградской сельскохозяйственной академии. Уже в самолете на Волгоград он с недоумением спросил: «Надолго к нам? Если надолго, заходи, поговорим». Вот и поговорили, что в конце нашей встречи он предложил мне стать своим советником по инновационным технологиям. Алексей Семенович самолично показал мне мой будущий кабинет рядом с приемной ректора, даже пообещал секретаршу. Это не было спонтанным решением известного ученого – мы давно дружили, имели тесные взаимовыгодные деловые отношения, моя компания, которая занималась капельным орошением в регионе, сделала своим базовым научным центром аграрную академию. Используя авторитет академии и ее научные кадры, мы активно внедрялись в сельскохозяйственный регион Юга России. В свою очередь, наши гости, руководители и ведущие специалисты крупнейших европейских и израильских аграрных компаний, по нашей инициативе читали открытые лекции для студентов и аспирантов академии по теме «Инновационные технологии орошения».

Сегодня 15 июня 2012 года, почти три месяца спустя после моего возвращения в Россию должно решиться, стану ли я советником ректора или нет. Но я, наученный жизненным опытом, не представлял себе реальности всего происходящего, мне казалось, что я еще сплю, удобно устроившись в кресле бизнес-зала в аэропорту Шереметьево, продолжая летать в облаках своей мечты, которые невидимой паутиной окутали нас с послем Казахстана в одно целое. Я слабо представлял себе, чем буду заниматься и что буду делать на этом поприще, как смогу реализовать идеи ректора в жизнь. Трудная категория – эти псевдоученые, которые в большинстве своем наводнили кафедры и институты аграрной академии. Жалко было смотреть на студентов и аспирантов, которым почти ежедневно приходилось встречаться с ними.

«Чему они могут их научить? – с грустью в сердце думал я и с этими невеселыми мыслями зашел в кабинет ректора. – Возможно, для меня сейчас это самое подходящее место для работы», – размышлял я, пока ректор разливал приготовленный им же кофе.

Он с уважением относился ко мне, поддерживал в моих начинаниях и не слишком был требователен.

«Что тебе еще нужно? – думал я, все еще молча, с интересом наблюдая за ректором. – А что если вдруг посол возьмет да и позвонит, скажет своим тихим голосом: “Илья, окей, давай вперед”, что тогда будешь делать? – крутились предательские мысли в моем мозгу. – Ого, что-то волнуюсь», – подумал я, почувствовав внутри себя эмоциональное напряжение, даже без легкой дрожи в руке не смог поднять чашку кофе. Слава богу, в это время ректор говорил по телефону и не заметил моего едва заметного замешательства. – Давно такого волнения не испытывал, даже в день моего развода я выглядел гораздо увереннее и спокойнее», – продолжал я мысленно рассуждать над сложившейся ситуацией.

Я рассматривал этот вариант своего трудоустройства как переходный для себя с точки зрения моего плана на будущее. Я ведь всегда хвастался, что надо мной не было и не будет хозяина, никто и никогда в моей жизни не будет давать мне команды типа «запиши, а завтра доложишь». И вообще, смогу ли я после многих лет свободной жизнедеятельности начать снова с приказов в свой адрес?

«Не понравится – уйду, а что меня может держать, – уговаривал я самого себя. – И все-таки я паникую», – продолжал я говорить в мыслях с самим собой и поэтому принял такое скоропалительное и не обдуманное до конца решение – стать советником ректора университета, хотя это самое последнее, о чем я мог мечтать.

– Меня сотрудники университета уговаривают отложить мое решение насчет тебя на несколько месяцев, – оправдываясь, глядя куда-то в сторону, но только не на меня, сказал ректор на следующей нашей встрече и замер в ожидании моей реакции.

Я неслыханно обрадовался его решению: не по душе мне все это было, и вообще, Волгоград перестал меня интересовать, но мне очень было нужно, чтобы он отказал, и неважно было, под каким предлогом он это сделает.

– Я возьму неделю на размышления, – сказал мне ректор, я не возразил, показав, что мне по большому счету все равно, какое он примет решение.

Мы попрощались, я вышел из кабинета ректора, как будто он только что снял с меня тяжелый груз, который сам же взвалил. Все те, кто работал со мной, говорили, что у меня ярко выраженный независимый характер, – так какого же черта, мать его, ты мечешься, как угорелый, подыскивая ярмо для себя? Обернись вокруг и посмотри на людей, которые за какие-то гроши продают свое время, самый ценный ресурс жизни, работая на чужого дядю. Вспомни, что ты сам всегда говорил своим помощникам, читая им нравоучения: «Самый эффективный бизнес тот, который ты делаешь один, самостоятельно».

Я вдруг вспомнил мой вчерашний сон. Работница, которая занималась регистрацией билетов на самолет, взяла мой авиабилет и пошла проверять его, не сказав при этом, когда возвратится с ним. Я проснулся, так и не дождавшись ее возвращения. Все, что ни происходит, все к лучшему. Я уже не верил, что ректор примет какое-то позитивное решение по моему вопросу. Хотя сказал, что очень заинтересован и видит во мне человека, который принесет новые веяния в деятельность академии. Будем ждать, его мать...

Перебирая от нечего делать визитки одну за другой, я заметил, что в последнее время это занятие стало моим неожиданным увлечением, которое медленно, но уверенно превращалось в хобби. Конечно, особого удовольствия от этого бесцельного времяпровождения я не получал. Но эта бесполезная трата времени отвлекала меня от грустных мыслей, погружала сознание в далекое прошлое, тем самым позволяла, пусть даже на короткое время, исчезнуть из реальности своей никчемной жизни. Разбирая визитки, я чуть замешкался, и несколько карточек выпало из моих рук. Уже поднимая их одну за другой, я остановил свой взгляд на визитке Езубова А.П. – депутата Государственной думы России, ближайшего родственника Дерипаски – богатейшего бизнесмена, который владеет масштабными аграрными компаниями.

«Возможно, им нужны люди для управления их бизнесом», – подумал я, набирая его телефон.

– Алексей Петрович, здравствуйте, вы помните меня?

Удивительно, бывает же такое, но он отреагировал мгновенно.

– Привет, привет, Илья, да, конечно, помню, такого парня невозможно забыть, – услышал я в ответ.

«О, хорошее начало», – подумал я, затем продолжил на автомате, не ожидая никаких позитивных сдвигов в этом разговоре.

– Мы готовы взять в управление любую вашу аграрную компанию и довести ее до самого высокого уровня, – нахально, но очень убедительно выпалил я, чтобы не испугаться самому от своего сногшибательного предложения.

– Хорошо, мы готовы рассмотреть твоё предложение, – просто и неожиданно для меня ответил Езубов.

Мы договорились, что я переправлю ему некоторые материалы и документы для ознакомления с нашим профессиональным потенциалом. Я научил себя доводить любое начатое дело до конца. Несмотря на то что у меня не было надежды найти в его лице работодателя, я собрал кое-какие документы и направил их ему.

Это надо же было Творцу затеять такую длинную и сложную многоходовку, чтобы спустя почти 20 лет связать меня снова с Алексеем Петровичем. Мы познакомились с ним в Саяногорске, это произошло на момент моего посещения Саяно-Шушенской ГЭС, куда меня любезно пригласил на экскурсию тогдашний генеральный директор объединенной энергетической системы Си-

бири Зубков Владимир Александрович. Невероятный факт из моего личного знакомства с ним до сих пор в моей памяти. Это было связано с крупнейшей на тот момент техногенной катастрофой, произошедшей 17 августа 2009 года на Саяно-Шушенской ГЭС. Некоторые специалисты поставили эту катастрофу в один ряд с аварией на Чернобыльской атомной станции. Непосредственной причиной аварии на ГЭС, как показало расследование Ростехнадзора, стали дополнительные динамические нагрузки переменного характера, что привело к срыву крышки и затоплению машинного зала станции.

Когда в 1995 году я своими глазами увидел машинный зал Саяно-Шушенской ГЭС, я не верил своим глазам, что такое, вообще, можно построить, и это грандиозное сооружение было делом рук не волшебников, пришельцев с других миров, а обычных строителей из самой глубинки России. Но еще в 1995 году, за десять лет до аварии, как-то в разговоре за чашкой чая Зубков поделился своими опасениями именно насчет этой самой динамики нагрузок, которые могут принести большие беды.

«Меня снова занесло», – подумал я, продолжая раскручивать череду событий, где в самом начале стояла масштабная фигура борца в прямом смысле этого слова. Поговаривали, что Зубков был в свое время даже чемпионом России не то по вольной, не то по классической борьбе. Он со своей экстравагантной супругой был гостем Станислава Ильасова, руководителя ЮЖМЭС – энергетической компании на Северном Кавказе, я же в это время был у него советником по экономике и одновременно представлял интересы компании в Поволжье, где велось строительство высоковольтной линии Балаковская АЭС – Юг России. Ильасов поручил мне уделить максимум внимания гостям, с чем я успешно справился. Зубков, в свою очередь, пригласил меня посетить с ответным визитом Байкал – и пошло-поехало, мы подружились. Учитывая, что Саяногорский, Братский и Красноярский алюминиевые заводы потребляли электроэнергию с объединенной энергетической системы Сибири, а Езубов Алексей Петрович на то время представлял интересы АО «Русал» в регионе, вот на одной из таких тусовок мы познакомились и до сих пор поддерживаем дружеские отношения. Пусть кто-то теперь скажет, что в этой связке не было руки Всевышнего.

Слава богу, в отдельной части этой запутанной истории мне была отведена роль стороннего наблюдателя. В течение 1995–1996 годов УФСБ по Красноярскому краю осуществлялась разработка преступной группировки, в состав которой входили лица из различных краев и областей, в том числе из Москвы и Красноярска. Группировка разрабатывалась на предмет хищения денежных средств в особо крупных размерах в сфере энергетики. В материалах следствия подробно описана схема взаиморасчетов векселями, действующая в 1994–1996 годах. По оперативным данным, организаторам вексельной аферы удалось похитить около 590 миллиардов рублей (столько было выпущено векселей «Сибирьэнерго»). Было и банальное хищение денежных средств

из «Красноярскэнерго» через «Сибэнергобанк», которые перечислялись на личные счета подельников – пайщиков банка. Основными фигурантами выступали: заместитель генерального директора ОЭС «Сибирьэнерго» Комаров Вадим Александрович, председатель совета директоров «Сибэнергобанк» Митяшин Алексей Николаевич, генеральный директор «Красноярскэнерго» Иванников Владимир Михайлович. Все перечисленные лица являлись пайщиками «Сибэнергобанка», зарегистрированного в существовавшей в те времена офшорной зоне в Республике Алтай. Также фигурировали руководители различных энергетических компаний России (Анатолий Дьяков и Владимир Зубков). Собрав все необходимые доказательства вины практически на всех фигурантов, материалы были направлены для возбуждения уголовного дела в Красноярскую краевую прокуратуру. 31 марта 1996 года дело было возбуждено за № 3050581 по признакам ст. 147 части третьей УК РФ – «мошенничество в особо крупных размерах», а 3 апреля 1996 года Митяшина А.Н. взяли под стражу и через два дня предъявили обвинение.

Спустя несколько лет я совершенно случайно встретился с Зубковым в приемной губернатора Волгоградской области. Я был поражен увиденным.

«Что привело корифея энергетики России, прошедшего Крым и рым, благополучно добившегося прекращения уголовного преследования в отношении себя, в наши края?» – напряженно размышлял я, с любопытством изучая новый облик некогда одного из самых крутых людей в энергетике России.

Он скромно сидел в приемной, ожидая приглашения на встречу с Максютой. Когда наши взгляды встретились, он растерянно улыбнулся, кивком головы указал на дверь и проследовал на выход из приемной. Мы крепко, подружески обнялись.

– Здорово, что я встретил тебя, – сказал Владимир Александрович, опасливо озираясь по сторонам. – Я здесь по приглашению Максюты, ему кое-кто посоветовал взять меня его заместителем и поручить мне энергетику региона. Как ты считаешь, с ним можно сработать? – спросил он меня, как будто от того, что я отвечу, зависело его решение: согласится он или нет на это предложение.

Честно скажу, я понятия не имел, что и как привело «императора Сибири», как называли его за глаза бизнесмены и предприниматели от Урала до Байкала, в наш захудалый регион, тем более на не соответствующую его уровню должность заместителя губернатора области. Не успел я сказать и пару слов, как его пригласили в кабинет Максюты.

– Наверно, разговор будет долгий, встретимся в ресторане гостиницы, я тебя наберу, когда освобожусь, – сказал он, и его мощная, коренастая, с крепкой мускулатурой фигура скрылась за дверью приемной.

Мне недолго пришлось ждать, мы встретились уже в ресторане за ужином.

– Время еще есть, успеем поговорить, – сказал он рассеянно, думая о чем-то своем.

Заказали ужин. Вдруг ни с того ни с сего он спросил меня:

– Ты в курсе, как меня кинули московские умельцы?

Я удивленно взглянул на него.

– С тех самых пор, когда мы расстались в последний раз в Варне, прошло, если я не ошибаюсь, целых три года. Если честно, мне казалось, что вы из Болгарии уже никогда не вернетесь в Россию.

– Да нет, там было все в порядке, Еся, – Иосиф Кобзон, – решил все, что обещал.

Он крепко зажмурил глаза, словно хотел закрыть позорную страницу истории своей жизни, потом снова открыл их и как ни в чем не бывало продолжил:

– Ты же был свидетелем моего разговора с ним по телефону. Я совсем о другом, ты же понимаешь, мне без работы нельзя, – говорил он, разрезая аппетитный кусок телятины с кровью, а потом, словно спохватившись, на несколько секунд оторвал голову от тарелки, внимательным, вопрошающим взглядом посмотрел на меня, оглянулся и, понизив голос, заговорщически спросил: – Ты точно не знаешь, что приключилось со мной в Москве?

Я с недоумением взглянул на него, но промолчал, терпеливо ожидая его рассказа.

– Так вот, меня недавно, буквально пару недель назад, свели с некой компанией, офис которой был чуть ли не напротив Кремля, – так начал Зубков рассказывать свою захватывающую, почти детективную историю, но несмотря ни на что сохранял чувство юмора. – Они брались за некую сумму продвинуть меня на должность губернатора в одну из областей Центральной России.

– Неужели в России появились и такие компании? – с наигранным удивлением спросил я Зубкова.

– Ты представить не можешь, с каким размахом эти парни работали. Приемы и тусовки были организованы на самом высоком уровне, депутаты, артисты, спортсмены, известные всей стране люди бывали на них. Короче, это были профессиональные кидалы, не оставляющие следов. Если меня, бывалого человека, обвели вокруг пальца и я клюнул на эту удочку, то можешь себе представить, насколько виртуозно они сработали. Однако в назначенный день они не явились, прихватив с собой лимон баксов.

Прощаясь, он как-то неуверенно сказал, что ожидает звонка от Максюты:

– Мне не совсем понравилось, каким тоном он со мной разговаривал, – сказал он на прощанье, – ну да ладно, посмотрим, куда кривая выведет.

Вскоре кривая вывела Зубкова на должность генерального директора АО «Кузбассэнерго». Он был амбициозным и уверенным в себе человеком, не подчинялся чужой воле, поэтому не задержался долго на этой должности. С тех

самых пор я потерял его из виду. Умный, сильный, неумно деятельный человек, но слишком добрый и доверчивый к своему окружению, он вдруг для них всех стал ненужным и никчемным человеком.

Глава 13

Как ни странно – это было неожиданно и для меня самого, пророчества, предсказанные мне в свое время престарелым, седовласым профессором физики, начинали медленно, но устойчиво принимать зловещие очертания.

«Видимо, я так и закончу свою жизнь в полном одиночестве», – думал я, трогательно вспоминая свои веселые, беспечные, но удивительно счастливые студенческие годы. Перебирая в визуальной памяти женщин, которые когда-то в прошлом упрямо пытались сродниться со мной, спокойствие и уверенность вновь овладевали мною.

«Ты просто позови или подмигни на худой конец, когда примешь решение создать семью», – задушевно, успокаивающе тепло говорили они, а я упорно молчал, просто не мог представить, что постоянно, и днем и ночью буду лицезреть глаза в глаза одно и то же, пусть даже миловидное, лицо женщины, но со своей личной историей жизни. Нельзя сказать, что женщины меня вообще не интересовали, судьба связала меня с несколькими из них, ради которых я совершил безумные, опрометчивые поступки. Их было немного, но каждая из них была настоящей королевой, которая и в настоящее время отчетливо представляется пред моими глазами.

София! Я и сейчас испытываю сердечную боль, а душа до сих пор стыдливо замыкается в себе, не позволяя мне найти подходящие слова в свое оправдание. Я давно хотел честно и правдиво, насколько хватит мужества и смелости, описать событие той роковой ночи, но инстинктивный страх быть осмеянным и униженным каждый раз останавливал меня. Сейчас я принял смелое решение искренне и подробно рассказать своим читателям эту историю во всех подробностях, не скрывая даже интимных сторон моей встречи с восхитительной девушкой, которая молнией ворвалась в мою судьбу, задержалась на мгновение и так же молниеносно исчезла из моей жизни. Сегодня тот безрассудный, легкомысленный поступок, который я совершил много лет назад, из-за своего чудовищного эгоизма, отсутствия такта, выдержки, терпения, из-за неуважения к женщине, которая доверилась мне, лежит позорным пятном на моей совести – это мой тяжкий грех.

Я не маститый писатель и не обладаю талантом сочинительства, подобно Чехову, Тургеневу, Бунину, Довлатову... Единственное, что я писал, это короткие рассказы, и то со множеством орфографических ошибок. Я и сейчас не могу найти нужных слов и предложений, чтобы можно было точно изобразить и описать свои чувства, мысли и эмоции. Но все, что я хочу донести до вас, я напишу простым, обыденным языком – так, чтобы вы поняли меня. Это покаянное повествование – моя исповедь, и, если вы посчитаете нужным, прочитайте ее до конца. Может быть, этот прискорбный, на первый взгляд ничтожный, случай из тысячи других знаменательных и судьбоносных событий моей бурной жизни послужит ценным жизненным уроком для молодых людей. Учиться на чужих ошибках и извлекать из них пользу – это азбучная истина, которой надо следовать смолоду. Прожив большую часть своей жизни, я и сегодня сожалею лишь об одном – что во времена моей бурной юности и молодости не было рядом человека, который каждый раз, видя мои опрометчивые, постыдные и неразумные поступки, мог бы остановить меня ударом по голове и сказать: «Эй, парень, не то делаешь, распахни свое сердце и вруби свои мозги!»

Мы, молодые парни, пользовались не скажу, что ошеломляющим, но все же успехом у девушек. Когда я говорю «мы», то имею в виду себя и Ноя, моего близкого друга, который к тому же был отъявленным и безрассудным юношей. Как многие студенты старших курсов, свободное время мы проводили в поисках случайных заработков, которые с лихвой покрывали наши расходы на романтические приключения. Порой приключения сами находили нас, и не всегда они были захватывающими, некоторые из них были даже очень опасными. Самым центровым местом, где можно было легко и без особых усилий вписаться в веселую компанию молодых людей, найти классную девчонку на вечер, было молодежное кафе на набережной нашего южного города. Во-первых, это было элитным заведением и попасть туда вечером, даже в будние дни, было практически невозможно. Во-вторых, это был закрытый клуб, куда стекалась золотая молодежь, многие из которых находили в этом кафе свою вторую половинку. Мы же с Ноем неожиданно для нас самих стали постоянными и уважаемыми гостями этого заведения, когда случайно усмирили звездного чемпиона по боксу, который в постоянном подпитии своими дерзкими выходками «терроризировал» посетителей кафе. Даже швейцар, «ночной директор кафе», в своем нарядном мундире уважительно опускал свою седую голову, давая нам знать, что мы можем войти свободно и без мзды. В самый разгар веселья для нас всегда находился дополнительный столик на двоих.

Конец сессии, экзамены позади.

– Надо отметить, – предложил мне Ной, я, не раздумывая долго, кивнул головой в знак своего согласия.

Как всегда, свободных столиков в кафе не оказалось. Заметив нас, знакомая официантка предложила поставить столик для нас рядом со столиком, за

которым сидели две девчонки. Она хитро подмигнула мне, указывая хватким взглядом на девчонок.

– Ладно, посидим часок-другой, поговорим о жизни, выпьем кофе, глядишь – увидим чего-нибудь новенькое, а если нет, свалим домой – сегодня Шаббат, – усаживаясь за организованный для нас столик, задумчиво произнес Ной. – Кстати, мама просила, чтобы я обязательно пригласил тебя к нам на праздничный ужин, она непременно хочет угостить тебя фаршированной рыбой.

Я любил бывать у Ноя дома, в особенности в Шаббат и в еврейские праздники, которых было бесчисленное множество. Мечтая о скором семейном ужине в кругу близких мне людей, о вкусной домашней еде, я невольно повернулся лицом к девушкам, которые, листая меню, неприметно, между делом смотрели безразличными взглядами на посетителей. Увидев прямо перед собой двух парней, сидящих в полном одиночестве, девушки переглянулись, затем снова уткнулись в меню. Похлопав Ноя по плечу, я встал и направился к столу, где девушки продолжали живо, с интересом обсуждать меню.

– Девчонки, я могу вам помочь разобраться с содержимым этого меню? – вежливо обратился я к ним.

Вдруг, как по команде, они, подняв головы, обратили на меня свои взгляды. Я обомлел, меня словно рентгеном просвечивали две пары прекрасных глаз, видимо желая понять, не болен ли я случайно.

Убедившись, что я в полном порядке, девушка с большими, черными глазами взглянула на меня холодно, с усмешкой, затем небрежно спросила:

– Вы что, официант?

– Да, я бригадир официантов и готов служить вам до конца своей жизни, – убедительно ответил я и приготовился записывать заказ.

Девушки недоверчиво переглянулись, но заказ сделали, однако, видя, что я после наших дебатов спокойно уселся за соседний стол и стал оживленно разговаривать со своим другом, не обращая на них никакого внимания, подумали, что их просто разыграли. Но когда на их столик начали раскладывать все то, что они заказали всего несколько минут назад, они были крайне удивлены. А когда на столе появилась бутылка шампанского и официант торжественно объявил, что это за счет заведения, наши соседки были просто поражены уровнем сервиса в кафе. Короче, через пару минут мы объединили наши столы и уже вместе дружно смеялись над моей удачной шуткой. Девчонки оказались из Питера, Софа и Лиза изучали иностранные языки в питерском университете и проездом оказались в нашем городе. Я не ошибся в своих догадках: они оказались еврейками. За столом завязалась дружеская беседа, говорили обо всем, Ноя больше всего почему-то интересовало, делают ли в Питере обрезание, а время, как стрела, выпущенная из лука, пролетело с невероятной скоростью – наступила пора собираться домой.

– Послушай, Ной, – обратился я с неожиданным предложением к своему другу, – а что, если мы этих девчонок пригласим к вам на Шаббат? Как твои родители отнесутся к этой моей глупой затее?

– Ты ведь сам знаешь, наш дом всегда рад гостям, тем более если отец узнает, что эти девчонки к тому же еврейки, то для него это будет двойным праздником.

Уж очень не хотелось мне расставаться с Софой. Сказать, что Софа была очень красивой девушкой, значит, ничего не сказать. Глядя в упор в ее большие, печальные глаза, я почему-то подумал о своем отце – размышлял втихую о том, как бы он отреагировал на то, если бы я пригласил Софу в качестве моей невесты к нам домой. Не найдя ответа на этот простой, но вместе с тем очень сложный вопрос, я продолжал восхищаться Софой. Она была настоящим искусством, которое сотворил сам Господь Бог.

«Ну почему еврейки, – подумал я, – какими бы они ни были, европейские или восточные, так божественно красивы? Почему, несмотря на их гордыню и высокомерие, они так смиренны и покорны, что внушают невольное уважение и восторг? Не потому ли, – стал отвечать я на свои же вопросы, – что именно им поручено самим Господом Богом, не смешиваясь ни с кем, сохранить в чистоте генетический фонд избранного народа».

Софа сидела напротив меня, кротко и ласково своими большими, черными глазами разглядывала меня, – я ей нравился, я чувствовал это всем своим существом. Мне было очень приятно ощущать, что такая классная девушка не сводила с меня своих восторженных глаз. Мне впервые за вечер страстно захотелось заняться с ней любовью.

«Шаббат Шаббатон», то есть «Суббота суббот». Раввин Дов-Бер Байтман, описывая мистический символ эпохи Машиаха, писал: «Наши мудрецы раскрывают нам “маленький секрет”»: вся история человечества представляет собой “трудовую неделю”: есть в ней и серые будни, и долгожданный выходной. Речь идет о соотношении между шестью тысячелетиями рода человеческого и шестью рабочими днями недели, а эра Освобождения соответствует Шаббату – Святой субботе. Так же, как будние дни являются подготовкой к Шаббату, так и вся еврейская история, со всеми ее трудностями и невзгодами, слезами и кровью, но при этом всегда с Торой и заповедями, является подготовкой к приходу Машиаха». Как сказали об этом мудрецы, Он, Милосердный, даст нам в наследие нескончаемый день, исполненный покоя... чтобы мы жили вечно. С одной стороны, Суббота символизирует совершенное прекращение будничных занятий – день покоя и отдыха для тела. Этот уровень называется Шаббат. А с другой стороны, Суббота соответствует еще более интенсивному свету, еще большей святости, чем была в будни. Она способна успокоить душу, а это гораздо больше, чем просто отдых тела. Ее цель – чтобы мы жили вечно. Такой уровень называется Шаббат Шаббатон. Как мы видим, в нашей ситуации речь идет именно о Субботе Суббот».

Мы заявили вовремя, каждый член этой счастливой семьи рас-саживался по строго определенным местам. Я часто вспоминаю этих замечательных людей, они все как один проявили ко мне душевную теплоту и поддержку, и я искренне, от всего сердца благодарен им, хотя многие из них давно ушли в мир иной. Семен Львович и тетя Фрима, отец и мать Ноя, умерли после того, как трагически погиб Лева, младший брат Ноя, ему было двадцать семь лет. А сам Ной скончался после тяжелой болезни, ему не было и шестидесяти. А тогда, тридцать лет тому назад, мы дружной компанией сидели за большим еврейским столом, празднуя Шаббат. Семен Львович был неудержим – тосты, анекдоты, шутки, как из рога изобилия, сплошным потоком выплескивались из него.

«Удивительный еврейский народ!» – думал я, вглядываясь в молодое лицо Семена Львовича. Сколько бед и страданий пришлось им испытать во время войны. Беженцы из Молдавии, они в товарных вагонах пересекли огромную страну с запада на восток и где-то в далеком Узбекистане нашли свое новое убежище. Не смешиваясь с другими народами, которыми были заполнены республики Средней Азии, они сохранили свою веру и идентичность.

Никогда раньше я не испытывал такого удовольствия и наслаждения, как за тем шаббатным застольем с обилием блюд и кошерного вина на столе. Я, возбужденный не столько от вина, сколько от жара наших сердец, от переплетенных пальцев наших ладоней под столом, незримо, миллионами нитей, связывающих нас в тот вечер единой судьбой с Софией, был впервые по-взрослому влюблен, а поступок совершил, недостойный мужчины. Увы, я не сдержал своего обещания, которое клятвенно дал Софе в ту злосчастную ночь. Она ласково, по-детски просила меня оставить идею с сексом на следующую ночь.

«Я сама страстно желаю тебя, мой дорогой, – говорила она нежно, всячески пытаясь достучаться до моего трепещущего, чувствительного сердца. – Мне нельзя, у меня месячные, – извиняясь и надеясь на мое терпение и понимание, говорила Софа, глядя своим доверчивым взглядом в мои блуждающие, затуманенные глаза. Затем медленно, раздумывая над каждым своим словом, сказала: – Если это произойдет помимо моей воли, то это будет нашей последней с тобой встречей». Она не сопротивлялась, отдалась без страсти, холодно и безразлично. Нити, которые еще несколько часов назад гармонично связывали нас в единое целое, были окончательно разорваны мною.

Проснувшись утром, я Софу не увидел в постели, ее не было и в квартире, она растворилась в моем прошлом, не оставив следа, только аккуратно сложенное белое полотенце с пятнами крови запечатлелось в моей памяти и до сих пор напоминает мне о той роковой ночи, которая по сей день продолжается в моем сознании...

О женщинах бальзаковского возраста, об их красоте, ухоженности, чувственности, сексуальности, развитом интеллекте и умении слышать своего

мужчину великие умы человечества размышляли во все времена и выдали на этот счет миллионы мудрых и лаконичных фраз, афоризмов и цитат. Я начну это короткое повествование с цитаты Оноре де Бальзака из его небольшого произведения «Покинутая женщина», написанного великим французским романистом еще в 1833 году: «У любящей женщины сердце всегда полно надежд: чтобы убить их, нужен не один удар кинжалом, она любит до последней капли крови». Никаких заметных изменений не произошло в отношениях между женщинами и мужчинами с тех самых пор, даже несмотря на то, что феминизм стал радикальным движением, решившим избавить мир от власти мужчин.

Прощаясь, Светлана медленно, с расстановкой, словно стесняясь своей откровенности, произнесла слова, которые глубокими рубцами легли на мое раненое сердце. Они болят до сих пор, и со временем эта боль не проходит, напротив, захватывает все большее пространство, разрывая в клочья мою заблудшую душу. И чем дальше то время, тем сильнее боль утраты женщины, которая могла бы стать путеводной звездой в моей одинокой жизни. Каждый раз погружаясь в дневник своих воспоминаний, предо мной незримо встает образ Светланы: слава богу, она жива и здорова и даже вышла замуж за моего приятеля. Просто в моей голове по сей день, как в заезженной пластинке, крутятся одни и те же слова, сказанные Светланой на прощанье. Эти слова настолько ясно и однозначно вписались в мое сознание, что мне и поныне кажется, как будто все это было сказано лишь только вчера.

Тогда, в то далекое время, одухотворенное лицо Светланы выражало глубокую серьезность, из-за чего нежный румянец на ее бледных щеках, расширяясь в своих размерах, приобретал еле заметные очертания. Она была рядом, на расстоянии вытянутой руки, и я мог до мельчайших подробностей разглядеть женщину, которая, как и прежде, доставляла мне огромное эстетическое наслаждение. Грустные светло-голубые глаза, наполненные крохотными жемчужинами слез, медленно, капелька за капелькой скатывались на ее пылающие щеки. Чувственные и страстные губы завершали идеальный овал ее лица. Тонкая, белоснежная шея, упругие соски чуть приподнятых грудей, очерченные тонкой, плотно облегающей, молочного цвета блузкой из натурального хлопка, околдовывали меня, манили своей сексуальностью, придавали ее облику классическую женственность. Напряженно взглянув в ее нежное, по-детски доверчивое лицо, я невольно остановил свой взгляд на янтарных четках в ее руках. Она длинными, тонкими пальцами проворно перебирала бусинку за бусинкой, которые, двигаясь по кругу, снова и снова начинали свою карусель в бесконечном движении.

«Как моя никчемная холостяцкая жизнь, – размышлял я, вдаваясь в природу своего земного существования, – день за днем, с утра и до вечера кручусь по кругу без цели и смысла жизни...»

Светлана пристально следила за каждым движением моих глаз, поймав мой изучающий взгляд, в котором немой вопрос застал ее врасплох, она прервала свое молчание.

– Я знаю, чем закончится наша встреча, – сказала она, медленно приподнимая голову.

Кончиками пальцев она проворно освободилась от слезинок на щеках, через силу выдавила из себя еле заметную улыбку, сосредоточенно взглянула прямо в мои глаза. Она словно намеревалась заглянуть в самые потаенные и сокровенные уголки моего сознания, прикоснуться к тайнам моего сердца, чтобы понять и осознать, стоило ли вообще продолжать этот непростой для нее разговор. Но она все же решилась, хотя явно были видны ее душевные переживания.

Глубоко вздохнув, она спокойно, едва слышно и в то же время романтично произнесла:

– Ты много раз спрашивал меня, что мне нравится в тебе. Все! Я обожаю тебя, твои глаза просто сводят меня с ума, в твоих объятиях я ощущаю теплоту и нежность твоей души, мне нравится твой запах, смех, тембр голоса... Я чувствую твое ярко выраженное мужское начало – силу, разум, мятежность и в то же время, несмотря на пришедшую с годами мудрость, по-детски ранимую душу. Я очень рада, что мне на жизненном пути встретился настоящий мужчина, которого я искренне люблю. Хочу прижаться к твоему плечу и снова забыть про все на свете. Но в моей душе вместе с безграничным счастьем поселилась такая же безграничная грусть. Мне кажется, что ты принял для себя какое-то решение и в глубине души уже начинаешь потихонечку прощаться со мной...

Впервые за долгие годы своей жизни я слышал такое искреннее и откровенное признание в любви от женщины, которую я когда-то боготворил и был готов ради нее на самый безрассудный и опрометчивый поступок. Я был в полнейшей растерянности и решительно ничего не понимал, что происходило со мной. Безмолвное оцепенение и минутное замешательство сковали мои мысли, лишили дара речи. Возникла тревожная тишина, мы оба молчали, затем как ни в чем не бывало Светлана спросила:

– Зайдешь на чай?

– Прости, не смогу, очень занят, – тупо уставившись на руль своего автомобиля, произнес я низким, глухим, словно чужим, голосом: я сгорал от стыда, потому что нахально и бессовестно лгал женщине, которой совсем недавно страстно объяснялся в любви. Все мои оправдания и мнимые встречи выглядели постыдно и позорно. Мне казалось, что это вовсе не я, не мой голос звучал, отдаваясь эхом, а какого-то малодушного, трусливого и безумного мужика. Я ведь никогда прежде не отказывался от ее приглашения.

Светлана потухшими, холодными глазами пронизывающе разглядывала меня, морщинки в уголках ее глаз разгладились, они появлялись у нее всегда

от радостной и искренней улыбки, затем произнесла слова, которые упорно сопровождают меня по сей день:

– Илья, ты никогда больше не встретишь такую женщину, как я.

Выйдя из машины, Светлана, как прежде, помахала мне рукой, затем легко и уверенно пошла к подъезду своего дома, как будто только что сбросила с плеч тяжелую и непосильную ношу. Она ни разу не обернулась, я же надеялся и ожидал.

«Господи, что мне делать, как мне быть, неужто нельзя прожить в этой жизни без предательства? Как я, семейный человек, должен поступить здесь и сейчас и какое решение принять?» – обращался я с мольбой о помощи к Всевышнему, провожая глазами Светлану. Она любила меня искренне и нежно, отдаваясь по полной, без остатка, я же воспринимал это как должное, как само собой разумеющееся, и оказался не готовым к счастью. Счастье прошло мимо, за ним отвернулась удача, словно сговорившись, они запутались, заблудились, сбились с пути, так и не смогли найти дорогу к моей судьбе. Сбылись и ее пророчества: я так и не встретил женщину, которую мог бы страстно и восторженно целовать, как целовал когда-то Светлану, получая от этого истинное наслаждение.

Долго не решаясь тронуться, я неподвижно сидел за рулем, наблюдая за окнами квартиры Светланы. Зажегся свет, ее силуэт за занавеской в проеме окна до сих пор перед моими глазами. Спустя несколько минут свет погас и комната за окном погрузилась во мрак, все исчезло.

«Все проходит – и это пройдет, нужно только время», – успокаивал я себя. Нет, ничего не прошло, все до сих пор, до мельчайших подробностей в моей памяти. Как я мог допустить такое, что не смог сохранить эту волшебную музыку любви, наполненную мечтами и фантазиями в виртуозном и искреннем исполнении прекрасной женщины, которая безгранично и самозабвенно любила меня всего, отдаваясь без остатка? А ведь так красиво и романтично, по-юношески трепетно и взаимно все начиналось...

– Думаю, Илья, вы зря стараетесь, не тратьте свое драгоценное и мое рабочее время на пустые разговоры, – не отрываясь от бумаг, подчеркнуто-вежливо сказала Светлана.

Конечно, мой комплимент прозвучал пошло. Женщина, обладающая природной деликатностью, не может реагировать иначе на неискренние слова, сказанные не вовремя и невпопад. Чувственные женщины бальзаковского возраста давно перестали реагировать на дежурные комплименты типа «какая ты сегодня красивая». Они своим подсознанием ощущают всю пустоту и скрытую лживость сказанных слов. Но я был искренен, она приглянулась мне при первой же нашей встрече. Каждый раз, бывая на заводе, я без всяких на то причин старался заглянуть в приемную директора только ради того, чтобы хоть мельком увидеть Светлану: я был в нее слегка влюблен.

– Вам нет необходимости лицемерить, женщина моего возраста может отличить фальшь произнесенных слов по их интонации, – еле слышно, не подымая головы, продолжала она примирительно и доброжелательно говорить со мной. – Неискренние комплименты могут задеть и глубоко ранить любую женщину, но если эта женщина к тому же будет благосклонна и симпатизировать вам, для нее это будет настоящим потрясением. Лучше молчите – это бесценный дар мужчины, – приподняв голову, она кивнула мне на дверь. – Шеф вас ожидает, я занесу вам ваш любимый черный чай.

Наконец мы встретились взглядами. Ее пронзительные светло-голубые глаза при каждой нашей встрече врывались в самые укромные уголки моего сердца, всецело проникая в мое сознание, создавая волшебство зарождающейся большой любви. Она все видела и чувствовала и очень умело пользовалась этим.

– Знаете, Светлана, главное дело сегодняшнего дня я уже сделал, мне повезло вновь увидеть ваши красивые и, как всегда, очень грустные глаза.

– Еврейские глаза, они бездонные, как море, в них грусть осенних дней, – процитировала она строки из моей любимой песни.

– У меня тоже грустные глаза?

– Нет, у вас глаза соблазнителя.

– Недавно ты говорила совсем другое, что они глубокие, умные и очень романтические. Может, одно дело мы все-таки сделаем с тобой? – продолжал я как ни в чем не бывало.

– Какое дело?

– Пойдем в синагогу, – пошутил я. – Но если серьезно, проведем вместе Шаббат в одном кошерном заведении города?

– Есть такое заведение? – удивленно спросила Светлана.

– Да, – убедительно солгал я, а мысли крутились вокруг постели, в которую я давно желал уложить эту элегантную, тонкую, с красивой, соблазнительной грудью женщину.

– Я с женатыми мужчинами не вожусь, – она взглянула на меня исподлобья и, наверно, подумала, что на этот раз у меня точно не будет аргументов.

– Ты просто отстала от еврейской жизни, нам, евреям, можно иметь четверо жен – этот закон действует аж со времен Моисея.

– Нам, евреям, положено иметь только одного мужа.

– А что, обязательно надо жениться, чтобы быть рядом с любимой женщиной? – опираясь руками на стол, с обольстительной улыбкой и взглядом влюбленного мужчины я пристально посмотрел на нее. – Хорошо, я согласен жить гражданским браком и готов хоть завтра переехать к тебе, – схитрил я и на этот раз.

– Какое же место будет отведено мне в твоём гареме? – ехидно, с издевкой спросила Светлана. – Ты ведь в курсе, еврейки в своих отношениях с мужчинами требуют законных оснований, – негромко произнесла Светлана.

– Женщины к этому вопросу подходят крайне эгоистично: им надо, чтобы мужчина принадлежал им, и только им, – попытался я мягко возразить против такого убедительного заявления Светланы, – хотя последние исследования говорят, что каждая вторая замужняя женщина имеет, или имела, связи на стороне. – Я, конечно, понимаю, еврейским женщинам это не свойственно, они верны и преданны, но реальная жизнь говорит об обратном. Женщины всех цветов радуги и религии произошли из одного ребра мужчины, поэтому они все одинаковы в своих стремлениях быть постоянно востребованными. – Давай эту интереснейшую дискуссию перенесем на Шаббат. Я заеду за тобой, программу я придумаю, – уверен, ты будешь довольна.

– Только не опаздывай, но это не говорит о том, что ты можешь появиться с утра.

– Радуйся наступлению утра – это самое прекрасное время суток, да еще если тебя будит любимый мужчина, – на этой позитивной ноте я, довольный своим красноречием, вскоре удалился.

Бывают дни, когда не знаешь куда себя деть, бывают ночи, когда не спится, и все твои помыслы днем и ночью крутятся в голове, даже против твоего желания. Когда в своих фантазиях и мечтах воображаешь себя в постели с классной женщиной, попробуй с этим прожить день и уснуть ночью.

«Не жалуйся на свою распутную жизнь. Что ты ищешь в каждой новой женщине?» – спросил я как-то своего друга, красавца, богатого парня, мужа прекрасной женщины, отца двоих детей. «Остроты ощущения любви», – коротко ответил он.

Синий костюм, голубая рубашка, галстук под цвет костюма, туфли, купленные в фирменном магазине Милана... Я основательно готовился к этой встрече, которую очень долго ждал. Светлана была одета в черное, безукоризненно облегающее ее красивую фигуру платье. Она была восхитительна – настоящее искусство, и эта женщина со мной. При первой же возможности мы сбежали с театра. В модном ресторане мы задержались всего ничего, не успев отведать блюд, которые я заказал заранее.

– Илюша, поехали домой, здесь накурено и вульгарно.

Дома у Светланы меня ждал приятный сюрприз. Она зажгла две свечи, которые придали приятный, романтический полумрак в комнате, в центре которой стоял накрытый на двух персон стол, а на нем красовалась бутылка красного израильского вина.

«Она готовилась к этой встрече», – подумал я, с интересом и восторгом наблюдая за происходящими вокруг меня фантастическими событиями.

– Мой дорогой, – Светлана впервые назвала меня таким образом, – ты хотел кошер, хозяйничай, как настоящий еврейский мужчина, за столом своей женщины.

«Почему мужчине надо обязательно сморозить что-нибудь такое, чтобы почувствовать себя в своей тарелке?» – думал я. Сказав «Брахот» на вино, я с

наслаждением и восторгом наблюдал за женщиной моей мечты, которая в эту ночь впервые страстно и нежно поцеловала меня в губы, и этим жарким поцелуям не было конца...

Виктория! С ней было совсем по-другому. Весна после холодной снежной зимы шаг за шагом, вразвалочку вступала в свои законные права. Залитое ярким апрельским солнцем пронзительное сине-голубое небо, с редкими причудливыми облаками, больше похожими на пушистые белые барашки, навевало благодушное, лирическое настроение. Оставалось сделать только одно – как в сновидениях моего далекого детства, взмахнуть руками и взлететь на небо. Легкий, шаловливый ветерок разносил сладковатый аромат свежескошенной травы, ласково обдувал мое лицо, подставленное теплым лучам апрельского солнца. Неопишное чувство блаженства охватило мою душу, словно сама богиня любви, волшебная женщина, созданная моим воображением, нежно касаясь мягкими, чувственными губами моих глаз, щек, губ, пыталась разбудить меня от долгой зимней спячки. Все пробуждалось и оживало во мне, радовалось и горячило кровь, волновало душу, создавая позитивный настрой, который поднимал настроение, вселяя непоколебимую уверенность в завтрашнем дне. А сейчас, сию минуту в бескрайнем океане моего сознания кипели нешуточные страсти, бурлили, били ключом дикие, необузданные желания, а жгучий южный темперамент жаждал пылких и трепетных чувств, бурю страстей и эмоций.

«Наконец наступили времена, – думал я, оглядываясь по сторонам, – когда у мужчин загораются глаза при виде такого богатого выбора ярких, невероятно красивых женщин». Это то время, когда мужчины, отдаваясь мечтам, с нетерпением ожидают новых знакомств, сладострастных ощущений и потрясающих сексуальных приключений. Это когда представительницы слабого пола в своем стремлении показать свои достоинства стараются как можно быстрее избавиться от зимней одежды. Вдобавок ко всему этому чистый апрельский воздух пьянил, как старое вино, волнуя сознание, туманил голову, а жажда страстной и захватывающей любви заставляла сердце биться чаще, ввергая душу в состояние бурного экстаза. Устремив свои крылатые мысли и благодарный взгляд к небу, я, как обычно, произнес молитву наступившего дня: «Благословен Ты, Господь Бог наш, Царь Вселенной, даровавший нам жизнь и поддерживающий ее в нас, и давший нам дожить до этого дня!»

Завершив дружескую беседу с Богом, я, игриво, по-мальчишески прогуливаясь по оживленной набережной, лукаво разглядывал сексуальные попочки, которые, по мнению мужчин, являются самыми привлекательными и притягательными частями женского тела. Покачивая соблазнительными бедрами, плотно обтянутыми джинсами, они, упиваясь своей красотой и неотразимостью, летящей походкой отрывались от тротуара, растворялись в толпе, оставляя после себя минутный энтузиазм, страстные порывы сердца и влечение плоти.

Сглотнув полной грудью свежий, наполненный ароматом весны с бескрайних просторов Заволжья воздух, я подумал о том, как же все-таки здорово жить на свете, когда ты силен духом и бодр душой, когда даже реальный возраст теряет свое подлинное значение и не может стать преградой для реализации своей самой заветной мечты!

Ни одно место для полноценного отдыха в Волгограде не может сравниться с набережной города. Сюда стекались праздные зеваки, искатели приключений и удовольствий, а для меня с некоторых пор набережная стала излюбленным местом для спортивных занятий. Конечно, не только из-за всевозможные спортивных тренажеров я полюбил это место, а также из-за многих разнообразных развлечений. Я мог часами, иногда до позднего вечера слушать талантливых уличных музыкантов и певцов, облюбовавших в качестве импровизированной сцены центральную городскую набережную. Тут гуляли разные люди, старые и молодые, богатые и бездельники, красивые и не очень, которые желали встретить здесь и завести романтические отношения со случайными женщинами. Отложив свои мысли о прошлом и не думая о будущем, я в тот субботний день, как и все многолюдное общество, впился в общую эйфорию веселья. Я не страдал честолюбием и не вел праздную жизнь, я был одиноким человеком, но не был лишен внимания красивых женщин. С каждым новым днем весны моя душа требовала новизны, томительной неизвестности, ожидания встречи с женщиной, в которую можно было влюбиться с пол-оборота.

Наконец-то и на моей лице праздник – свершилось чудо! Как будто сам Господь Бог следил за моими тайными мыслями и мечтами. На первый взгляд, все произошло совершенно случайно – прямо передо мной в просторном длинном балахоне прошла красивая эффектная женщина. Мимолетный пронзительный взгляд сквозь солнечные очки изрядно заставил меня поволноваться. Я опешил, не понимая происходящего, и даже не сообразил, кто только что прошел мимо меня в таком странном одеянии. Обернувшись, я без всякого интереса взглянул ей вслед.

«И что делать, – глубокомысленно размышлял я, – через минуту-другую она растворится в этой людской толпе и я потеряю эту женщину навсегда. Мало ли женщин исподволь бросают свои любопытные взгляды на меня, то и дело поправляют волосы, надувают губы, многозначительно опускают глаза, хлопая ресницами, – продолжал я мысленно убеждать самого себя, – и что за каждой из них надо бежать сломя голову?» Но на этот раз мой внутренний голос был особенно настойчив: «Еще минуту ожидания – даже при всем твоём желании ты эту женщину никогда больше не встретишь».

Бывает же такое, какие-то сверхъестественные силы заставили меня в тот момент всего из-за одного небрежно брошенного, цепкого взгляда задуматься над тем, что делать дальше. Через минуту я быстрым шагом

направился за ней, надеясь догнать ее, пока она не исчезла из моего поля зрения. И вновь свою решающую роль сыграла госпожа удача, или мне в очередной раз жестоко повезло, но уже на повороте аллеи я заметил женщину в балахоне. Я догнал ее и как вкопанный остановился напротив. Наступила неловкая тишина. Устремив пытливый и искренний взгляд в ее удивленно-вопросительные глаза, я смог выдавить из себя лишь одно: «Вы знаете, я понятия не имею, зачем пошел за вами». Единственное, что я смог сделать тогда разумного и полезного, это то, что я успел вручить ей свою визитку и произнести несколько слов второпях: «Будет интересно, наберите или, на худой конец, напишите мне, я буду ждать».

Наблюдая за тем, с каким удивлением и безразличием она разглядывала мою визитку, я понял, что ничего путного из моей спонтанной и глупой затеи не выйдет, и с этой мыслью я уже спокойно, не надеясь ни на что хорошее, круто повернулся и ушел, чтобы потеряться в толпе праздных людей.

Первые два дня я с нетерпением ожидал звонка, но она не звонила. Я постепенно стал забывать об этом неординарном и забавном случае в моей жизни, как вдруг получил первое сообщение от нее...

Как сложилась короткая история этой страстной, молниеносной и всеобъемлющей любви? Почему мы расстались и разбежались по разные стороны, словно и не было ничего того, что заставляло нас бессознательно все это время тянуться друг к другу? Трудно описать все то, что произошло между нами, в одном коротком рассказе... Мы встретились случайно, но очень поздно для долгой, взаимной любви. Любовь, словно ураган, закружила, завертела, подняла нас аж до самых небес, обессиленная и обескровленная – разжала свои цепкие объятия и рухнула в одночасье на грешную землю, разбившись вдребезги. Это было лучшее время за последние годы моей жизни.

Я торопился жить, желал всего и сразу, словно хотел восполнить все то, что было потеряно мною за эти долгие годы беспросветного одиночества. Города, отели, рестораны мелькали один за другим, мы любили друг друга и с наслаждением целовались в губы. Ее физическая и душевная красота, мягкие ладони, нежно ласкающие самые сексуальные части моего обнаженного тела, и любовные игры, которым не было конца, сводили меня с ума. Мои чувства кипели, а эмоции бурлили и были готовы взорвать мой мозг в любой момент. Но произошло то, что произошло: мы расстались и, видимо, на этот раз уже навсегда. В моей голове, куда я размышлял о смысле своей жизни здесь и сейчас, крутилось очень важное изречение царя Соломона, которое до сих пор удивляет нас простотой изложения: «Все проходит – и это пройдет». Конечно, пройдет, даже сама жизнь имеет свой рубеж. Важно вбить мозги в голову, чтобы понять и осознать важнейший закон земного бытия, что все в конце концов проходит: радость, грусть, гнев, страх, удивление и даже

любовь. Но нельзя допустить одного – чтобы жизнь дала трещину, а судьба взмыла на дыбы, а если все-таки это неожиданно-негаданно произойдет, как часто случается в нашей реальной жизни, то никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя сдаваться. Господи, прости меня покорно за то, что я не смог уберечь, защитить и сохранить свою искрометную, романтическую любовь к женщине, которую ты определил мне в самый критический момент моей современной жизни...

Если бы не Елена, я бы точно сошел с ума. Она медленно, но настойчиво выводила меня из одиночества, входила в сферу моих интересов, не оставляя мне никаких шансов, кроме как прислушаться к зову ее сердца. А начиналось все очень просто и буднично, без трепетных чувств в душе, да и мое истерзанное, одинокое сердце не было готово к притоку свежей крови, которая могла бы согреть мою заблудшую, опустошенную душу. Пройдет время, и эта удивительная история, наполненная восторженными и грустными событиями из нашей жизни, разовьется в страстную, пылкую любовь, которая ввергнет меня в пучину необдуманных действий. До сих пор удивляюсь своему умению и редкому таланту совершать легкомысленные и опрометчивые поступки ради женщины.

«Со мной никогда и ни при каких обстоятельствах такого не случится, – хвастался я самому себе. – Как были они слепы, какими они были идиотами, эти парни, потерявшие головы из-за женщин», – осуждал я их каждый раз, слушая печальные, а в большинстве своем драматические истории из жизни моих знакомых и друзей.

Для меня же все произошло незаметно и буднично, что подвергло мое сознание жестокому испытанию, потому что я совершенно не был готов к кардинальным изменениям в своей жизни. По-хозяйски войдя в распахнутую дверь и углубившись в самые потаенные и сокровенные закоулки ее души, я задержался там надолго. Всколыхнувшиеся чувства обрушились на мою голову, пронзили сердце, а душу заставили нежно трепетать от одних только воспоминаний, не упуская ни единой тонкости, что делала со мной эта потрясающая женщина в постели. Я без мозгов и тормозов, да и она чертовски отчаянная женщина, любительница острых ощущений, – мы были безумными и безрассудными любовниками, помешанными на всепоглощающей чувственной страсти и плотских наслаждениях.

«Ильясаф, мой дорогой, пожалуйста, не отказывайся от меня. Я буду любить тебя снова и снова, когда ты рядом и когда ты далеко от меня. Я буду любить тебя таким, какой ты есть, за то, кем сделал ты меня, открыв передо мной безграничный мир чувств и восторженной любви. Я очень скучаю по тебе и всегда жду встречи с тобой. То, что я пыталась отвыкнуть от тебя эту неделю, – это правда. Я пыталась, чувствуя, что в твоей жизни для меня места практически нет. Но я поняла, что не смогу этого сделать. Ты за меня не пере-

живай, чувство вины меня уже не мучает. И жить спокойно без тебя я уже не смогу. И не хочу. Разве человек не имеет право на счастье и должен жить только ради навязанного ему чувства долга?»

Это эмоциональное сообщение, наполненное необузданной трепетной любовью, отчаянием и душевной болью, поступило на мою почту через несколько дней после нашего очередного расставания. В письме были тщательно взвешены и четко очерчены все слова и фразы, которые поразили, потрясли и шокировали меня до глубины моей души.

Всевышний наделил Елену всепоглощающей, необузданной, безрассудной страстью. Это была красивая, одаренная соблазнительными формами тела, обольстительная женщина с лучезарной улыбкой, озаряющей ее лицо. В состоянии аффекта от страстного секса она могла неожиданно для самой себя войти в меланхолию, которая плавно переходила в чувство стыда и угрызения совести. Минуты отчаяния и нравственного мучения, душевные терзания и внутренний сердечный разлад вновь стремительно перерастали в чувства восхищения и истинного наслаждения от пылких и нежных поцелуев. Мне нравилось целовать ее трепетные, чувственные губы: восторженное чувство любви охватывало сознание, погружало меня в мир ее интересов и мировоззрений. Елена принадлежала к числу идеалов, составляющих культ настоящей женщины, она была истинной ценностью и в то же время весьма опасным моим приобретением, за которое я заплатил высокую цену своим душевным спокойствием на многие годы вперед.

– Ты годишься мне в отцы, – как-то однажды шуточно произнесла Елена. Она запнулась и, вовремя спохватившись, воскликнула: – Но мне нравятся мужчины зрелого возраста, они, как правило, обладают мудростью и знанием жизни. Я обожаю тебя! – сказала она, стараясь взглянуть на меня изучающим взглядом. Наши с ней взгляды пересеклись и замерли на несколько секунд. – Дорогой, ты завоевал мое сердце в тот самый момент, когда впервые я взглянула в твои глаза. Они просто сводят меня с ума, в твоих объятиях я ощущаю теплоту и нежность твоей души.

Охваченная порывом бурной страсти, она, лежа на боку с поджатыми к животу, согнутыми ногами и руками, как будто хотела удержать и сохранить счастливый миг экстаза, нежно и ласково говорила:

– Господи, как же мне хорошо с тобой! Ты мой, и только мой! Даже не пытайся заигрывать с другими женщинами, иначе я тебя убью.

Мне были приятны эти пустые, полные бессмысленного содержания угрозы. «Наконец-то в моей постели женщина, – думал я, – которая искренне говорила мне: “Мой дорогой, я тебя никому не отдам” – простые, но волшебные слова, которые делают из мужчин героев своего времени».

Елена всегда после занятия любовью выглядела сияющей: романтика ужина при свечах с красным вином, долгая эротическая прелюдия на чистых,

прохладных простынях, нежно-розового цвета кружевное белье, жгучие и чувственные поцелуи делали свое дело. Сексуальные фантазии и желания, которые она умело и смело использовала, расслабляли ее, делая лицо одухотворенным и нежным. За время наших встреч Елена изменилась неузнаваемо, стала гораздо привлекательней и раскрепощенней. Мне нравились эти перемены в ней, которые с каждым днем становились ярче и заметнее.

– Это только благодаря тебе, мой дорогой, – сказала она однажды, а затем, потягиваясь, как будто хотела выйти из оцепенения экстаза, продолжила: – Прав оказался мой знакомый врач-гинеколог, который как-то сказал мне: «Если когда-нибудь захочешь страстной любви, ищи себе любовника среди армян или евреев, они горячие и нежные».

– Наверно, твой врач имел в виду нас, кавказских евреев, – шутливо заметил я, подмигнув Елене заговорщически.

– Еврейские мужчины интеллектуальны, общительны и очень сексуальны, – сказала она вполголоса, медленно надевая светло-розовый бюстгальтер, который очень подходил ее упругому, красивому телу.

Обнаженное женское тело, если оно еще и красивое, – мощное средство влюбить в себя мужчину, и она этой хитростью умело пользовалась. Натянув джинсы и свитер, туго облегающий ее соблазнительную грудь, Елена лукаво взглянула на меня:

– Спасибо, мой дорогой, ты открыл для меня огромный мир чувств, и мне хочется жить для того, чтобы снова и снова видеть и любить тебя.

Заканчивая с гардеробом и делая вид, что не замечает того, что я с наслаждением наблюдаю за всем процессом ее одевания, она, немного смутившись, продолжила:

– Я в браке много лет, но ты первый мужчина, с кем изменяю своему мужу, и совсем не жалею об этом. Сначала я думала, что смогу жить двойной жизнью, – стараясь глубоко заглянуть в мои глаза, она, видимо, хотела прочувствовать, верю ли я ее откровениям, – но, возвращаясь домой после наших встреч, всякий раз я испытывала жгучий стыд и говорила себе, что надо включить голову и не делать глупости. Но ты замечательный человек, умный, мудрый, чувственный... От тебя просто невозможно отказаться. Когда я влюбилась, у меня было полное ощущение, что мне снова шестнадцать лет. Я была готова бросить все и всех, лишь бы быть с тобой. Мне очень хотелось создать с тобой семью, родить ребенка, я мечтала об этом и очень ждала от тебя каких-то слов и решительных действий. Я с самого начала наших отношений пила по капле яд разочарования, но все равно для меня было большим счастьем быть рядом с тобой. Я тебе безмерно благодарна!

Судьба часто стучится в двери к нам, когда мы ее совсем не ожидаем, ее невозможно предвидеть и предупредить, но она обязательно нас настигает. Можно жить прошлым и страдать либо ценить настоящее и думать только о пози-

тивном. Ни искренние извинения, ни широкие жесты или молчаливая молитва не в силах изменить прошлые обиды и душевную боль, но они могут излечить нас, восстановить отношения, которые мы считали разорванными навсегда. Мы часто расставались, но каждый раз возвращались друг к другу. Я любил и ненавидел ее. Разве мог я предположить, что однажды в моей жизни настанет время и я буду делить женщину с другим мужчиной, пусть даже ее законным мужем. Я не мог представить, что после наших пламенных чувств и жарких поцелуев, спустя всего лишь несколько часов она могла целовать и любить другого мужчину. Не чем было гордиться и не за что было ценить и уважать себя. Это была порочная связь, основанная на людском эгоизме и необузданной страсти. Но это был мой выбор, хотя сердце и сознание мои требовали иных отношений – с женщиной, чья натура и мысли не были бы склонны к измене и предательству. Что посеешь, то и пожнешь – такова мораль и человеческой природы. Но любовь и страсть могут заглаживать все грехи, и каждый раз мне снова и снова хотелось видеть ее, чтобы раствориться в ее объятиях и забыть хотя бы на короткое время проблемы своей одинокой жизни. Любовь – занятие не для слабых людей, потому что умение любить и быть любимым – невообразимо трудное дело.

Уютное кафе в самом центре города было забито до отказа, но нас как постоянных посетителей пристроили за отдельным столиком. Мы были готовы и в этот раз насладиться легкой беседой за чашкой ароматного кофе с круассанами, которыми славилось наше кафе. Мы не думали тогда, что вскоре может наступить конец этой яркой и долгой дружбе двух любящих друг друга людей.

В мире человеческих отношений всему есть конец. В 1997 году во Франции вышел роман Фредерика Бегбедера «Любовь живет три года», который моментально стал бестселлером. В его основе лежит известная теория о том, что романтические чувства людей всего лишь скоротечный химический процесс, рассчитанный на три года. Но 20 мая 2013 г. работа исследователей Университета Стоуни-Брук в Нью-Йорке доказала: срока давности у любви не существует. Романтические отношения не всегда понятны и объяснимы и поэтому трудно предсказуемы.

Столик был в самом центре кафе. Елена сидела напротив, задумчиво и глубокомысленно молчала, как вдруг неожиданно сказала:

– Дорогой, я хочу сесть рядом с тобой.

– Зачем? – спросил я ее.

– Я хочу ощущать всем своим телом тебя, твое присутствие, – глядя в упор мне в глаза, сказала Елена.

Она прикоснулась губами к моей руке, затем неожиданно приподнялась и поцеловала меня в губы.

– Ты сумасшедшая!

Взглянув на нее, я оторопел от неожиданности, но был в восторге от ее неожиданного поступка.

– Помнишь наши ночные прогулки по Кисловодску? Ты и тогда говорил, что я сумасшедшая. Конечно, я сходила с ума от того, что ты, не отрываясь, наблюдал за моей танцующей походкой. Я по одному твоему звонку бросала все и летела к тебе на встречу, – конечно, я сумасшедшая, замужняя женщина! Твои бездонные, умные глаза сводят меня с ума. Я их обожаю, но очень опасаясь, – не отрываясь от моего взгляда, говорила она, как будто хотела нырнуть в бездну моих глаз, чтобы можно было понять и познать мир, в котором обитает сейчас моя душа. – Я как сейчас помню до мелочей тот солнечный день, – трепетно, не стесняясь своих чувств, искренно рассказывала Елена, – когда встретила тебя. Ты зашел в кабинет с чашкой чая и сел рядом, очень близко – так близко, что я очутилась в зоне твоей энергетики – теплой, какой-то нежной, до боли знакомой и в то же время такой мужской – сильной, дерзкой, напористой. Когда я смотрела в твои глаза, мне казалось, что они видят меня насквозь: карие, жгучие, с каким-то дьявольским блеском – они пробираются в мою душу и забирают ее. Мне стало даже как-то не по себе, и в то же время меня охватило страстное желание прижаться к тебе. Я сразу поняла, что пропала... – Она, смущенная, кокетливо улыбнулась краешками губ, бегло обвела меня вопрошающим взглядом, затем продолжила: – Я помню каждый день наших встреч. А ты хоть что-нибудь помнишь из наших любовных отношений, которые превратили мою жизнь в сказку? Я впервые почувствовала, что значит беспредельно и преданно любить мужчину, который стал для меня идеалом мужественности и щедрости. Встав пораньше обычного, я сходила на рынок, набрала зелени, огурчиков, помидорчиков, купила твои любимые баклажаны и всего по мелочам, чтобы приготовить твои любимые блюда. Трепетно и покорно ожидала тебя, но ты не объявился тогда, хотя твердо обещал. О! Как я ненавидела тебя, но больше всего я возненавидела саму себя.

Трепетное признание в любви, ее неподражаемость и искренность глубоко тронули мои чувства. Я любил ее, я любил эту прекрасную женщину по-настоящему. Я смотрел на нее, а передо мной, как в документальном кино, мелькали кадры истории наших встреч, полные счастливых и грустных мгновений из жизни двух блуждающих, одиноких людей в этом огромном мире.

В жизни каждого из нас случались события, которые мы хотим забыть, оставить в минувшей жизни и скрыть за семью замками, хотя знаем, что наступит время и нам надо будет по полной заплатить за все те грехи и необдуманные поступки, сотворенные нами давно, в прежние времена. Бывают моменты, когда хочется спросить самого себя, на что ты способен, чем готов пожертвовать и что пережить ради любимой женщины. Одно дело желать этого, но совсем другое найти в себе силы сделать...

– Уже поздно, тебе пора домой, – сказал я, вставая.

– Ну пожалуйста, давай посидим еще немножко, я не хочу домой. Ты меня любишь? – спросила неожиданно Елена, взглянув на меня вопро-

сительным, изучающим взглядом, и, не дождавшись ответа, резко встала и направилась к выходу.

– Елена, пожалуйста, давай потом.

– А что будет потом? Ты знаешь, что будет с нами потом?!

Резко отреагировав на мои совершенно ничего не значащие слова, она села в такси и уехала. На этот раз уже навсегда...

«Ильясф, ты всегда искренен в своих рассказах, – написала мне Елена после прочтения моего короткого рассказа “Реальный сон”, – и эти слова о том, что ты мечтаешь найти женщину, без которой не сможешь жить, окончательно перечеркнули все, что было между нами. Хотя я всегда чувствовала твое отношение ко мне. Это было что угодно, только не любовь. Но я благодарю тебя за эту правду: это позволило мне понять очень многое и окончательно. Я надеюсь освободиться от иллюзий. Я убью в себе то, что безумно любит тебя. Я забуду прошлое, вычеркну его из своей жизни, чтобы начать свое новое будущее. Желаю тебе отыскать, наконец, настоящую женщину и прочувствовать обоюдную романтическую любовь».

Глава 14

Утром, после внезапного пробуждения от беспокойного сна, наполненного странными событиями, утратившими очертания между прошлым и явью, в мой мозг пришла идея, перешедшая в твердое намерение записать в дневнике все то, что так ярко и остро врезалось в память из загадочного мира моего сновидения. Стремление сейчас же описать свои впечатления, пока события и эпизоды из одной реальности – моего цветного сна – ясно, до мельчайших подробностей не перешли в другую, заставило меня вконец поднять голову с подушки и окончательно проснуться. Из шести тысяч мыслей, что ежедневно возникают в нашем сознании, в моей голове, как в заезженной пластинке, крутились одни и те же мысли, важные и значимые события, отдельные картинки из них и образы прежних времен. Вот и сейчас мои размышления и раздумья о минувших днях тревожили мою душу, беспокоили мое чувствительное сердце. Взлеты и падения, победы и поражения четко и подробно, словно видение из реального сна, обрисовывались и всплывали в моем сознании. Лица людей, мужчин и женщин, встретившихся случайно, по воле судьбы, их манеры, глаза, голоса, как кадры документального фильма, до мельчайших подробностей и поныне в моей памяти. Эта подлинная история, насыщенная значительными

событиями, увлекла меня настолько, что я без долгих раздумий решил описать случаи из прошлого, которые коренным образом повлияли на мое будущее, и я стал тем, кем стал. Наверно, прими я тогда, в пору моей молодости, другое, более смелое решение, я был бы сегодня совершенно другим человеком, но все по порядку, и это уже совсем не сон...

Я, студент третьего курса строительного института, неожиданно для самого себя стал ответственным за пожарную безопасность в Волгоградском училище искусств. Платили мизер, но именно эти деньги позволяли мне, обычному студенту, угощать Сусанну хорошим обедом в приличном кафе, покупать ей темный импортный шоколад от ведущих производителей. Боже мой, как я гордился, видя ее восторженные взгляды на ее любимый десерт. У меня еще хватало денег на покупку свежего мяса с рынка по запредельным ценам, и мы часто вместе с другом устраивали праздничные обеды по субботам, пируя на всю катушку. Сусанна иногда принимала активное участие в наших посиделках.

Наша хозяйка, истинная сибирячка восьмидесяти лет, глядя на нее, восклицала: «О! Илюша! Она ангел! Но скажу тебе по секрету, хай Боже меня милует, Сусанна не пара тебе: она армянка, ты еврей». Вскоре она умерла, но я до сих пор вспоминаю ее необычайно живые глаза и длинные натруженные руки в толстых венах, какие бывают только у рабочих, и, конечно, то, что она мне постоянно говорила: «Как хочешь, Илюшенька, но Сусанна тебе не чета». Как-то однажды она произнесла фразу, которая и поныне хранится в моей памяти: «Гусь свинье не товарищ». Кто гусь, а кто свинья, надо было мне для самого себя решить. Правда была в другом: эти два существа так не похожи друг на друга, что общаться, дружить, тем более жить одной семьей или как-то иначе вместе взаимодействовать, – просто не могут!

Петр Васильевич, заведующий кафедрой вокального отделения училища, был к тому же главным дирижером мужского академического хора Дома офицеров, в котором я был ведущим тенором. Худой до изнеможения, но удивительно сильный и симпатичный человек, весь его облик дышал профессиональной хоровой музыкой.

«Откуда брал он столько силы, – думал я, – для того, чтобы по два-три часа репетировать, стоя все время на ногах?» А самое главное, Петр Васильевич умело управлял двадцатью пятью почтенными мужчинами, к которым обращался исключительно по имени-отчеству, а мы, в свою очередь, беспрекословно подчинялись его дирижерской палочке. Ему было крайне важно удержать меня в хоре. Я же все время, как и большинство студентов, изо дня в день был в постоянном поиске источников средств к существованию. Вот таким образом я и оказался пожарником в училище искусств, со своим рабочим кабинетом, куда стекались дороги студентов для того, чтобы пропустить стаканчик-другой вина.

Небольшой, уютный концертный зал училища по ночам был моим спасительным и укромным пристанищем. Гостеприимно раскрыв свои объятия,

скромная сцена в полумраке и темный зрительный зал с чуть мерцающими красно-зелеными огоньками на выходах были моими божественными и ни с чем не сравнимыми зрителями. На их бесшумные аплодисменты, беззвучные овации, ликующие бесконечные вызовы на бис я пел с наслаждением два часа кряду, получая огромное удовольствие от самого пения. Пел громко, во весь голос, удивляясь тому, как прозрачно и легко удавалось мне брать самые высокие ноты из своих любимых песен, в особенности попури на блатные темы. Меня не освистывали и не закидывали гнилыми помидорами, ведь зал был пустой, а я продолжал петь с воодушевлением до тех пор, пока мой голос не переставал подчиняться моей воле. Безудержная игра моей фантазии и честолюбивые, юношеские мечты переносили меня в огромные залы Милана, Лондона, Нью-Йорка, где, аплодируя стоя, многочисленные зрители с возгласом высокого одобрения не переставая кричали: «Браво! Браво! Браво!»

Но однажды, клянусь вам, я все же услышал эти выражающие восхищение возгласы. Они, конечно, звучали не так бурно и восторженно, как в Нью-Йорке и Милане, но они были настоящими, и я их слышал своими собственными ушами. Кто-то врубил в зале свет – я был поражен увиденным: то тут, то там группами сидели студенты, которые, дружно хлопая в ладоши, просили меня повторить. Я драл глотку, пел, импровизируя, блатные песни, подражал битлам, причем неизменно фальшивил, – в общем, давал волю своим восторженным чувствам и фантазиям. Мой репертуар не менялся, зато студентов с каждым моим выступлением в зале становилось все больше и больше.

Как-то однажды главный дирижер нашего хора пригласил меня после репетиции к себе в кабинет. Он посмотрел на меня по-отечески добро, затем начал говорить, и его напутственные проникновенные слова просто поставили меня в ступор.

– Я наслышан о твоей ночной концертной деятельности, – говорил он, стараясь подобрать нужные слова, чтобы невзначай не обидеть меня. – Это похвально, но не совсем хорошо, ты можешь надорвать связки, а это уже очень плохо.

Он несколько минут молчал, видимо раздумывая о чем-то своем, затем внезапно, ни с того ни с сего предложил мне поступить к нему на вокальное отделение в училище искусств.

– Я подключу к тебе лучших наших педагогов по вокалу, – говорил он, энергично жестикулируя одной правой рукой, словно держал в руке дирижерскую палочку. – Я познакомлю тебя с Женей Грозным, – горячо и заинтересованно предлагал он мне. – Женя талантливый музыкант, он пианист от Бога. В этом году он заканчивает учебу, вместе мы могли бы создать нечто, что заинтересует и других зрителей вне стен училища искусств.

Женя Грозный, кумир студентов училища искусств, небольшого роста, двадцатилетний пацан, с густыми, вечно спутанными, черными, кудрявыми волосами и огромными, полными печали и грусти, карими глазами.

«Настоящий еврей, прямо из книги “Иудейская война” Леона Фейхтвангера», – думал я, разглядывая его красивое, одухотворенное лицо.

Он мог часами вдохновенно играть на рояле, я же часто и подолгу засиживался у него на репетициях, наслаждаясь его блестящей игрой, сидел молча, стараясь вести себя незаметно, чтобы, не дай бог, он не услышал постороннего шума или звука и не остановил свою игру. В тот поздний вечер я терпеливо ожидал перед плотно закрытой дверью в мастер-классе, откуда доносилось умелое, артистичное и профессиональное исполнение Женей Грозным любовного послания уже немолодого, но страстно влюбленного Бетховена к юной Элизе. Эта чувственная, чарующая своим волшебством и наполненная сентиментальным романтизмом музыка до сих пор будоражит умы и души влюбленных во всем мире, вне зависимости от их религии и национальной принадлежности. Virtuозность исполнения этого произведения по сей день является образцом и мерилем профессиональной пригодности музыкантов во всех странах нашей планеты.

Войдя в класс, я попросил у Жени разрешения ненадолго задержаться на его репетиции. Он кивнул головой в знак согласия, налил полный бокал красного вина из бутылки, которая стояла на рояле, протянул его мне и произнес:

– Будешь?

Я поблагодарил его за оказанное мне внимание, но вежливо отказался.

– Смотри, два раза не имею привычку предлагать, – сказал он и залпом до дна выпил весь бокал вина. Затем закурил сигарету «Кент», подмигнул мне многозначительно, стал у открытого окна, глубоко, с наслаждением затянулся и долго держал дым в своих легких. Потом медленно выдохнул и, повернув ко мне свое усталое лицо, дружелюбно спросил:

– Ну как, Илюха, нравится тебе моя игра?

Крутя в руке пустую бутылку из-под вина, он тут же начал восторженно декларировать стихи Омара Хайяма. Именно Женя ввел меня в мир восточной поэзии, которую я полюбил и мог часами читать взахлеб.

– А что, без вина нельзя репетировать? – наивно спросил я Женю, на что он удивленно, но профессионально ответил:

– Невозможно, мой друг, одну и ту же композицию десятками раз играть без вдохновения, а вино, даже шмурдячное, раздвигает границы души, открывает бескрайние возможности для полета фантазии, и ты свободен. Понимаешь? Сво-бо-ден, – по слогам, выразительно сказал он, затем продолжил: – Раб начисто лишен возможности творчески мыслить, а без головы нельзя заниматься настоящим искусством. Нет, конечно, можно, – возразил он самому себе, – в нашем училище много таких студентов, большинство из них обучаются ремеслам, а искусство имеет великую силу, оно, словно вольная птица, парит свободно и очень высоко в небе, и не каждому оно досягаемо. Ну вот ты, почему любишь петь в темноте? – спросил меня он с явным интересом. – Потому что, – ответил Женя на свой же вопрос, – темнота, погружая тебя в глубину

своего сознания, дает возможность услышать свою собственную душу, где ты и находишь вдохновение.

Добродушный, деликатный, творчески одаренный молодой ашкенази, он во всем, что я говорил или делал, замечал недостатки моего кавказского воспитания и часто, вступая со мной в полемику, в том числе и насчет вина, пить или не пить, заканчивал стихами Омара Хайяма. Он знал наизусть бесконечное множество рубаи великого восточного поэта, посвященных драгоценному, священному и благороднейшему напитку всех времен, а еврейскому народу в особенности.

– Пей, ибо скоро в прах ты будешь обращен.

Без друга, без жены твой долгий будет сон.

Два слова на ухо сейчас тебе скажу я:

«Когда тюльпан упал, расцвести не может он».

– Слов нет, звучит круто, чертовски тонко и умно подметил Хайям насчет тюльпана, но если под тюльпаном он подразумевал то, о чем мы с тобой думаем, тогда он попал в самую точку.

Женя, как будто мы с разных с ним планет пришли на эту землю, смущенно, задумчиво молчал и никак не реагировал на мои дилетантские разглагольствования. Я же со своими мыслями, обращенными к собственным чувствам, эмоциям и переживаниям, воспитанный на еврейской слободке, где проживали такие же, как я, безграмотные в искусстве и литературе парни, но великие мечтатели и фантазеры, не мог вести с ним содержательного, равноправного диалога о восточной поэзии. Женя достал из видавшей виды старой потрепанной сумки непочатую бутылку вина, разлил поровну в два стакана, один стакан предложил мне, а другой взял себе, коротко произнес: «Лехаим», что означает «За жизнь». Завершилась последняя наша встреча с Женей новыми строками из рубаи Хайяма, которые он, как всегда, продекларировал чувственно и восторженно, – все-таки вино делало свое дело.

– Ах, сколько, сколько раз, вставая ото сна,

Я обещал, что впредь не буду пить вина,

Но нынче, Господи, я не даю зарока:

Могу ли я не пить, когда пришла весна?

Весна для меня в том году наступила неожиданно рано и застала меня врасплох в кабинете Виктора Олеговича, директора Дома офицеров. «Что он от меня хочет? – размышлял я, направляясь к нему на встречу. – Вроде совсем недавно наш хор дал большой концерт на 23 февраля, а других концертов не намечалось».

Виктор Олегович, статный, с офицерской выправкой мужчина, чуть выше среднего роста, с легкой проседью, которая придавала его облику благородные очертания. Он всегда чисто выбритый, одетый в строгом стиле и со вкусом: костюм, белая рубашка, галстук, брюки со стрелками и, конечно, до блеска начищенные туфли импортного производства, – в общем, такой весь из себя настоящий полковник, вызывающий у женщин восторг и восхищение.

Он начал разговор без обиняков, по-военному коротко и без возражений.
– Илья, ты в курсе, что на носу Международный женский праздник?
– Да, конечно, я знаю об этом, – ответил я коротко.

Виктор Олегович приложил указательный палец к губам, дав мне понять, что сейчас я должен молчать и слушать его внимательно, что было для меня порой крайне трудно сделать. Эта плохая привычка со временем преобразилась в дурную черту характера, которая укоренилась во мне на долгие годы и не единожды становилась основной причиной моих многочисленных проколов и провалов.

– Ты должен подготовить поэтическую композицию минимум на тридцать минут, выбрать по своему желанию пару лирических песен и со всем этим выступить на концерте, который мы организовываем в честь наших женщин.

Виктор Олегович несколько секунд неотрывно смотрел прямо мне в глаза, – видимо, хотел уловить мою реакцию на его неожиданное предложение.

Не увидев в моем взгляде горячей поддержки, он как ни в чем не бывало продолжил:

– Я очень надеюсь, – говорил он спокойно, не давая мне шансов хоть каким-то образом возразить против его решения, – что твой подарок женам офицеров на 8 Марта будет достойным, вопросы твоего участия в концерте я уже согласовал с руководителем вашего хора. Кстати, это его инициатива, – в заключение сказал он.

При чем тут я, дирижер, наш хор? Но предложение меня очень даже заинтересовало, я чуть поломался, но в конце концов согласился. Сценарий я писал несколько ночей подряд, но Женя мягко отказался принимать участие в концерте, сославшись на большую занятость. Его семья готовилась к эмиграции из Союза в Штаты, начинался, подобно горной лавине, исход евреев Советского Союза на Запад. В Израиле массовую репатриацию евреев из стран СНГ называли «Большая алия».

Наше совместное выступление с Сусанной на сцене Дома офицеров, скажу прямо и безо всяких прикрас, прошло триумфально. Большой концертный рояль, стоявший в самом центре сцены, букет красных роз, который лежал на краю крышки рояля и готов был вот-вот упасть, – все это создавало особую романтическую атмосферу в зале. Рояль, выхваченный из дымной, мутной темноты голубоватым лучом прожектора, за которым торжественно, словно царица Савская, восседала Сусанна в светло-голубом платье, придавал интригующее ощущение началу нашего выступления. Кончики пальцев Сусанны упирались в начало клавиш, что говорило о том, что мы были уже готовы удивить наших зрителей своим праздничным выступлением.

С микрофоном в руке я стоял в глубине сцены, растворившись в безмолвной темноте. Сусанна заиграла, донеслись первые нежные звуки знаменитого произведения Бетховена «К Элизе». Мне казалось, что вокруг нет ни души, ни зрителей и ни этого зала, затихшего от первых звуков рояля, ни электрички, которая снова и совсем скоро бездушно и бессердечно увезет ее от меня, ни дру-

зей и ни врагов, которые, равнодушно наблюдая за нами, считали нас безумцами от любви. Мы были одни в этом переполненном веселыми людьми огромном зале, а ее музыка звучала только для меня. Это мне Сусанна посредством своих прекрасных пальцев объяснялась в своей искренней любви. Очарованный и возбужденный, я декларировал рубаи Хайяма, газели Навои и Саади, стихи Низами и неизвестного восточного поэта, которые удачно вписались в нашу музыкально-поэтическую композицию. Кроме того, мы спели дуэтом несколько лирических песен, которые зал слушал, затаив дыхание, а затем, когда мы замолчали, зал взорвался громом аплодисментов. Эти стихи из нашей композиции, словно полевые цветы, чистые и беззащитные, впоследствии стали для меня символом верности, страстной и романтической любви:

Я хотел, чтобы ты поняла красоту!
Я хотел, чтобы ты поняла высоту!
Не щадя своих сил, я душою платил.
Я широкие крылья тебе отрастил.

Зрячим был, но себя ослеплял иногда,
Чтоб не видеть, как ты неразумно горда.
Чтоб не видеть недобрых поступков и дел,
Я молчанье покорное выбрал в удел.

Думал, это пройдет, это все ерунда.
Только сердце мое ошибалось тогда.
Разве птица совет там гнездо,
Где его однажды разорили?

Моя первая встреча с Сусанной произошла совершенно случайно, как обычно происходят значимые события в нашей истории. Этот поворотный момент в моей жизни запомнился мне до мельчайших подробностей. Глядя вслед этой обаятельной девушке с яркой, неотразимой внешностью, вмиг зацепившей меня своим пронзительным взглядом и кипучей энергией, я с изумлением подумал, как же просто и незаметно это произошло, вот так вслепую, с первого взгляда я смог влюбиться по уши, страстно и пылко. Провожая восторженным, похотливым взглядом горделиво прошедшую мимо меня девушку, я успел все-таки в полной мере оценить ее женское достоинство, округлую полную грудь с выпуклыми сосками.

«Как же она хороша, настоящее искусство», – думал я, не отрывая своих глаз от стремительно удаляющейся от меня девушки.

Разве мог тогда я подумать, что эта восточная красавица с тонкими музыкальными пальцами, которые придавали ее рукам особую элегантность

и изящество, будет вскоре моим близким другом? Мы каждый раз, при любом удобном случае говорили друг другу, что будем только друзьями. Она армянка, я горский еврей: одна ментальность, одна музыка, одна кухня и одни принципы жизнедеятельности, но разные религии. Мы понимали, что будущего в наших отношениях не могло быть, хотя ласковые прикосновения к чувствительным местам наших разгоряченных тел и жаркие поцелуи с каждой новой встречей становились все более волнующими, страстными и глубоко личными, скрытыми от посторонних глаз.

После нашего успешного выступления я твердо решил для себя, что все, на этом заканчиваю учебу в институте и буду поступать в училище искусств. Но Господь Бог, как всегда, решил все по-своему, вразрез с моими сокровенными замыслами, наполненными честолюбивыми и необузданными юношескими мечтами, которые развеялись, как дым. Суровая действительность моей реальной жизни, лишенная всяких надежд на счастливое будущее, становилась явью. Разбивая в клочья воздушные замки, выстроенные в моем сознании, она опустила меня на грешную землю. Да и директор училища убеждал меня отказать от безумной затеи стать великим певцом, говоря доброжелательно и по-отцовски заботливо: «В искусстве всегда надо быть звездой, то есть первым, а не вторым, тем более третьим. Там грязный мир, – говорил он искренне, с неким возбуждением и волнением, – в котором в полной мере свирепствуют самые низменные черты характера, присущие только людям. Я не советую, – продолжал он, убедительно доказывая мне пороки шоу-бизнеса, – бросать тебе институт на третьем курсе, еще немного – и ты станешь инженером-строителем, а как твой папа будет рад и доволен этим событием, наверняка он ждет тебя дома, искренне надеясь, что вскоре у него будет помощник в делах».

Он убедил меня, но последний гвоздь в гроб моей мечты забила все-таки Сусанна. Она сообщила мне новость, которая ошеломила меня, круто изменив всю мою последующую жизнь. Я не был готов к такому развороту своей судьбы, но случилось то, что случилось. Сусанна забеременела, и изменить нельзя было уже ничего. Спустя несколько недель, а если точнее, первого апреля, мы поженились, хотя наши родители были категорически против.

– Они часто пели вдвоем, репетировали по ночам и в конце концов спелись. – Шутил Рубен, брат Сусанны. Мои друзья, ехидно подшучивая надо мной, недоверчиво спрашивали:

– Ты, наверно, специально выбрал день смеха, чтобы мы все вот так дружно посмеялись над твоим судьбоносным решением и подумали, что это только розыгрыш.

А мне было совсем не до смеха, я жестоко подвел отца, а спустя некоторое время у меня родилась дочь, и я стал самым молодым отцом в кругу своих друзей и знакомых. Сами понимаете, не было причин для радости, хотя я сразу же безумно, всем своим сердцем и всей своей душой полюбил свою маленькую доченьку.

Я перестал мечтать о большой сцене сразу же после первой нашей размолвки с моей спутницей по жизни. Сусанна была умной женщиной, страстно любящей, нежной и заботливой женой, терпеливой, но ревнивой до чертиков. Мы были с рождения, как небо и земля, непохожими друг на друга молодыми людьми, с параллельных, не пересекающихся меж собой орбит. Армянки, как и евреи, ценят в своих избранниках единство духа, когда течение жизни обоих сливается в единое целое. Конечно, бывают исключения, наподобие меня, молодого человека, не сумевшего сдержать свои эмоции, и моей супруги, красивой и чрезвычайно страстной девчонки, а еще узбека из моего рассказа «Такси», Натали из одноименного рассказа, но это, скорее всего, редкие исключения, чем правила из жизни.

Не обращая внимания на все перипетии судьбы, которые непредсказуемо нахально и безудержно выпали на мою голову, моя жизнь проходила своим чередом, текла, как вода сквозь пальцы, не оставляя никаких следов. Я незаметно работал, плавал в бассейне, не стремясь к рекордам, по-прежнему пел в мужском хоре, от которого, как и раньше, получал истинное удовольствие. И вот однажды дирижер объявил нам, что на сегодня репетиции отменяются и мы всем хором пойдем на концерт Иосифа Кобзона, совершенно неизвестного на то время молодого певца. «Зал почти пустой, – раздраженно говорил он, – вот мы и должны хоть каким-то образом поддержать певца. Вы сами поете и должны понимать, что значит пустой зал для человека на сцене. Тем более вход бесплатный, не понравится – можете спокойно встать и уйти».

В самом популярном эстрадном зале города на тысячу мест расположились вместе с нами не более 200 зрителей. Мне было жаль певца, который с минуты на минуту должен был выйти на сцену.

«Как, с каким настроением он будет петь в этом полупустом зале? – думал я. – В конце концов, это его личное дело». Уютно устроившись в кресле, я приготовился слушать песни и романсы народов мира. Иосиф Кобзон начал свой концерт с романса «Грек из Одессы», совершенно не смущаясь полупустого зала, как будто привык к такому постоянному вниманию зрителей. Он пел искренне и с воодушевлением, мне казалось, что он не сводит с меня своих больших глаз и поет сейчас только для меня, как будто хочет сказать мне: «Эй, парень, не сдавайся, никогда не сдавайся». В какой-то момент я даже очень обрадовался, что в зале так мало людей, и размечтался, потом вспомнил, как я впервые десятилетним мальчиком вышел на большую сцену. Какая гордость охватила меня, когда наша соседка, тетя Дуся, делилась своими впечатлениями с моей мамой: «Яффа, твой сын певец, – восторженно говорила она ей. – Надо обязательно с Илюшей очень серьезно заниматься музыкой».

Я был самым счастливым человеком, получив в подарок первую пластинку Робертино Лоретти. С песней «Ямайка» в моем исполнении наша слободка ложилась спать и просыпалась ранним утром. Магнитофон, который подарил мне

отец на 14-й день рождения, был высшим пилотажем в среде слободских пацанов. Песни битлов заполнили нашу махаллу. Отцовы друзья, которые воспринимали только мугам, слезно просили его: «Год, забери у сына обратно этот патефон».

Главным и самым благодарным моим зрителем было море. Я мог петь часами на его берегу, обращая свой взор в бескрайние горизонты. Аплодисменты и овации – шум волн, где нет зрителей и никакой критики. Много лет спустя в порыве восторженных чувств от моего очередного посещения концерта Иосифа Давыдовича Кобзона я написал ему короткое письмо, упомянув эту далекую и, на первый взгляд, неправдоподобную историю. Спустя некоторое время я получил такой же короткий ответ: «Иосиф Кобзон не припоминает такой ситуации в своей карьере». Ну и слава богу!

Хочу завершить эту главу еще одним воспоминанием, которое я не могу пропустить, но постараюсь коротко рассказать вам эту занятную историю, произошедшую со мной во время моей службы в армии бывшего СССР. Кто-то доложил командиру нашей роты, что я хорошо пою. Он взял меня в оборот и попросил, чтобы я спел для солдат. Короче, после ужина, возвращаясь в казарму, я заметил какое-то волнение среди солдат. Они перешептывались меж собой, кидая в мою сторону вопросительные взгляды. Войдя в казарму, я заметил группу праздно одетых офицеров, которые сидели на переднем плане, а за ними устроились все 50 солдат с казармы. Молодой лейтенант, командир нашей роты в учебке, вышел в центр казармы и торжественно объявил: «А сейчас Илья даст нам импровизированный концерт, а вы все должны своими дружными аплодисментами поддержать его». Видя прямо перед собой лица своих сослуживцев, молодых парней, которые скучали по своим близким и родным, мне захотелось без долгих уговоров и принуждения выполнить приказ своего командира. И снова я пел блатные песни – они не кончались: в моем репертуаре их было очень много. И это не все. Пока продолжалась учебка – мои концерты в казарме не прекращались. Я пою по сей день. Правда, происходит это все реже и реже: на душе не очень радостно, нет повода и для грусти, просто не для кого стараться азартно, по-мальчишески петь...

Глава 15

Когда я в очередной раз записывал в дневнике свои воспоминания из жизни еврейской слободки Дербента, получились наброски моего первого короткого рассказа, ставшего впоследствии основой полноценного повествования. Это были мечты о прошлом и воспоминания о будущем, основанные на

реальных событиях. Ничего не выдумывал, писал искренне и только правду о своих чувствах и переживаниях, и материала было предостаточно, но затратил на рассказ в несколько страниц почти целую неделю. И на этот раз Господь был со мной, он снова поддержал меня в очень сложное и переломное время в моей жизни, послав в лице великолепного мастера короткого рассказа, лауреата Нобелевской премии по литературе Элис Манро своего очередного ангела-хранителя. Она после получения этой престижной премии надолго исчезла из светской жизни. Однажды автора все-таки застигли в ресторане за уединенным завтраком. Журналистка, подойдя к ее столу, без тени стеснения спросила, почему уже в течение долгого времени она не написала ни одного нового рассказа. На что писательница коротко ответила: «Я ненавижу одиночество».

Элис Манро могла позволить себе сказать такое – она знаменитость, а кто я такой? «С такой низкопробной писаниной далеко не уйти, – думал я. – Да какой из меня писатель», – возмущался я, пытаюсь тогда понять, что занимаюсь незнакомым для себя делом, притом что я совсем не в ладу с русским языком. Хотя мои первые читатели писали, что у меня совсем неплохо получается, и даже просили продолжать писать. А может, сделать что-нибудь посерьезней? Но на что жить? На моих рассказах трудно заработать даже на кусок хлеба – это во-первых, а во-вторых, чтобы писать на постоянной основе, надо иметь отменное терпение и здоровье. Ни тем, ни другим на то время я похвастаться не мог, а ведь когда-то я запросто пробегал 25 километров на одном дыхании...

Прошло время, сейчас я пишу каждый день с 5 утра и до 12 дня – это самое продуктивное время для меня, потому что душой и телом ощущаю неудержимый полет писательской фантазии, и, что очень важно, все происходит в едином творческом порыве. После этого с нетерпением жду реакции моей подруги, которая никогда не критикует, а только хвалит, – наверно, таким образом она старается поддерживать меня в моем настойчивом стремлении продолжать непрерывно писать. Настоящий друг и истинный партнер по жизни! Затем с 14 до 17 часов, при строго соблюдаемом режиме, выработанном в последнее время, я в здоровом ритме хожу 10–12 километров, и эта хорошая привычка позитивно вошла в систему моей жизнедеятельности.

Не насилую себя, принуждая делать то, что не по душе, просто молча, на автомате одеваюсь и выхожу из дома и, как только ощущаю свежий воздух улицы, говорю самому себе: «Илюша, ты молодец, настоящий мужчина!» В общем, я взял себе за привычку, если в течение максимум 10 минут не знаю, куда себя деть, я просто, не задумываясь долго, выхожу из дома на спорт, и передо мной открывается мир возможностей, с которых и начинаются перемены к лучшему. Подымая ладони к небу с растопыренными пальцами – многократно испытанный мною метод, чувствую, как космическая энергия вселенной, проникая в мой организм через кончики пальцев, превращается в созидательную энергию, которая является полноценной основой здорового образа моей жизни.

Сожалею только об одном – что заканчивается день, но с огромным интересом жду нового утра, чтобы вновь сесть за компьютер и писать. Что происходит со мной, не могу объяснить даже самому себе, мне просто это в кайф делать. Сегодня, в этом безумном мире, когда мы постоянно находимся в схватке с ежедневными конфликтами, порой беспричинными, или драматическими историями из нашей жизни и жизни наших друзей и знакомых, мы подвергаем себя стрессам, которые могут стать причиной многих серьезных болезней. Важно то, что стресс, закрепляясь глубоко и надолго в нашем сознании, разрушает последовательно и методично спокойствие души и мы вновь и вновь сопереживаем события далеких, давно прошедших дней. В этом случае надо просто дать волю своим эмоциям и воспоминаниям, пуститься вслед за ними в прошлое, вволю покувыркаться в истории своей жизни, отвести на все сто душу, потряхнуть молодостью часок-другой, – возможно, именно там и скрывается тайна избавления от проблем нашей современной жизни.

Намереваясь, наконец-то, выспаться, я принял на вооружение полезные советы, наводнившие интернет, такие как: соблюдайте режим, меньше света в спальне, не кладите смартфон рядом с кроватью, не употребляйте кофе перед сном, но можете принять бокал сухого красного вина перед отходом ко сну... Я удобно устроился на кровати, блаженно растянулся, прикрыл глаза, ожидая сладкого и долгого сна. А в голове крутились приятные воспоминания, и вообще не дурные размышления и помыслы, как считают некоторые советчики из «Гугла», что перед сном в голову непременно лезут навязчивые мысли, которые не дают спокойно уснуть. А мне накрахмаленные пододеяльник, простыня и наволочка, это волшебное прохладное чудо, приносили массу удовольствий, успокаивали нервную систему, позволяя сконцентрироваться, чтобы в едином порыве оттолкнуться от земли, взлететь и парить над землей, совсем как в детстве. Что они понимают в вине? Я, будучи еще школьником, выпивал бокал белого вина, запивая прекрасно приготовленные мамой голубцы, и затем только шел в школу. Трезво размышляя о событиях моего далекого детства, я уже почти уснул, но вдруг услышал пронзительный звонок в дверь.

«Твою мать! – выругался я по-прорабски. – Какого черта не спится людям в такое позднее время? – выпалил я, раздраженно взглянув на часы, которые показывали почти 11 часов вечера. – Какого хрена? Я сплю!» – крикнул я во весь голос в сторону входной двери. Пробурчал себе под нос, что если попытка со звонком не прекратится, то я за себя не ручаюсь, встану, открою эту долбаную дверь и скажу этим мудакам за дверью все, что я о них думаю. Накинув одеяло на голову, я пытался скрыться от настырного колокольчика, но мерзавец не переставал звонить.

«Надо все-таки заменить этот звон на ретро-звонок, который более приятен для слуха, или, вообще, вырубить его нахер!» – продолжал я размышлять, надеясь, что этот незванный гость все-таки нормальный человек и должен, сука,

понимать, что если не открывают дверь, значит дома никого нет, или просто не хотят открывать. Но звонок, словно назойливый комар, продолжал настойчиво звучать в ушах, не позволяя сомкнуть глаза.

«Вот сука», – нехотя вставая с кровати, пробормотал я вполголоса, на ходу надевая джинсы и футболку. Открыв дверь, я в изумлении увидел Андрея, с которым буквально пару часов назад простился совсем не дружелюбно после совещания у президента крупнейшей аграрной компании Северного Кавказа. В одной руке он держал две бутылки дагестанского коньяка, а в другой – двухлитровую банку с черной икрой.

– Илья, ты что, обиделся? – как ни чем не бывало, широко улыбаясь, спросил меня Андрей. – Это же был спектакль перед хозяином, неужели ты ничего не понял и все так близко принял к сердцу? – почтительно вежливо продолжал говорить незваный гость, словно извиняясь за прошлый крутой разговор, который состоялся всего двумя часами ранее. – Что, я так и буду стоять здесь, у порога открытой двери, и ты непустишь меня в квартиру? – вежливо спросил он, а с его лица не сходила виноватая, но дружелюбная белозубая улыбка. Казалось, еще чуть-чуть и он лопнет от гордости и наслаждения в избытке переполнявших его чувств от только что заключенного контракта в миллион баксов на поставку пестицидов.

– Проходи, раз уже пришел, – сказал я ему, уже успокоившись.

– Но я не один, – пробормотал Андрей быстро, чтобы не расстроить меня вконец, все также продолжая лукаво и приветливо улыбаться. – Я с командой, – вопросительно взглянув на меня, в ожидании моего негодования и раздражения от такого нахального поступка он продолжал стоять там, где стоял, не решаясь войти в квартиру.

– Да входи уже и заberi свою команду, – мирно, по-дружески сказал я ему и обернулся в направлении комнаты, тем самым дав понять ему, что они могут войти всей гурьбой.

Андрей понравился мне сразу, при первой же нашей встрече. Для своих сорока лет он выглядел довольно молодежавым и уверенным в себе человеком. Он был крупным, жизнерадостным, с неизменной улыбкой на симпатичном лице. Его волевое и энергичное лицо говорило само за себя, он был преуспевающим бизнесменом. Успех и деньги, как неразлучные братья-близнецы, везде и во всем сопровождали его, прилюдно показывая, что они в полном единстве с ним идут рука об руку по дороге, насыщенной бурными и радостными событиями в его жизни. Андрей, один из крупнейших поставщиков пестицидов и удобрений в Ставрополе, был известным предпринимателем, восходящей звездой российского бизнеса на Северном Кавказе. Он не был жадным и не крохоборничал, но жил по-еврейски, без понтов, – так он отвечал своим доброжелателям, когда те его спрашивали, как жизнь. Его знакомые и приятели, близкие и дальние, свои и чужие завидовали ему до глубины души, до сердечных потрясений, приводящих

их к враждебности и агрессии по отношению к нему. Они представляли, что он весь из себя такой крутой и благополучный и куча золотых и платиновых карточек ведущих банков России не покидают его растопыренные карманы. Он никому и никогда не позволял рассчитывать в своем присутствии, – в общем, с ним было сытно, весело и беззаботно. А кто таких любит и ценит, скажите мне на милость. Зависть и ревность имеют силу, способную разрушить и уничтожить все позитивное, что еще сохранилось в людях.

Гостей было предостаточно: Андрей, двое девушек, как будто только что сошедших с обложек популярных журналов для мужчин с элементами эротики, но почему-то не успевших приодеться в надлежащий вид. По девочкам явно было видно, что эротичное шоу для них еще продолжалось, такие шалуньи, конечно, предпочитают шумные компании, одиночество совсем не их стихия. Замкнул компанию Василий, которого Андрей представил как своего младшего делового партнера. Разговор за столом в большинстве своем шел вокруг будущих урожаев зерновых, цены на отдельные их виды и возможности выхода с зерном на израильский рынок. Но Василий все больше молчал и только внимательно слушал, о чем шла беседа. С интересом приглядываясь к Василию и обратив пристальное внимание на его высокую, мощную, крепкую фигуру, я хотел угадать черты его характера. Его лицо заинтересовало меня мгновенно, как только он протянул мне свою широченную кисть для рукопожатия. Любезный и обходительный, вместе с тем на его улыбчивом, добродушном и выразительном лице можно было без труда заметить предельную концентрацию внимания и явную профессиональную заинтересованность происходящими за столом разговорами.

Заметив мой открытый и очевидный интерес к Василию, Андрей воодушевленно произнес, – было видно, что Василий положительно нравился ему:

– Илья, ты не смотри, – движением головы показывая в сторону Василия, сказал Андрей, – что он так молод и красив, у него уже четверо детей, он однолюб и примерный семьянин, у них, молоканов, иначе и не может быть, не то что я, бабник до мозга костей, – продолжил он, по-братски взглянув на Василия, затем добавил: – Этот парень – решительный, упорный, в высшей степени порядочный друг и мой младший партнер, и, если будет такая необходимость, он горой станет за меня.

Мы простились под утро, благо впереди маячили два выходных дня и можно было расслабиться по полной программе. Прощаясь, Андрей пригласил меня погостить у него в деревне.

– Я познакомлю тебя с отцом. О! – воскликнул Андрей, стоя на выходе из квартиры, – он классный у меня мужик!

Но обстоятельства сложились таким образом, что мы с Андреем встретились спустя несколько месяцев и сопровождалась эта встреча трагическими событиями, произошедшими в его жизни за это короткое время. Я его не узнал:

передо мной сидел потерянный, с болезненным, землистого цвета лицом, но еще такой же симпатичный мужчина. Чай давно остыл, я же внимательно слушал его, не отрывая своего пристального взгляда от его потухшего взора, явно сигнализирующего о его нервном истощении.

«Что случилось? Что могло произойти за столь короткое время, которое до неузнаваемости изменило облик моего друга?» – спрашивал я мысленно самого себя, сидя за одним столом вместе с Андреем и Василием.

Простой укол в десну Андрея молодым зубным врачом раскрыл глубокую, потаенную тайну, скрытую за пределами его сознания. Десна распухла и долго не заживала. После проведенных комплексных анализов врачи определили у него рак крови, который невероятным образом прогрессировал. Мое прямое столкновение с диагнозом онкологического заболевания у человека, которого я близко знал и искренне уважал, произвело на меня глубокое впечатление. Я испытал сильнейший стресс, отрицание, а впоследствии и шок. Я не верил, что у Андрея есть потенциально смертельная болезнь и что у этого парня в 44 года, в самом расцвете жизненных сил, нет никаких шансов дожить до следующего своего дня рождения. О чем думал Василий, я не мог тогда и предполагать, но он оказался именно тем человеком, который сопровождал его в больницу в Израиле и был рядом с ним до конца его жизни.

Было уже слишком поздно, даже лучшие врачи продвинутой на весь мир медицины оказались бессильными. Похоронили Андрея в деревне, где он родился и где продолжал жить его отец. На похоронах было огромное скопление людей со всех концов Ставрополя и огромной России – это было заслуженным признанием его высокого человеческого авторитета. Я, немой свидетель этих трагических дней от начала болезни Андрея, его лечения в Израиле и до похорон на тихом деревенском кладбище, все это время незримо наблюдал за Василием, который постоянно находился рядом с Андреем, именно он взял на себя все тяготы этих драматических событий. Я почему-то подумал, вглядываясь в статную фигуру Василия с невозмутимым выражением лица: «Как же было бы здорово, если и у меня был бы такой младший партнер по жизни, который так достойно, с почестями мог бы похоронить меня».

Прощаясь со мной, отец Андрея долго не выпускал мою руку из своей ладони, горячо благодарил за поддержку и оказанную ему помощь, но я до сих пор не могу простить себе того, что я отказал Андрею в такой малости перед его уходом к Всевышнему...

Я был далеко за пределами Израиля – и вдруг звонок от Андрея. «Илюха, привет, если ты в Израиле, как бы я хотел вместе с тобой посетить Стену Плача, я, кстати, могу сделать это своими ногами», – говорил он спокойно и уравновешенно, четко понимая, что для него все закончилось на земле.

И это не все, мы с Василием продолжаем дружить и по сей день, мне известно, что он до сих пор расплачивается с долгами компании, которые тяже-

лым грузом легли на его плечи после смерти Андрея. Как-то раз при очередной нашей встрече я сказал ему:

– Василий, долги Андрея... Почему бы тебе не отказаться от них?

Он с недоумением посмотрел на меня, не веря своим ушам, что я, уважаемый им человек, мог задать ему подобный вопрос. Немного задумавшись, он произнес:

– А что я скажу Андрею при нашей новой встрече, ведь она непременно состоится, пусть даже в другой моей жизни.

Глава 16

Мое письмо Вагит Алекперов все же прочитал, – по крайней мере, это то, что мне сообщил его помощник, хотя я с глубоким недоверием отнесся к его словам и без особого интереса продолжал слушать его болтовню.

«Лукойл такими проектами не занимается», – это главная суть, которую я уловил из его длинной, витиеватой речи. Помощник Алекперова говорил почти пятнадцать минут, медленно, сдержанным, ровным тоном подыскивая самые нужные для разговора слова, растягивая их для важности, полагая, что только таким образом можно доходчиво донести до моего сознания значение его слов. Но все то, о чем он говорил, для меня уже не имело никакого значения, потому что я не был уверен на все сто процентов в том, что Алекперов отреагирует на мою просьбу. Если серьезно, на тот момент, когда я писал письмо Алекперову, я не был человеком, нуждающимся в чьей-либо помощи, поэтому язвительное, едко-насмешливое словесное сообщение помощника Алекперова не затронуло и совершенно не смутило меня.

Я знаком со многими высокомерными людьми, в которых неистребимо сидит раболепие, лесть и пресмыкательство перед начальством. Приближенные к власти имущим, они злоупотребляют своими правами и зоной ответственности, но по своей духовной природе, откуда берет начало сознание и сущность человека, они в унижительной, рабской зависимости от своего патрона. Им не понять и не почувствовать вкус и очарование реальной жизни, состояние эйфории от получаемого кайфа и незабываемые ощущения от щемящего восторга и наслаждения, которые испытывает настоящий мужчина в свободном полете своих фантазий, мыслей и действий. Вспоминая нелепые, но печальные подробности случайного эпизода из моей очередной поездки в Актау, когда я оказался один на один с помощником акима Мангистауской области, я понял, что эти люди были, есть и будут, пока существует и здравствует человеческий род.

Было раннее утро. Дожидаясь акима, я любезно, насколько хватило у меня сил от долгих перелетов, обратился к его помощнику с простой просьбой:

– Друг, ты напоишь меня чаем? Я очень сложно добирался до Актау, а во рту с утра ничего не было.

Я был ошарашен и ошеломлен язвительным ответом, словно кто-то намеренно ударил меня по голове тяжелым предметом.

– Я с тобой свиней не пас, – ответил он мне жестко и дерзко, – чтобы ты мог обращаться ко мне на «ты».

Я потерял дар речи и был вынужден ретироваться и оставить свою просьбу без внимания. Потом он слезно извинялся, стыдливо пряча свои глаза, но это уже совсем другая история, хотя я все-таки доведу этот рассказ до логического конца. Именно от меня зависело тогда, задержится ли этот молодой человек на должности помощника акима.

Я его простил, но на прощанье все-таки сказал:

– В Израиле даже к президенту страны обращаются на «ты», никто в этом не видит ничего предосудительного, заслуживающего порицания или осуждения.

Каждый раз, перечитывая свое письмо Алекперову и глубоко вдумываясь в суть своего изложения, у меня возникало чувства острого, мучительного стыда за его содержание. Я ведь знал заранее, как он отреагирует на мою унижительную просьбу, да и помощи мне от него никакой, в принципе, не было нужно. А зачем, для чего, черт меня возьми, я тогда написал ему эту свою не то просьбу, не то обращение? Я ведь понимал и осознавал, что руководители его ранга не любят вести диалог с просителями о помощи, считая их законченными неудачниками. Да и кто сейчас, в период кризиса, будет финансировать аграрный бизнес, и зачем ему, богатейшему человеку в России, это было нужно?! Интервью Алекперова от 16 апреля 2012 года Познеру, где он подробно рассказывал о том, каким образом нефтяная компания «Лукойл» поддерживает сельское хозяйство в Ставрополье, взбаламутило меня на это унижительное и не совсем обдуманное решение.

Возможно, если бы в то время, в начале девяностых годов, я знал о существовании книги «48 законов власти», которую написал великолепный Роберт Грин, я смог бы избежать многих ошибок в своей разгульной, благополучной жизни. «Никогда не затмевай старшего по положению и никогда не делай то, что хочется, если тебе кажется, что господин к тебе расположен» – это самый первый в этой популярной книге закон власти. Этот закон самый циничный, абсолютно безнравственный и самый правдивый, действие которого я испытал на своей собственной шкуре. Можно сколько угодно бить себя в грудь и хорохориться, делать вид, что тебе все нипочем, кричать во весь голос, что ты самый крутой и счастливый человек на свете и тебе все подвластно, что ты независим и у тебя есть все. Но даже в этих комфортных условиях жизни можно всегда

найти нечто, что тяжелым бременем лежит на твоей душе. Долгая история... но так получилось, что мы с Алекперовым были знакомы далеко до его назначения на пост президента Лукойла.

Я – новоявленный генеральный представитель крупнейшей частной нефтяной компании России в Поволжье, где были сосредоточены важнейшие ее активы. Передо мной открывались широчайшие возможности для бизнеса. Огромный кабинет, чуть ли не с футбольное поле, элегантная секретарша, которая была готова мгновенно выполнить любое мое поручение, звонки с многочисленными предложениями на предмет поставки продукции в структуры нефтяной компании «Лукойл». В общем, жизнь была ключом – и все по голове: этот афоризм как раз можно было отнести и в мой адрес.

Смирнов вошел ко мне в кабинет по-хозяйски, коротко представился генеральным директором Торгового дома «Лукойл», вольготно устроился в кресле, всем своим видом показывая, что реальным хозяином этого кабинета на самом деле является он, я же обязан слепо, без оглядки и лишних вопросов подчиняться любому его указанию. Лицо мягкое, глаза красные, как у разъяренного быка, изо рта жутко несло перегаром, – сложно было навскидку определить, сколько нужно было выпить шмурдяка, чтобы этот удушающий алкогольный запах мог так надолго задержаться в его организме. Мысли лихорадочно крутились в голове, что делать и как себя вести дальше с этим алкашом.

«Как Алекперов держит этого выпивоху на такой ответственной должности?» – думал я, широко открывая окно за своей спиной. И, как часто случается в жизни недаленовидных, самовлюбленных людей, я принял единственное решение, которое оказалось самым неверным в этой ситуации. На категоричное указание Смирнова, что впредь все ресурсы, поставляемые нами из Поволжья для Лукойла, должны будут согласовываться с ним лично, у которого было эксклюзивное право на поставку материально-технических ресурсов для компаний, входящих в структуру Лукойла, у меня хватило ума вежливо отказать ему в этой пока, как он тогда сказал, просьбе.

– Я буду работать только напрямую, и по-другому не будет, – ответил я ему решительно.

«За мной сам президент компании, – думал я, – и что он сможет мне сделать?»

– В этом случае тебе будет очень сложно работать в Лукойле, – Смирнов поднялся, взглянул на меня невесело, но удивленно и, не попрощавшись, удалился из кабинета.

Спустя некоторое время я получил уведомление о моем увольнении из компании. Оказалось, что Смирнов был гораздо ближе к Алекперову, чем я это мог предположить, он еще в период с 1971 года занимал руководящие должности в Министерстве нефтяной и газовой промышленности СССР. А с 1992 года возглавил ООО «Торговый дом “Лукойл”». Я же оказался неумехой и полным

дилетантом в этой сложной игре со властью, нарушив еще один закон, как оказалось впоследствии, не менее важный, чем первый: «Надо знать, с кем имеешь дело, прежде чем действовать». Нет бы подружиться со Смирновым, не обращая внимания на его внешний вид, налить ему стопку коньяка, а я полез на рожон, проигнорировав, по сути, своего начальника, и мне попросту обломали рога.

Конечно, Алекперов мог и не знать всего того, что случилось со мной, я ведь не рассказывал ему те жуткие, таинственные, непридуманнные истории из моей реальной жизни, которые напрямую были связаны с ним...

Поздний звонок из приемной Лукойла застал меня врасплох. Росита, удивительно красивая и обаятельная женщина, помощница Алекперова, сказала мне, что я должен принять участие в совещании, назначенном на следующий день в 11 часов утра, которое состоится в кабинете Алекперова.

– Но я никак не успею, даже если вылетю первым самолетом на Москву, – попытался я возразить Росите

– Успеешь, я направлю машину в аэропорт, собирайся и не опаздывай.

Вот с этого злополучного звонка все и началось. Машины в Домодедово не оказалось, а время поджимало. Я нервничал и суетился, пытался дозвониться до Роситы, но все было тщетно. Телефоны в аэропорту в большинстве своем не работали, а если я каким-то чудом дозванивался, на противоположном конце слышались короткие гудки.

– Слушай, друг, тебе в центр? Я тоже только что прилетел из Свердловска, а моя машина застряла в пробке. – Это был мужчина крепкого телосложения, элегантно и со вкусом одетый. На безымянном пальце левой руки сверкала золотая печать с крупным бриллиантом. В этой же руке он держал массивную незажженную сигару. – Опаздываю на торги, – продолжал он с беспокойством рассказывать мне о своих проблемах. – Сегодня в Министерстве обороны распродают мощные самосвалы, вывезенные из Германии, а мне позарез нужно двадцать крупнотоннажных машин для работы на наших приисках в Свердловской области, – продолжал он информировать меня о цели своей поездки. – Мой дядя начальник управления, который ведает этими вопросами в Министерстве, все вопросы уже решены, остались только формальности. Опаздывать никак нельзя, – говорил он безучастно, как будто с самим собой.

Я слушал его, но и сам лихорадочно соображал, как мне решить вопрос с транспортом до центра Москвы.

«Если я вовремя не успею на совещание, возможно, других встреч и совещаний с руководством Лукойла у меня уже может и не быть» – эти сумбурные, безрадостные мысли беспокоили меня, и я все больше склонялся взять такси, благо предложений было более чем достаточно.

– Здесь нельзя одному садиться в такси, очень опасно, – как будто читал он мои мысли, – в Домодедово орудует банда грабителей пассажиров, – тихо, чтобы не услышали окружающие, шепнул он мне на ухо, и я уже был в его власти.

В такси я оказался на заднем сидении между моим собеседником и женщиной, который тоже спешил в Москву и почти на ходу сел к нам в машину. Когда выезжали из аэропорта, на переднее сидение, справа от водителя, подсел еще один молодой человек с бычьей шеей.

– Это мой напарник, – обернувшись и мягко погладив его рукой по затылку, с усмешкой сказал он.

Когда я увидел на его пальце такую же золотую печатку с бриллиантом, как у «владельца золотых приисков», я понял, что меня, как лоха, взяли в оборот. Никакого страха, а только отчаяние и злость на самого себя за то, что не смог предвидеть этой ситуации, охватили меня, ведь я знал, что в Домодедово в действительности орудовали банды грабителей пассажиров. Недавно принимая у себя в гостях генерального директора одной крупной частной нефтяной компании, я услышал от него совершенно жуткую историю, произошедшую здесь, в Домодедово. Он точно так, как я сейчас, соблазнился на заверения каких-то случайных бандитов и в конечном итоге оказался в кювете с проломленной головой и почти шесть месяцев провалялся в больнице.

– Послушайте, мужики, давайте договоримся, заберите все, что у меня есть, только высадите меня, я в действительности тороплюсь на встречу, – пытался начать я хоть какой-то внятный диалог с бандитами.

– Не волнуйся, братишка, мы тебя не грохнем, – успокоил меня сосед слева и попросил меня раньше времени не суетиться под клиентом.

Через минуту раздался вой от сирен полицейских машин, которые заблокировали нашу машину с трех сторон: спереди, сзади и сбоку. Полковник милиции в громкоговоритель требовал, чтобы мы все вышли из машины с непременно поднятыми руками. Затем всех нас положили лицом к земле и начали надевать наручники. «Вот тебе и утро начинается с рассвета» – вспомнилась мне песня о нашей прекрасной стране, которую я всегда напевал при хорошем настроении.

– Кто из них пассажир? – спросил полковник одетого в гражданскую одежду мужчину. – Поднимите его, я хочу на него посмотреть.

Этот диалог между милиционерами привел меня в чувства, и у меня появилась надежда, что я закончу этот день в кабинете Алекперова.

Полковник внимательно и с любопытством разглядывал меня, затем строго, по-отцовски спросил:

– Ты что, вообще без головы? Не ведаешь, что творишь! Ты с кем сел в одну машину? Забери свою сумку и давай, до свидания.

Моих попутчиков рассадили по машинам и увезли, а я, растерянный, еще долго стоял на обочине и пытался сообразить, что произошло со мной за это короткое время нового дня.

В кабинете Алекперова было много народу, справа от него сидели региональные руководители Лукойла в Краснодаре и Ставрополе, напротив них

сидел смуглый мужчина и очень эмоционально о чем-то говорил. Вагит Юсуфович кивнул мне, и я сел рядом с ним по правую от него руку.

«Израильтянин», – подумал я и не ошибся. Ури, так его звали, рассказывал о преимуществах новых израильских систем орошения, используемых в израильских аграрных проектах, – капельном орошении. Он предлагал нам начать с небольших проектов, на 5–10 миллионов долларов, и двигать эту систему на обширные территории России. Мои коллеги в один голос заявили, что нет никаких проблем и они обязательно убедят руководства своих регионов в целесообразности реализации этого предложения.

– Бесперспективная идея, мы напрасно тратим на эту затею свое время, – категорично заявил я и продолжил: – Сегодня реализация израильских сельскохозяйственных технологий в казачьих регионах на Юге России просто невозможна по многим, в том числе и субъективным, причинам.

Как отмечалось в краснодарской газете «Коммерсантъ» (№ 237 от 19.12.1998, с. 4), «на Кубани в силу сложившейся специфики еврей не национальность, а общественная функция. Жидом может быть объявлен любой». Я был готов разорвать этого израильтянина, который и духом не чуял, что творилось тогда в головах политических элит, в особенности на Юге России. И вот из-за его фантастического предложения я чуть не лишился своей жизни. Воцарилась пауза, все молчали, Вагит Юсуфович вышел из кабинета и предложил нам продолжить нашу дискуссию. Никто меня не остановил и не дал по мозгам, я пошел вразнос, выплеснув на Ури всю накопившуюся у меня отрицательную энергию за весь сегодняшний день. На следующее утро был сложный и жесткий разговор с Алекперовым, после которого дальнейшая моя работа в структуре Лукойла была невозможна. На прощание Вагит Юсуфович сказал мне: «Никому никогда ни о ком ничего не рассказывай – ни хорошего, ни плохого, да еще, ты же восточный еврей, ты должен уметь держать свои мысли подальше от языка».

Это было давно и неправда. Помню, как будто все это произошло только вчера, хотя это дело очень далекого прошлого. Меня настойчиво в грубой форме прессовали, требовали стучать на Алекперова – это жестокая правда моей жизни. Самое важное заключалось в том, что я не мог об этом прямо сказать Вагиту Юсуфовичу, потому что в любом случае я мог бы оказаться главным проигравшим в этом деле. Год непрерывных проверок, упорных притеснений и даже обвинений в финансовой поддержке чеченских боевиков оставили меня без реального бизнеса. Я исключил даже саму мысль о предательстве, но для меня все это закончилось очень печально – полным финансовым крахом. Разве тогда я мог подумать, что через 10 лет новые израильские инновационные технологии станут основой деятельности моей новой, но уже израильской компании в России и в республиках Средней Азии. Один из реализованных нами аграрных комплексов в Казахстане посетил президент Казахстана Назарбаев. Но это произойдет потом, спустя много лет, но тогда Алекперов, хвала и почет

ему, просто хотел помочь своему школьному товарищу с бизнесом. В то время я не мог и предположить, что мое знакомство с Алекперовым поставит меня на грань разорения и я с большим трудом смогу сохранить то, что сейчас позволяет мне жить достойно и заниматься своим любимым делом.

Глава 17

Сегодня уже 27 июня 2012 года. Не сдерживаю обещание, которое чуть ли не каждый день давал самому себе, – неизменно вести дневник жизни. Не находя здравого смысла в этом пустом времяпрепровождении, я вскоре забросил дневник куда подальше и только изредка записывал в него короткие повествования, максимум пару абзацев, из моей скучной повседневной жизни. Да и воспоминания были не из приятных, не с чего было кайфовать, но каждый раз снова и снова брал себя в руки, азартно, с интересом записывал в дневнике ход своих мыслей. Как истинный горский еврей, для которого прозвище «трепач» было несмываемым словесным оскорблением и позором, я клялся, давал себе твердое честное слово, что на этот раз, и это уже точно, будут мои каждодневные записи в дневнике, но все было тщетно, я опять и опять бросал на ветер свои слова. Сила воли, ясность цели, дисциплина ума – эти навыки и привычки, которые в основе своей являются ключом к любому успеху, напрочь отсутствовали у меня. Ослабленный и лишенный жизненной энергии, я не был способен выполнить даже самую простую задачу – вести ежедневно свой дневник, затратив на это всего 30 минут времени.

Позже я обнаружил, что с каждой новой записью мне становилось все интереснее и интереснее. Перелистывая дневник страницу за страницей, я чувствовал, как увлекательный мир воспоминаний все глубже и глубже затягивал меня в безвозвратно ушедшие беззаботные времена. Особое удовольствие я получал от тех эпизодов, которые напоминали мне мое далекое детство, юность, еврейскую слободку Дербента, в которой я родился, вырос, стал мужчиной. События, факты, яркие повествования, их хронологическая последовательность, герои моих записей, личные впечатления возвращали меня в прежние времена, в седую древность моей памяти. Четкие до мельчайших подробностей события из прошлого заставляли обернуться назад, в минувшие годы, которые оставляли неизгладимое впечатление от подлинной истории моей прошлой жизни.

«Материала наберется для большого интересного рассказа», – как-то полушутя-полусерьез, с ухмылкой подумал я, не веря своим вздорным мыслям.

Откуда эта суетная, навязчивая идея появилась и ворвалась в мое сознание, не пойму по сей день. И что ты собираешься делать с этим? Как это ты будешь писать и кто, черт тебя возьми, будет читать твою галиматью? Вопросы, вопросы и снова вопросы возникали в моем мозгу, но, не находя сколь-нибудь вразумительных ответов, я попросту продолжал размышлять и снова натывался на новые, непростые и неудобные вопросы.

«На каком языке ты собираешься писать? – спрашивал я самого себя, стесняясь своих крамольных мыслей. – Кроме разговорного русского языка ты не владеешь никакими другими языками, да и русский язык у тебя на грани двоечника, – продолжал я обсуждать с самим собой эту навязчивую бредовую идею. – Ты не в ладу с орфографией, ты не знаешь, да и сейчас тебе трудно найти правильные места для запятых, двоеточия, точки с запятой, даже когда ведешь дневник, он весь красный от подсказок “Гугла”». «Ну и что, зато по содержанию у меня всегда было пять с плюсом» – пытался возразить я самому себе, вспомнив, как в диктантах и сочинениях по содержанию у меня всегда были высшие оценки, – а вот по орфографии, ты здесь совершенно прав, – самая высокая оценка у меня была тройка с минусом». «Хорошо, и с этим багажом ты мечтаешь стать нобелевским лауреатом по литературе?» – ехидно, насмешливо, с глубоким недоверием к своим фантазиям спросил я себя, но уже во весь голос.

Это было всего лишь моей выдумкой, красивой сказкой, игрой несбыточных фантазий, но они, разбушевавшись, уносили меня в заоблачные дали, где я строил воздушные дворцы и замки – у меня всегда в детстве это здорово получалось. Сколько людей в моем возрасте мечтают, парят по воздуху, стремясь найти свою дорогу к счастью. Вот эта книга, если я ее напишу и опубликую, точно станет бестселлером, потому что взрослые люди активны и мотивированы на успех, для этого у них есть самое важное: они терпеливы, мудры, склонны к творческой работе. Только надо дать волю своим фантазиям и мечтам и следовать за ними – и все обязательно сбудется.

Вчера экспромтом написал первый короткий рассказ о прошлом – воспоминания из жизни еврейской слободки Дербента. Ничего специально не выдумывал, писал просто и доходчиво, как говорил мой профессор, «писать надо для дурака, чтобы ему сразу, с первого же захода было понятно все, чтобы по ходу пьесы у него не возникало никаких дополнительных вопросов». Все, что я делал, было незнакомо мне, трудности и сложности возникали на каждом шагу. На портале «Проза.ру» я создал самостоятельно свой литературный сайт, назвав его своим именем – «Ильясф». Впервые я понял и осознал, какое гордое и звучное имя у меня, даже мысленно поблагодарил своего дедушку за то, что в свое время он настоял именно на этом имени. Я не могу передать словами, какое чувство я испытал, когда увидел количество прочитавших мой первый рассказ. Многие в своих комментариях писали, что не очень плохо, а некоторые из них и вовсе просили, чтобы я продолжал писать на тему жизни горских евреев из слободки.

«Что они там нашли? – высокопарно размышлял я, считая себя уже состоявшимся писателем-прозаиком, а сам грезил масштабными проектами: – Может, сделать что-нибудь посерьезней, ну, например, написать и издать книжку. Пусть эта книга будет даже небольшой, но этот проект может стать основой моей новой жизни. Как мне сейчас это нужно, – думал я, – раскрыть свое сознание, душу, сердце, в полной мере осознать и оценить те возможные изменения в моей будущей жизни, чтобы не испытать чувства глубокого разочарования и не остаться снова ни с чем».

Глава 18

Мне приснился странный сон. Конечно, не все сновидения удается вспомнить утром, однако некоторые сны бывают пророческими, на которые стоит обратить особое внимание. Это крайне интересно с точки зрения предсказания будущего. Испокон веков люди хотят приподнять завесу тайны и узнать, что их ждет как минимум завтра, послезавтра и как максимум – через месяц-другой, какова их дальнейшая судьба хотя бы в ближайшей перспективе. Но иногда сам Господь Бог посредством своих посланников, ангелов-хранителей, приходит к нам через вещие сны, чтобы пообщаться с нами в режиме реального времени. Такие сны на подсознательном уровне показывают нам, что мы не одиноки в своем стремлении вырваться из круговорота неудач. Кстати, они часто предупреждают нас о надвигающейся угрозе, крушении наших замыслов и надежд, и мы почти всегда воспринимаем их очень серьезно, поэтому сразу же обращаемся к толкованию сновидений Зигмунда Фрейда. Известно много поразительных случаев, когда гениальные идеи в творчестве и сценарии их реализации приходили голливудским знаменитостям во сне. Вот и мне пришло необъяснимое для моего здравого рассудка видение, даже в самом продвинутом соннике я так и не смог найти толкование своему сну...

У меня на руках был авиабилет, но куда собирался улететь, клянусь, я не знал, но суть не в этом, я все же так никуда и не улетел. То ли мой рейс был отменен, то ли, что очень странно, в моем билете не был указан город, куда я должен был улететь. Похоже на то, что кто-то очень сильно перестарался насчет меня. Пока работники аэропорта разбирались со всей этой чехардой, я удобно устроился в бизнес-зале аэропорта и незаметно для себя задремал. Я не спал, но мне снился сон во сне, такие сны обычно называют «снами наяву». Фантастически завораживающая музыка Дживана Гаспаряна и Ванессы Мэй создавала в

моем полусонном сознании бесконечное пространство вселенной, наполненное бушующими ураганами страстей. Оно заставляло чувственно волноваться и трепетать от неземного блаженства. Волна магической энергии переполняла мое сердце и душу, проникая в каждую клеточку моего тела. Обостренная память, подхваченная космическими ветрами, с невероятной скоростью уносила меня из далекого прошлого в счастливое будущее. Беззаботное детство и юность, полуголодные, но вечно веселые студенческие годы, потрепанный костюм с чужого плеча на моем дне бракосочетания, которое, кто бы мог подумать, в аккурат происходило именно в день смеха, первого апреля. Пожелания любви, долгой совместной жизни и бесконечная череда горьких, порой жестоких событий, главным из которых оказался раввинатский суд, своим приговором сделавший меня одиноким мужчиной. Несмотря на полный сумбур этого решения, я не пытался удержать женщину, которую когда-то безумно любил, ради которой я впервые ослушался отца. Она ушла из моей жизни достойно и навсегда, но дети, без вины виноватые, остались без семьи.

– Господи! – воскликнул я во весь голос. – Это моя жизнь? Как ты допустил совершить мне так много необдуманных поступков? Где был мой ангел-хранитель? Почему я не видел и не слышал его? Почему он не оберегал и не предупреждал меня об опасностях? Почему, когда мне нужны были его советы, он оставлял меня наедине с самим собой? Сегодня мою блеклую, унылую и невзрачную жизнь одолевают сомнения, отчаяние и страх поражения...

– Все проходит, и это пройдет, – услышал я вдруг четкий и твердый голос своего сердца.

– Но у меня так мало времени... – старался я возражать голосу.

– У тебя впереди вечность, – услышал я снова уже знакомый мне голос. – Действуй и ничего не бойся, твои успехи по дороге к тебе, – ободряющие слова звучали, как бальзам на душу.

– Твои бы слова и Богу в уши! – сказал я бодро, но очень тихо, чтобы не дай бог не испугать голоса, пророчащего мне такие обнадеживающие предсказания.

– Я и есть твой Бог, и я всегда с тобой. У тебя будет помощь Небесная...

– Мужчина? – услышал я сквозь сон приятный женский голос, но, подумав, что это лишь продолжение моего приятного сновидения, не обратил внимания на это вежливое обращение.

– Мужчина! – снова услышал я тот же голос, но уже настойчиво и требовательно.

Я поднял голову вверх, слегка приоткрыл глаза, еще не совсем соображая, сплю я или уже проснулся, с недоумением уставился на женщину, которая в упор разглядывала меня.

– Настоящие мужчины сегодня поступают именно таким образом, как поступаете вы? Даже не уступите женщине место? – уже по-доброму возму-

щалась она. – Устроились вольготно, а женщине, заметьте, очень красивой и обаятельной, нет места даже присесть.

– О! Простите, пожалуйста, – стараясь неуклюже оправдываться, я освободил кресло за своим столом, огляделся вокруг, чтобы убедиться, что в действительности в зале нет свободных мест, и продолжил: – Будьте любезны, присаживайтесь, – старался быть я максимально вежливым, – просто улетел в космос и мне совершенно не хотелось возвращаться оттуда, потому что беседовал с самим Богом.

– Ого, вы еще и мечтатель, – наверно, горазд на выдумки. Может быть, расскажете, о чем была ваша беседа с Господом, – удобно усаживаясь, с теплой улыбкой на спокойном, красивом лице попросила она меня. – Возможно, я что-то упустила, – произнесла она негромко, не сводя с меня своих чарующих глаз.

Солнце, по-прежнему вставая по утрам с востока на запад, медленно, по одному и тому же маршруту перекачивается через мой дом, а вечерами я с удивлением замечал, что расположение звезд на ночном небосклоне не меняется аж с момента моего рождения. Волга, как и много лет назад, когда я впервые увидел эту великую русскую реку, течет с севера на юг и впадает в Каспийское море. Только я сам стал другим – седым и ниже ростом. Мне совершенно не хочется знать, кем был я в прошлой жизни и какова ее история, сколько времени осталось у меня в этой жизни и когда дорога, по которой я сегодня иду, сольется с траекторией движения черного верблюда смерти. Но я допускаю мысли, и все это вполне укладывается в моей голове, что жизнь не вечна, неизбежно наступит и мой день, когда Всевышний закроет последнюю страницу моего дневника и на этом завершит мой проект на земле.

А пока я не хочу волноваться и переживать на этот счет, успешным или неуспешным окажется финал моей судьбы. Мне все равно, что случилось со мной вчера, нет никакого смысла задумываться над тем, что произойдет со мной завтра. Мне начхать, о чем будут шептаться мои друзья и недруги, провожая меня в другую жизнь. Все в конце концов зависит от превратностей судьбы, которые нельзя предугадать. Но сегодня мой день. Даже несмотря на то что я безнадежно застрял в аэропорту, мне все равно легко и радостно, потому что у меня есть возможность видеть красивых и обаятельных женщин, наподобие той, которая сейчас сидит напротив меня и пытается со мной заигрывать. Что это, случайность обыденной жизни или знак моей судьбы? Кто это волшебная фея, которая невероятным образом вдруг оказалась рядом со мной? Как я оказался в аэропорту с билетом в никуда, и насколько эти случайности неслучайны? Охренеть, как все это могло произойти и что мне делать со всеми этими невероятными случайностями, как мне их объединить в одну логическую цепочку, чтобы я смог осознать, к чему все это приведет. Знать о планах судьбы невозможно, хотя мы пытаемся заглянуть далеко за горизонт нашего будущего, молим Бога ниспослать нам в помощь своего ангела-хранителя.

Бизнес-зал аэропорта был переполнен, пассажиров было столько, что яблоку некуда было упасть. «Богатых людей в России становится все больше и больше», – думал я, скользя взглядом по лицам пьющих и жующих людей. Я безразлично наблюдал за этим пиршеством, за этим праздником живота, в то же время украдкой разглядывал свою соседку, а скачущие мысли лихорадочно крутились в голове, пытаюсь вспомнить, где же раньше я видел эту женщину.

Самолеты в большинстве своем задерживались, многие вовсе отменялись, я же незаметно для себя снова задремал, но проснулся, услышав монотонный голос диктора, который сообщил неприятную весть – аэропорт закрыт до завтрашнего утра.

– Слава богу, – еле слышно промямлил я, собираясь домой.

– И за что же вы благодарите Бога? – с некоторым вызовом, но вежливо спросила меня женщина, которая, как мне показалось, все это время не сводила с меня своего любопытного взгляда.

– Вы пытаетесь меня разговорить? – с удивлением спросил я незнакомую мне женщину, а затем продолжил: – Вам в полной мере это удалось сделать, я заинтригован и совсем не против пообщаться с такой красивой женщиной, – возможно, мы и найдем что-то общее между нами.

Она больше походила на восточную женщину, но с голубыми глазами. Нежная, светлая кожа придавала ее лицу особый, женственный шарм и привлекательность. Ее красивые, ухоженные руки, длинные пальцы, стильный маникюр с орнаментом из разных полевых цветов на фоне светло-голубого лака, – все это говорило о том, что передо мной весьма достойная женщина.

«Если все эти цветочки собрать воедино, – думал я, – получится неплохой букет полевых цветов».

Не заметив у нее обручального кольца, я очень удивился: такая женщина – и не замужем. Широкополая шляпа была надета немного набок, озорно, по-хулигански. Если восточные женщины хороши, то они хороши во всем. Они восторженны и тактичны, как правило нежны и благородны и способны заставить любого мужчину подчиниться своей воле. Эта обаятельная, привлекательная и самоуверенная женщина сидела прямо напротив меня, и я мог вдоволь насладиться ее естественной красотой.

– А вы куда собирались лететь, весь из себя такой довольный? – на ходу бросила она мне, вставая с кресла и прихватив с собой сумку.

– Свою сумочку вы можете оставить здесь, уверяю вас, с ней ничего не случится, – попытался я съехидничать.

– Эта сумочка не простая, а волшебная, – с легкой иронией ответила она, когда возвратилась с чашечкой кофе.

– А что волшебного в ней, небось всякие желания да еще и на любой вкус? – я настороженно, с волнением наблюдал за ней, ожидая положительного ответа, пытаюсь снова и снова вспомнить, где мы с ней уже встречались.

– Да, вы угадали, в этой сумочке тысяча волшебных желаний, я раздаю их нуждающимся людям, – она пронзительно взглянула на меня, легко и нежно улыбнулась и ненадолго замолчала.

– Ущипните меня, это сон или реальность? Мы с вами точно находимся в аэропорту?

«Это наваждение, – думал я, – такое иногда случается, когда сон вещий».

– Нет, это не сон, я даже знаю, о чем вы сейчас думаете. – Помолчав с минуту, она интригуяще продолжила: – Я довольна видеть вас в хорошем расположении духа. Думаю, в будущем вы справитесь без моей волшебной сумочки. Мне есть, о чем доложить своему Боссу. – Попрощавшись, она добавила: – Никогда никого и ничего не бойся, действуй смело и решительно, Всевышний везде и всегда с тобой.

Глядя вслед этой удивительной женщине, которая легко, чуть пританцовывая, исчезала в гуще многочисленных пассажиров, я вспомнил: это была та самая женщина из моего реального сна, которая приснилась мне на следующий день после моего развода.

Тогда каким-то невероятно чудесным образом я был участником шумной веселой вечеринки.

«На чужой праздник с пустыми руками нормальные люди не ходят», – подумал я, медленно двигаясь в направлении выхода из бара. В большом, сверкающем огнями зале, в толпе веселящихся мужчин и женщин я пытался найти или хотя бы увидеть знакомые мне лица, но все было тщетно, их не было среди них. Я поймал себя на мысли, что и я оказался здесь совершенно случайно. Ненавижу праздники одиночества, где меня не видят и не замечают, где я чужой. Ускорив свой шаг, я через мгновение оказался на улице.

Оглянувшись вокруг, я увидел женщину среднего роста, с беретом на голове, в классическом стильном плаще-макинтош серо-коричневого оттенка, в коротких сапожках на высоких каблуках. Носочки тонкой ниточкой, выглядывающие из ее сапожков, были одного цвета с плащом и придавали ее ногам особую изящность. Она стояла на лестничной площадке, медленно пританцовывая в такт музыке, доносившейся из бара. В правой руке она держала выдавшую виды потертую кожаную сумочку, а левая рука прижимала к груди небольшой букет свежих, только что сорванных полевых цветов. Ее удивительно пластичные движения внушали невольное уважение, а стильная одежда с безупречно подобранными аксессуарами придавала ей чарующую экстравагантность.

Обернувшись ко мне, она как ни в чем не бывало, будто мы были знакомы с ней тысячу лет, спокойно и непринужденно, в шутливо-приказном тоне заговорила:

– Я жду тебя здесь битых два часа и собираюсь уже уходить, догоняй, – легко, продолжая пританцовывать, она пошла вверх по лестнице.

– Но послушайте, – попытался я возразить, – эта лестница никуда не ведет, в том направлении, куда мы идем, нет дороги.

– Не волнуйся, дорога и выбор есть всегда, следуй за мной, – уверенно ответила она. Немного помолчав, она добавила: – Если ты проявишь мужской характер и поможешь женщине, это будет достойный поступок, – она протянула мне свою сумочку, свободной рукой облокотилась на мою руку и восторженно воскликнула: – Вместе с тобой легче идти даже вверх по лестнице, – облегченно вздохнула, будто хотела добавить еще пару лестных слов в мой адрес, но, заметив, что я не настроен на позитивный лад, тоже замолчала.

«Господи, – мысленно просил я Всевышнего, – помоги вспомнить, откуда я знаю эту женщину».

– Не пытайся вспоминать, и Господь Бог в этом тебе не поможет, мы не знакомы, – ответила она на мой немой вопрос, обращенный к Богу, как будто читала мои мысли. Прижавшись крепче к моему плечу, тихо, еле слышно прошептала: – Приятно пахнешь, мне всегда нравился этот запах. Прекрасно, просто чудно заканчивается день: в одной руке у меня букет полевых цветов, а по другую руку мужчина с ароматом любви. Ну о чем еще может мечтать счастливая женщина? – печально спросила она саму себя; кокетливо взглянув на меня, она усилила амплитуду шага.

– Если этот вопрос ко мне, то он не по адресу, я не знаю на него ответа. – Я легонько взял ее под руку, а затем продолжил: – Я бы не был сегодня одиноким мужчиной, если бы знал, о чем мечтают счастливые женщины, – пробормотав себе под нос свое откровение, я снова обратился за помощью к Богу: – Господи, если эта встреча дело рук твоих, сделай так, чтобы этой лестнице не было конца.

– Нет, нет, скоро все закончится и мы с тобой расстанемся, возможно – навсегда, хотя никто из людей не знает повороты своей судьбы, ее тернистый путь, взлеты и крушения надежд, – она ненадолго умолкла, но вскоре заговорила вновь. – Немного терпения и настойчивости и мы у цели, – загадочно, вдохновенно убеждала меня эта волшебная женщина.

Еще несколько шагов вверх по лестнице – и мы оказались на вершине холма, а внизу простирался огромный, сверкающий разноцветными неоновыми огнями город.

– Твое место там, в этом городе, он будет твоим, если будешь действовать энергично, с непоколебимой решимостью, – уверенно сказала моя попутчица, затем с чувством глубокой благодарности в голосе продолжила: – Этот букет полевых цветов в моей руке – твой подарок незнакомой женщине, помнишь ее? Помнишь, что сказала она тебе тогда? – «Спасибо вам, я много лет формирую букеты цветов, но мне никто и никогда их не дарил». Жаль расставаться, но такие у нас правила, хочу сделать тебе ответный подарок, – она таинственно открыла свою сумочку и с интригующей улыбкой на ангельском лице произнес-

ла: – Это волшебная сумка, в ней миллион желаний, ты можешь выбрать любое из них, которое станет для тебя главным подспорьем в твоей будущей жизни.

Она и на этот раз угадала мое тайное, сокровенное желание. Волшебная фея, мой ангел-хранитель, неожиданно появилась в моем сознании, дала мне надежду, веру, космическую энергию жизни и также неожиданно ушла из моего реального сна.

Глава 19

Мне часто вспоминается печальная история, наполненная искренним и чистосердечным признанием главного героя моего короткого рассказа «Отцы и сыновья». Чужая жизнь, чужой выбор, чужие тайны, спрятанные далеко, в бесконечных лабиринтах нашего сознания, рано или поздно теряют свое сакральное значение и становятся доступными для всеобщего обозрения. Их трудно скрыть. Возможно, это хорошо – жить без тайн и секретов, и связано это с тем, что каждому из нас, хотим ли мы этого или не хотим, необходимо иногда вывернуть душу наизнанку, чтобы снять напряжение с сердца, готового разорваться в клочья.

Все то, что рассказал мне Виктор в ту дождливую осеннюю ночь, повергло меня в шок и глубокую печаль. Молча наблюдая за тем, как пламя от разгорающегося огня в камине разгоняло полумрак просторного зала, выхватывая из темноты осунувшееся лицо хозяина дома с живыми и умными глазами, я размышлял лишь об одном: какая все-таки незавидная и несправедливая судьба у человека. Для полного счастья, прикидывал я, пытаюсь безошибочно оценить внутренний мир и нрав Виктора, этому парню все-таки не хватает чего-то очень важного и существенного в жизни, что бы он ни воображал и как бы ни хохотился, пытаюсь выглядеть уверенным в себе человеком.

Почему у меня сложилось такое устойчивое мнение – не знаю, но я осознал и ощутил это всеми фибрами своей души, когда мы, погрузившись в уютные кожаные кресла у камина, потягивая из хрустальных фужеров отменный французский коньяк, засиделись с ним до самого утра. Виктор увлекательно и неспешно рассказывал мне всякие интересные истории из жизни и быта донских казаков – и тут вдруг плавно, незаметно для самого себя, а для меня это стало полной неожиданностью, стал рассказывать мне историю своей жизни. Неторопливое повествование Виктора, честно говоря, просто застало меня врасплох своими драматическими событиями и ситуациями из его реальной жизни, которые вынудили меня вновь погрузиться в неизведанный и противоречивый мир героев моих повествований.

Вот и Михаил из рассказа «Узбекские евреи», волею судьбы всего на три часа оказавшись моим водителем, был излишне откровенным со мной. То, что рассказал мне Михаил тогда в машине по дороге из Калуги в аэропорт Шереметьево, искренне, не стесняясь жестокой правды своей жизни, в других обстоятельствах он точно не поведал бы никому и никогда. Почему умудренные жизненным опытом мужчины рассказывают случайным, совершенно незнакомым людям о сокровенном, делятся с ними своими заветными мечтами и планами, понятия не имею, не могу без сомнения ответить на этот непростой философский вопрос. Но то, что классный коньяк, огонь в камине и откровенные разговоры о любви легко размягчают мужские сердца, развязывают им языки, освобождая разум от всяких условностей, располагая их к доверительной, дружественной беседе, я знаю точно.

– Знаешь, Ильясф, – произнес Виктор, неожиданно назвав меня моим настоящим именем, – когда мой отец, казачий атаман, узнал о моих намерениях оставить семью с двумя малолетними хлопчиками и жениться на двадцатилетней девчонке, да еще с ребенком, он был в ярости. «Нет, это не может быть правдой», – гневно говорил он, то и дело поднимая голову к небу. – Виктор глубоко вздохнул, замолчал ненадолго, видимо пытаясь вспомнить и почувствовать тот жесткий последний разговор с отцом. – «Сын мой, попомни мои слова, запомни хорошо и навсегда, – сказал он мне тогда, – в нашем казачьем роду вот уже 150 лет ни один мужчина не оставлял своих сыновей без опеки отца. Ты будешь первым, забытым отцом и твоими сыновьями. Но совсем скоро ты поймешь и почувствуешь горечь и страдания от одиночества, которое будет сопровождать тебя всю твою дальнейшую жизнь». Мой отец оказался прав, как в воду глядел, – старик, он предсказал мое ближайшее будущее аж на 20 лет вперед.

Виктор, плотно прищурился, с доброй, но немного грустной улыбкой, словно читал заранее подготовленный самим Господом Богом текст, процитировал выразительно, с расстановкой каждое слово из последнего сообщения своего младшего сына, которого не видел уже пятнадцать лет:

– «Папа, здравствуй, у нас все хорошо, мы живы и здоровы. Не ищи нас, пожалуйста, не нужно этого делать, мы сами тебя найдем, когда возникнет у нас такая необходимость». Я читал эти строки и не верил своим глазам, – с горечью рассказывал Виктор. – Концовка сообщения, вообще, повергла меня в шок и смятение. Я, прошедший огонь и воду, был в полной растерянности от прочитанного, думал – все, моя жизнь закончилась на этом. Я не мог, просто не хотел верить тому, что было написано в этом коротком сообщении.

Резко встав с кресла, Виктор допил остаток коньяка в фужере, подошел к столу, открыл непечатую бутылку, разлил по фужерам и тихо произнес: «Лехаим». Снова до конца опустошил свой фужер, задумался на секунду, но все же, прервав минутное молчание, процитировал сообщение до самого конца:

– «Тебя не было рядом с нами, когда мы впервые пошли в первый класс. Тебя не было с нами, когда мы завершали школу. Тебя не было с нами, когда мы поступили и закончили университет. Тебя не было с нами, когда мы впервые получили свою первую заработную плату. Тебя, в конце концов, не было с нами, когда мы впервые на заработанные нами деньги приобрели маме первый подарок. Зачем мы тебе сейчас?»

Я слушал внимательно, не отрывая своего взгляда от огня в камине. «Очень скользкая тема, – думал я, – которая не обошла ни одного отца стороной». Потрясенный услышанным, я искренне сочувствовал Виктору. «Нет, нет, нет и еще раз нет, со мной никогда и ни при каких обстоятельствах такое не произойдет», – размышлял я, ласково, с любовью вспоминая правильные черты лица своего сына. Высокий, крепкий, стройный, с горящими карими глазами, которые светились живым, острым умом, отслуживший в израильской армии целых пять лет, он пользовался заслуженной популярностью среди девчонок и своих друзей. Волнистые, темные волосы и идеально ровные белые зубы делали его улыбку неотразимой, ямочка на подбородке – эта изюминка говорила о добром и мужественном характере моего сына, добавляла загадочность, трогательность и приветливость всему его облику.

Я любил и продолжаю безгранично любить его, высокомерно горжусь им, – и есть за что, он уже в семнадцать лет закончил математический факультет Тель-Авивского университета. У горских евреев сыновья не могут позволить себе написать письмо своему отцу, подобное тому, что было написано Виктору его сыном, – так успокаивал я самого себя. Ни одна бумага на свете, даже самая продвинутая, не позволит такого оскорбительного сообщения на своих белоснежных страницах, унижающего достоинство и честь отца, даже если он когда-то допустил досадную оплошность, поступив опрометчиво по отношению к своему сыну. Надо помнить и никогда не забывать главную мысль из мудрых притчей Соломона: «Выслушай, сын, наставления отца и следуй их заветам». Я мог представить в своем воображении все, что только было возможно, но только не это – отказ сына от встречи со своим отцом. Это выходило за грань моей необузданной фантазии.

Плотно прижавшись к спинке кресла, я сделал небольшой глоток коньяка и, не произнеся ни слова, полностью углубился в свои раздумья. Интрига в рассказе Виктора неожиданно взволновала и встревожила меня, я был поражен его откровениями. Глядя в его лицо, которое приняло совершенно иные очертания и оттенки, я заметил, что оно стало более мягким и спокойным, а на щеках появился легкий румянец – явный признак того, что огонь в камине резко повысил температуру в зале, – возможно, и коньяк также сделал свое дело. Раздираемый противоречивыми чувствами и эмоциями от услышанного мною трогательного и очень печального повествования, я никак не мог понять и осознать, при чем тут я и почему, черт его возьми, он мне все это рассказывает.

Сегодня и у меня достаточно весомых поводов для тревог и волнений, потому что и моя реальная жизнь ставит новые, совершенно неожиданные для меня, сложные задачи и проблемы, на которые необходимо быстро и четко найти адекватные ответы. Дружба между мною и сыном, плоть от плоти и кровь от крови родным мне человеком, трещала по швам. Я, мудрый еврей, намеревался вразумить, научить уму-разуму самобытного, независимого парня со здоровым мышлением и практическим складом ума правилам и принципам существования, основанным на прошлом опыте моей жизни. Он вырос в любви, я же рос в окружении дерзких, отчаянных и самоуверенных пацанов еврейской слободки, в которой царили грубые и агрессивные правила выживания. Разве мог я посоветовать своему сыну что-либо дельное, чтобы он прислушался к моим советам и принял их во внимание? Конечно, нет, он просто молча, не сказав мне ни единого слова, сел на первый попавшийся попутный автобус и уехал, оставив меня одного в ночном Лондоне.

Я долго стоял и с недоумением смотрел вслед уходящему автобусу, мысленно задавая самому себе резонные вопросы: «Что это было сейчас? Как, вообще, такое могло произойти со мной? Как мой родной сын мог совершить поступок, который никак не укладывался в моем мозгу?» Я медленно шел за уходящим автобусом, надеясь на то, что мой сын обязательно выйдет на следующей остановке, осознав всю несуразность своего необдуманного поступка. Нет, его не было на следующей остановке, как и на последующих остановках маршрута этого автобуса, а вокруг, в ночном Лондоне то тут, то там суетились, спешили по своим будничным делам обычные люди, не обращая на меня никакого внимания и не подозревая о том, что мимо них проходит глубоко несчастный человек. Я и сегодня не могу найти разумных ответов на все эти вопросы, которые я постоянно и по сей день задаю самому себе, потому что мое сознание отказывается принимать эту неслыханную дерзость, совершенную по отношению ко мне моим родным сыном.

Как это произошло? Вроде же все шло так хорошо. Мои сердечные молитвы дошли до Всевышнего, и в одно прекрасное утро наступил и на моей улице праздник. Сказать, что это был замечательный, самый счастливый день за последнее время моей жизни, все равно что ничего не сказать. Я получил от сына долгожданное письмо, ответ на мое предложение прогуляться с ним по лучшим университетам Лондона с целью продолжения его учебы в докторантуре. Радость и счастье переполняли мое сердце. Я был на седьмом небе, моя мечта наконец-то сбылась, потому что мы договорились вместе провести в Лондоне аж целую неделю.

«Не ты первый, не ты и последний в этом мире, – старался успокоить я самого себя, – кто прошел через размолвки со своими сыновьями». Возможно, настанет время, и мой сын когда-нибудь поймет и прочувствует ту душевную боль, которую я испытываю по сей день...

Это было практически пустяковым делом, на которое я так опрометчиво и необдуманно отреагировал в тот злополучный вечер в скромном лондонском ресторане, но именно это и стало причиной серьезной размолвки между нами. Вечером, перед отъездом домой, как обычно бывает в таких случаях, мы решили устроить себе прощальный ужин в каком-нибудь недорогом, но приличном ресторане Лондона. Но все с самого начала пошло как-то не так и завершилось в конечном итоге крайне неудачно, по крайней мере для меня. Во-первых, это было невзрачное место, расположенное где-то за пределами центра Лондона. Во-вторых, нас с русским языком приняли там сразу очень недружелюбно.

– Ладно, хорошо, ты серьезно думаешь, что этот ресторан лучший в Лондоне и мы с тобой свой прощальный ужин должны провести в этом захудалом кафе? – еле сдерживая себя от глубокого разочарования, спросил я своего сына.

– Папа, это кафе посоветовал мне мой сослуживец, – ответил он мне совершенно спокойно, не понимая того, что могло меня так серьезно возмутить.

– Извини меня, сынок, я, конечно, понимаю, что израильская армия очень крутая, но мне кажется, что не все ее солдаты знакомы с лучшими ресторанами Лондона.

Полупустое кафе, но нам предложили столик в самом конце зала, рядом с туалетом. Я был возмущен до предела, мало того, что мы битый час искали это заведение по закоулкам вечернего Лондона, нас еще так недобро встретили, усадили на самое позорное место.

– Можно попросить официанта пересадить нас на более приличное место? – спросил я вежливо своего сына.

Это сейчас я думаю, ну и черт с ним, с этим рестораном, ну вытерпел бы я час-другой это унижение со стороны какого-то официанта, с моей головы не упала бы корона, зато завтра с хорошим настроением возвратился бы к себе в Россию. А что я имею сейчас? Сплошной разлад и три года потерянных отношений с сыном. Вот та цена, которую я продолжаю платить за отсутствие терпения.

– А что в этом месте тебя не устраивает? – спокойно ответил мой сыночек, уткнувшись в меню.

Меня ошаршил его ответ. Это черта характера или неумение позитивно решать возникшие проблемы? Но как же так, ведь пять лет в израильской армии должны были выработать настойчивость и последовательность в решении проблем. Настроение было испорчено вконец: последний вечер и такая подлянка. Ладно, подумал я, но все-таки нашел в себе силы подозвать официанта и высказать ему на сочном иврите, понятном сегодня во всем мире, все то, что я думаю об этом ресторане и месте, на которое он нас усадил. Он понял все и уже через минуту пересадил нас на самое лучшее место у окна. Заплатив бешеные деньги, даже по израильским меркам, я остался голодным, потому что все было скверно и невкусно приготовлено.

– Свои права надо уметь отстаивать даже в самом простом деле, сынок, – не выдержав своих негативных эмоций от посещения этого ресторана, коротко сказал я ему, затем продолжил: – Из таких мелочей формируется характер человека, который сопровождает его всю последующую жизнь.

Не могу сейчас досконально вспомнить все тонкости нашего хренового разговора, но то, что произошло затем, вы уже знаете: ночной автобус, захлопнув прямо перед моим носом двери, бесстыдно и бессердечно увез от меня моего сына. Это потом, спустя годы, когда наши отношения основательно разорвались, Жанна сказала мне как-то, возможно сгоряча, и, как всегда, была совершенно права: «Ты что, дорогой папочка, хотел одной неделей компенсировать десять лет разлуки со своим сыном, научить его настойчивости в решении проблем и сформировать характер, достойный настоящего мужчины?» Это было обидное, но справедливое замечание, я запомнил его очень четко и навсегда.

Почти десять лет своей жизни я добивался встречи со своим сыном. Но почему же, черт меня возьми, я не выдержал, не был мягок с ним, почему я, мудрый еврей, как меня «обзывали» в моем окружении, не смолчал, допустил своей горячей отеческой любовью наставления и замечания, приведшие к разрыву наших отношений, которые с трудом начинались возрождаться. Господи, почему ты меня не одернул и не остановил тогда? Почему позволил, пусть даже неумышленно, обидеть самого близкого мне человека, ради которого я жил все это время и продолжаю жить? Он ведь хотел лишь удивить меня, показать, что он уже взрослый и готов по-своему, самолично принимать решения, пусть даже в простых, повседневных делах.

С тех пор мы не общаемся, на мои короткие сообщения уже в течение последних трех лет он не реагирует. Боль, досада и обида постоянно присутствуют в моем сердце, но я не озлоблен, в душе нет печали и грусти.

«Он же твой сын, главное, что он жив и здоров, – говорю я самому себе. – Все то, что плохое есть в нем, заложено тобой, и только тобой. Он ведь твоя плоть и твоя кровь, вот и думай, реши, наконец, как быть дальше. Отпусти его на все четыре стороны, он достаточно большой мальчик, пусть живет своей собственной жизнью, – капая на мозги, убеждает меня мой внутренний голос. – Пригласит на свою свадьбу, пойдешь, если не пригласит, все равно пойдешь, сядь где-то в незаметном месте и радуйся счастью своего единственного сына».

Отцы для сыновей – это законы и традиции предков, руководство и стиль поведения, полезные привычки и моральные установки, достойные подражания. Бескорыстная, всеобъемлющая любовь, основанная на этих принципах, придает смысл всей нашей сознательной жизни, согревает наши души теплом сердец близких и родных нам людей, даже в самое трудное и сложное время.

Где ты сейчас, Виктор, мой старинный душевный друг? Хочу искренне признаться тебе в том, что когда-то, слушая твою сбивчивую, трогательную и очень грустную историю про твои непростые отношения с сыновьями, я думал

о том, что это не мое, я в другой жизненной ситуации, со мной такое никогда и ни при каких обстоятельствах не произойдет, и оказался совершенно не прав. Я считал в то время, что такое, в принципе, не может произойти в среде горских евреев, где особо ценят и чтут теплые, доверительные отношения между отцом и сыном. А теперь, мой дорогой друг, наступило время услышать и тебе мою грустную историю, которая изменила всю мою последующую жизнь.

«Здравствуй, сынок! Во первых строках моего письма хочу сообщить тебе, что я жив и здоров, чего всем сердцем, всей душой желаю и тебе того же» – вот такими добрыми пожеланиями, сынок, мой отец начинал свои коротенькие, подкупающе откровенные, простые письма ко мне. В них чувствовалась глубокая тревога, душевные переживания и надежда, что я вдали от дома по своей незрелости случайно могу принять необдуманные, не согласованные с ним решения. Он верил, что мои поступки не будут противоречить принципам и традициям еврейского воспитания, на которых я вырос и сформировался. Я же, молодой, горячий, по уши влюбленный юноша, не справился со своими чувствами, не оправдал его надежд и впервые в своей жизни ослушался своего отца, тем самым нанес ему серьезную душевную травму.

Тебе 25 лет, ты молод, умен и хорош собой. Отслужив в одной из лучших армий мира, ты прошел отличную школу жизни, ты настойчив и последователен, можешь дать волю своей бурной фантазии. Мир огромен, но доступен, ты можешь действовать в нем смело и решительно, никого и ничего не опасаясь. Ты ведь знаешь, что есть только один эффективный способ добиться успеха – неустанно трудиться, – я знаю, ты это можешь. Творец дал тебе жизнь, выжми из нее все, выложись на все сто, покажи миру, на что, черт возьми, ты способен. У тебя все получится, успех обязательно придет. Но помни: жизнь – это не игра, нет смысла и надобности торопиться занять лидирующую позицию в ней. Главное, ты должен быть активным человеком в этом стремительно меняющемся мире, а не пассивным зрителем, наблюдающим свою жизнь со стороны. С терпением, мой дорогой друг, ты сможешь добиться всего; даже самые фантастические идеи и планы будут реализованы тобой легко и непринужденно.

Я сожалею, что и на этот раз мне не удалось встретиться с тобой. У тебя не хватило 30 минут времени для встречи с отцом. Я просил Бога и ждал хотя бы мимолетной, пусть даже случайной встречи с тобой. Видимо, у Всевышнего есть дела поважней, чем улаживать мои отцовские чувства. Господь сделал для меня все, что я просил у него. Он дал мне сына! Не может же Всевышний за меня его еще и воспитывать.

Мне не хватает тебя, мой друг, не хватает тепла твоего сердца и души. Я хочу крепко-накрепко, по-мужски обнять и прижать тебя к своей груди. Возраст такой, сам понимаешь, становлюсь сентиментальным. Но впервые за много лет я улетаю из Израиля спокойным и уравновешенным человеком. Даже твое короткое сообщение, что у тебя не будет возможности и времени на

встречу со мной, на этот раз не огорчило меня. Конечно, очень грустно читать неприятные сообщения, тем более если они исходят от человека, которого безгранично любишь, но ничего не поделаешь, видимо – такова моя судьба, а судьбу не выбирают. Я свыкся и смирился с этим, хотя не понимаю, как, вообще, это возможно. Тот, кто любит, всегда найдет хотя бы одну причину из миллиона других для встречи с родным человеком. Но, несмотря ни на что, я не огорчаюсь. Я счастливый человек, у меня есть сын – и я горжусь им. Я отпустил тебя, ведь ты уже достаточно взрослый, чтобы принимать самостоятельные и ответственные решения. Но каждый раз, обращаясь к Богу, прошу его лишь об одном – чтобы уберег тебя от необдуманных поступков. Потому что жить без отца очень тяжело, я знаю это по себе.

Я ушел из родного дома в неизвестный, фантастический мир иллюзий, созданный сознанием семнадцатилетнего пацана. Даже мой отец, сильный духом человек, которого я безгранично любил и уважал, не смог удержать меня в родных стенах. Кто в 17 лет слушает полезные советы взрослых людей? Конечно, они есть, и они самые счастливые люди на свете, но это большая редкость. Я очень хочу, сынок, чтобы ты оказался среди этих счастливицков. Мне было сложно в незнакомой среде, при этом надо было еще хорошо учиться, чтобы не было стыдно за свой выбор перед отцом. Сожалею ли я сейчас, что послушался тогда отца? Нет, ничуть, пусть простит меня мой отец за это мое откровение. Я не сожалею, сынок, потому что я приобрел тебя, бесценный подарок в моей жизни.

Я не был маменькиным сынком: еврейская слободка, где я родился и вырос, воспитывала в нас полную независимость и безрассудную смелость. Главной движущей силой нашей свободной и активной жизни была семья, во главе которой стоял отец, пользующийся непререкаемым авторитетом. Я и все мои сверстники из слободки были уверены, что наши отцы всегда и во всем поддержат нас, помогут в трудную минуту, и это придавало нам, слободским пацанам, уверенности в себе и своих поступках. Наши отцы рисковали своей свободой ради того, чтобы мы ели досыта, были обуты и одеты по последней моде. Сейчас я осознаю и очень сожалею о том, что, покупая у спекулянтов плащ-болонью втридорога, я крал время жизни у своего отца. А ведь он мог еще жить и жить, радовать меня, своих близких и родных своим присутствием на этом свете. Сейчас, когда отца нет рядом, я глубоко сожалею о том, что мои короткие встречи с ним ограничивались недолгими разговорами и беседами. Многие из этих встреч до сих пор в моей памяти, но моя последняя встреча с ним вспоминается мне все чаще и отчетливей. Прощаясь со мной, отец снял с руки свои часы и передал их мне, обнял меня и тихо сказал: «Заводи их почаще, сынок, этот механизм должен работать постоянно». Это были его последние слова, обращенные ко мне.

Я снова и снова, в который раз терпеливо, с надеждой на чудо жду писем, но уже от тебя, своего сына, как когда-то я ожидал их от своего отца.

Я пишу тебе письма, стараюсь рассказывать тебе о своих успехах, но какое это сейчас имеет значение, если меня самого это абсолютно не волнует и не радует, если дом, в который я каждый раз возвращаюсь после очередной поездки, пустой и холодный, без души и запахов. Я люблю тебя, сынок, и очень скучаю. Настанет время, а оно обязательно придет, я верю в это, и ты будешь вспоминать мои письма, – возможно, будешь перечитывать их и тебе станет тепло на душе. Ты поймешь, сынок, что я никогда с тобой не расставался, ты всегда и везде был со мной в моем сердце.

Когда наступает прозрение и мы осознаем суть своих ошибок и проблем, когда мы пытаемся исправить ситуацию, в которой оказались по собственной воле, но все наши старания оказываются тщетными, когда нет никакой надежды на то, чтобы сохранить хотя бы частицу того, что безвозвратно потеряно, потому что уже слишком поздно, тогда начинаешь понимать, что любовь – это единственное подлинное сокровище, которое может преобразить человека. Каждый раз, когда я стою у Стены Плача, я поднимаю свои руки к небу и вслед за ними устремляюсь ввысь, в бесконечное пространство, где обитает Всевышний. Обращаясь к Богу, прошу его только об одном: «Убереги, Господи, моего сына от необдуманных поступков, всели в его душу и сердце безграничную, искреннюю сыновнюю любовь».

Знающие люди говорят, что частое воспоминание ушедших в иной мир друзей и родственников – это первый признак приближения «черного верблюда смерти». Рано или поздно, мой друг, наступает время расставания – такова суровая реальность нашей жизни, так устроен этот беспощадный мир. Мне очень грустно думать об этом, но ничего не поделаешь, наступит и мой черед, и в моей жизни тоже когда-нибудь все закончится. Возможно, этот «черный верблюд» уже совсем рядом и он давно готов ко встрече со мной. Слава богу, пока наши дороги не сходятся, я спокойно и терпеливо уживаюсь с ним и очень надеюсь и верю, что у меня есть время в этой жизни и мы обязательно завершим с тобой наш незаконченный разговор.

Глава 20

Всю неделю, пока я писал эту главу, визуальная память деликатно подбрасывала мне печальные воспоминания о временах, давным-давно канувших в небытие, которые непостижимым образом твердо засели в моем сознании. «Воспоминания – фундамент, почва, по которой мы ходим на протяжении

жизни. Они влияют на наш выбор и на судьбу и в каком-то смысле управляют нами. Мы вспоминаем то или иное событие не потому, что думаем о прошлом, а потому, что сейчас испытываем те же эмоции», – писал Патрик Эстрад в своей книге «Воспоминания, которые нами руководят».

Воспоминания десятилетней давности, касающиеся событий и фактов, произошедших со мной в прежние времена, словно кадры документального кино, появлялись из ниоткуда, оживали, приобретали четкие и яркие очертания, беззвучно мелькали перед моими глазами, напоминая мне о далеком прошлом. Они завораживали и погружали обратно, в прошлую жизнь, мысленно возвращали оставшиеся в моей памяти образы людей, их лица и манеры. В потоке воспоминаний открывались новые факты и случаи из былых времен. События прошлого, которые оказали на меня наибольшее влияние, словно огни фар встречных машин, стремительно появлялись один за другим и исчезали из виду, как утренний туман, как роса с восходом солнца. Сердце сжималось в ожидании встречи с людьми, которые когда-то плотным кольцом окружали меня, лицемерили, пели дифирамбы, но, потеряв жизненные ориентиры, в итоге предали.

Так устроен этот мир: люди в нем все разные, но стремятся все к одному – значимости и достатку, и никому нет дела, каким образом и какими путями они достигают своих целей. Кем были эти люди? Что случилось и пошло не так в моей жизни? Как мне, умудренному жизненным опытом человеку, без стыда и эмоций переступить порог распахнутых настежь дверей и переместиться в прошлое, возвратиться туда, где вновь придется испытать душевные страдания от допущенных некогда промахов и ошибок? Как положить руку на сердце рассказать правду о событиях прошлого и, несмотря на жестокое разочарование, откровенно ответить на вопросы, которые могут вызвать горькое чувство тоски и тревоги? Как предать забвению предательство и обрести душевный покой?

Необъяснимый душевный порыв заставил меня в ту памятную ночь, несмотря на позднее время и эмоциональную усталость, найти в себе силы и волю, чтобы сделать эту правдивую, но противоречивую запись в своем дневнике.

Августовский вечер заметно охладился после дневной жары. В это время года в Нижнем Поволжье температура доходит до 40 градусов и может держаться на этом уровне неделями напролет. Раскаленный воздух едва колыхнется, да еще сухой с бескрайних степных просторов Казахстана, поднимая высоко в небо знойный воздух, насыщенный миллионами тонн песка, пыли и серы с Тенгизских месторождений нефти, перемещаясь с востока на запад, выдыхается на обширных просторах Юга России и Поволжья.

Я по привычке легко прошел свои десять тысяч шагов, что составляло норматив моей ежедневной пешей прогулки. Прогуливаясь по набережной, боковым зрением я разглядывал сексуально-возбудительные попочки, покачивающиеся бедра и полуобнаженные груди женщин, которые, легко отрываясь от асфальта, почти летящей походкой удалялись туда, где ночная тьма скрывала

контуры их фигур. В общем, наслаждался по полной программе подлинным искусством, творцом которого был сам Господь Бог. Сглотнув полной грудью свежий вечерний воздух, доходящий до набережной города с бескрайних просторов Волги, я раскинул руки в стороны, поднял ладони к небу и устремил свой взор в небо, а там – тысяча звезд, и каждая из них, игриво подмигивая, готова была предложить мне свою дорогу к счастью.

«Возраст ничего не значит для настоящего мужчины, – так я успокаивал самого себя, вдаваясь в рассуждения, какие только приходили мне в голову. – Это всего лишь цифра. Пока ты силен духом и бодр душой, пока возвышен романтическими мыслями, понятие возраста теряет свое подлинное значение и не может стать преградой для реализации заветной мечты».

Не отрывая своего восторженного взора с ночного неба, кричу во весь голос из-за нахлынувших эмоций, не стыдясь и не смущаясь окружающих меня людей: «Илюха, ты молодчина! Так держать, мой друг!» Я всегда, при любой возможности, несмотря ни на что поступаю именно таким образом, чтобы можно было достучаться до самого Бога, донести до него свою жизненную энергию, раскрыть перед ним свой внутренний творческий потенциал и заверить его в своих дерзких, амбициозных намерениях. Лишь однажды, прижавшись губами к прохладным массивным камням Стены Плача, к которым за ее тысячелетнюю историю приложились своими устами миллионы страждущих утешения мужчин, я просил Бога о помощи. Господь услышал мои молитвы, с тех пор, где бы я ни был, мысленно переношусь к Стене Плача и, положив руку на сердце, благодарю Господа Бога за то, что даровал мне сына. Не поверите, в день его рождения мне приснился сон, будто Всевышний передает мне из рук в руки маленького мальчика, требуя от меня бережливого отношения к нему. А напоследок он сказал мне: «Он взлетит высоко, но не позволяй ему взлететь выше меня», – это не фантазия, мне в действительности приснился этот сон.

Душевный подъем и заряд бодрости сделали свое дело, я шел, напевая попури из блатных песен, разговаривая вслух с самим собой. Пишут, что это играет позитивную роль в развитии личности человека, поэтому, если когда-нибудь случайно встретите говорящего с самим собой мужчину, не подумайте, что у него поехала крыша. Моя сестра почему-то считает, что говорить вслух о своих планах и достижениях, тем более откровенно хвастаться ими, ни в коем случае нельзя – ничто не сбудется, потому что собственный сглаз, как говорит она, гораздо хуже чужого злого глаза. Оглядываясь по сторонам, чтобы не дай бог кто-либо из моих знакомых и друзей случайно не приметил меня с распростертыми к небу руками и не подумал, что я того, потихоньку схожу с ума. Но ведь сказал же более 300 лет назад Г.В. Лейбниц, один из самых универсальных гениев в истории человечества, простую, на первый взгляд, но уж очень мудрую фразу: «Что ни делается, все к лучшему». Великий философ всего несколькими словами, сказанным им в далеком прошлом, дал каждому из

ныне живущих на земле надежду на удачу и везенье. Я, как и многие миллионы людей на свете, в ожидании чуда, что в один прекрасный день и на моей улице будет праздник: свежий ветер перемен перенесет меня в счастливое будущее, и я стану свидетелем того, что я живу по-настоящему, а не существую, если, конечно, Творец удостоит меня такой величайшей милости.

В моей голове, покуда я размышлял о смысле своей жизни здесь и сейчас, крутилось не менее важное изречение царя Соломона, которое до сих пор удивляет нас простотой изложения: «Все проходит – и это пройдет». Конечно, пройдет, продолжал я вдумчиво философствовать, жизнь каждого из нас имеет свой рубеж. Важно вбить мозги в голову, чтобы понять и осознать важнейший закон земного бытия, что все проходит: радость, грусть, гнев, страх, удивление и даже любовь. Но никогда и ни при каких условиях нельзя допустить того, чтобы жизнь дала трещину, а судьба взмыла на дыбы, а если все-таки это неожиданно-негаданно произойдет, как обычно случается в реальной жизни, то никогда и ни при каких условиях нельзя сдаваться.

«Бизнес и успех непременно придут, они по дороге ко мне, – успокаивал я себя, размышляя над тем, что уже полных три месяца успех так и не нашел дорогу ко мне. – Господи, – покорно просил я Всевышнего, – дай мне возможность один только раз встретиться с госпожой удачей. Я приму ее любой, пускай только станет рядом и скажет мне: “Дорогой, вот я, бери меня и делай со мной все, что захочешь”».

Шутки шутками, а время-то неумолимо идет вперед. Легко сказать, вспомнил я один из любопытных афоризмов: «Когда терпение на исходе – терпите». Хорошо, а что потом? Еще один день, неделю, месяц, еще один год терпеть? Да, надо терпеть, а как иначе, другого выхода просто нет, ведь не зря в поговорке «терпение и труд все перетрут» вначале все-таки стоит слово «терпеть», а для меня, эмоционального и темпераментного человека, быть невозмутимым и хладнокровным чрезвычайно сложно.

«Ой-ей-ей, загуляли мы с тобой до рассвета под луной, но ведь я такой простой» – вспомнились мне почему-то слова из грустной песенки для неудачников. Взглянул на часы, стрелки на циферблате показывали почти одиннадцать ночи. Ну и дела, загулял-то по-настоящему.

«Ну и ну, вот это да! – подумал я, вглядываясь пристально в силуэт мужчины, который веселой походкой подходил ко мне, напевая себе под нос восточную мелодию. – Неужто так просто, пешком и без охраны, по ночному городу гуляет сам Беков – министр торговли и индустрии администрации области?» Но когда мы оказались друг против друга, оставалось только одно – обнявшись по-дружески, перекинуться ничего не значащими фразами и двинуться дальше по своим направлениям.

Мы с Романом Сергеевичем были знакомы давно, земляки, родом из одного города, но никаких общих дел у нас никогда не было. Он участвовал на

моей встрече в администрации области во время моего выступления с докладом вновь назначенному губернатору, которое прошел не совсем так, как я того хотел.

– О, Илья, привет, ты словно из моих мыслей, я искал тебя, зайди завтра, есть о чем поговорить, – сказал он мимоходом.

Пообещав, что непременно зайду, я продолжил свою дорогу домой. Или я был не совсем убедительным, или он был не особенно красноречив, – в общем, разговор не клеился. Я думал, разглядывая его осунувшийся вид: «Зачем, парень, тебе эта карьера министра, ты ведь бывший владелец первого в регионе частного коммерческого банка, достаточно богат, для того чтобы быть свободным человеком».

– Так надо, – ответил Роман коротко, как будто читал мои мысли. – Ты в курсе, – спросил меня он, когда я уже направился к выходу из кабинета, – что у нас в Волгоградской области ведется строительство крупнейшего в России комбината по добыче калийных солей? Я знаком с его руководством, могу организовать тебе встречу.

Для меня эта встреча была проходной, но привычка доводить любое дело до реального конца сделало свое дело и на этот раз. Да я просто не мог сказать Роману слово «нет».

Собрав команду из глав разных строительных компаний, в составе которой были приглашенные специалисты, в том числе из Израиля, Ростова и Казахстана, мы встретились с руководством компании «ЕвроХим». Господин Шайтан, судя по тому, как он организовал нашу встречу, на которой присутствовали руководители основных отделов грандиозной стройки того времени, очень серьезно отнесся к просьбе Романа Сергеевича. Мы тоже были очень убедительны: во-первых, команда была большая; во-вторых, мои партнеры были в высшей степени профессиональны. Семен Сапожников, много лет руководивший крупной строительной компанией, был одним из ведущих подрядчиков ТШО, именно его строительная компания возвела в Тенгизе первый завод по гранулированию комовой серы. Он ни на шутку загорелся, был взволнован и категоричен.

«Этот проект может стать для нас ключевым бизнесом, – говорил он горячо, явно показывая свою заинтересованность, – это уровень “Шеврона”, главное – это рядом, почти дома. Илья, ты должен сделать все, чтобы мы закрепились на этом объекте», – продолжал горячо убеждать меня Семен.

Впервые Семена Сапожникова я встретил в Кульсарах – это небольшой город в Атырауской области на западе Казахстана, прославившийся тем, что за короткое время стал одним из крупнейших центров по добыче нефти и газа на всем постсоветском пространстве. «Шеврон Корпорэйшн», ведущая энергетическая корпорация мира, совместно с Республикой Казахстан создала совместное предприятие «Тенгизшевройл», которое должно было вести разработку, добычу, а также сбыт нефти и сопутствующих продуктов, в том числе

и серу. Буквально в считанные годы Атырау, некогда захудалый провинциальный город, превратился в нефтяную столицу «степной республики». Пробки из дорогих автомобилей на дорогах Атырау стали вскоре нормой современной жизни горожан. И это не все, я был свидетелем того, как за короткое время инженеры и специалисты, руководители партийных и комсомольских организаций, предприимчивые по своему духу люди, становились, как по мановению волшебной палочки, бизнесменами, элитой возрождающейся страны. Именно на контрактах с ТШО они сделали свои бешеные деньги, которые не снились им при Советском Союзе.

Это были времена волшебного, феерического бизнеса, руководство ТШО, в большинстве своем американцы, при заключении контрактов производили предоплату, и причем в долларах. Рассказываю своим деловым партнерам и друзьям о доверчивых американцах, менеджерах крупнейшей энергетической компании мира, методах и условиях работы с подрядчиками и поставщиками ресурсов, – мне не верят, говорят, такого не могло быть. Я и сам с упоением вспоминаю те времена, но они закончились, как только на ключевых позициях по закупке ресурсов для ТШО стали восседать нахальные мздоимцы, обыкновенные вымогатели с русским языком, которые впоследствии стали воротилами черного бизнеса. Вот и Семен Сапожников, не то инженер по технике безопасности, не то по качеству строительного производства, на одном из предприятий в Тенгизе смог добиться значительных успехов и через некоторое время встал у руля своей собственной компании, став постоянным подрядчиком ТШО.

Это был среднего роста, худощавый молодой человек лет тридцати, но уже с явно выраженной лысиной на макушке головы, глубоко посаженные еврейские глаза, небольшой заостренный нос, маленький рот с плотно сжатыми губами и слегка опущенными уголками, и все это на небольшом расстоянии друг от друга, делало его лицо заурядным и неприметным.

Самые разные типы и масштабы проектов были реализованы нами совместно. Но производство и поставка 20 тысяч свай, да еще с особым покрытием для защиты от агрессивной среды, в адрес ТШО было самым значимым в истории наших деловых отношений. Это был крутой проект, в котором были задействованы карьеры, поставщики высокопрочного гранитного щебня, так как необходим был цемент с особыми характеристиками для защиты от сульфатов и температурных влияний. Надо было еще разработать специальное покрытие для поверхности свай, с которым мы также успешно справились, подключив к решению этого вопроса научный институт. Было сложно, но тот творческий процесс работы, от которого я получал истинный кайф, компенсировал все мои мыслимые и немыслимые душевные, физические и многие другие, часто встречающиеся в процессе реализации крупных проектов, издержки. Провожая эшелоны со сваями, я думал лишь об одном – что все просто на самом деле, если ты берешь и делаешь то, что задумал.

Я вспомнил эту историю не для того, чтобы мои читатели смогли по достоинству оценить мой потенциал в решении сложных задач, а чтобы рассказать, как стремление заполучить всеми правдами и неправдами большие деньги превращает ненадежных людей в предателей. Получив от нас первую партию свай в 10 000 штук и всю технологическую цепочку их производства, Семен впоследствии заявил мне, что ТШО отказался от дальнейших поставок, но он солгал, на самом же деле он создал установку на своей базе и начал производить эти сваи на месте, цинично кинул меня, человека, который безгранично доверял ему. Сидя за одним столом, поднимая бокалы с вином и желая друг другу «Лехаим», невозможно было усомниться в порядочности такого человека.

С тех пор много воды утекло в Волге, радостные и печальные события чередовали друг друга, заполняя все мое жизненное пространство, шла обычная, ничем не приметная жизнь. Множество мужчин и женщин, словно пассажиры метро, случайно встречались и так же незаметно растворялись в толпе, не оставляя следов на моем пути. Вот однажды, по воле судьбы, Семен снова оказался в одной команде со мной. Как это произошло – совсем другая история, больше похожая на дурной сон. Мы пытаемся реализовать крупный проект, на этот раз на новом обогатительном комбинате компании «ЕвроХим – ВолгаКалий», в рамках которого надо было построить очистные сооружения. Организация работ, основанная на моих связях, была возложена на меня, Семен должен был заняться строительными работами, третий наш партнер обязан был обеспечить поставку оборудования из Германии, соответственно и доходы мы должны были поделить на три равные части. Проблема была в том, что проект очистных сооружений был уже разработан и согласован. Поэтому надо было доказать, что наше предложение по очистке сточных вод, основанное на современных разработках в области водоподготовки, более технологичное и экономически выгоднее, чем то, которое было заложено в первоначальном проекте. Даже затрачивая несравненно больше финансовых средств на приобретение системы водоподготовки от ведущей немецкой компании, чем та, которая была заложена в старых сметах, прибыль от реализации данного проекта по самым скромным подсчетам могла составить весьма солидную сумму. Заказчик был готов сделать предоплату для закупки оборудования, но при одном условии – стопроцентной гарантии возврата средств в случае срыва поставок оборудования. И вот для окончательного решения проблем, связанных с гарантийными вопросами, мы снова собрались в Волгограде на встрече с руководством банка, которое обещало предоставить нам гарантийные обязательства.

Семен приехал с женщиной, как он впоследствии рассказывал, бывшей своей одноклассницей, которую когда-то трепетно, по-юношески любил. Женщины после 45 словно разворачивают свою жизнь, они довольно часто становятся более страстными, чем в молодости. Сексуальный опыт и неукрытое желание делают их неотразимыми в постели, они снова верят в любовь и готовы платить за нее высокую цену.

Выбор друзей настоящие мужчины между собой не обсуждают, но для меня это стало неприятным сюрпризом, что в моем доме будет ночевать сексуально неудовлетворенная женщина. Иногда и слов не нужно: внешний вид и поведение женщины выдает всю ее подноготную. Дорогая косметика и мало одежды, легкая, короткая связь, способная хоть на короткое время встряхнуть остывшие чувства женщины, когда на личном фронте «засуха». Ее откровенное пренебрежение к этике поведения и правилам приличия вызвало у меня мучительную неловкость. Прежде всего, надо было проявить кавказскую гостеприимность, что мы и сделали. Но холодное равнодушие этой особы, – она была в курсе, что я был знаком с законной супругой Семена, – вызывало у меня глубокую неприязнь к ней.

У нас, горских евреев, такие номера не проходят: во-первых настоящий мужчина никогда не приведет чужую женщину в дом своего друга на ночь; во-вторых, ни одна уважающая себя женщина не позволит себе такого недостойного поведения. Семен, обрусевший ашкенази, не ведающий дорогу к синагоге, был без каких-либо этических комплексов и не придал этому ни малейшего значения. Я, принимающая сторона, тоже сделал вид, что ничего предосудительного не произошло, хотя был крайне возмущен этим легкомысленным поступком своего друга.

«Какого черта ты приволок эту старую кашолку ко мне домой, – возмущаясь про себя, думал я, – да еще Инне, моей дочери, пришлось стелить постель бестактной и незнакомой ей женщине. Мне-то что? Приехал, уехал, прощай и черт с ним, через день я все забыл, но для Инны это было настоящим потрясением».

Встреча с Шайтаном прошла, как говорят, на высоком деловом уровне, мы принципиально обговорили все вопросы вхождения нашей компании в качестве подрядчика на строительство инфраструктурных проектов. Семен лучше, чем я, понимал всю важность участия в таком уникальном строительстве и возможность сделать на нем серьезный бизнес. Для меня это – очередная игра моих потенциальных возможностей по организации новых бизнес-проектов. Взяв на себя ряд конкретных обязательств, я должен был довести все вопросы до конца. Чем глубже и шире мы вписывались в проблемы, периодически возникающие у компании в процессе строительства, тем яснее понимали и ощущали, что этот проект может стать наиболее приоритетным и важным для нашего общего бизнеса в будущем. Важно было и то, что господин Шайтан, курирующий социальные проекты на этой стройке, вел со мной интенсивные переговоры на предмет реализации на этой стройке наших предложений по агропромышленным проектам. В общем, тогда все складывалось для меня просто великолепно!

Наконец контракт подписан, но я не смог обеспечить свою долю финансовых средств, необходимую для покрытия банковской гарантии. Это была солидная сумма, у меня просто не было таких денег. По правде сказать, я понимал, что мои партнеры по бизнесу взвалили на себя основные риски, но черт возьми,

я ведь был тем человеком, который обеспечил комплексное решение основных вопросов реализации этого проекта на всех его ключевых этапах. Можно же было им, моим партнерам, которые уже вели за моей спиной сепаратные переговоры о выводе меня из состава ключевых игроков, участвующих в реализации данного проекта, сесть со мной за стол, обсудить сложившуюся ситуацию, сделать мне предложение, от которого я не смог бы отказаться. И вновь Семен, человек, которого я вытащил из забвения, в который раз предал меня. Трудно разобраться, когда слепо доверяешь, где ложь, а где правда, где друг, а где предатель. Боль от предательства настолько крепко засела в моем сознании, что я не в силах преодолеть ее сегодня, я ничего не забыл и не простил. «Око за око, зуб за зуб» – всегда звучит лучше, чем «подставь другую щеку».

Хотел на этом завершить главу, но ранний телефонный звонок вывел меня из раздумья. Звонила моя старшая дочь.

– Папа, я должна тебе кое-что сказать и тебе нужно это услышать именно от меня. – Не дав мне времени на раздумья, она продолжила: – Я хотела сказать тебе об этом еще вчера вечером, – говорила она быстро и тяжело дыша, как будто боялась, что если не сейчас, то никогда больше она не сможет мне этого сказать, – мы с Семеном Сапожниковым давно живем одной семьей.

Боже ты мой, если это правда – то, что я слышу сейчас, тогда я тронулся умом. Надо же было ей ни свет ни заря вывалить на мою седую голову информационную бомбу, которая вдребезги взорвала мое сознание. Я с безмолвным негодованием смотрел на свой мобильный телефон, как будто именно в недрах его электронной платы и зародилось это сенсационное сообщение, которое заставило содрогнуться даже меня, привыкшего в последнее время к дурным вестям. Что я должен был делать и как мне жить дальше с этими убитыми чувствами? Я был абсолютно уверен в том, что сейчас не смогу найти нужного ответа на свои животрепещущие вопросы. Хвалиться, что мой заклятый друг стал близким мне человеком, или грустить, что теперь в будущем я не смогу быть предельно искренен со своей любимой дочерью? Рано или поздно до меня все равно дошли бы слухи об их связях, но было бы гораздо лучше, если бы она сообщила мне об этом на моих похоронах.

Единственное, что я мог выдать из себя, живо, на минуту представив свою дочь в объятиях мужчины, которого я считал лжецом, пошляком и подлым предателем, – простые смиренные слова:

– Ты умная женщина. Если это твой осознанный выбор, значит он самый верный.

На этом наш короткий разговор закончился...

«Человек, который обидел кого-либо или навредил ему, обязан попросить прощения. Если человек раскаялся в содеянном, но не попросил прощения (и его не простили), то даже Йом-кипур (День искупления) не может очистить его перед небесным судом. В случае если человек должен другому деньги или

нанес материальный ущерб, то даже если он раскаялся в содеянном, прощение не наступит, пока он, во-первых, не вернет долг или не возместит ущерба, а во-вторых, пока не попросит и не получит прощения» (Рав Ицхак Сильвер «Пути мира и добра 21. Прощение).

Глава 21

Телефонный звонок на рассвете – почти всегда предвестник дурных вестей. Плохое, главным образом, приходит неожиданно и внезапно, а вот хорошее надо долго и терпеливо ждать. Я по сей день инстинктивно испытываю суеверный страх перед утренними телефонными звонками. Доверительное сообщение от Инессы, которое я получил, когда утренняя заря только что начинала окрашивать небосвод в яркие цвета, вступая в свои законные права, поставило меня в тупик. Это обычная, деликатная проблема в отношениях отцов и дочерей, но мне было нелегко осознать то, что я услышал. В самом страшном сне я не мог предположить себе такое, однако несмотря ни на что, даже с моим взрывным характером и негативным отношением к человеку, о котором шла речь, я тяжело, но все же справился с собой. Но когда в пять утра звонит телефон, а на другом конце провода сонный голос равнодушно, без излишних эмоций сообщает: «Твой отец скончался час назад», – такая трагическая новость не поддается разумному осмыслению.

«Этого не может быть, – думал я, – этого не могло случиться, ведь только вчера вечером мы вместе с отцом строили долгосрочные, глубоко продуманные планы на будущее, да и разговор между нами остался незаконченным». Тот ранний звонок уже сорок лет звенит в моих ушах, постоянно напоминая мне о самом трагическом дне в моей жизни.

Снова кто-то звонит ни свет ни заря. Я посмотрел на часы, а там шесть утра. Скрупулезно изучая номер входящего звонка, я вспомнил, как десять лет назад именно в такое время мне позвонила сестра и сообщила: «Мама умерла». Этот безумный мир не остановился тогда, он не заметил, что из жизни ушла удивительно добропорядочная женщина, как будто ничего не произошло, продолжал спокойно и безмятежно жить по законам, написанным Господом Богом еще шесть тысяч лет назад.

Звонил Избак Умурзаков – депутат мажилиса парламента Республики Казахстан.

– Почему так рано звонишь, что-то случилось? – допытывался я быстро и вразумительного ответа от своего приятеля.

– Как рано? – удивленно переспросил он меня. – У нас уже десять утра, порядочные граждане делают уже второй завтрак, и непременно со стопкой янтарной жидкости двадцатилетней выдержки, – пошутил он в своей манере.

Совсем недавно Избак Куанышевич был первым заместителем акима Актюбинской области и отвечал за весь экономический блок региона, включая промышленность и аграрный комплекс. Веселый, энергичный, профессионал высокого уровня – мне казалось, что он живет в своем рабочем кабинете. Я уходил от него в десять вечера, а в приемной народу было полным-полно, приходил в восемь утра – и снова толпа людей, словно они не думали расходиться по домам.

Мы познакомились с Избаком Куанышевичем в Атырау, где он был начальником областного управления нефтегазового комплекса и инвестиционной политике региона. Яблоневый сад, посаженный нами в Атырауской области с использованием капельного орошения, который посетил сам президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, посредством телевидения, газет и интернета, впечатлили многих тружеников села в «степной республике». Спустя несколько месяцев Избак Куанышевич стал первым заместителем акима Актюбинской области и занимал этот пост аж восемь лет подряд. В Казахстане трудно было найти руководителя такого ранга, кроме самого президента, конечно, который смог задержаться на столь важном посту так долго. Многие начальники регионов не могли, просто не умели работать эффективно в новых экономических условиях, а Избак Куанышевич был настоящим аксакалом в развитии экономики Актюбинской области.

Позднее при его активной поддержке мы реализовали первый в Актюбинской области аграрный проект, основанный на новейших израильских технологиях и ставший впоследствии эталоном развития сельского хозяйства Западного Казахстана. Местные газеты заинтересованно следили за нашими проектами в регионе, писали о нас много и позитивно. Газета «Диапазон» в статье «В пик заморскому помидору» писала: «До сих пор выращивать репчатый лук в нашей области не получалось. В этом году впервые недалеко от Пригородного посеяли лук по технологии капельного орошения. Специалист из Израиля директор ТОО «Ильмарк групп Лтд.» Ильясаф Азарьев выращивал овощи в Израиле, России, теперь приехал к нам. «Мы планируем получить до 500 центнеров лука с гектара, сможем обеспечить актюбинцев местным луком на 30 и даже 50 % от потребности, – утверждает Ильясаф Азарьев. – Казахстанцы собирают по 10 центнеров зерна с гектара. А лука с той же площади при гораздо меньших затратах мы будем собирать в 50 (!) раз больше. При этом кило лука почти в 2 раза дороже зерна. Какой тут можно сделать бизнес! По технологии капельного орошения один человек способен поливать до 20 га полей. Экономится вода, рабочая сила, горючее, удобрения поступают сразу к корню вместе с каплями воды. В Актюбинской области такие условия для земледелия, о каких израильтяне и мечтать не могут. Мы готовы сажать по 250 гектаров картофеля, выращивать в теплицах салат, развести в пригороде Актобе яблоневые сады...»

Заканчивались лихие девяностые, им на смену упорно пробивались деловые двухтысячные, когда, как грибы, появлялись успешные люди, которые обедали и ужинали в лучших ресторанах, причем, выбирая ресторан, они обращали внимание не на меню, цену или наличие сервиса, – единственной причиной их выбора был сам шеф-повар. Десятилетие 2000-х запомнилось и мне как самое успешное и значимое в моей жизни: все получалось легко и непринужденно.

В «Маленькой черной книге о связях» Дж. Гитомер писал: «В мире бизнеса многое зависит от деловых связей, они гораздо эффективней, чем деньги, могут продвинуть любые новаторские идеи и амбициозные проекты». Я сам неоднократно убеждался в правдивости его высказываний. В очередной раз, обсуждая ход реализации нашего проекта, Избак Куанышевич задал вопрос мужчине, который скромно сидел на заднем плане с кипой бумаг в руках и, как мне показалось, безучастно следил за ходом совещания. Этот «голливудский красавец» был заместителем председателя правления АО «НК СПК “Батыс”», в функции которого входило финансирование инновационных проектов. Я же, случайно оказавшись на этом совещании, вновь осознал, как важно быть в нужное время в нужном месте и в нужной компании. После совещания Умурзаков познакомил меня с Абдибековым, а тот, недолго думая, бросив на меня пронзительный взгляд, легко улыбнулся, а затем, с неподдельным интересом глядя прямо мне в глаза, пригласил на чай. Я всегда всем своим партнерам и помощникам говорил: «Любое новое знакомство – это приобретение важнейшего ресурса, который по своей ценности не имеет себе равных с точки зрения влияния на конечный результат». Вот так просто и буднично я познакомился с будущим акимом самого крупного региона в Казахстане – Карагандинской области, у которого спустя некоторое время я стал официальным советником по внешнеэкономическим связям.

– Послушай Илья, ты где сейчас? – Избак Куанышевич всегда начинал разговор с вопроса «ты где?» и только затем переходил к сути разговора.

– В России, – ответил я, надеясь на интересное предложение.

– Отлично, мой друг, мы вскоре будем отмечать 20-летие ТШО, в Атырау соберется вся нефтяная элита Казахстана, давай, ноги в руки и к 5-му августа ты должен быть рядом со мной на нашем празднике нефти.

Рассматривая свой дневник как личную, последовательную историю хода жизненных событий, я обратил внимание на то, что достаточно много внимания я уделил случайным эпизодам, произошедшим на торжестве ТШО. Конечно, в этой элитной нефтяной тусовке я искал прежде всего Рауила Чердабаева, и я нашел его. Вот уже в который раз убеждаюсь, кто ищет, тот всегда найдет. Он стоял рядом с Бактыкожа Измухамбетовым, акимом Атырауской области, в окружении толпы чиновников и бизнесменов.

«Зачем ты здесь? Ну же, возьми себя в руки и ничего не бойся, подойди и поздоровайся, – уговаривал я самого себя. – Давай вперед, никто тебя к стенке

не поставит за неудачную попытку, но если ты этого сейчас не сделаешь, то другая такая благоприятная возможность навряд ли у тебя будет в ближайшее время». Вот с такими бунтарскими чувствами и мыслями, с ностальгическими воспоминаниями о прошлом я стремительно двинулся вверх по лестнице к Равилу Тажигариевичу.

Он узнал меня сразу, энергично взмахнул руками, с теплой улыбкой на лице подозвал меня к себе. Он живо и с интересом общался со мной, спрашивал, как дела у начальника Северо-Кавказской железной дороги. «Хорошую ты нам, Илья, устроил встречу в Ростове. До сих пор вспоминаю, с какой теплотой ростовчане встретили нас у себя», – сказал напоследок Равиль Тажигариевич.

Но самое важное в этом эпизоде было, конечно, то, что нашу почти дружескую беседу заметил Измухамбетов. Аким обратил внимание, что Чердабаев долгое время не выпускал мою ладонь из своей руки.

Равиль Тажигариевич полусерьез-полушутя обратился к акиму, сказав ему:

– Этого парня держи при себе, он, как все евреи, надежный и верный человек.

– О! – восторженно воскликнул Измухамбетов. – Это просто замечательно! – Лестно отозвавшись об Израиле, он, обратившись не то ко мне, не то к Чердабаеву, сказал: – Вы знаете, в моих жилах тоже ведь течет еврейская кровь.

«Он шутит, – подумал я, – а вообще, кто его знает, все же могло случиться во времена Второй мировой войны, когда вся научная элита и творческая интеллигенция Ленинграда пережила блокаду на бескрайних просторах Казахстана».

Пожав на прощанье руку акиму, я смело сказал ему:

– Я, ваш помощник, всегда готов выполнить любую поставленную вами задачу.

– Илья, ты непременно зайди ко мне, – напоследок сказал мне аким, тепло, по-дружески взглянув на меня.

Это было самым существенным результатом дня, наметился контакт с известным человеком в Казахстане, с руководителем самого богатого региона страны.

«Теперь можно смело идти к нему на встречу с любыми предложениями и идеями, и он их воспримет как реальные и вполне осуществимые», – с удовлетворением размышлял я, ища глазами Избака Куанышевича.

За ужином он между делом сказал:

– Я все время наблюдал за тобой. Ты молодец, так держать! Надеюсь, ты удовлетворен своим приездом в Атырау.

А тем временем праздник ТШО продолжался, набирая обороты. Выступавшие с поздравлениями сменяли друг друга, собравшиеся не жалели сил на аплодисменты и возгласы поддержки – было от чего восторгаться. С нача-

ла реализации проекта «Тенгиз» в 1993 году по август 2012 года суммарный объем добычи нефти составил 247,1 млн тонн. За указанный период общий доход ТШО достиг \$128 млрд, капитальные расходы – \$15,9 млрд, эксплуатационные – \$6,4 млрд, транспортные – \$19,2 млрд, выплаты в государственный бюджет РК (налоги и прочие платежи) зафиксированы на уровне \$47,4 млрд. Я же усердно искал еще одного моего давнего знакомого – Йена Макдональда, это сейчас он вице-президент Chevron по странам Европы, Евразии и Ближнего Востока, один из ключевых менеджеров крупнейшей нефтяной компании мира. Тогда, в начале 2000-х он возглавлял отдел по закупке материально-технических ресурсов ТШО. Закупали все: речной песок, щебень высокопрочный, цемент сульфатостойкий, трубную продукцию, высококачественный металл, даже постельное белье и продукты питания, кроме технологического оборудования. Потребность в ресурсах была колоссальной, к тому же за все платили в долларах США и, что самое интересное, даже делали предоплату. Йен занимал крошечный кабинет, в который с трудом вмещалась его масштабная фигура. Красивый, стройный молодой человек... Мне казалось, что ему скучно жить в этой богом забытой дыре, тем более что работал он вахтовым методом – 28 суток безвыездно из строительного городка. Говорили, что ведущие специалисты-американцы имели до пятнадцати тысяч долларов в месяц, притом что через их руки проходили десятки миллионов долларов в месяц.

Мне чудом удалось уговорить тогда директора ТОО «Тенгизшевройл» Мендыгали Саппаева посетить Волгоград. Мы и с Саппаевым познакомились случайно, на праздновании 100-летнего юбилея казахстанской нефти. Праздник длился несколько дней на разных площадках, гвоздем всех программ стало лазерно-пиротехническое шоу на реке Урал. Я в качестве VIP-персоны (советник губернатора Волгоградской области по ВЭС) удобно устроился в предвкушении фантастического зрелища. Рядом со мной присел мужчина. Протянув мне руку, он коротко представился – Саппаев Мендыгали. Вот таким образом произошла наша первая встреча, которая впоследствии перешла в крепкую мужскую дружбу. Саппаев пригласил на встречу со мной Йена Макдональда, позволив мне вкратце рассказать о промышленном потенциале Поволжья: «Ну, Йен, ты ведь в курсе, что именно под Волгоградом было положено начало концу фашисткой Германии», – убеждал я его, и это сработало на все сто.

На фоне общего ухудшения экономики на всем постсоветском пространстве заводы Волгоградской области, которые производили оборудование для нефтегазового комплекса, были в глубоком кризисе. Положив программу визита руководства ТШО на стол Максюте, я молча наблюдал за его реакцией. «Как тебе это удалось сделать?» – восхищался Николай Кириллович.

Садыков Виталий Витальевич, генеральный директор ОАО «Волжский трубный завод», позвонил мне и попросил, чтобы в программу посещения предприятий руководством ТШО я непременно включили и ВТЗ.

– Илья, – сказал он мне по секрету, – ты будешь иметь 2% от контракта с ТШО. Вскоре позвонил генеральный директор завода «Красный Октябрь» Нодари Шалвович Орджоникидзе.

– Илья, надеюсь, что в твоей программе найдется место и для завода «Красный Октябрь», – по-отцовски дружелюбно обратился он ко мне.

Как раз в это время обсуждался масштабный проект строительства крупнейшего международного магистрального трубопровода из Тенгиза до Черного моря протяженностью более 1,5 тыс. км, мощностью 43 млн тонн нефти в год; диаметр труб – 1 020 мм. Это была как раз та труба, которую производили на ВТЗ. Вот на этой встрече в Волжском был заключен пробный контракт на поставку трубы в объеме, точно не помню, но, по-моему, речь шла о 200 тоннах. Именно этот контракт в будущем станет основой для масштабного сотрудничества ВТЗ с ТШО.

Мой телефон разрывался, Нодари Шалвович звонил каждые полчаса. Вот, наконец, мы в кабинете Орджоникидзе, в самом центре был накрыт стол с кавказской гостеприимностью, с огромным количеством грузинских вин. Пообедав плотно, Макдональд напросился на прогулку по цехам завода. Было бы лучше, если Нодари Шалвович отказался бы от этой идеи сразу: то, что мы увидели в цехах завода, привело нас в дикий ужас. Мы через час возвратились в кабинет, на столе стоял русский самовар и различные грузинские десерты.

Нодари Шалвович, обратившись к Макдональду, спросил его:

– Ну как вам наш завод, сможем работать вместе?

Макдональд, не долго думая, с легкой издевкой ответил ему прямо и без обиняков:

– Вы знаете, у нас в Голливуде снимают огромное количество боевиков, вот им, возможно, и подойдет цеха вашего завода для съемок, сделайте им официальное предложение.

Когда я рассказал об этом случае своему другу – Георгию Орджоникидзе, сыну Нодари Шалвовича, мы дружно, от души посмеялись.

А вот еще одна забавная история, которая приключилась уже с самим Георгием Орджоникидзе. В самолете на Тель-Авив, по-моему в 2005 году, читаю на первой странице одной из центральных газет: «В Москве убит известный предприниматель Георгий Орджоникидзе», как обычно, с описанием подробностей. Я был в шоке, слава богу по прилету в Тель-Авив я не позвонил Нодари Шалвовичу, чтобы выразить ему свое соболезнование. Через неделю возвращаюсь в Волгоград и первым, кого я встретил на улице, был Георгий Орджоникидзе. Я смотрел на него, не веря своим глазам.

– О! Илюха, – воскликнул он, – видел бы ты мои глаза, когда, возвратившись домой, я обнаружил у себя во дворе огромную толпу народа в траурной одежде и с венками. Вся Грузия прилетела на мои похороны, моего бедного отца чуть инфаркт не схватил, когда он увидел меня живым и невредимым.

Аким Атырауской области Имангали Тасмагамбетов изменил облик Атырау всего за шесть месяцев с момента его назначения акимом области. Я не верил своим глазам, он реально преобразил Атырау в действующую нефтяную столицу Казахстана. Он, молодой жгучий брюнет, имел огромный авторитет в высших эшелонах власти и много лет кряду оставался на высоких строчках рейтинга руководителей региона. Имангали Тасмагамбетов был долгое время основным кандидатом в преемники президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, – так по крайней мере утверждали политики и журналисты, близкие к Акорде – резиденции президента Казахстана в Астане. В последний раз мы встретились с Тасмагамбетовым в его московском офисе в посольстве Казахстана.

Мое предложение об организации кибуца в Махамбетовском районе Атырауской области, на его малой родине, крайне заинтересовало его. Он тут же набрал премьер-министр Казахстана – Аскара Мамина и попросил о встрече с ним на следующей неделе. Я краешком уха услышал последнюю фразу из их разговора: «Очень интересное предложение, да и парень хорош». Затем позвонил акиму Атырауской области Аскару Ногаеву, рассказал ему о своем разговоре с премьер-министром и попросил его, чтобы он заинтересованно выслушал меня в ближайшее время, предупредив его о назначенной встрече с Маминым на следующей неделе. Но 19 декабря 2019 г., через неделю после нашей встречи, он был уволен по собственному желанию в связи с достижением пенсионного возраста.

Еще много раз в моей жизни судьба-злодейка, капризная и непредсказуемая, таинственная и загадочная, что особенно удивительно – будет поразительно благосклонна ко мне, оберегая и предостерегая от необдуманных и легкомысленных поступков. Только тогда я не мог понять и осознать, кто так великодушно покровительствовал надо мной, с каких глубин вселенной эта искренняя, дружеская симпатия наполняла меня жизненной энергией, к каким невероятным переменам и поворотам в жизни моя судьба так настойчиво и терпеливо готовила меня. Однако сердце подсказывало, что в будущем меня ожидает долгожданная награда.

Глава 22

Во время всего перелета из Алматы в Кызылорду, под крылом самолета до самого горизонта простирался тусклый, пустынный ландшафт, на фоне которого возникали фантастические видения безжизненного марсианского пейзажа. Повсюду пески и солончаки, и никакого намека на растительность.

«Точно, как при перелете из Актобе в Атырау, – думал я, пристально вглядываясь в монотонные, невыразительные дали. – Здесь невозможно прожить и трех дней», – погружаясь в свои мысли, размышлял я, задумчиво глядя в иллюминатор. Окидывая изумленным взором бескрайнее море песков, залитое безжалостным палящим солнцем, мне вдруг захотелось громко, во весь голос спросить себя, чтобы могли услышать меня и в самом Израиле: «Илюха! Очнись и подумай, какого черта ты здесь делаешь?!»

По мере того как самолет подлетал к аэропорту Кызылорды, пески медленно превращались в беспорядочные скопления красных песчаных бугров в виде холмов округлой или удлинненной формы, образующихся у редких кустарников.

«Даже всей воды Сырдарьи не хватит для орошения крупных аграрных проектов, наподобие хотя бы тех, что были реализованы нами в Атырау и Актобе, – продолжал я накручивать самого себя. – Да, мой друг, – иронично возмущался я над своим поспешным и необдуманном поступком, – какого хрена надо было сломя голову подняться и лететь черти куда, а главное, ради чего все эти ненужные потуги? – продолжал я измываться над собой. – Ладно, только без паники», – пытался я успокоить себя, отгоняя тревожные мысли, стараясь достучаться до своего разума

Психологи считают, что негативные эмоции нельзя постоянно подавлять. Гнев, обида, печаль – важные чувства, которые имеют право быть выраженными. Но иногда нервы сдают совершенно не вовремя. В этом случае надо глубоко вдохнуть и задержать дыхание на минуту-две. Это упражнение помогает быстро успокоиться и снять напряжение. Это старая фишка. Но ученые долго не понимали, почему глубокое дыхание так эффективно работает. Лишь в 2017-м в журнале Science было опубликовано исследование, которое расставило все точки над «і». Ученые медицинской школы Стэнфордского университета обнаружили глубоко в стволе мозга крошечный кластер нейронов, который, как предполагается, связывает скорость и глубину дыхания и эмоциональное состояние. Чем активнее и поверхностнее вдохи, тем выше уровень возбуждения и нервозности. И напротив, чем глубже мы дышим, тем расслабленнее и спокойнее себя чувствуем. И конечно, синий свет помогает людям быстрее расслабиться после психосоциального стресса. Оказывается, что под синим светом мозговая и сердечная активность людей возвращались в норму в среднем за 1,1 минуты, а под белым – за 3,5. То есть в три раза быстрее! Поэтому, глубоко вдыхая, мы интуитивно подымаем голову к небу, ищем там покой и умиротворение, и ведь все срабатывает!

«Я же умный еврей и непременно найду выход из этой непростой ситуации», – безрадостно размышлял я о том, какой же все-таки я идиот, если даже самого себя не знаю и позволил себе попасть в эту дурацкую историю, из которой я хочу сейчас найти разумный выход. Выход, конечно, есть всегда, по

крайней мере я здесь не умру и обязательно придумаю какое-либо дело, что позволит мне выйти сухим из воды. Надо просто посмотреть на ситуацию со стороны, как будто это все происходит не со мной. Представить себе, что проблемы не мои, а чьи-то еще, – прием элементарный, но удивительно действенный. Психологи фиксируют резкое снижение уровня тревожности и стресса и даже рекомендуют подобный подход в борьбе с затяжными депрессиями. Я вспомнил старый анекдот: «Если это твои проблемы, ты сможешь их решить. Если ты не можешь их решить – это не твои проблемы». Это, кстати, тоже прекрасный способ снизить стресс.

Я вспомнил, как когда-то учил уму-разуму своего юного партнера. «Прежде чем сесть за руль автомобиля, – советовал я ему, – вначале выбери маршрут, куда и с какой целью едешь, только тогда начинай свое движение, иначе и время потратишь, и ничего путного не сделаешь». Ладно, хрен с ним, он был молод и горяч, ему было все равно, куда ехать, он хотел лишь одного – слиться с новой машиной и почувствовать себя мужчиной. Но ты-то ведь уже давно не пацан, чего ты ищешь в своей суетной жизни? Какого дьявола ты, умудренный жизненным опытом человек, продолжаешь жить чужой жизнью, ради чуждых целей, навязанных толпой? О, да, конечно, ты, как любой мужчина, нуждаешься в ощущении своей собственной значимости и ты готов ради этих призрачных, необузданных чувств, ради того, чтобы на еврейских тусовках восхищались тобой и даже распускали грязные сплетни, бесцельно потратить самое ценное, что осталось у тебя – время жизни. Посмотри на себя со стороны. Пройдись по пыльным закоулкам своего сознания, вспомни, ты же не хотел лететь сюда, а ведь сам советуешь друзьям и партнерам: если хоть чуточку сомневаешься в своем решении, значит – оно не верное. Но есть и другой закон власти: если затеял что-либо, надо довести дело до конца, чтобы потом синдром упущенной возможности не омрачил жизнь в будущем.

Современные ученые предупреждают о приближении наихудшей за последние столетия засухи, которая может охватить всю Центральную Азию. А потребность в воде в этом обширном регионе с каждым годом только возрастает из-за безудержного роста рождаемости. Так, численность населения всех пяти республик, расположенных на этих территориях, с 1989 по 2021 год возросла с 49 до 74 миллионов человек, а уровень годовых осадков заметно снизился, что может привести к необратимым процессам и Сырдарья может пойти по стопам Арала. «Все, о чем мы мечтаем, это вода. То у Бога просим, то у правительства, – сокрушаются дехкане. – Если не будет воды, жизни у нас здесь не будет». Вот почему ученые считают, что будущие региональные конфликты и войны будут происходить именно из-за воды, и никто сегодня не может предсказать, чем эта борьба за воду завершится.

Я был свидетелем того, как в Ашхабаде на международном форуме «Капля воды – крупица золота», на котором была представлена и моя статья «Вода

или хлопок», министры водного хозяйства Казахстана, Узбекистана и Туркмении, с экономикой, основанной преимущественно на сельском хозяйстве, в течение двух суток делили стоки рек Амударья и Сырдарья, где сосредоточены основные объемы водных ресурсов всей Центральной Азии, с руководителями водного хозяйства Таджикистана и Киргизии. Тогда они не договорились, оставили этот вопрос для решения политическому руководству своих стран, потому что это касалось выживания каждого отдельного государства региона.

Стюардесса вывела меня из минутного бесплодного раздумья.

– Самолет приступил к снижению, – объявила она, затем, с лукавой улыбкой на красивом восточном лице, добавила: – В Кызылорде плюс 42 в тени, – и пожелала нам хорошего дня.

Встреча с помощником акима также не вселяла оптимизма. Он был толковым и преданным своему шефу человеком.

«Этот холодный, без блеска в глазах, патентованный чиновник сделает все, чтобы не допустить моего сближения с акимом», – думал я, мило беседуя с ним на отвлеченные темы.

– Илья, ты же в курсе, нам нужны прорывные проекты, – убеждал меня помощник акима, – нам нужны израильтяне, которые смогли бы сотворить то чудо, которое мы видели у вас в Израиле.

«Ему-то что, он у себя дома, местный кореец», – подумал я, обратив внимание, что многие руководители в Казахстане предпочитали иметь в помощниках корейцев. «Они не болтливые и надежны в делах», – высказал как-то свое мнение мой старинный приятель, – кстати, сам кореец, хорошо знакомый с местной политической кухней.

Зазвонил прямой телефон с акимом, помощник напряженно, не задав ни единого вопроса, молча слушал. Закончив разговор, он коротким кивком головы указал мне в сторону двери и медленно проговорил: «Шеф тебя ждет».

– Привет, привет, Илья! Давно мы с тобой не виделись, – восторженно произнес Кушербаев, поднимаясь из-за стола. – Освоился уже? Мы подобрали тебе в самом центре города хорошую квартиру в двух шагах от моего кабинета. – Квартира на самом деле была очень хороша, просторная и чистая, холодильник был забит разными продуктами. – Ну, как тебе моя родина? Жарко?

Мы обнялись, как старые приятели, но темпераментный аким, который мог усилием воли заставить сердце любого собеседника биться в унисон своему, сотворил очередное чудо, и я напрочь забыл о всех своих раздумьях, сомнениях и колебаниях. Кушербаев постарел и осунулся, но острый пронизывающий взгляд мог хоть кого привести в чувства: он был и остался удивительно притягательным и незаурядным человеком.

– Ты же хотел новую ударную комсомольскую стройку в своей жизни? Так вот, я создам для тебя здесь такое поле деятельности, что ты вскоре станешь молить Бога нажать на тормоза. Послушай, Илья, у меня через десять минут

важная встреча на час времени, давай договоримся с тобой таким образом: я позвоню акиму Кызылорды, встретюсь с ним, поговори о проблемах города, а через час-полтора мы встретимся и основательно все обсудим.

– Хорошо! – согласился я и уже с хорошим настроением направился к выходу из кабинета.

Встреча с акимом Кызылорды напрочь похоронила мои радужные ожидания. За огромным столом сидел, нет, восседал, как на троне, довольно молодой, но грузный человек с пивным животом. В руке у него переливался золотом крутой мобильный телефон, на запястье левой руки красовались такого же цвета дорогие часы фирмы «Омега», а на столе прямо перед его носом лежала роскошная золотая ручка фирмы «Паркер», – все это говорило об уровне дохода владельца и его положении в обществе.

«Матерый коррупционер», – подумал я, пристально рассматривая своего собеседника. Я интуитивно чувствовал лихоимцев, мздоимцев и взяточников с самого детства. Родиться и прожить от раннего детства до глубокой юности на еврейской слободке и не знать, кому, как, за что платили взятки наши отцы, – это означало, что скверно учился в еврейском народном университете, в котором важные курсы вела сама жизнь. Ладно мы, евреи, всю свою историю выживали в самых суровых условиях жизни – платили за все, даже за то, чтобы можно было покинуть черту оседлости, за пределами которой запрещалось постоянное жительство иудеям. Но черт возьми, кто и как приучил этот свободолюбивый степной народ к взяткам? Хотя коррупция в современном Казахстане – это явление, происхождение которого уходит в далекое прошлое, но и сегодня представляет собой существенную проблему для экономического, социального и политического развития страны.

В своем открытом письме президенту Казахстана Токаеву я писал: «Сегодня все зависит от Вас, господин Президент. В Ваших руках политическая власть, Посох Моисея, с помощью которого возможно творить чудеса, и экономическая мощь Азиатской державы, поэтому Вы сможете максимально быстро развеять страхи людей перед будущим. Страх убивает мечты, страх убивает надежды, именно страх не позволяет человеку сделать то, на что он способен на самом деле. Страх парализует человека, и в результате он теряет волю и стремление к моральному, духовному и материальному благополучию. Эффективное функционирование сообщества таких людей просто невозможно длительное время».

В книге «О духе законов» Монтескье, блестящий знаток истории, теории права и государства, пришел к выводу, что Великую Римскую империю, которая просуществовала почти 800 лет, погубила коррупция, невероятная роскошь и богатство отдельных граждан, бедность и нищета миллионов рабов и простолудинов. Ничего не изменилось с тех пор, эти причины и сегодня являются главными угрозами стабильности любого современного государства.

В начале 2022 года жители Жанаозена снова оказались первыми – они вышли против повышения цен на газ, а 5 января выдвинули 5 требований к руководству страны, среди которых: смена политического режима, прямые выборы акимов областей и городов, возвращение Конституции 1993 года, прекращение преследований гражданских активистов и приход к власти человека, которого признают внесистемным и революционным. Кроме того, в городе начали формировать совет старейшин. Судьба страны и великого степного народа висела на волоске, и лишь счастливая случайность в виде миротворцев из России привела в чувство местную власть и восставших против нее «бунтовщиков и террористов».

Помню все, до мельчайших подробностей, словно это произошло еще совсем недавно. Я получил неожиданное приглашение приехать на встречу с акимом Мангистауской области в Актау, где 17 августа 2018 года должен был пройти пятый саммит прикаспийских государств. На встречу с акимом области я пригласил экспертов из Израиля, Германии и России, специалистов в области водоподготовки. Речь шла о благоустройстве трассы от аэропорта до центра города Акту. Ералы Тугжанов, аким области, на нашей встрече представил нам своего первого заместителя, Серика Амангалиева, многозначительно сказав: «Амангалиев буквально недавно направлен к нам администрацией президента и, возможно, он мой будущий преемник». Всю неделю моего пребывания в Актау, мы, прогуливаясь вечерами по набережной после многочасовой работы под палящим солнцем, фантазировали, строили грандиозные планы преобразований.

– Мы должны превратить Мангистаускую область в маленький Израиль, – с воодушевлением говорил он мне.

Мы подружились, я с пылким, неумным рвением, но с робкой надеждой убеждал Серика Амангалиева уберечь себя от льстивых и мнимых друзей, которые могут невзначай предложить вознаграждения, пусть и не очень явные, за незаметные и не всегда значимые услуги с его стороны.

– Ты настоящий патриот Казахстана, даже среди моих земляков навряд ли найдутся такие люди, как ты, которые искренне жаждут успехов моей родины, – говорил он мне, горячо восторгаясь моими предложениями.

Мне казалось, что я наконец встретил человека, который готов всеми своими мыслями и делами не покладая рук работать на благо своей страны. Главное, у него на это была неограниченная власть и огромный экономический потенциал богатейшего региона Казахстана, что могло позволить ему реализовать самые фантастические идеи и проекты. Провожая меня в аэропорту, он убедительно просил меня не задерживаться надолго и как можно скорее возвратиться в Актау. Я же, в свою очередь, просил его лишь об одном – сохранить самое ценное, что, на мой взгляд, присутствовало тогда в нем, – неподкупность. Каково же было мое удивление и глубокое разочарование, когда вскоре

я прочитал в новостях Казахстана, что 3 ноября 2018 года в 18:40 в аэропорту Актау сотрудниками Национального бюро по противодействию коррупции был задержан Амангалиев Серик. У него были обнаружены и изъяты денежные средства в общей сумме 115 000 евро. Позднее он был осужден к лишению свободы сроком на 10 лет.

Наш разговор с акимом Кызылорды не клеился. Ничего, кроме как покорно выслушать и достойно, без каких-либо осложнений провести меня, он не мог себе позволить. Этот страх перед современной «ханской властью» не передавался по наследству. Согласно закону степей, выбранной власти беспрекословно подчинялись, но на нее же при этом возлагалась большая ответственность. Если хан не оправдывал надежд, решением маслихата его низлагали и отбирали все имущество.

Уже по возвращении в областную администрацию у меня возникла отличная идея, амбициозный, но реалистичный план. Кушербаев не просто аким области, он крупный государственный деятель, он может загореться только от масштабных проектов.

«Надо прежде всего, если мы договоримся с Кушербаевым, – думал я, мечтая о крутом бизнесе, который позволит мне достичь поставленных целей и удовлетворить свои амбиции, – расположить офис на западе Казахстана, например в Атырау. Во-первых, этот город в непосредственной близости от Волгограда и у меня всегда будет реальная возможность рвануть домой, когда мне этого захочется. Во-вторых, у меня там много друзей и я хорошо знаком с экономикой Западного Казахстана. В-третьих, без каких-либо проблем можно через Москву улететь в Тель-Авив в любое удобное время».

Удобный для этого повод нашелся очень кстати. Прогуливаясь по Алматы в ожидании своего рейса на Кызылорду, я совершенно случайно заметил на центральной улице фирменный турецкий магазин текстильной продукции, в котором приобрел пять видов кухонных полотенец стоимостью от 5 до 12 долларов за каждый. Моя фантазия заиграла в полной мере, а в голове возникла оригинальная идея, которая выглядела совершенно реалистично.

Все началось с моей короткой встречи с заместителем председателя БТА-банка Генригом Холодзинским, главой Актюбинского филиала БТА, ранее председателем Актюбинского горисполкома, владельцем ТОО «Пригородное», в которой мы впервые реализовали проект по выращиванию лука, моркови, картошки на капельном орошении. Все местные газеты обошла тогда моя крылатая фраза: «Выращивать лук гораздо прибыльней, чем добывать нефть в Западном Казахстане». В 2009 году на землях, принадлежащих ТОО «Пригородное», мы собрали 550 центнеров лука с одного гектара, хотя и этот показатель был не предельным, а средняя урожайность зерновых в Актюбинской области составила 12 центнеров с гектара, и это считалось очень хорошим результатом.

В то время в зените своей славы бизнесмен-реформатор, бывший министр, банкир и олигарх, Мухтар Аблязов в интервью Forbes с удовольствием рассказывал о своих российских проектах, главным из которых был складской комплекс в Домодедово площадью свыше миллиона квадратных метров и с вложениями в 1 млрд долларов. Но бизнес он начинал в девяностые, когда основал компанию «Астана-холдинг», которая занималась, кроме всего прочего, поставками продуктов питания. Меня заметили после посещения Холодзинским наших проектов в Волгоградской области, я получил неожиданное предложение от руководства компании «Евразия-Логистик». Я понимал, что это предложение исходило с самого верха БТА-банка, и это, конечно, льстило мне. «Как бы не продешевить в этой ситуации», – думал я, азартно и внимательно изучая шикарное предложение, свалившееся мне на голову с самого неба.

«Все-таки Господь Бог есть на свете», – размышлял я, мысленно планируя проекты регионального уровня. Мне предлагали арендовать в складском комплексе Домодедово 10 тысяч квадратных метров с целью поставок с юга России и Поволжья овощей и другой продовольственной продукции. Но самое интересное заключалось в том, что нас освобождали от оплаты аренды за эти площади аж на 10 лет, и это не все, специалисты компании брали на себя обязательства по реализации всей продукции в Западные регионы Казахстана. Атырауская, Мангистауская, Западно-Казахстанская и Актюбинская области закупили различные виды продовольствия и плодоовощной продукции из южных регионов России на 4 миллиарда долларов США в год. Отличная идея заработать большие деньги и к тому же провозгласить и декламировать стремление компании «Евразия логистик» резко снизить цены на плодоовощную продукцию в Западном Казахстане, тем самым выполнить поручение президента Казахстана значительно снизить цены на продукцию первой необходимости. «Уважаемый Президент, – писала домохозяйка с Актобе Назарбаеву, – с некоторых пор мне страшно ходить на базар, потому что для того, чтобы приготовить борщ на семью, мне нужно думать, хватит ли у меня средств на мясо – настолько высоки цены овощей на базаре».

В своем докладе руководству БТА-банка я выдвинул идею о строительстве региональных логистических центров на Юге России, не таких гигантских, как в Домодедово, гораздо меньших размеров, но зато приближенных к местам выращивания сельскохозяйственной продукции. «В этом случае, – писал я в докладе Аблязову, – мы сохраним качество продукции и резко снизим стоимость, исключив лишнее звено в логистике. Самое важное, – пытался я акцентировать их внимание на позитиве от реализации этой идеи, – мы будем готовы отгружать напрямую по согласованным ценам и по адресам, указанным специалистами «Евразия-Логистик»».

Как такое предложение могло пройти мимо мыслящих людей, которые не имели проблем с финансированием даже самых грандиозных проектов?

У них была головокружительная пора – деньги лились рекой. Моя заветная мечта – создать в Волгограде логистический центр и возглавить его, причем, не затратив на это собственных средств, оказалась настолько реалистичной, что я сам твердо поверил в реальность своего дерзкого и хитроумного плана.

Как ни странно, в БТА моим предложением заинтересовались специалисты «Евразия-Логистик», оперативно, в течение двух недель провели мониторинг транспортной схемы и производственной инфраструктуры Юга России и Поволжья. В результате было принято решение о строительстве серии небольших информационно-маркетинговых центров для продвижения казахстанской продукции на быстроразвивающиеся рынки Юга России, в том числе в Ростове, Волгограде, Саратове. Если в Саратовской области, в Татищевском районе, компания «Евразия-Логистик» планировала возведение логистического комплекса класса «А» площадью 100 тысяч квадратных метров с инвестициями в 5,5 миллиардов рублей и товарооборотом 3,6 миллиардов рублей, строительство которого так и не началось, то в Волгограде все было иначе: были приобретен земельный участок площадью 50 гектаров на 14-м километре трассы Волгоград – Москва, разработан проект логистического центра, которому дали звучное название «Междуречье», площадью 200 тысяч квадратных метров, выполнены все основные подготовительные работы на площадке для начала строительства.

И снова ранний звонок, звонил Холодзинский с Алматы: «Ты должен быть завтра в 10 утра в приемной Аблязова, шеф хочет лично встретиться с тобой».

Если кто-то в своей жизни сталкивался с такими событиями, которые кардинальным образом могли изменить судьбу, должны понять меня, я был растерян, так многое сразу пронеслось в моей голове. На следующий день в 10 утра я сидел в приемной Аблязова и ждал встречи с ним. Секретари, то и дело предлагая мне кофе, каждый раз вежливо переносили встречу на час. Я видел суету в приемной, чувствовалось нервное напряжение на лицах работников, стремительно входящих и торопливо выходящих из кабинета Аблязова. Холодзинский несколько раз подходил ко мне и все успокаивал, обещая, что в 14:00 встреча непременно состоится.

«Ну что же, потерпим, раз я уже здесь», – думал я, тем более еще совсем недавно мне преподали настоящий урок терпения в приемной Валерия Исааковича Грайфера, выдающегося нефтяника Советского Союза, учителя и наставника многих нефтяных генералов того времени, в том числе и самого Алекперова.

«Жди», – бросил мне на ходу Валерий Исаакович, стремительно войдя в кабинет. Я должен был доложить ему о результате своей поездки в Петрозаводск, где встречался с главой Карелии. В планах Грайфера была идея построить там швейно-меховое предприятие на 500 рабочих мест, с полным финансированием компанией «Ритэк». Я ждал в приемной несколько часов, точно так, как сейчас я ожидал в приемной Аблязова. Одни работники выходили, другие заходили в кабинет Грайфера, я терпеливо ожидал: на кону был крупный проект.

Но даже такой шанс войти в единый бизнес с первой частной нефтяной компанией Союза, с оборотами в сотни миллионов долларов США, не удержал меня от решительного и безрассудно поступка. Я не смог выдержать этого унижения, бесконечного ожидания в приемной и ушел, но этот случай привел к тому, что на презентации проекта фабрики совету директоров компании «Ритэк», на которой заслушивалось технико-экономическое обоснование нашего предложения, Грайфер не возразил против необоснованного и несущественного замечания одного из своих послушных заместителей, рядового члена совета директоров компании. Мой проект, на разработку которого я и мои помощники затратили уйму времени и средств, не был утвержден.

Наученный горьким опытом, я заставил себя на этот раз терпеливо ожидать в приемной Аблязова до конца – до десяти вечера. Наконец, объявился Холодзинский.

– У тебя обратный рейс из Алматы во сколько? – взволнованно спросил он меня.

– В пять утра, – спокойно ответил я, глядя на его возбужденное лицо.

– Я сейчас дам тебе машину и вали в аэропорт, и никуда не заезжай.

Утром следующего дня уже в Москве я узнал из новостей, что Аблязов со всей командой вице-президентов на частном самолете вылетел за пределы Казахстана.

История жизни Мухтара Аблязова изобилует поворотами больше, чем любой известный на сегодня триллер, его арест был выдержан в том же остросюжетном, драматичном сценарии: в особняк в местечке Муан-Сарту под Каннами, в котором находился Аблязов, ворвался французский спецназ под прикрытием бронетехники и авиации с воздуха (понадобившихся, как сообщается, в связи с предполагаемым наличием у олигарха частного вооруженного формирования). По сообщению представителей БТА-Банка, это они сообщили властям в Париже о возможном местонахождении Аблязова, отметив, что банк прибег к услугам частных детективов. 1 августа французский суд вынес постановление о содержании Мухтара Аблязова под стражей, пока не будет решен вопрос с запросом о его экстрадиции, поданным Украиной. На следующий день Астана подала отдельный запрос на экстрадицию в Казахстан, где олигарху грозило до 13 лет лишения свободы в случае вынесения обвинительного приговора по хищению, мошенничеству и отмыванию денег. Организация «Международная амнистия» призвала Париж обеспечить М. Аблязову «полностью справедливый процесс по запросу об экстрадиции» и не отправлять его в государство, которое может экстрагировать его в Казахстан, где ему «будет грозить опасность пыток или несправедливого судебного разбирательства». В сентябре 2020 года Мухтар Аблязов получил статус политического беженца во Франции. В январе 2022 года апелляционный суд Парижа прекратил уголовное преследование Аблязова по делу об отмывании денег и злоупотреблении доверием в связи с истечением срока давности.

И сейчас, направляясь на встречу с Кушербаевым, я мысленно благодарил Аблязова за то, что сформировал в моем сознании масштабную идею, которую можно было привести в исполнение, но на этот раз с другим, не менее значимым и амбициозным человеком в Казахстане. Кушербаев нуждался в помощниках с неординарным мышлением, потому что только такие люди могли действовать решительно и смело, выдавать на-гора фантастические идеи, не страшась фиаско, – таким людям всегда сопутствует удача, и чем масштабнее предложение, тем сильнее проявляется заинтересованность в ее реализации. Он аким области, богатый человек и приближенный к президенту, остается только одно – удивить президента. Но чем, каким проектом он сможет это сделать? И тут я вспомнил о купленных мною в Алматы кухонных полотенцах. Заехал домой, взял с собой полотенца и, уже задумав в голове безумный план, приступил к его осуществлению. Это был обдуманный риск, я ничего не терял: согласится – значит я попал в самую точку, у меня было 50 % на успех, или да, или нет, если нет, то смогу сказать Кушербаеву, что меня в настоящее время интересуют только крупные проекты, от реализации которых я мог бы получить моральное удовлетворение. «Он поймет и не осудит», – размышлял я, терпеливо ожидая его приглашения в приемной.

Наконец, аким, в белой сорочке с распахнутым воротом, стремительно вышел из кабинета, тепло, по-дружески обнял меня, и мы вошли в его прохладный кабинет.

– Ну как, Илья, встретился с акимом города? И какое впечатление он произвел на тебя? – с любопытством глядя прямо мне в глаза, спросил он непринужденно.

– Вы знаете, Крымбек Елеуович, – поспешил я перенести наш разговор в другое, более деловое русло, – я приобрел вам в Алматы подарки, – он удивленно, с интересом наблюдал за тем, как я доставал из сумки аккуратно сложенные кухонные полотенца. Разложив их на его рабочем столе буквально перед его глазами, чтобы он мог без очков увидеть цены, я многозначительно замолчал.

Отойдя к окну, я обратил внимание, что на улице уже было совсем темно. Было видно, что он напряженно думает, и мне не хотелось прерывать его размышления, но я краешком глаза наблюдал за реакцией акима на мой подарок.

– Хорошо, выкладывай, что задумал, – сказал Кушербаев в ожидании интересного разговора, затем поднял трубку телефона и попросил секретаря заварить нам крепкого чая.

Развернувшись лицом к акиму, я с хитрецей посмотрел на него и задал совсем неожиданный для него вопрос:

– Крымбек Елеуович, вы были акимом нефтяного региона. Помните, какова была рентабельность нефтяной отрасли в Мангистауской области? Не пытайтесь вспоминать, я помогу вам: уровень рентабельности нефтянки составлял где-то 20–25 %, было, конечно, и такое, что уровень рентабельности

достигал и 50 %, но это были редкие скважины, где нефть била фонтаном. – Аким удивленно смотрел на меня, но не прерывал. – Обратите внимание на цены этих полотенец, – продолжал я спокойно и убедительно свой монолог. – Их себестоимость этих полотенец минимум в пять раз меньше, чем указанная на них цена. Рентабельность этого бизнеса в разы выше, чем в нефтяной отрасли. Помните, что мы с вами хотели сделать в Жанаозене? Мы хотели построить фабрику, – ответил я за него.

– Но мы сейчас в Кызылорде, а не в Актау, это во-первых; во-вторых, откуда возьмем деньги на строительство фабрики, и в-третьих, где будем реализовывать готовую продукцию?

Незаметно вошла секретарша, разложила на переговорном столе чашки с чаем и розетки с разными восточными сладостями. Аким кивком головы пригласил меня сесть за стол, и мы оказались лицом к лицу.

«Здорово, – подумал я, – это позволит установить контакт на глубоком подсознательном уровне, только надо быть крайне убедительным в своем предложении».

– Хорошо, все ваши вопросы актуальны на сегодняшний день, – продолжил я как ни в чем не бывало, – но знаете ли вы, что говорят евреи на этот счет?

– И что же они говорят? – с интересом спросил аким.

– Они говорят, что за свои деньги и дурак реализует даже самый крутой проект, надо все делать за чужие деньги, – вот что говорят евреи. Вы же часто бываете в Астане?

– Да, и что? – коротко ответил аким.

– Так вот, каждый второй прохожий на улицах этого прекрасного города долларовый миллионер, и, что самое интересное, многие из них не знают, куда девать свои кровные зеленые. Знаете, Крымбек Елеуович, совсем недавно по приглашению акима Мангистауской области я посетил Актау, было время, и я попросил своего товарища показать мне новые районы этого города. Короче, столько грандиозных домов торжеств в одном небольшом городе я не встречал нигде, то же самое я наблюдал в Актобе и Атырау. Владельцы этих фешенебельных зданий, больше похожих на дворцы, не знают, куда лучше инвестировать свои деньги. Вы авторитетнейший человек в Казахстане, стоит вам только объявить о какой-то инициативе – и у вас отбоя не будет от людей, которые мешками принесут бабки, чтобы только взять их в дело. На худой конец обратимся к президенту, ведь он всегда на всех своих встречах требует от акимов расширять количество рабочих мест или хотя бы сохранить все на прежнем уровне.

Я вообще предлагаю построить фабрику в Жанаозене. Представляете, какой фурор может вызвать в стране этот проект, реализованный именно вами в этом городе. Да и вообще, мы в Западном Казахстане, который граничит с Россией, сможем создать целую сеть швейных производств. Сегодня

розничный рынок продукции легкой промышленности самый значимый в России среди непродовольственных товаров. Его емкость составляет около 100 млрд долларов США ежегодно. Доля российской продукции на нем составляет всего 20 %. В России можно продать все, создадим в Поволжье и на Юге России небольшие, постоянно действующие торгово-выставочные центры продукции производственно-технического назначения и ТНП предприятий Казахстана с целью их эффективного продвижения на быстроразвивающиеся рынки России.

– Ты меня заинтриговал, я на следующей неделе в Астане переговорю кое с кем, а потом обсудим, – твердо заверил меня аким.

Зазвонил мой мобильник.

– О, простите меня, пожалуйста, Крымбек Елеуович, я забыл оставить телефон в приемной. – Мимолетом глянув на часы, а потом на исходящий номер, я просто обомлел – звонил Абдибеков. Я говорил ему, что направляюсь в Кызылорду на встречу с Кушербаевым. – Мне нужно ответить, звонок из Израиля, – впервые я солгал Кушербаеву, он в знак одобрения кивнул головой и сел за свой рабочий стол.

Я несколько минут молча, с каменным лицом слушал Абдибекова. «Я знаю, где ты сейчас, – говорил он спокойно и уравновешенно, – ни на одно его предложение не соглашайся, меня два часа назад назначили акимом Карагандинской области, я надеюсь встретиться с тобой через неделю в Караганде».

– Что-то не так? – спросил меня Кушербаев, глядя на мое растерянное лицо.

– Нет, все в порядке, Крымбек Елеуович, – вежливо ответил я, а в это время в моей голове хаотично зарождались новые идеи, и вновь заиграла яркими красками целая вереница новых фантазий.

Крымбек Елеуович, почувствовав резкую перемену в моем настроении, внимательно наблюдал за мной, затем как ни в чем не бывало, словно и не было нашего дружеского разговора, холодным голосом, полным безразличия, спросил:

– Так что ты надумал? Остаешься?

– Что делать и чем заниматься? – коротко ответил я, подумав, что наступил критический момент встречи: Кушербаев не терпел отказов. – Крымбек Елеуович, у меня мало времени, поэтому нет никакого желания заниматься делами, которые могут завести меня в тупик, оторвать мою реальную жизнь от моих целей. Я обеспеченный человек и у меня нет жажды, да нет и необходимости жить сегодня, мягко говоря, ради своего живота у черта на куличках. Вы знаете, как я добирался до Кызылрды? Тремя самолетами с двумя пересадками.

На самом деле, я пытался убедить себя, что надо завершить идею с Кызылордынской областью, но, чтобы элегантно выйти из этой ситуации, я напомнил ему о его обещании.

– Вы же сказали, что встретитесь кое с кем в Астане и обсудите мое предложение. Кстати, хочу сказать вам, что это не моя идея, она принадлежит Мухтару Аблязову.

Услышав эту фамилию, он оторвал голову от документа, который усердно изучал, неожиданно резким голосом сказал:

– В моем кабинете никогда больше этой фамилии не упоминай.

– Хорошо, – покорно ответил я, – буду ждать вашего решения.

Глава 23

Самолет вылетел из Кызылорды по расписанию и приземлился в Алматы в полдень. Целый день впереди, можно побродить по центральному рынку и полюбоваться изобилием овощей, фруктов, мяса, сыров, различных пряностей, орехов, великим множеством больших пучков всевозможной зелени. В общем, алматинский рынок был лучшим из лучших и мог дать фору любому базару в Средней Азии. Войдя в номер заранее заказанного мною отеля, расположенного в старом центре Алматы, я с порога бросил дорожную сумку на пол и позволил себе насладиться по полной расслабляющим теплым душем. Но мое воображение пребывало в состоянии глубокого смятения, сумбурные мысли и противоречивые чувства от вчерашней встречи с Кушербаевым лишили меня душевного равновесия.

«А что ты хотел? – спросил я себя вслух. – Разве он хоть единожды за все время нашего знакомства пошел тебе на встречу?» – продолжал я разговаривать с самим собой. Только тогда, когда я предложил ему забрать его семью в Израиль, чтобы они смогли переждать его судебные разбирательства, связанные с Жанаозеном, в знак благодарности он вымолвил: «Илья, ты единственный человек, который в это сложное для меня время протянул мне руку помощи, что интересно – этим человеком оказался еврей». Когда мне начали поступать звонки с угрозами в Актау, чтобы я по-хорошему и пока живой убирался к себе в Израиль, он молча, без какого-либо сочувствия и поддержки воспринял это сообщение и ничего не предпринял. Все, проехали, надо забыть вчерашний день и вместе с ним оставить в прошлом и самого Кушербаева, словно его никогда не было в моей жизни, жаль лишь одного – уйму времени затратил на него, а он все это воспринимал как должное. Накинув чистую белую рубашку, надев летний костюм из льняного полотна, я вышел на широкую, засаженную вековыми деревьями центральную улицу Алматы.

Вглядываясь в лица прохожих, я обратил внимание на то, что они заметно изменились с тех пор, как я впервые, 15 лет назад, видел алматинцев. Их лица выражали силу, энергию, мощь зарождающегося в Азии нового экономического тигра. Это были раскрепощенные в одежде и манере поведения, уверенные в себе люди. Вот что значит быть гражданином независимой процветающей страны! А ведь всего двадцать пять лет назад Казахстан был отсталой периферией Советского Союза, в которой добывалось ценное сырье: нефть, газ, уран, а также редкие и редкоземельные металлы, медь и олово, а предприятия производители оборудования для добычи и переработки этих несметных богатств, располагающихся в приграничных с Казахстаном регионах России. Только в одном Волгограде находился ряд крупных предприятий – производителей оборудования для нефтегазового комплекса, а запасы нефти и газа при этом были расположены в Казахстане, Узбекистане и Туркмении. Мне, советнику губернатора Волгоградской области по ВЭС, приходилось часто посещать офисы нефтегазовых компаний в этих республиках, встречаться с их руководством, лоббируя продукцию, производимую на предприятиях Волгограда. Вот так в конце 2002 года с письмом от губернатора Волгоградской области Максюты президенту компании «Казмунайгаз» Киинову я впервые оказался в Алматы. «Каждому документу надо приставить ноги и голову, – любил говорить Николай Кириллович. – Ты же умный парень, да еще горский еврей, ты там по-своему, по-восточному обсуди наши предложения», – открытым текстом намекал он, напутствуя меня в дорогу.

Помню все, словно это произошло только вчера. Вой сирен черных мерседесов, стремительно подъехавших к подъезду офиса «Казмунайгаз». Эта история так полно и четко вошла в мою память не только из-за того, что я тогда встретился с самим Кулибаевым, известным и значимым человеком в Казахстане, а потому, что слишком часто рассказывал об этой короткой, случайной встрече, и поэтому, видимо, эта встреча и запомнилась мне во всех ее тонкостях. Я попытался посчитать количество охранников, но, сбившись со счета, бросил эту затею, тем более все они были на одно лицо и одеты в одинаковую форму, так что невозможно было уследить за их передвижениями. Удостоверение советника губернатора Волгоградской области по ВЭС творило чудеса, я мог беспрепятственно войти в любой интересующий меня кабинет.

Киинов, раздумывая о чем-то своем, написал короткую резолюцию Кулибаеву: «Рассмотреть предложение». Передав мне письмо, он пристально взглянул на меня и неожиданно спросил:

– Мы ведь с тобой знакомы, не так ли, дорогой Ильясф?

– Да, конечно, господин Киинов, – смущенно ответил я, затем, чуть подумав, как бы не навредить удачно складывающимся отношениям, добавил: – Вы хотели поставить мне памятник в Актау.

– погоди, погоди, – остановил меня Киинов, – ты так и не решил проблему с водой в Актау, а ведь твердо обещал.

– Я здесь ни при чем, уважаемый Ляззат Кетебаевич, это вы неожиданно покинули Мангистаускую область, а там больше не с кем было вести диалог.

– Ладно, – согласился с моим убийственным доводом Киинов, затем тепло, по-дружески сказал: – Подожди Кулибаева, он скоро должен быть, а шефу своему передай огромный привет, по возможности обязательно снарядим команду к вам.

Я сидел в скромном кабинете напротив зятя президента Казахстана, первого вице-президента АО «НК «Казмунайгаз»», некоронованного короля нефтегазовой отрасли нефтяной державы – Кулибаева. Глядя в его интеллигентное породистое лицо, я думал: «Будь он трижды зятем президента, если бы у него не было мозгов, черта с два он добился бы в этом возрасте таких грандиозных успехов». Он был обаятелен и очень вежлив, его живые, пронзительные глаза пытались заглянуть в самый дальний конец моего сознания. Было сложно, я упорно молчал, но выдержал, не зря ведь говорят: «Если нечего сказать – лучше молчи». Затем, перейдя к сути письма Максюты, он живо заинтересовался предприятиями Волгограда, оборудованием, производимым ими для нефтянки, даже напоил меня казахским чаем.

«Как же они похожи с Пинчуком, зятем президента Украины, – думал я, оказавшись на улице. – Тот тоже король, но украинской металлургии, такой же молодой, решительный и волевой человек».

Впервые я встретился с Пинчуком в Москве, он возглавлял тогда совет директоров компании «Итера», которая чудесным образом стала оператором поставок газа из Туркмении в Россию, а затем и на Украину. Меня представили ему как директора поволжского представительства «Итеры». Чуть выше, в двух шагах от Пинчука, за скромным столом сидел президент компании Макаров. Кто бы мог подумать, что за этим столом решались сделки в сотни миллионов долларов. Пинчук коротко доложил Макарову о целесообразности создания представительства компании «Итера» в Поволжье, акцентировав его внимание на том, что именно в Волгограде и Волжском расположены ведущие производители трубной продукции и нефтегазового оборудования. Макаров задал мне несколько дежурных и совершенно незначимых вопросов. Удовлетворившись моими ответами, он занялся как ни в чем не бывало своими делами.

Я готов был ретироваться, но было поздно, он задал новый вопрос:

– погоди, как тебя зовут? – Я представился. – Интересное имя, Ильясаф, ты что, татарин? – неожиданно спросил он меня. Не дожидаясь моего ответа, он тут же задал новый вопрос: – В Волгограде на предприятиях есть внутренние причалы в акватории Волги?

«Надо же, – подумал я, – как мне повезло: нужный вопрос в нужное время». Буквально неделю назад, как я завершил обследование портов, предприятий, выходящих к Волге. Через внутренние порты мы предлагали руководству ТШО транспортировать крупногабаритное оборудование для Тенгизского нефтегазового месторождения.

– Нет, я еврей! – коротко ответил я. – Пинчук с интересом взглянул на меня. – Горский еврей, – подчеркнул я, зная, что Пинчук был европейским евреем.

Тут Макаров, вопросительно взглянув на Пинчука, добавил:

– Я не знал, что есть еще и такие еврей, – затем внимательно, не перебивая, слушал меня аж целых десять минут. Я был в ударе.

– Надо создать под этим парнем команду, – обратился он к Пинчуку, и на этом наша встреча закончилась.

Спустя некоторое время Макаров и Пинчук разбежались в разные стороны, – обычное дело, двум крутым парням в одной команде было сложно и очень тесно. Компания «Интерпайп», которая стала дилером российской газовой компании «Итера», стала заниматься импортом на Украину туркменского газа. Я же со своей командой стал составной частью «Интерпайпа», офис которого располагался в Днепропетровске.

Это был крутой бизнес. Макаров и Пинчук оказались в нужное время в нужном месте, они гениально воспользовались уникальным случаем, который был ниспослан им самим Богом в лице президента Туркмении Сапармурата Ниязова. Сотни компаний в России и на Украине озолотились тогда на туркменском газе. Самое ценное заключалась в том, что ни «Итера», ни «Интерпайп» не рассчитывались живыми деньгами за газ, а производился пресловутый бартер. Взамен в Туркмению поставляли миллионы пар резиновых галош, вагоны дешевых сигарет, сотни тысяч веников и, конечно, трубы большого диаметра, в том числе и с Волжского трубного завода, и всякое другое нефтегазовое оборудование. Злые языки болтали, что наценки на поставляемые товары в Туркмению в счет взаиморасчетов были настолько велики, что было трудно поверить, что такое вообще возможно.

Как-то после моей очередной просьбы предоставить мне борт для полета домой в Волгоград, адресованной председателю совета директоров «Интерпайпа» Щеголевскому, он вежливо, но очень настойчиво предложил подумать мне о переезде на постоянное жительство в Днепропетровск. Он был в высшей степени расчетливым и прозорливым человеком, предусматривал все до мелочей, вместе с тем был очень добрым по отношению ко мне, терпел, но выполнял мои капризы. Иногда и его заносило от упавших с неба случайных успехов. Максютя на нашей последней встрече предложил Щеголевскому выкупить 30 % акций Волжского трубного завода за смешные для того времени деньги. Михаил Миронович был, как всегда, предельно вежлив, он, не задумываясь долго, сказал: «Обязательно подумаем, Николай Кириллович, и в самые короткие сроки рассмотрим ваше предложение». Однако уже выйдя из кабинета Максюты, он тут же сказал мне, что не собирается этот вопрос даже обсуждать с Пинчуком. Если Максютя желает, чтобы этот завод работал стабильно и регулярно платил налоги, пусть передадут долю областного фонда имущества «Интерпайпу» безвозмездно. Потом, после того как этот актив выкупил Дми-

трий Пумпянский, Щеголевский часто вспоминал свой прокол. Его подвела излишняя самоуверенность, свойственная бизнесменам того времени, которые внезапно, даже для самих себя, стали олигархами.

Что касается моего переезда, он, конечно, не состоялся. Моя супруга посоветовала мне посетить местный рынок и убедиться в том, сможем ли мы жить там хотя бы, как в Волгограде. Даже в самые трудные годы после развала Союза рынок Днепропетровска ломился от продуктов. Но когда я поднялся на второй этаж огромного рынка и моему взору открылись бесконечные ряды прилавков с разными видами свиного сала, я застыл, разинув рот от изумления. Затем, прогуливаясь между бесконечных рядов и вглядываясь в аппетитные, толщиной примерно от 3 до 5 см куски сала, я был крайне удивлен этим великолепным зрелищем. Здесь было все, даже «генеральское сало» с прослойками мяса, грудинка и небольшие обжаренные кусочки сала – шкварки. И конечно, в огромном количестве соленое и копченое сало. «Если хотите, мы вам сделаем и кошерное сало в шоколаде», – совершенно серьезно предложила мне одна из красавиц, торгующих на рынке.

Я рассказал супруге о своем походе на рынок и добавил для убедительности, что женщинам даже рекомендуется есть сало, и в особенности, если она ожидает ребенка. Его полезные свойства помогают формированию мозга и мышц плода, а затем и образованию грудного молока. К тому же сало выводит токсины, повышает иммунитет и улучшает метаболизм. В общем, пересказал супруге все то, что услышал за целый час своего похода по второму этажу рынка. Невозможно было поверить в то, что такие красивые, с белой кожей и цветущим румянцем, обаятельные женщины торгуют на рынке.

«Им место в Голливуде», – пристально вглядываясь в их голубые, бирюзовые, зеленые глаза, думал я, восторгаясь украинками. Эти женщины захватили сердца и души и израильтян, многие из которых нашли свою вторую половинку именно в этих краях.

Совсем недавно я пересказывал одну смешную историю, произошедшую с израильтянами у нас, в Волгограде, Щеголевскому. «Ну и что? Я тоже ем свинину и очень даже люблю сало», – спокойно отреагировал он, не находя в этом ничего предосудительного и сверхъестественного.

Так вот, к нам в Волгоград по моему приглашению прибыла большая группа израильских финансистов. «Встреча Максюты с гостями из Израиля прошла плодотворно и со взаимным интересом сторон» – так писали местные газеты, описывая ход переговоров. Волгоградская область крайне нуждалась в инвестициях. На встрече с финансистами из Израиля принимали участие и местные предприниматели, которые усердно искали инвестиции для своего бизнеса, а тут нежданно-негаданно они объявились сами. Чтобы продолжить и закрепить договоренности, наши парни устроили в честь гостей ужин на Волге. А как мы можем принимать гостей с деньгами, думаю, известно во всем

цивилизованном мире. Напитки лились рекой под стать самой Волге, а шашлыка было всякого: из говядины с небольшими прослойками жира, из мякоти баранины, из осетрины и даже из свинины. Израильтяне закусывали русскую водку исключительно шашлыком из свинины. Мои друзья, заметив предпочтение наших гостей, настороженно, с изучающим взором смотрели на них, затем с удивлением спросили меня: «Илья, эти люди евреи? Ты случайно не разводишь нас со своими друзьями?» Сомнение наших предпринимателей я передал израильтянам, на что они, не понимая сути удивления русских парней, все дружно, в один голос ответили: «Илья, шашлык из свинины самый вкусный!» И это уже совсем не смешно. Во многих русских магазинах в Израиле сегодня запросто можно приобрести свинину, и что интересно, покупают это мясо даже коренные израильтяне.

В тот момент, когда только завершились мои приятные воспоминания, зазвонил мой телефон. На связи был Муханов Максат – первый заместитель генерального директора института экономических исследований Министерства экономики Республики Казахстан. Сегодня он руководит отделом социально-экономического мониторинга администрации президента Казахстана и почти недосягаем для простого смертного – не реагирует ни на звонки, ни на электронные сообщения. Тогда он мог запросто набрать мой телефон и даже спросить, как идут дела. В одно время мы совместно с ним даже пытались на базе его института разработать и внедрить в Казахстане проект кибуцного движения.

– О, Илья! Ты уже в Алматы? Встретимся? – запросто и непринужденно спросил меня Максат.

– Да, только что вышел на улицу и направляюсь в сторону центрального рынка, – ответил я, ожидая от него предложение, которое могло бы хоть каким-то образом закрыть остаток свободного времени до конца дня.

– Где стоишь, там и стой, только сообщи, где это. Через десять, максимум пятнадцать минут я буду рядом с тобой.

Подъехав, Максат кивком головы пригласил сесть в машину и с ходу предложил поехать в Медео. Само название «Медео» наверняка хотя бы раз слышал каждый житель некогда огромной страны – Советского Союза. От Алматы до Медео мы легко доехали на машине. Затем на нижней станции канатной дороги, ведущей еще выше, к горнолыжному курорту Чимбулак, расположенному на высоте 3 100 метров, садимся в кабинку и вскоре любуемся великолепным пейзажем с высоты птичьего полета. Вначале, когда только выходишь из кабинки подъемника, чувствуется нехватка кислорода, но потом привыкаешь к высоте и это проходит. Невероятно вкусный бараний шашлык стал заслуженной наградой. В ожидании кофе я вдруг услышал известный и запомнившийся мне голос из бара: «Заказ 43 готов» – именно таким образом сообщали своим клиентам о готовности заказа в самой популярной сети кофеен Израиля «Арома». «Да, это

израильская компания и довольно хорошо устроилась даже в наших горах», – спокойно отреагировал Максат на мое удивленное лицо.

Ну что же, было очень здорово, я поблагодарил Максата за такое короткое, но прекрасное путешествие, и можно снова садиться в кабину канатной дороги и на этот раз спускаться с небес на землю!

Глава 24

Было раннее утро, стрелки на часах показывали половину пятого.

«Примерно в девять тридцать буду в Москве, а там, глядишь, и до Волгограда недолго, к обеду точно буду дома, – подумал я, – а дома все мои мучения, сомнения, тревоги будут уже позади». С этой мыслью я осмотрелся по сторонам, скинул с себя костюм и принялся искать уединенное место для короткого отдыха. Мягкое кресло и тихая музыка народного фольклора создавали комфортные условия в зале ожидания бизнес-класса аэропорта Алматы. Приподнятое, жизнерадостное настроение положительно повлияло на мое эмоциональное состояние, отвлекая от невеселых раздумий.

Я замахал рукой, подзывая официантку.

– Коньяк! – заказал я. – Если можно, две рюмки по пятьдесят, да, еще пару ломтиков лимона и чашечку кофе.

В ожидании заказа я удобнее уселся на кресле, плотно прижавшись к спинке, и предался философским размышлениям о смысле жизни. Почему на море, в горах, в пустыне, этих основных символах бесконечности, у человека обостряется разум и открываются неожиданные черты характера, позволяющие ему добиться успеха? Почему в трудной жизненной ситуации сознание объективнее отражает в мозгу новую реальность окружающего мира, концентрирует силу воли и внутренний потенциал для выработки эффективного решения возникшей проблемы.

Я часто вспоминаю день, когда мне невероятным образом удалось на экзамене по химии получить желанные четыре балла и я стал студентом института. Школьную программу по химии, с ее длинными и сложными формулами, от которых сам черт сломал бы голову, я ненавидел всей своей впечатлительной юношеской душой. И надо же было такому случиться, что именно химия стала последним барьером на моем пути к заветной мечте. Зачем надо было огород городить с этой учебой в России, если я провалю экзамен и моя мечта стать студентом станет неосуществимой? Как я смогу, весь из себя такой гордый и

независимый молодой человек, впервые в жизни совершивший поступок наперекор желанию отца, предстать перед его лицом? «Почему ты против его учебы в России, что ты видишь в этом плохого?» – спросила с удивлением мама отца, который, только что войдя в дом, медленно выкладывал из карманов все их содержимое – привычка, глубоко укоренившаяся и во мне: придя домой, я тоже освобождаю карманы от наличности, телефона и других предметов, нужных мужчине в повседневной жизни. «Ты женщина и не понимаешь? Там девчонки извратят все, что мы с тобой годами возвращали». Эти несколько слов отца, как скрижали судьбы, навечно остались в моей памяти.

Так вот, рассказываю – беру экзаменационный билет, сильно волнуюсь, читаю вопросы, не знаю ответов ни на один из них.

– Прошу разрешить мне взять новый билет, – робко обратился я к экзаменатору, а меня самого охватил легкий мандраж, появилось неприятное ощущение, что заваливаю экзамен.

Профессор пристально взглянул на меня поверх массивных очков в роговой оправе, дождался, когда я успокоился, затем спокойно сказал:

– Молодой человек, вы автоматически теряете балл. Может, все-таки присядете, подумаете, а потом решите, что делать дальше?

В этот раз я прислушался к совету мудрого человека. Снова и снова я перечитывал вопросы на экзаменационном листе, но все было тщетно, ответов я не находил, мною овладевала уже настоящая паника. Но откуда вдруг в моем мозгу стали возникать формулы и уравнения химических реакций, убейте меня, не могу понять и объяснить по сей день. Я получил тогда нужные четыре балла, хотя мог получить и все пять баллов.

Профессор оглядывая меня оценивающим, недоумевающим взглядом, многозначительно сказал мне напоследок:

– Юноша, вы молодец, но я снизил вам балл только из-за вашей неуверенности в знании предмета.

Это потом, спустя много лет, я понял и осознал, что именно непоколебимая уверенность в себе позволила мне тогда сказать короткое, но очень емкое по своему содержанию слово «нет» одному из самых крутых и продвинутых политиков Казахстана – Крымбеку Кушербаеву. Встреча с Кушербаевым была крайне удачной для меня, она сродни трудному восхождению в экстремальной ситуации на вершину непредсказуемой горы, когда, достигая цели или решая промежуточные задачи, альпинист получает кайф от полной перезагрузки реальной действительности.

Тысячу раз был прав Владимир Высоцкий, когда в своей легендарной авторской песне «Лучше гор могут быть только горы» ответил на главный вопрос, который ставит перед собой волевой человек, устремленный к своей цели: «У многих из нас вершины еще впереди». Никто не знает свои возможности лучше, чем знает он сам. Большинство людей на земле считают, что человек

должен жить у моря, потому что вода – это часть естественной среды его обитания. Долгое нахождение на берегу разгружает подсознание, освежает уставший мозг, очищает память от негативных событий, причинивших ему в прошлом боль и страдания. Но главный ответ на вопрос, почему человек должен жить у моря, я нашел в романе Эрнеста Хемингуэя «Старик и море»: «Нельзя, – писал классик мировой литературы, – чтобы в старости человек оставался один, а у моря он никогда не бывает одинок, потому что море в высшей степени доброжелательный и обаятельный собеседник, который умеет понимающе слушать».

«Мне повезло, – подумал я, залпом опрокинув рюмку коньяка, – каждый день, выходя из дома, я слева от себя, словно на ладони, видел Кавказские горы, а направо простиралось необъятное ярко-синее Каспийское море».

Человек наедине со всемогущей и божественной природой начинает понимать, насколько мелочны и обманчивы его заботы, желания и страхи. Горы и море – это чудо природы, а как хороша и красива степь весной, когда расцветают дикие тюльпаны! Разве мог я подумать, что в моей жизни когда-нибудь настанет день и мне, молодому человеку с двумя малолетними детьми, придется переселиться из ухоженного города в бескрайнюю, безводную калмыцкую степь.

Мне было 25 лет, прожил я в тех краях целую вечность – до 32 лет. Самый цветущие годы своей жизни я отдал работе на ударной комсомольской стройке. Несмотря на все тяготы и лишения, отсутствие нормальных условий жизни на вновь осваиваемых землях, я был бесконечно счастлив, потому что, как наивное дитя, искренне верил в чудеса. Я строил коммунизм – светлое будущее своей страны. Ежедневная созидательная работа приносила мне превеликое удовольствие, поэтому я уходил на работу с хорошим настроением и домой возвращался в прекрасном расположении духа, потому что там меня ожидали чудные дети и красавица жена. Иногда и она, терпеливая и покорная, не выдерживала моего напряженного ритма жизни, эмоционально бунтовала, высказывая временами двойственное отношение к моей работе, каждый раз повторяя, что ее место в Париже, а она чувствует себя комфортно в калмыцких степях только в резиновых сапогах. Мои друзья при любом удобном случае подшучивали надо мной, говорили, что я первый и, скорее всего, последний горский еврей, связавший свою судьбу с ударной комсомольской стройкой...

Подняв руку, я снова подозвал официантку.

– Что будете заказывать? – удивленно спросила меня симпатичная брюнетка.

– Еще пару рюмок коньяка по пятьдесят граммов, – невозмутимо произнес я, – и, конечно, кофе с лимоном, – сказал я ей вслед.

«Еще бы ей не удивляться, это уже двести граммов коньяка, а солнце даже еще и не взошло», – думал я, вспомнив вдруг неоднократные замечания моей бывшей супруги. «Ты в меру не умеешь пить, а много тебе нельзя», – говорила она. Нет, конечно, я запросто могу и то и другое: проработать выше

десяти лет на ударных комсомольских стройках и не научиться выпивать – это полнейший абсурд. Да еще дедушка, когда мне было всего-то ничего, приучил меня в Шаббат пить красное вино. Нет, конечно, я не алкаш и не пьяница, я в полном порядке, но могу под хорошее настроение выпить за раз несколько рюмок хорошего коньяка.

– Мужчина, вам скоро на посадку, – напомнила мне официантка, чтобы я не расслабился вконец.

– Да, да, спасибо, вы очень любезны и красивы, была бы моя воля я остался бы в этом зале навсегда, – пошутил я удачно, потому что на ее красивом, загорелом лице появилась белозубая смущенная улыбка.

«Хороша чертовка», – подумал я, а в моей памяти до мельчайших подробностей, словно это был вчерашний сон, всплывали воспоминания из прошлой жизни, возвращая мои мысли на десять лет назад. Весело и непринужденно взглянув на сидящего по левую сторону от меня соседа, который все время хмуро косился на меня, я одним залпом опрокинул в себя очередную рюмку коньяка.

«Почему именно события из моей калмыцкой жизни с недавних пор все чаще и чаще вспоминаются мне? – подумал я, плотно прижавшись к спинке кресла, чтобы хоть как-то изменить положение спины из-за появившейся в последнее время боли в пояснице. – Ну вроде немного полегчало, постараюсь выспаться в самолете», – подумал я и выпил оставшуюся рюмку коньяка, закусив лимонным ломтиком.

Вообще-то, я счастливчик, и мне очень повезло, потому что на моем жизненном пути больше всего встречались хорошие люди. Но в Калмыкии я впервые столкнулся с мерзким, исключительно непорядочным человеком, без морали и нравственности, – с завистником и предателем. Трудно было представить, что человек, который каждый божий день обедал и ужинал в моем доме, а моя супруга вежливо спрашивала его, что бы он хотел еще на десерт, мог строчить на меня отвратительные доносы. «Азарьев каждый вечер за ужином пьет коньяк», – стучал он на меня в своих рапортах в контролируемые и следственные органы.

Были, конечно, и хорошие люди, особенно мне запомнился Тагир – «белый тигр». С этим парнем я познакомился совершенно случайно у костра на одной из вечеринок руководителей строительных компаний – участников ударной комсомольской стройки в Калмыкии. Я часто рассказываю о Тагире друзьям и знакомым. Этнический калмык, молодой человек, награжденный боевыми орденами за разминирование в мирное время особо важных зданий и сооружений во многих городах Восточной Европы, он был необыкновенно скромным человеком. Рассказ Тагира у костра потряс меня до глубины души, поэтому я решил пересказать вам его короткое повествование без изменений и дополнений.

– После очередного ранения меня демобилизовали, – начал свой рассказ Тагир, поддерживая огонь в костре, на котором варился шулом с бараниной

и овощами. – Кто-то считает это узбекским блюдом, кто-то кавказским, есть и те, которые считают его казачьим. Мы же полагали, что это блюдо было все-таки калмыцким, потому что шулюм из калмыцкой баранины был самым питательным и вкусным, просто объеденье. – Возвратившись в Элисту, – продолжал Тагир, – я устроился водителем в мотобольную команду «Комета», которая была первым чемпионом Советского Союза. Я все свободное время проводил на тренировках команды, шум моторов мотоциклов был для меня лучшей музыкой на свете. Однажды двое мужчин с отличной военной выправкой, но в гражданской одежде подсади с разных сторон ко мне на стадионе и вежливо попросили меня поехать с ними. Я не сопротивлялся: сам бывший военный, тем более служил в особых войсках, – молча поднялся и пошел за ними. Какого же было мое удивление, когда наша машина остановилась у входа в областной комитет партии Калмыкии. Но когда я оказался в приемной Городовикова Басана Бадьминовича, руководителя Калмыкии, Героя Советского Союза, который в 32 года был уже генералом, мое волнение переросло в немое изумление. Помощник отворил дверь в кабинет Городовикова и вежливо предложил мне войти. Я вошел, – продолжал Тагир спокойно и неторопливо свое повествование, – Басана Бадьминовича я узнал сразу, его невозможно не узнать, потому что он был членом каждой калмыцкой семьи. Напротив Городовикова, спиной к входной двери, сидел военный генерал – это был мой бывший командир. Он по-отцовски прижал меня к груди, задавал бесконечные вопросы о быте, о жизни, о том, как устроился и чем занимаюсь, но затем неожиданно для меня напросился в гости на чай. «Я хочу познакомиться с твоей мамой, – сказал он, повернувшись лицом к Городовикову, – да и Басан Бадьминович, думаю, с удовольствием посетит дом героя Калмыкии». Я неловко замялся, мне было стыдно пригласить своего командира в свое захудалое жилище. Батя, так мы звали нашего генерала, был мудрым человеком. «Что, некуда пригласить?» – глядя прямо мне в глаза, спросил он. Я молча опустил голову, потому что стыдно было признаться в этом. А потом произошли невероятные события. На следующий день мне выделили великолепную четырехкомнатную квартиру в престижном доме, а через неделю я уже работал в обкоме комсомола, но спустя несколько месяцев я напросился на ударную стройку в Большой Царын.

Но самой волнующей и захватывающей историей за время моей работы в Калмыкии было знакомство с Нелли – красивой, обаятельной, но одинокой женщиной тридцати лет с двумя маленьким детьми на руках. Невообразимо было представить себе, что эта умная и обольстительная женщина работала бригадиром штукатуров-маляров на ударной комсомольской стройке. Она даже в спецодежде выглядела элегантно и изысканно. Ее классические женские формы эффектно выделялись даже сквозь стеганую ватную фуфайку и утепленные брюки, плотно облегающие ее фигуру. Нелли умела командовать и была убеждена, что все вокруг крутится и вертится благодаря ее напору и настойчивости.

Руководство и прорабы ПМК побаивались ее своенравного характера и чрезмерно требовательного отношения к себе и окружающим людям. Они уважали и ценили ее самостоятельность, были убеждены, что она сделает все как следует и с высоким качеством. Поэтому женщины ее бригады всегда были при деньгах, но и работали они по 10–12 часов в сутки. Нелли даже в знойной, глухой степи не растеряла то, чем щедро наградила ее матушка-природа. Аккуратная прическа и безупречный рабочий макияж всегда присутствовали в ее внешности. Как такая классная женщина стала профессиональным штукатуром-маляром, просто не укладывалось у меня в голове. Почти все мужчины стройки мечтали затащить ее к себе в постель, но все отчетливо понимали, что этого невозможно было добиться. Она принадлежала Валерию Таганцеву, красавцу-богатырю, единственному сыну заместителя начальника нашего главка. Мы были близкими друзьями еще задолго до того, как наши дороги сошлись в Калмыкии.

Новогодняя суета на стройке – время сдачи объектов. Все: заказчики, и подрядчики – были заинтересованы поскорее закончить формальности, сесть за один общий новогодний стол, поднять бокалы с шампанским за удачный год, уходящий в прошлое, и пожелать друг другу успехов и благополучия в наступающем году. Корпоративное застолье было в самом разгаре, как вдруг неожиданно раздался телефонный звонок. Я хотел было возмутиться, но голос Василия Павловича Таганцева своевременно удержал меня от излишне эмоционального поступка и привел меня в чувство. Василий Павлович, выдающийся строитель, мой наставник, человек, который оберегал меня и принимал в члены КПСС, попросил меня о пустячной услуге.

– Илья! Возможно, чтобы Валера вместе с тобой без задержек выехал в город?

Старик знал, что у его единственного сына, отца двух своих пацанов, здесь в Калмыкии была еще одна женщина, которую он безумно любил и с которой жил одной семьей.

– Да, конечно, Василий Павлович, я постараюсь, мы обязательно выедем вместе, – твердо пообещал я ему. Но я не справился с этой, на первый взгляд, простой задачей, я не смог поднять Валеру с застолья с обильной едой и питьем. Да и Нелли, сидящая рядом с ним, не была готова расстаться со своим возлюбленным.

– Илья, передай отцу, что мне еще надо некоторое время задержаться, что не все акты подписаны, а завтра к обеду я обязательно буду дома. Ну придумай что-нибудь, ты же мужик, должен понимать, – убедительно просил меня Валера.

Именно таким образом я и поступил, тем самым соврал человеку, который мне искренне доверился. Утро 31 декабря было солнечным и жизне-радостным, ничто не предвещало беды.

«Надо позвонить Валере», – подумал я и только протянул руку к трубке, как она тревожно зазвонила. Ненавижу утренние звонки! Незнакомый надорванный голос непрестанно орал в трубку: «Валера погиб в автомобильной

катастрофе, Валера погиб в автомобильной катастрофе...» Я не мог, не хотел поверить в эту чудовищную новость, но мой волгоградский телефон не умолкал в тот предновогодний день.

Прошли похороны, затем по традиции отметили 9-й, 40-й день поминовения после гибели Валеры. И вот однажды Василий Павлович пригласил меня на встречу. Он постарел и очень сдал за это короткое время. Я сидел напротив человека, в одно мгновение потерявшего цель и смысл дальнейшей жизни, и напряженно молчал.

– Илья, расскажи мне про эту женщину, – неожиданно прервал он тягостное молчание.

Я понимал, о ком идет речь. Он, конечно, знал, как ее зовут, но по известным и понятным только ему соображениям не называл ее имени вслух. Мой рассказ длился долго, я видел, как оживает старик и с каким интересом он слушал каждую деталь, связанную с внешними данными Нелли.

– Она в действительности так хороша? – заинтересованно спросил меня Василий Павлович.

Я снова и снова пересказывал уже известные ему факты, смешные и забавные истории из их совместной жизни. Он слушал с любопытством, иногда переспрашивал, а затем замолкал, – наверно, уходил своими мыслями туда, вслед за своим единственным сыном.

– Нелли прекрасная и достойная женщина, она ни в чем не виновата перед вами и Богом, – я все-таки высказал свое мнение и снова замолчал.

– Илья, у меня еще одна просьба к тебе. Можешь уточнить, есть ли у них совместные дети?

На этом мы попрощались, и больше я его не видел: он вскоре умер, и, наверно, сейчас его с сыном никто и никогда не сможет уже разлучить.

Год спустя мне довелось встретиться с Нелли и поговорить с ней искренне и откровенно. Она неторопливо начала свой рассказ:

– В ту предновогоднюю ночь мне приснился страшный сон, как будто Валера скончался и я упорно пыталась с ним проститься, а его жена и мать, одетые во все черное, не позволяли мне этого сделать, – рассказывала она, вдохнув полной грудью свежий морозный воздух, затем она продолжила: – Он терпеливо ждал моих сборов, но когда я была готова, он почему-то уселся на заднее сиденье за водителем, а я оказалась по правую сторону от него. Он ведь никогда не садился в машину таким образом, – рассуждала Нелли вслух, как будто держала ответ перед Богом, затем, волнуясь, словно это произошло только вчера, чувственно, со слезами на глазах продолжила: – Уже по дороге домой Валера попросил водителя остановиться на минуту. Он открыл заднюю левую дверь и вышел наружу. Я машинально обернулась и увидела, как сзади стремительно надвигается машина. Передо мной в одно мгновение прошло мое вчерашнее сновидение, только хотела предупредить Валеру, но было уже поздно...

Я поднял руку, двумя пальцами показал, что мне нужно. Официантка поняла, и через минуту у меня на столе красовались две рюмки коньяка по пятьдесят граммов. Я перелил содержимое рюмок в один фужер, выпил коньяк залпом и направился на посадку в самолет.

«Почти пять часов полета, надо успеть поспать», – подумал я, как вдруг симпатичная стюардесса, присев на корточки, близко наклонилась ко мне и приготовилась записывать мой заказ на завтрак, затем еле слышно спросила:

– Что будете пить, шампанское или коньяк?

– Коньяк, – незамедлительно ответил я и, прикрыв глаза, медленно втянул в себя аромат восточной женщины. Нежное, еле ощутимое прикосновение к настоящей женщине, которое продлилось всего несколько секунд, всколыхнуло в моей душе самые глубинные чувства. Запах Айгуль, даже спустя много лет, и поныне в моей памяти.

«Наверно, – подумал я, – у каждой классной женщины свой оттенок аромата любви».

Эта случайная, но незабываемая встреча с Айгуль в аэропорту Атырау, закончившаяся всего через десять часов в Шереметьево, до мельчайших пикантных подробностей сохранилась в моей памяти. Я помню все, как будто это произошло совсем недавно, а пишу об этом, чтобы еще раз вспомнить счастливые моменты своей жизни.

Тот безмятежный майский день не предвещал ничего особенного в моей беззаботной, будничной жизни, пока в зале ожидания аэропорта Атырау мимо меня грациозно, изящной походкой не прошла невысокого роста женщина с идеальной фигурой.

«Если она еще и лицом хороша, ей не будет цены», – подумал я и с этими мыслями провалился в сон.

Объявили посадку, пассажиры суетливо столпились в очереди, ожидая прибытия автобуса, но мою незнакомку среди них я не увидел. Обернувшись, как под гипнозом, я заметил ее взгляд, направленный прямо на меня. Она выглядела безмятежно, спокойно допивала кофе и никак не реагировала на призывы диктора поспешить на посадку.

«Классная, просто принцесса, – подумал я, – повезло же какому-то мужику иметь такую женщину каждую ночь».

– Можно, в самолете я сяду рядом с вами? – вежливо спросил я ее в автобусе.

– Конечно, если только успеете и ваше место будет рядом с моим. Только зря будете тратить свое драгоценное время: я замужем, – ответила она, дав мне понять, что больше уже не о чем говорить.

– Почему вы о своем замужестве говорите шепотом? – спросил я ее, показывая, тем самым, что она мне совсем не интересна.

Войдя в самолет, я был удивлен и очень рад тому, что моя незнакомка сидела одна в ряду и далеко позади остальных пассажиров.

– Удивительно, как это вы угадали?! Мое место рядом с вами, – показав ей мельком свой посадочный талон для убедительности, воскликнул я.

Самолет взлетел, пассажиры, успокоившись, рассказывали друг другу о своих будущих делах и планах, а мы молчали, никто из нас не проронил ни слова.

– Хотите, я вам расскажу одну старинную историю? – прервал я первым тягостное молчание. – Она, между прочим, очень поучительна для восточных красавиц.

В ответ – глубокая тишина.

«Она держит меня за назойливого кавказца», – подумал я и тоже замолчал.

– Хорошо, давайте поступим следующим образом: я буду рассказывать, если эта история вам не понравится, остановите меня, но сделайте это корректно и вежливо, чтобы не взорвать мое влюбленное сердце.

Она мельком, но впервые с интересом взглянула на меня. Поймав ее взгляд, я неспешно начал свой рассказ. Вдохновение, тревога, жажда общения с захватывающей женщиной встревожили мою душу, возвратили меня в романтический мир человеческих страстей.

– Почему замолчали? Наверно, в вашем запаснике не осталось больше стихов и рассказов о восточной любви. Или эта дежурная история, которую вы рассказываете всем девушкам, чтобы завлечь их? – дерзко съехидничала она и затем продолжила: – История на самом деле интересная, а стихи просто великолепны, они ваши?

Она ждала продолжения диалога, я чувствовал это всем своим существом, в таких случаях обычно сердце не подводит, ей нужен был собеседник.

«Вот бы скинуть хотя бы с десяток лет», – размышлялся я, не сводя своих восторженных глаз от божественного лица восточной красавицы.

– Расскажите еще что-нибудь интересное. Какие дела привели вас в наши казахстанские степи? – Она чуть запнулась, видимо размышляя над тем, стоило ли спросить о том, что интриговало ее женскую суть. – Почему, разрешите полюбопытствовать, стюардессы так внимательны к вам, несут сюда разные блюда и напитки, совсем не такие, как обычным пассажирам, – вдруг, словно спохватившись, спросила она.

– Мое место на самом деле в начале самолета, а здесь я только ради вас.

– Ладно, поняла, мне очень приятно, как и любой женщине, слышать такое в свой адрес, – чуть смутившись, сказала она и повернулась лицом ко мне.

Мы очутились настолько близко друг к другу, что я почувствовал ее запах, как будто в мою одинокую жизнь ворвалось свежее дыхание весны. Похоже на то, что и удача в этот день не оставила меня без своего благосклонного внимания, и я совершенно случайно встретил женщину, которая медленно, но уверенно входила в душу и сердце, заполняя всецело мое сознание.

– Я многое могу рассказать о Казахстане. Спрашивайте, я с удовольствием расскажу вам обо всем, что знаю, хоть до утра, а утром разбужу вас страстным поцелуем.

Это моя авантюрная натура жаждала остроты ощущения, но, учитывая, что времени оставалось совсем мало и мы вскоре должны были приземлиться в Шереметьево, я рискнул со своим смелым и неожиданным предложением, по сути, незнакомой мне женщине. Одумавшись, я поменял тему разговора, иначе можно было бы получить такой же неожиданный, но жесткий ответ.

– Вы казашка? Нет, наверно, вы балдырка, – ответил я за нее.

– Балдырка? Кто они такие? – удивленно спросила она.

– Балдырки – это самые красивые девушки на свете, так в Калмыкии называют метисов, детей, чьи родители принадлежат к разным этническим группам. И большинство признанных красавиц рождаются именно от смешанных браков. В вас, наверно, тоже течет еврейская кровь, потому что вы фантастически красивая и романтическая женщина.

Она засмушалась, было очевидно, что эти слова пришили ей по душе. Разговор пошел уже в дружеской атмосфере, как будто мы были знакомы тысячу лет и нам было, о чем поговорить после долгой разлуки.

– Как вас зовут? – спросил я женщину, с которой общался уже целый час.

– Айгуль. А вас? – спросила она и предложила перейти на «ты».

– Ильясф!

– Ого, интересное и очень красивое имя у тебя! – сказала она, ласково улыбаясь.

– Куда дальше из Шереметьево? Хочешь, я приглашу тебя в московский театр? – я понимал, что это были лишь слова с нереальным предложением, но мне почему-то захотелось услышать от нее «да, хочу».

– Ильясф, ты, наверно, забыл, я тебе уже говорила, я замужняя женщина, а театр я очень даже люблю, но, может быть, в другой раз... – неожиданно утвердительно ответила она.

Мы продолжали говорить обо всем, не стесняясь запретных тем и слов. Ее маленькая ладонь в моей руке была предвестником новой, зарождающейся дружбы. В огромном аэропорту, в маленьком кафе, сидя друг против друга, мы не замечали окружающих нас людей. Так бы и просидели сутки напролет, если бы не объявили посадку на мой рейс. Жаль, что невозможно остановить это время и вернуть все назад, восстановить начало моей встречи с этой необыкновенной, восхитительной женщиной и пройти все заново: аэропорт Атырау, самолет, это кафе в Шереметьево.

– Я тебя проведу, хочешь? – неожиданно предложила мне Айгуль.

Ты не поймешь меня, мой дорогой незнакомый читатель, какой кайф я испытал после этих слов, я был на седьмом небе рядом с самим Богом! Конечно, я хочу этого, я мечтаю улететь с тобой куда-нибудь, где не будет никого, кроме тебя и меня. Но все это были только мои фантазии.

– Айгуль, давай задержимся сегодня в Москве и поужинаем вместе где-нибудь.

– Ильясаф, я восточная замужняя женщина, ты должен меня понимать. Может быть, когда-нибудь, в следующий раз, при новой нашей случайной встрече.

– Мне пора. Позвонишь? – неуверенно спросил я Айгуль, хотя интуитивно понимал и чувствовал, что никогда больше я не встречу эту восхитительную женщину, которая всего за десять часов чудесным образом перевернула мое сознание, подарив мне надежду, веру и восторженную любовь.

Айгуль была в смятении. Не в силах понять и осознать причину своих волнений, она вдруг неожиданно прильнула ко мне и прижалась настолько плотно, что я почувствовал каждый изгиб ее упругого молодого тела. Мы долго стояли обнявшись, впитывая жизненную энергию друг друга. Странно, иногда нужно совсем немного, всего десять часов, чтобы почувствовать себя счастливым человеком, а порой десять часов больше, чем вся жизнь.

«Важно, чтобы эти сильные и яркие воспоминания не захлестнули мое сознание и я всеми своими мыслями и мечтами не остался жить в прошлом», – думал я, размышляя над тем, почему Всевышний не дает человеку возможность понимания того, что в отдельных случаях даже самый короткий период в жизни может превратиться в вечность.

Десять часов счастья в одинокой жизни... Много это или мало – пусть каждый читатель решит сам для себя. Известно, что счастье в надежде, а надежда в дороге, а вот дорога – эта неизбежность грядущих перемен – и есть главная интрига, заложенная Всевышним в нашу повседневную жизнь. Зачем, Господи, судьба предоставила мне такую уникальную возможность и почему обостренный разум снова и снова возвращает мою память в те незабвенные десять часов того далекого дня, которые со временем не утратили свое значение в моей реальной жизни...

Глава 25

По счастливой случайности рядом со мной в салоне самолета оказалась очаровательная казашка, с умными темно-кариыми глазами. Наши взгляды пересеклись. Она в предполетной суете, способствующей выбросу в кровь излишнего адреналина, пыталась в спешке пристегнуть ремень безопасности. Вежливо и учтиво взглянув на меня, словно извиняясь за излишнюю суматоху, прекрасная незнакомка широко улыбнулась, продемонстрировав красивые, ослепительно белые зубы.

«Слава богу, – подумал я, – будет с кем приятно провести время в полете». Оглядевшись вокруг, я с удовольствием отметил, что моя соседка была самой очаровательной из всех тех женщин, которых я смог охватить цепким и оценивающим взглядом.

Мне нравятся красивые женщины, более того, я их просто обожаю. Глядя им вслед, я вспоминаю времена, когда мог без колебаний ответить на самый каверзный женский вопрос: «Сколько вам лет?» Когда мне было 25, я иронически ухмылялся над этим нелепым вопросом, как будто нельзя было разглядеть в моем лице цветущую молодость. Когда мне исполнилось 35, я мог решительно, без каких-либо сомнений ответить – 25, и мне, к моему удивлению, верили. Когда мне стукнуло 50, я не долго думал и без всякого смущения мог найти оптимальный ответ на этот неудобный вопрос с подвохом. Но когда моя голова покрылась седыми волосами, меня никто уже не спрашивал, сколько мне лет. Но в любом возрасте я находил в настоящих женщинах утонченное, возвышенное искусство, которое завораживало меня, словно волшебная музыка, будоражило душу и обнажало чувства, проникая в самые глубинные уголки сознания.

«Мне нужна романтическая, с утонченными чувствами поэтесса, – шутил я, отвечая друзьям, которые постоянно и назойливо интересовались тем, когда я, наконец, заведу себе самую что ни на есть обыкновенную, но реальную женщину». Говорить можно все что угодно, но счастье не в красоте: с лица воду не пить... Но кто знает, дай нам Бог здоровья, ясности ума и крепкой памяти до самой старости, какого это – быть некрасивым человеком.

Я не дамский угодник и не гоняю понты, даю вам честное слово, я вовсе не тот, кем вы можете вообразить меня. Поэтому не подумайте, ради всего святого, что я хвастаю или горжусь своими прошлыми успехами у хорошеньких женщин, хотя никак не могу понять, за какие такие заслуги они были благосклонны ко мне. Строя глазки и заливаясь румянцем, прекрасные незнакомки своими обаятельными улыбками вызывали у меня состояние легкой любовной эйфории, возбуждая радостный и необычайный эмоциональный подъем. Еще в Шереметьево, перед посадкой в самолет, я получил коротенькое, всего на полстранички, трогательное послание от женщины, с которой невероятно чудесным образом станем страстными любовниками. Я неожиданно для себя пылко и нежно полюбил замужнюю женщину. До встречи с ней я думал, что это трепетное чувство больше никогда не сможет затронуть и поразить меня. Но она терпеливо и настойчиво, как может это делать любящая женщина, исцелила мою душу, перевернула сознание, да так, что я помню об этом до сих пор. Именно она дала мне глубинное понимание того, что не все потеряно в моей жизни – я чувствовал это всем своим сердцем, всей своей душой.

«Добрый вечер, Ильясф! Я заранее прошу простить меня за это мое пространное доверительное письмо, – писала моя очаровательная знакомая, ради которой позднее я совершу много необдуманных и безумных поступков.

Я раньше по своей неопытной молодости и даже в страстной зрелости думал, как это крутые мужики лишаются ума из-за женщин, но пришло и мое время, и я испытал это ощущение, и уже никогда больше не задавал себе таких бессмысленных, глупых вопросов. – Я отдаю себе отчет, в том, что поступаю неумно, – писала она, – но я полагаю, что Вы мне позволите задать Вам несколько нескромных вопросов. Я просто хочу понять, зачем мне надо было переворачивать всю душу ради Вас. У меня просто не было другого выбора – с Вами или без Вас, но Вы уничтожили во мне все понятия быть порядочной женой, потому что впервые за много лет моей супружеской жизни я страстно захотела близости с чужим мужчиной. И вот появляется Вы – с умными, горящими глазами, я таких глаз никогда в жизни не видела. Я просто офигела! Я запрятала даже для себя глубоко все свои желания, мечты, чувства. Вы просто перевернули мое сознание. Я никогда не соприкасалась с такой чистой, мудрой душой, как Ваша. Я говорю это совершенно искренне. Я долго размышляла над Вашими словами о том, чтобы я, когда Вас захочу, об этом Вам сказала. И что же я услышала в ответ – что Вы перестанете уважать себя, если переспите со мной, что не можете никем увлечься до такой степени, чтобы захотеть близости. Вы же мудрый человек, Вы же не можете не понимать, что доставляете мне боль. Зачем такая жестокая непоследовательность? Что я сделала не так? А впрочем, можете даже и не отвечать на то, что я написала: это Ваше право. Я благодарна Вам даже за свои слезы. Вы абсолютно правы – это все пройдет».

Я читал это письмо раз за разом, снова и снова, и в конце концов выучил наизусть. И теперь, невольно сравнивая ее со своей соседкой в самолете, я с досадой понял и осознал, что даже самая красивая женщина не сможет еще долгое время занять ее место в моем сердце.

Раздался голос пилота, который сообщил, что самолет набрал высоту и пассажиры могут расстегнуть ремни безопасности, расслабиться и насладиться вкусным завтраком от авиакомпании. Все засуетились вокруг в предвкушении раннего завтрака. Наконец-то подвернулся случай для начала беседы, тем более мне очень захотелось общения с этой чудесной женщиной.

– Куда же потом после Москвы? – дежурно спросил я незнакомку, надо же было хоть с чего-то начать разговор, и, не дожидаясь ответа, углубился в свежий номер деловой газеты Казахстана.

– В Тель-Авив, – с легким волнением в голосе дружелюбно ответила она.

– Куда, куда? – с недоумением переспросил я свою соседку.

– В Израиль, – коротко ответила она, не отрывая своего взгляда с иллюминатора, а затем, обернувшись ко мне лицом, пристально взглянула в мое лицо и с гордостью добавила: – Я лечу к мужу, он израильтянин, очень переживаю и волнуюсь, как там сложится моя жизнь.

«Надо же, – подумал я, – какие наступили интересные времена», – и снова углубился в газету, которая, однако, потеряла для меня всякий интерес.

– Мы познакомились в Астане на международном медицинском форуме, – задумчиво сказала моя попутчица и, как бы оправдывая свое судьбоносное решение, продолжила: – У меня, между прочим, много знакомых девушек замужем за израильтянами. А я почему-то очень тревожусь, может быть и беспричинно, беспокоюсь о том, смогу ли я вообще вписаться в израильскую действительность и найду ли я в Израиле работу по душе, не разочаруюсь ли в своей новой родине.

– Нет, конечно, вы не разочаруетесь, – как настоящий патриот своей страны сказал я ей в ответ. – Израиль маленькая, но прекрасная страна. Вам будет комфортно там жить, да и работу по своей специальности вы легко найдете: врачи в Израиле на вес золота, – убедительно, с жаром говорил я, – но вам придется пройти гиюр, для того чтобы вы смогли полноценно вписаться в израильскую реальность.

– Я знаю об этом, и меня это вовсе не страшит, – ответила спокойно моя попутчица, затем продолжила: – Вам же наверняка известно, восточные женщины послушные жены, они верные друзья своим мужьям, и в этом наша сила. Я готова на любой поступок ради благополучия своего супруга.

«Везет же мужьям, – с легкой завистью подумал я, – иметь такую прелестную и добропорядочную супругу»

– Вам нечего волноваться и тревожиться, – пытался я успокоить свою соседку, – Израиль, как и Штаты, страна эмигрантов, вы обязательно найдете свое счастье на новой родине. Ведь евреи, как и казахи, восточные люди, у них общий менталитет и незыблемые правила жизни, так что вы легко впишетесь в израильскую жизнь.

Пожелав ей всего самого хорошего, я незаметно для себя уснул, и уже в Шереметьево, где берут начало тысячи новых дорог, каждый из нас пошел своим путем, а куда он приведет – известно лишь Всевышнему, Владыке Вселенной, который незримо управляет всеми нашими поступками и действиями. Вот и сейчас казашка летит в Израиль к своему мужу, а я, к своему стыду, уехал из Израиля, покинув свою семью.

Я не успел даже распаковать дорожную сумку, как заиграла любимая мелодия моего мобильного телефона. Я не отреагировал на звонок, думая о том, как же все сложилось хорошо у меня в этот день. Я дома. Даже несмотря на то, что в холодильнике было совершенно пусто, хоть шаром покати, настроение было отличное.

«Вот что значит вовремя сказать слово “нет”», – думал я под освежающим душем. Не помню, кто сказал или где прочитал один из самых мудрых афоризмов: «Говоришь “да”, кайфуешь час, но потом страдаешь месяцы. Сказал “нет”, час испытываешь муки, но потом кайфуешь месяцы».

«Ну и отлично, – думал я, – сейчас приведу себя в порядок и завалюсь в какой-нибудь приличный ресторан», – как вдруг мой телефон снова дал о себе

знать. Сколько раз говорил себе: не бери трубку, когда в голове сформировался четкий план действия. Казахи молодцы – на это время они просто отключают мобильник. «Нужно – позвонит еще раз, – говорят они, – и тогда ты поймешь, реально ли он нуждается в тебе».

Взглянув на экран телефона, я увидел знакомое имя.

«О, нет, уважаемый, аким! В ближайшее время ты меня точно не жди, я не смогу, я просто не хочу лететь к тебе в Караганду», – это я убеждал прежде всего самого себя и снова не ответил на входящий звонок. Напевая попури из блатных песен, я вышел из дома и только успел завести машину, как мой телефон снова заиграл. Абдибеков спокойно и настойчиво требовал моего скорейшего прилета в Караганду. «Я решу все твои проблемы, – уверенно и твердо обещал мне новый аким Карагандинской области, – только давай, не тормози и не задерживайся надолго, будешь вылетать, дай мне знать, каким рейсом будешь лететь», – на этом наш разговор закончился.

Я перестал пить, даже пара стопок янтарного напитка, с некоторых пор я очень полюбил виски, и сытный обед не улучшили моего вконец испорченного настроения, потому что впереди снова замаячила дорога без цели и конкретных планов действий, а я ведь по себе знаю, что такая дорога – это дорога в никуда. Но и на этот раз я ничуть не сомневался в своем решении и, не тратя времени на долгие размышления, без промедления собрался в дорогу.

«Как раз то, что мне нужно, – думал я, – постоянное движение» – именно в нем я находил очередную загадку в своей одинокой, холостяцкой жизни, иначе можно было просто сойти с ума.

Спустя всего три дня я ночным рейсом из Шереметьево уже летел в Караганду. Это был не единичный случай в моей кочевой жизни, когда по одному только звонку сломя голову я мог лететь за тридевять земель, чтобы в дружеской компании выпить рюмку-другую виски или старого коньяка. Я всегда считал, что новые связи и знакомства с важными и значимыми людьми стоят всех тех финансовых затрат и потраченного времени, и в большинстве случаев они были оправданны. Но улетаю в Караганду на встречу с акимом области, я дал себе зарок, на каких условиях смогу надолго задержаться в этом городе и когда я должен буду сказать себе слово «нет» – это моя красная линия, которую я сам себе обозначил и которую не мог переступить.

По дороге из аэропорта в гостиницу водитель автомобиля, глянув в зеркало заднего вида и увидев мое озабоченное лицо, по-дружески произнес: «Да вы не переживайте, я доведу вас с ветерком и без проблем».

Когда-то я уже слышал это запомнившееся мне выражение. Я лихорадочно рылся в закоулках и лабиринтах своей памяти, пытаюсь вспомнить – кто, где и когда мог сказать мне подобное выражение. Ничего такого особенного в этой фразе не было, но в моей памяти эти слова ассоциировались с какими-то значимыми событиями из моей жизни. Первое, что пришло мне на память, –

это снова дорога из аэропорта, но в тот раз я ехал в центр Ашхабада. Водитель министра нефтегазовой промышленности Туркмении, заметив мой недоумевающий взгляд, сказал с насмешкой: «Да вы не волнуйтесь, не успеете досчитать до тысячи памятников, портретов и билбордов с заветами из священной книги “Рухнама” Великого Сердара, как вы будете в отеле».

По всей Туркмении, как рассказывал мне позже мой туркменский друг, было установлено более 14 тысяч памятников и бюстов Туркменбаши, среди которых выделялась огромная 14-метровая, вращающаяся вслед за движением солнца, скульптура в Ашхабаде. Увлеченный любопытством, я приобрел несколько прекрасно оформленных книг «Рухнама», сам с интересом прочитал и предложил прочесть Жанне, моей младшей дочери, у которой на письменном столе, кроме трехтомника «Взгляд на всемирную историю» Джавахарлала Неру, появилась книга «Рухнама» Сапармурата Туркменбаши.

Злые осведомленные языки в Туркменистане уверяли, что на одной из встреч президент Назарбаев искренне, по-дружески спросил президента Ниязова, почему он не сдерживает свое увековечивание и разрешает ставить ему прижизненные памятники.

– Ты ведь понимаешь, – продолжал заинтересованно спрашивать Назарбаев Ниязова, – как только ты уйдешь, большинство твоих памятников снесут, а портреты попросту втопчут в грязь или в лучшем случае уберут.

Ниязов дружелюбно и почтительно ответил, – это снова со слов осведомленных и приближенных к нему людей:

– Возможно, все так и произойдет, дорогой и достопочтимый Аксакал, но я после ухода из жизни не буду знать об этом ровным счетом ничего. Хотя я даже объявлял конкурс под названием «Кто меньше хвалит Туркменбаши». От хвалебных од я готов сквозь землю провалиться, – говорил он. – От стыда глаза некуда девать.

И вот сейчас, с удивлением глядя на многочисленные плакаты и билборды с крылатыми и яркими цитатами первого президента Казахстана, я заметил, что они по своему содержанию были очень схожи с теми плакатами и билбордами, которые некогда я имел удовольствие лицезреть в Туркменистане. Но были и явные различия между ними, которые явно бросались в глаза. В Туркменистане памятники, портреты, билборды с изображениями Сердара были в отличном состоянии, было видно, что за ними постоянно присматривали и тщательно ухаживали. Портреты и билборды с изображениями первого президента Казахстана, те, которые я успел увидеть по дороге из аэропорта Караганды в гостиницу, просто шокировали меня: они выглядели блекло и сиротливо. Было такое ощущение, что уже давно никто и никакого значения не придавал тому, что хотел донести до граждан Казахстана елбасы – лидер нации. И глядя на эти различия, я подумал о том, что Сердар в стремлении поддержать в своем народе уважение и любовь к себе добился невероятных

успехов. Елбасы, как мне показалось тогда, был совершенно безразличен к чувствам своего народа. Но несмотря на это, великодушный и свободолюбивый народ «степной республики» все-таки «сдался» и водрузил своему первому президенту еще при его жизни множество памятников: в Президентском парке в Алматы, на Украине (где учился будущий президент), в Анкаре. В честь 78-го дня рождения Назарбаева в Национальном музее в Астане была открыта скульптура, копирующая по композиции монумент 16-му президенту США Аврааму Линкольну в Вашингтоне.

Каждый раз, перечитывая свое открытое письмо президенту Назарбаеву, я думаю о том, что сегодня, после жутких событий, произошедших в Жанаозене 16–17 декабря 2011 года, где были убиты десятки, а ранены сотни рабочих нефтяников, я не смог написать ему о том, что казахи поверили его обещаниям создать демократическое государство, в котором права, свобода, политическое и социальное равенство граждан будут соблюдены в полной мере. И вот теперь казахи вознаграждены за то, что когда-то поверили обещанию президента Назарбаева, данному им своему народу в преддверии очередных президентских выборов.

Узнав, что я снова собираюсь лететь в Казахстан, Инесса с сожалением высказала все, что она думала о моем поспешном и необдуманном решении.

– Почему в поисках слепой удачи и радости в жизни ты все чаще и чаще цепляешься за прошлое? – эмоционально обратилась она ко мне в день моего вылета в Караганду. – Папочка, дорогой, обернись и посмотри по сторонам, уже давно наступили другие времена. Казахстан давно не тот, что знал ты десять лет назад. Ты израильянин, у тебя сложились иные привычки и восприятие жизни, и, несмотря на все это, ты с каким-то чрезмерным усердием заявляешь о том, что горские евреи тоже восточные люди и у нас с казахами одинаковый менталитет, поэтому тебе там будет легче и проще работать. Нет, дорогой папочка, – продолжала Инесса ласково и нежно убеждать меня, – ты просто великий фантазер, времена ударных комсомольскихстроек давно в прошлом. Сегодня на всем постсоветском пространстве свирепствует «свинский капитализм». А ты единственный патриот Казахстана, – продолжала она с иронией отзываться относительно моих намерений, – и по-моему, таких, как ты, днем с огнем не сыскать во всей этой стране. Нет, ошибаюсь, есть еще один человек – президент Казахстана, да и он, по-моему, сегодня все больше беспокоится о своей семье, чем о своем народе. Ты ведь знаешь об этом лучше, чем я, и почему-то продолжаешь упорно, год за годом предлагать им реализацию социально значимых проектов в Казахстане. Папочка, дорогой, им нужны только деньги, для того чтобы можно было свалить со своей «любимой родины» куда-нибудь подальше в Европу или в Дубай на худой конец. Ты много раз принимал участие в качестве международного наблюдателя на выборах президента и парламента в Казахстане, ты заметил стремление казахов преобразовать свою страну в демократическое общество? Ты ведь сам рассказывал, что выборы там у них

всегда происходили формально. Как по мне, папочка, пусть выборы проходят каждый год, как в Израиле, хотя и это не совсем правильно, но папа, согласись, в Израиле реально выбирает народ.

Моя мудрая дочь не смогла убедить меня, но настроение испортила.

«Как же она права», – думал я, протягивая паспорт юной казашке с очаровательными глазами лазурного цвета. Мне казалось раньше, что у казашек могут быть только черные или карие глаза, но такого цвета глаз, как у этой девушки, даже у нас большая редкость. Терпеливо ожидая у стойки размещения гостей, пока эта прелестная девушка не спеша, с расстановкой оформляла мои документы, я все время думал о том, каким образом эта удивительная девушка стала обладателем таких очаровывающих глаз, и только потом я вспомнил, что моим ночным мучениям наконец-то пришел конец.

«Через несколько минут завалюсь в постель, раскинув руки и ноги, – погрузился я в сладостные мечты, – но прежде минут пятнадцать стану под теплым душем и отведу душу от грустных мыслей», которые никак не покидали меня аж с того самого момента, как только завершился наш разговор с Инессой.

Все заканчивается со временем, но воспоминания остаются навсегда, и в моем случае они в мгновение ока, неожиданно-негаданно перенесли меня в аэропорт Ташкента. Почему вдруг Ташкент?

«Ну да, конечно, – весело подумал я, – наверно, в компании президентов Назарбаева и Ниязова не хватает третьего – президента Узбекистана Ислама Каримова».

В декабре 2004 года в качестве международного наблюдателя в законодательную палату олий мажлиса Республики Узбекистан я впервые посетил Ташкент, хотя с помощью книг великолепного писателя Рауля Мир-Хайдарова я знал об этом прекрасном и гостеприимном городе буквально все. Это были незабываемые дни, которые до мельчайших подробностей и поныне в моей памяти. Особенно запомнилось мне мое выступление перед студентами аграрного университета в Ташкенте. Все произошло совершенно случайно, экспромтом: я не предполагал, поэтому не был готов к выступлению перед тысячной аудиторией.

Войдя в актовЫй зал, я был удивлен, если не сказать – потрясен увиденным зрелищем. Актовый зал был переполнен исключительно парнями в одинаковых темных костюмах и белых рубашках, галстуки на них были тоже черного цвета. Вначале мне показалось, что я случайно забрел на съемочную площадку Голливуда, где снимался очередной фантастический блокбастер с пришельцами. На самом деле это были лишь студенты университета, которые равнодушно и безучастно, в полной тишине ожидали выступления международного наблюдателя из ИзраИля, то есть меня. Затем мне в голову пришла тревожная мысль: «Если я завалю это выступление, впоследствии буду самым незаметным наблюдателем на этих выборах», – подумал я, вспомнив добрые

напутствия посла Узбекистана в Израиле. Ойбек Усманов, провожая меня в дорогу, произнес: «Илья, я верю, что ты меня не подведешь».

Я недолго думая спустился со сцены в зал. Пристально глядяваясь в лица молодых людей, прошелся между рядами и начал свой монолог:

– Я хочу начать разговор с вами с одной старой еврейской притчи, – обратился я к студентам. – Евреи чаще всего воспринимались, как на западе, так и на востоке, как чуждый народ, народ без родины, народ-паразит, который живет в разных странах и эксплуатирует местное население. С библейских времен все, что было связано с евреями, глубоко интересовало народы мира, всем хотелось понять, как евреи выжили после погромов и холокоста, как смогли восстановить свой язык, утерянный две тысячи лет назад, как смогли создать процветающую страну всего за 75 лет своего существования. – Я поймал эту энергетику, позволившую мне сконцентрировать внимание слушателей на себе, и начал неспешно рассказывать притчу: – Одному еврею приснился сон. Во сне голос говорит ему: «Что ты сидишь дома? Подымайся и иди в город Краков, там, под мостом, который ведет ко дворцу короля, закопан клад». Проснувшись, он рассказал о своем сне жене, она в ответ сказала ему: «Всем бедным людям снятся фантастические сны, сегодня Шаббат, а у нас дома нет ни мяса, ни вина, так что займись, пожалуйста, делом и не валяй дурака». Когда этот сон повторился второй и третий раз, еврей, ничего не сказав своей жене, собрался в далекую дорогу на поиски клада. Пришел в город Краков, нашел мост, который вел ко дворцу короля, но никак не мог подобраться к нему, потому что на мосту днем и ночью дежурила охрана. Но он снова и снова, каждый божий день приходил к мосту и думал над тем, как ему безопасно извлечь клад, который был закопан под мостом. Однажды один из охранников заметил еврея и окликнул его: «Ты что каждый день приходишь сюда? Наверно, замыслишь недоброе». Еврей, испугавшись, рассказал охраннику про свой сон. На что охранник, издевательски рассмеявшись, сказал еврею: «Ты сумасшедший человек, разве можно из-за сна проделать такую далекую дорогу? Иди домой, иначе тебе несдобровать. Ну и мне приснился как-то сон, как будто у одного еврея дома в печке закопан клад, я ведь не поднялся и не пошел на поиски этого клада». Возвратился еврей домой после долгого и неудачного поиска своего счастья. Заметив, как его жена готовит скромный шаббатный ужин, он вспомнил про сон охранника и нашел в печке клад...

Завершил я свое выступление прямым обращением к студентам:

– Узбекский народ имеет все основания гордиться своей историей и выдающимися предками, внесшими неоценимый вклад в развитие мировой цивилизации, – говорил я с жаром. – Сегодня от вас зависит будущее вашей страны, пойдет ли Узбекистан по пути демократии и создания свободного общества или останется на обочине мировой истории. От вас, нынешних студентов, зависит укрепление политической и экономической независимости Узбекистана, повышение авторитета государства на международной арене, сохранение в стране мира и стабильно-

сти. От вас – передовой молодежи страны – зависит проведение в жизнь реформ и возможность граждан Узбекистана достойно жить и работать в своей стране.

Я стоял в центре огромного зала, воцарилась глубокая тишина... Мне показалось, что я не смог затронуть глубинные чувства молодежи, а может быть, им запретили эмоционально реагировать на мое выступление. Огорченный и подавленный, опустив голову, я медленно побрел в направлении сцены. И вот, когда я проходил мимо многочисленных рядов, студенты все, как один, вставая, горячо приветствовали меня, шумно аплодировали, выкрикивая патриотические лозунги. После моего фееричного выступления в аграрном университете я получил официальное приглашение на встречу с министром иностранных дел Узбекистана. Он включил меня в состав избранных международных наблюдателей и позволил мне совершить увлекательное путешествие на его самолете по древним городам Узбекистана – Самарканду, Бухаре и Навои. На первом заседании законодательной палаты олий мажлиса Казахстана каждому вновь избранному депутату вручили экземпляр газеты, на первой странице которой было опубликовано мое открытое письмо президенту Каримову.

Спустя несколько месяцев после триумфальных парламентских выборов в Узбекистане, в республике произошли события, которые потрясли мир. Массовый расстрел протестующих в городе Андижане 12–13 мая 2005 года, произошедший на следующий день после начала масштабных протестов жителей города, невозможно было оправдать существующей властью. Режим довел ситуацию до Андижана, затем утопил город в крови, потом начал искать свидетельства, обеляющие их злодеяния. Посол Узбекистана в Израиле, пригласив меня на встречу, без всяких проволочек и предисловий изложил мне просьбу своего начальника, министра иностранных дел Узбекистана, по Андижанской трагедии. Мне нужно было всего-навсего подготовить статью под моим именем, нивелирующую действия властей в трагических событиях в Андижане.

Сказать правду, я пытался это сделать, но все время упирался в президента Каримова, который, справедливости ради, мог остановить эту бойню, в которой погибли сотни мирных митингующих. Я отказался, но потерял дружбу влиятельного человека в Узбекистане. Запуганное и инертное общество Узбекистана станет реальной действительностью на долгие годы вперед. И это был результат деятельности одного человека – бывшего президента страны Ислама Каримова. Он сломал дух и ослабил волю народа, тем самым низвел его до положения рабов. Так, нация интеллектуалов, деловых людей и выдающихся хлопкоробов стала основным поставщиком дешевой рабочей силы на всем постсоветском пространстве. И сегодня узбеки вынуждены массово покидать свои родные места ради возможности прокормить свои семьи, потому что у себя на родине они не могут себе этого позволить.

– Обрати внимание, – сказал мне Адам, мой американский друг, – мы сидим с тобой в узбекском ресторане в самом центре Бруклина, и это одно из лучших кошерных заведений Нью-Йорка. Сюда на плов приезжают гурманы со

всех концов города. Понимаешь, – сказал он чуть погодя, – узбеки приезжают в штаты готовыми американцами с великолепным английским языком и профессиональной подготовкой. А нам, горским евреям, было очень трудно вписаться в реальную американскую действительность. Эти парни из Узбекистана просто играючи делают бизнес в Америке, ничего не боятся, и у них все получается. Видно, не зря узбеков называли «азиатскими евреями», они молодцы! – восторженно отзывался Адам о новых соотечественниках.

Но память упорно возвращает меня к событиям, невольным свидетелем которых я случайно оказался. На границе Казахстана с Россией стоял узбекский автобус, заполненный людьми. Пассажиры автобуса, мужчины и женщины, терпеливо ждали решения пограничников, еще чуть-чуть – и они на территории России, где надеются найти себе достойную работу, которая позволит им содержать своих родных и близких в Узбекистане. Пожелав им счастливого пути, мы двинулись по своим делам. Каково же было наше изумление, когда, возвращаясь через два дня в Россию, мы увидели на границе тот же самый автобус на том же самом месте и с теми же людьми, изможденными, оскорбленными, безропотно ожидающими своей участи. Парализованная воля, страх и тревога в сознании большой группы людей не позволили им восстать против произвола и решить возникшую из ничего проблему. Израильтяне никогда, ни при каких обстоятельствах не позволили бы к себе такого унижительного отношения.

– Мужчина, мужчина... – вдруг услышал я нежный голос принцессы с ресепшена. – Как вы намерены оплатить за проживание в гостинице? У нас принято рассчитываться при заезде.

Вот и прилетели, вот и встретили, вот и решили все мои проблемы...

Глава 26

Инесса, за чашкой кофе пытаюсь быть предельно корректной и подчеркнуто сдержанной, все же не смогла удержаться от критических высказываний в мой адрес.

– Сейчас мы с тобой ни в качестве отца и любящей дочери доверительно беседуем, а как стратегические партнеры, открыто и откровенно обсуждаем важнейший вопрос нашей совместной деятельности.

По ее словам, я обладал взрывным темпераментом и жестким характером.

– Возможно, так оно и есть, но у хороших людей характер не мед и даже не сахар, – отшучивался я в ответ.

Инесса моя извечная и непостижимая тайна, поэтому никогда и ни за что не опасалась моей негативной реакции на свои остроумные замечания и критические комментарии. Она была уверена в незыблемости своих взглядов, и, по ее мнению, я должен быть предельно внимателен к ее бесценным советам.

– Папа, придет время, и ты вдруг заметишь, что Господь Бог не так явно, как прежде, благосклонен к тебе, – сказала Инесса, пытаясь заглянуть в мое лицо своими большими светло-кариими глазами. – Ты поймешь это, – говорила она, ласково улыбаясь краешками губ, – когда однажды, проснувшись утром, не обнаружишь в своей голове новых идей. Ты же сам постоянно говоришь, что мужчина стареет с головы, когда мозги не в силах выдавать на-гора, пусть даже бредовые, идеи. А знаешь, почему Всевышний может прекратить одаривать тебя идеями? – Инесса загадочно взглянула на меня, ожидая эмоциональной реакции на столь смелое заявление. – Ну, дорогой папочка, что скажешь? – Я в растерянности молчал. – Потому что ты непростительно небрежен к своим идеям и поэтому не можешь сберечь их от чужих глаз и ушей. Я часто замечала в течение многих лет нашей совместной работы, как ты легкомысленно, направо и налево транжирил свои, по сути наши, идеи и задумки. Скажу одно – впоследствии я их обнаруживала во многих дружеских нам компаниях. Твои партнеры, клятвенно признаваясь тебе в дружбе и преданности, зачастую оказывались обыкновенными проходимцами, обманщиками и кидалами. Они продолжают и сегодня бессовестным образом пользоваться твоими идеями, получая незаслуженно большие доходы на блюдечке с голубой каемочкой. В какой-то момент, дорогой папочка, Господь Бог может подумать о тебе плохо, – произнесла Инесса скороговоркой и отвела свой взгляд в сторону, как будто кого-то ожидала. Затем, увидев, что я спокойно отреагировал на ее нелицеприятное высказывание, как ни в чем не бывало продолжила: – Ты будешь выглядеть в глазах Бога неумелым человеком, и в конце концов Господь перестанет обращать на тебя свое благосклонное внимание.

Я, безмолвствуя, несмотря на свой взрывной характер, терпеливо слушал мудрую женщину, размышляя над сложнейшими проблемами партнерских отношений, иногда просто неразрешимых, которые, как правило, сопровождают семейный бизнес. Даже мой сын в 25 лет, будучи еще совсем зеленым пацаном в бизнесе, однажды дал мне дельный совет на эту актуальную тему. «Нельзя делиться своими идеями и планами даже с самыми верными друзьями и партнерами», – посоветовал он мне однажды за субботним столом, затем, поразмыслив с минуту, робко, чуть покраснев от смущения, порекомендовал мне прочитать книгу «48 Законов власти» Роберта Грина. Перечитывая бесчисленное количество раз эту книгу, я думал о том, что мой сын в 25 лет знал о существовании этого уникального произведения, я же, долгие годы слышавший весьма энергичным деловым человеком, не имел ни малейшего представления об этой популярной и чрезвычайно увлекательной книге.

Довольно странное впечатление сложилось у меня в день встречи с акимом. Вроде бы все было неплохо, полон жизненной энергии и одет должным образом: на мне мой любимый темно-синий костюм итальянского покроя, модная белая рубашка и тонкий, молодежный, под цвет костюма галстук, – в общем, все было в полном ажуре, как полагается у деловых людей. Да и Жанна с утра безмерно обрадовала меня своим неожиданным сообщением: она беременна и ожидает мальчика.

«Надо же, какая чудная новость, – думал я, восхищаясь тем, что у меня вскоре будет третий внук. – Было бы очень здорово, – воображал я в своих фантазиях, – если первенцем у моего сына будет тоже мальчик».

Но что-то все же мешало мне безмерно и сладостно наслаждаться прекрасно начавшимся днем. Где-то там, в самой глубине моего сознания, закрался червь сомнения, который угнетал и разъедал душу, вызывая недоверие и подозрение в правильности моего решения.

«Зачем я здесь?» – пытался я понять и осмыслить сложившуюся ситуацию. Тем странней показалось мне внезапно нахлынувшее чувство одиночества, опустошенности и тревоги. Проходящая по длинному коридору с красной ковровой дорожкой, ведущему в приемную акима Карагандинской области, мне показалось вдруг, что я таким же ранним утром, как и сейчас, по такому в точности коридору и по такой же ковровой дорожке направляюсь на совещание к Максюте – губернатору Волгоградской области.

«С чего это вдруг мне вспомнились события десятилетней давности, уже почти стершиеся из моей памяти? – думал я, размышляя над природой, причиной и закономерностью возникновения воспоминаний. – Наверно, для того, чтобы я смог распознать и избежать в будущем прошлые ошибки», – пришла мне в голову неожиданная мысль. Странно и удивительно, почему в нашей памяти в самых трудных жизненных ситуациях всплывают воспоминания, подсказывающие нам ответы даже на самые сложные вопросы, которые в первые минуты возникновения сначала нам кажутся безнадежными в своем решении.

Николай Кириллович на утреннем заседании руководства области эмоционально отметил мою работу. «Азарьев более продуктивен и полезен, чем все наше управление по внешним связям, – произнес он, – затем, отыскав меня взглядом, сказал громко, во всеуслышание: – Смотри, Илья, не усердствуй чересчур, а то на тебя поступают жалобы, что ты излишне самостоятелен в своих действиях».

«Господин Азарьев, – услышал я сквозь пространство и время милостивый женский голос, который с космической скоростью перенес меня в реальность сегодняшнего дня, – аким вас ожидает».

– О, Илья! Привет! Наконец, ты здесь, – воскликнул Нурмухамбет Канапиевич, и мы по-дружески обнялись. – Я ждал тебя, мой друг, – вежливо и учтиво приветствовал меня аким.

Вошла помощница с подносом, на котором дымился свежеприготовленный казахский чай с различными восточными сладостями. Аким предупредил ее, что занят до десяти часов, я машинально взглянул на старинные настенные часы в самом углу огромного кабинета – они показывали половину девятого утра.

«Хорошее начало, – подумал я, – успею спокойно и осмысленно высказать ему все свои идеи и пожелания».

Мы уселись лицом к лицу за большим переговорным столом.

– Ты молодчина, – произнес аким одобрительно, – прекрасно выглядишь. Не переживай, мы найдем тебе красивую казашку, так что в Караганде ты не будешь чувствовать себя одиноким мужчиной. Только потерпи чуток, я твои житейские проблемы решу, – убедительно заверил меня аким.

Я искренне верил и доверял Нурмухамбету Канапиевичу: он, открытый, дружелюбный, с благородной внешностью, крепким, спортивным телосложением и ярко выраженным восточным типом лица, выражал доверие. Хотя по возрасту ему было уже за пятьдесят, но внешне он выглядел сорокалетним мужчиной. Пока все те вопросы, которые я ставил перед ним в бытность его работы в Актобе, где он был заместителем председателя правления АО «НК СПК “Батыс”», а затем занимал должность первого заместителя акима Актюбинской области, выполнялись в полной мере и без всяких проволочек.

– Знаете, господин аким... – с должным почтением обратился я к своему старому знакомому.

– погоди, погоди, – решительно остановил он меня, – прежде всего, я твой друг, ты можешь называть меня по имени, или просто Нуреке, при всем том это тогда, когда мы будем наедине. Во-вторых, ты единственный человек из моего окружения, который может – нет, ты просто будешь обязан критиковать меня, и по полной программе, для меня это крайне важно. В-третьих, то, что я скажу тебе сейчас, можешь считать главной программой твоей деятельности в моей администрации. Мне нужна пара крутых и очень значимых проектов, которые могли бы привлечь внимание президента. Реализовать их надо крайне о-пе-ра-тив-но, – произнося это слово четко и по слогам, он пристально взглянул на меня. Затем, сделав несколько глотков чая, кивком головы предложил мне сделать тоже самое. – Поистине отменный наш чай, – с восторгом высказался аким о напитке, к которому я тоже привык и с огромным удовольствием пил, когда меня угощали. После минутного молчания аким, сердечно улынувшись, спросил меня: – Ну что, Илья, осилим?

Я задумался, но когда осмыслил всю серьезность предстоящей работы, то осознал, что для выполнения этого ответственного поручения мне придется остаток своей жизни провести в Казахстане. Я все трудности кочевой жизни однажды уже прошел на ударных стройках Калмыкии, тогда рядом была моя семья и я легко перенес тяготы жизни вне цивилизации. Эти сумбурные мысли, оказавшись в ловушке сознания, не позволяли мне сосредоточиться, чтобы можно было разумно и системно осмыслить сложившуюся ситуацию. Я не мог себе представить, как я

вообще смогу работать результативно так далеко от родных и близких мне людей. Когда я сообщил Жанне, куда на этот раз собрался лететь и где меня искать, она на следующий день написала: «Папа, мы с большим трудом нашли Караганду на карте Казахстана – это ведь так далеко от Израйля».

– Нурмухамбет Канапиевич, в Караганде есть еврейское кладбище? – шутливо спросил я акима. Он вопросительно взглянул на меня, я, не дождав-шись вразумительного ответа, задал ему наводящий вопрос: – Может быть, на каком-нибудь действующем кладбище есть укромное место, где хоронят иудеев?

Он громко и от души рассмеялся, – видимо, на этот раз понял, о чем шла речь.

– Об этом, мой друг, – заботливо, по-дружески сказал аким мне в от-вет, – тебе нечего беспокоиться, мы сделаем все, как положено по иудейским традициям, если будет нужно, то выделим и отдельное место в самом лучшем и почетном месте на нашем кладбище. Но если серьезно, не валяй дурака и вы-кинь эту блажь из головы.

– Нурмухамбет Канапиевич, прежде чем я покину ваш кабинет, по-звольте мне рассказать вам три поучительные короткие истории.

Аким встал из-за стола, дав мне понять, что времени в обрез, пересел в кресло за рабочим столом и открыл папку с бумагами.

– Хорошо, давайте я вам расскажу их на следующей встрече, но пока вы не услышите эти истории, считайте меня своим временным гостем, – реши-тельно поднявшись со стола, я направился к выходу из кабинета.

– Илья, – окликнул меня аким, – ты куда так бодро собрался?

Я обернулся и сразу ответил:

– Вы заняты и я решил не отвлекать вас от важных дел, хотя в моем распоряжении еще 30 минут, – сказал я, взглянув на часы.

– Хорошо, твоя взяла, – сказал он, одобрительно кивнув головой, – да-вай, рассказывай, я внимательно слушаю.

– Уважаемый Нуреке, – начал я неторопливо свою первую историю, – однажды с помощью одного вашего звонка я смог встретиться с акимом Западно-Казахстанской области. Так вот, мы въехали в Уральск за десять минут до начала встречи, поэтому у нас не было времени переодеться и привести себя в над-лежащий вид. Когда я вошел в кабинет Ногаева и увидел его вопросительно-неодобрительный взгляд, я понял, что допустил серьезную ошибку: его смутила моя дорожная одежда. За переговорным столом сидели аким города Уральска и руководители главных управлений администрации области, одетые строго по-деловому – они меня ждали, я же небрежно и высокомерно отнесся к их ожиданиям. Знаете, о чем я подумал тогда? Что всего один звонок уважаемого человека может сотворить настоящее чудо. Если мы с вами договоримся, то я должен иметь возможность напрямую выходить на людей, которые будут нужны для реализации поставленных вами целей и задач. В этой связи мне необходим официальный статус вашего помощника или советника по внешнеэкономиче-

ским связям. Нуреке, знаете, я не впервые в этом кабинете, и это уже вторая история. Пять лет назад я встречался здесь с бывшим акимом и нынешним главой администрации президента Казахстана Нурланом Нигматулиным. – Абдибеков пристально взглянул на меня, затем заинтересованно спросил, о чем шла речь. – Он просил в преддверии визита Назарбаева облагородить трассу с Астаны на Караганду. То ли в шутку, то ли всерьез он просил тогда, чтобы по всей трассе в Карагандинской области были высажены яблоневые деревья с непременно усыпанными на них сочными яблоками. «На все про все, – говорил Нигматулин, – у нас три месяца времени». Я вот почему рассказываю вам эту забавную историю: для того чтобы мы по-настоящему могли удивить президента, наши проекты должны быть предельно реалистичными, а не фантастическими.

– Илья, эти истории в виде коротких рассказов тебе надо перенести на бумагу и по возможности опубликовать, – доброжелательно посоветовал аким, а затем, как бы невзначай, проявив нескрываемое любопытство, спросил: – А какая третья история, интересно знать.

– Третья история самая поучительная, потому что длится с библейских времен. После нескольких встреч с первым заместителем одной из областей Казахстана мы выработали с ним амбициозные планы преобразования области. Хотите верьте, хотите нет, не прошло и трех месяцев после его назначения на эту должность, как он был арестован за крупную взятку. Коррупция небывалыми темпами захватывает социально-экономический порядок в Казахстане. По итогам года ваша страна где-то во второй сотне рейтинга стран мира по индексу восприятия коррупции. Я говорю об этом не для того, чтобы унижить вашу прекрасную страну, уважаемый Нуреке, да вы сами хорошо знаете, что это настоящий бич современного Казахстана. Вы, согласившись на эту ответственную придворную должность, чем-то ведь мотивировали свое судьбоносное решение. – Услышав последнюю фразу, аким хотел было что-то возразить, но смолчал, дав мне возможность договорить. – Вам известно, и это не ядерный секрет, что Карагандинская область – вотчина братьев Нигматулиных. Второе, – конечно, вы знаете и об этом, – из этого прекрасного кабинета есть три выхода: первый – с бурными, продолжительными аплодисментами в премьер-министры страны, второй – вернуться назад и прозябать в дальнейшем в безнадежной безвестности, и третий, самый обычный – просто и банально срубить бабло и свалить из страны. Кстати, многоуважаемый Нурмухамбет Канапиевич, примите мои искренние и сердечные поздравления с назначением вас на этот высокий пост. – Аким в знак благодарности молча кивнул головой и изучающе взглянул на меня.

«Наверно, – думал я, – сейчас решается главный вопрос: быть или не быть мне в Караганде. – Плевать на время и деньги, потраченные мною на эту дорогостоящую поездку, да и пара бессонных ночей не повлияет на качество моей будущей жизни, – мысленно размышлял я, – но мне нужно четко понять и определить, прежде всего для самого себя, что аким ждет от меня и смогу ли я оправдать его ожидания».

– Раз так хорошо легли карты и вы в этом прекрасном кабинете уже чувствуете себя хозяином крупнейшего региона страны, так давайте реализуем несколько проектов, которые были бы на слуху у всей страны, – сказал я, а в глубине своего сознания, мысленно сравнивая Нурмухамбета Абдибекова с Асланом Мусиным, Имангали Тасмагамбетовым, Аскараром Маминим, я понимал всю безнадежность своих мечтаний, всю тщетность своих порывов и усилий в реализации своих собственных целей и задач.

Хотя никакие конкретные цели даже не просматривались в моей голове, находясь здесь и сейчас в кабинете Абдибекова я мгновенно принял оптимальное решение, которое, как мне показалось тогда, было взвешенным и самым важным на тот момент моей жизни.

«Я должен быть на виду, узнаваемым и значимым человеком, – думал я, – а со своим профессиональным опытом и интеллектуальным потенциалом смогу быстро и эффективно занять достойное место в управленческой элите региона. А там, как говорят, дело мастера боится, усердный труд обязательно выведет меня на интересные проекты, которые могут принести и финансовые дивиденды».

– Ну разве, вы знаете, в чем ваша главная сила?

Он мечтательно улыбнулся, взглянув прямо мне в глаза, и заинтересованно спросил:

– В чем же?

– В вашей безупречной репутации, и это важнейший созидательный капитал, который позволит вам быстро реформировать всю систему управления, искоренив ее коррупционную составляющую. И тогда мы точно сможем удивить президента успешными и амбициозными проектами. – Утомленный от высокого нервно-эмоционального напряжения, я смущенно замолчал.

«Наверно, сегодня я был слишком честен и прямолинеен в своих суждениях», – думал я, машинально переведя взгляд на часы – они показывали ровно десять.

Глава 27

В этот раз все произошло быстро и совершенно непредсказуемо, что даже мне было сложно осмыслить и понять происходящее событие. Поздним утром следующего дня Абдибеков в присутствии своих заместителей и ведущих специалистов администрации области вручил мне удостоверение советника акима Карагандинской области по внешнеэкономическим связям. «Указ о твоём назначении я

подписал еще вчера, – самодовольно улыбаясь, шепнул мне в ухо аким и загадочно подмигнул, удовлетворенный тем, что сумел оперативно решить проблему, которую я обозначил ему в ходе нашей вчерашней встречи. – Прошу любить и жаловать Ильясфа Азарьева, я выписал его из самого Израиля, какое-то время он будет помогать нам развивать малый и средний бизнес в области», – заявил аким тоном, не терпящим возражений, как бы подчеркивая этим, что именно он здесь полновластный хозяин и никто из присутствующих не может оспорить его решение.

«Ну, вот и все! Приехали!» – глубокомысленно подумал я, туманно представив себе предмет своей будущей деятельности.

Аким не советовался со мной, он, сам того не ведая, попал в самую точку. Как полновластный хозяин мыслей и идей сотен подчиненных ему людей, он легко проник в тайные закоулки и моего сознания. Бегло, без помех блуждая по извилинам улочкам и заповедным тропинкам моего разума, он все же отыскал в глубоких тайниках моей души то, что положительно мотивировало меня к достижению поставленных целей. Странно, но он на подсознательном уровне, находясь во власти своих позитивных эмоций, интуитивно открыл передо мной непаханое поле для созидательной работы, о которой я честолюбиво мечтал последние годы своей одинокой жизни, словно хотел сказать: «Ну, парень, давай, покажи, на что способен».

Погрузившись под завязку в свои честолюбивые мечты, я задумался о непредсказуемости земной жизни: это когда ты ни сном, ни духом не знаешь заранее, что случится с тобой завтра; это когда однажды неожиданно-негаданно упадет с небес то, что на многие годы определит твою судьбу. Творец дал нам жизнь, но главной интригой необычайной живучести людей, их непрерывного развития и совершенствования остается то, что нам не подвластны события, которые падают на нас как снег на голову. Но сейчас, всем своим разумом окупившись в события, произошедшие вчера и сегодня утром, я осознал, что даже самые дерзкие фантазии временами сбываются, просто нужно терпеливо ждать и не болтать с кем попало о своих мечтах и планах.

«А теперь необходимо успокоиться, – думал я, предаваясь в порыве своих смешанных чувств мечтательным размышлениям, – нужно оглядеться вокруг, рассмотреть окружающих людей и спросить себя, рады они или озабочены моим внезапным появлением». Я ловил на себе осуждающие, полные ненависти вопросительные взгляды моих будущих коллег. Сказать честно, были и те, кто доброжелательно, с любопытством смотрел на меня, но их было крайне мало и большинство из них – не из ближайшего окружения акима. С этими прекрасными и добрыми людьми в чужой стране, с моим строптивым характером и бурным темпераментом, предстояло мне в будущем сотрудничать рука об руку, для того чтобы в короткие сроки реализовать проекты, которые должны были показать руководству страны потенциал, способности и умения нового акима Карагандинской области.

В ходе своих многочисленных встреч с акимами областей президент Назарбаев неизменно отмечал, что главным показателем их эффективной дея-

тельности отныне будет являться расширение или хотя бы сохранение рабочих мест в подведомственных им регионах. «Поэтому необходимо в короткие сроки создать благоприятные социально-экономические условия для устойчивого развития малого и среднего бизнеса, – говорил президент. – Акимы должны стать настоящими лоббистами для продвижения наших товаров на рынки единого экономического пространства. Нам нужно откинуть сырьевую составляющую экспорта, чтобы мы могли увидеть, какую неконкурентную продукцию мы производим. Таможенный союз – это своего рода толчок для того, чтобы мы вели модернизацию, чтобы делали инвестиции в следующие переделы нашей продукции, – отмечал Назарбаев в своих выступлениях. – Так исторически сложилось, – говорил он, – что главным рынком для казахстанского бизнеса была и останется, видимо, еще на долгие годы Россия, со своим высоким покупательским потенциалом». Это как раз то, что когда-то планировал реализовать Мухтар Аблязов, создавая сеть торговых центров на территории России и Украины.

Вдруг, очень похожая на джина из волшебной лампы Аладдина, молнией вырвалась оригинальная идея, которая захватила мое воображение: «Может быть, это только требование времени и я совершенно случайно оказался в нужном месте и в нужное время?» Но я интуитивно чувствовал, что судьба вновь оказалась благосклонна ко мне – она вновь предоставила мне шанс прожить свою жизнь с максимальной отдачей, исправить то, что когда-то было недоделано или сделано неверно, с ошибками. Мои видения рисовали фантастическую картину. Я мысленно представлял себе сеть предприятий малого и среднего бизнеса, созданных с моим непосредственным участием, продукция которых напрямую уходила на рынки южных регионов России. Мне представлялось, что вся эта продукция реализовывалась в торговых центрах крупных городов Юга России, принадлежавших карагандинским предпринимателям. Идея была настолько интересная и захватывающая, что я невольно вспомнил слова, сказанные мне Инесой на нашей последней встрече. «Нет, моя дорогая доченька, – в мыслях обратился я к ней, – твой папа еще не на той столбовой дороге, ведущей к глубокой старости, потому что мои мозги и по сей день работают на все сто процентов».

– Илья, – вывел меня из раздумий Абдибеков, – пообедаем вместе и заодно обсудим завтрашнюю поездку по северным районам области.

Он энергично поднялся из мягкого кожаного кресла, с улыбкой и легкой хитринкой в глазах спросил:

– Ну что, загнал я тебя в угол? Между прочим, я пристально наблюдал за тобой, – интригуяще сказал он. – Говори, о чем мечтал и от чего сверкали глаза, а с лица не сходила озорная улыбка?

– Можно потом? – единственное, что я смог ответить акиму, собираясь на свой первый совместный обед с хозяином крупнейшего региона Казахстана.

Прошла неделя, затем следующая, не было ни дня, чтобы мы вместе с акимом не выезжали в районы, где проходили встречи с другими акимами, но

темы разговоров на всех этих встречах особо не менялись. Пожалуй, наиболее главной проблемой, оживленно обсуждаемой на наших встречах, был вопрос организации малых и средних предприятий. Большинство районных акимов единодушно соглашались и не стеснялись откровенно льстивых заявлений. «Да, конечно, мы понимаем важность этой проблемы», – говорили они и твердо обещали, что в течение месяца план по созданию новых предприятий малого и среднего бизнеса будет неукоснительно выполнен. Они все как один полагали, даже считали аксиомой, что эта очередная волна лозунгов и призывов вскоре сойдет на нет. Все в конечном итоге заканчивалось дружеским застольем, за которым обсуждались последние новости столицы.

Как-то, возвращаясь в Караганду из Сарани – типичного шахтерского города, где мужчины добывали каменный уголь, а их жены со страхом ожидали их благополучного возвращения домой, мне представился удобный случай начать свою игру.

– Знаете, Нурмухамбет Канапиевич, – начал я непринужденно свой разговор, – когда-то в Сарани была знаменитая на всю область швейная фабрика, на которой работали свыше 300 женщин. Между прочим, я бывал на этой фабрике. Сегодня там гуляет вольный ветер, да и местные бомжи нашли себе безопасный приют. – Надо было заинтриговать акима, чтобы он начал хотя бы диалог и захотел обсудить эту проблему. Я знал, что аким всегда и с большим интересом слушал мои короткие истории из реальной жизни, и на этот раз я плавно направил разговор в нужное русло. – Можно расскажу вам одну историю? – неожиданно предложил я акиму, поудобнее устраиваясь рядом с ним на заднем сидении автомобиля.

Он молчал. «Наверно, устал», – подумал я, но через минуту аким кивнул, прикрыв глаза. Чуть погодя он удивленно спросил:

– Что, история уже закончилась? Не переживай, я слушаю тебя очень даже внимательно, рассказывай, – сказал он, чуть приоткрыв глаза.

– Однажды, – начал я, сразу перейдя к сути своего повествования, – мне поступило приглашение на участие в инвестиционном форуме, который проходил в Атырау. В дороге я с неуемным любопытством наблюдал, как перегруженные турецкие фуры медленно шли по направлению своей родины. Ну ладно, думал я, турки широким потоком поставляют в Среднюю Азию различное оборудование и текстильную продукцию, а что, черт возьми, они вывозят из этих республик? Изучающе разглядывая названия организаций, написанные на борту фур, я задавал себе все новые и новые вопросы. На подъезде к Атырау я увидел, как одна фура улетела в кювет и опрокинулась набок. Вокруг валялись тысячи бобин с хлопчатобумажной пряжей...

Абдибеков открыл глаза – он в упор вопросительно взглянул на меня и безо всякого интереса спросил:

– Ну и что? Такое часто происходит на наших дорогах.

– Подобрал две бобины, мы поехали дальше на Атырау, – спокойно, не обращая внимания на его ироническое замечание, продолжал я свой рассказ: – На встрече с Измухамбетовым, акимом Атырауской области, я положил ему на стол эти бобины с пряжей... «Ну и что?» – спросил он меня точно так, как вы спросили меня буквально минуту назад. «Представьте себе, – рассказывал я Измухамбетову, – турки закупают пряжу в Узбекистане, затем везут их фурами за тысячи километров в Турцию, там у себя из этой пряжи ткют ткани, а из тканей производят продукцию и продают ее в элитных магазинах Астаны, Алматы и Атырау. Они на каждом переделе имеют солидные доходы, а сколько людей задействовано в этом процессе, просто не счесть».

– И чем все это закончилось? – спросил меня Абдибеков уже с нескрываемым интересом.

Я задумался, затем все же сказал:

– Измухамбетов не понял меня, хотя все было так явно. Он нефтяник, поэтому считал, что только нефтяной бизнес может быть наиболее привлекательным в настоящее время, хотя индустрия моды и розничной торговли, согласно данным Forbes, породила самое большое количество миллиардеров в мире. Подумайте, – со свойственным моему взрывному характеру жаром, пылко сказал я акиму, – в Сарани есть все: великолепные помещения, готовые хоть завтра принять сотни работников, профессиональные швеи сидят по домам, они в любой момент готовы выйти на работу, есть высококачественное сырье, вокруг миллионы гектаров хлопковых полей и десятки предприятий, производящих ткани и пряжу, и все это прямо из-под носа казахов вывозится прямым в далекую Турцию. Нужно только одно – поднять задницу с дивана и начать активно действовать, и мы в течение нескольких месяцев получим не менее пятисот новых рабочих мест только в одной Сарани. Помните, в Актобе вы посоветовали мне встретиться с Холодзинским, – напомнил я акиму нашу совместную работу в Актюбинской области, – так вот, он показал мне огромные производственные цеха, в которых сиротливо расположились два десятка неработающих и очень дефицитных и дорогих вязальных машин чешского производства.

– Ну и что? – безразлично, словно это было не в сфере его интересов, отреагировал аким. – У нас в Казахстане десятки швейных предприятий закрыты или работают вполсилы. Вот, например, в Темиртау индусы открыли швейную фабрику, они производят рабочую одежду для рабочих «АрселорМитталТемиртау», хотя для расширения их деятельности им добавочно переданы тысячи квадратных метров площадей. Но они пока не спешат выполнять свои обязательства по приему новых работников. Кстати, – сказал аким, выйдя из машины, – на следующей неделе у меня встреча с генеральным директором завода, я возьму тебя с собой, готовься и заодно посетишь швейную фабрику в Темиртау.

Планируемая встреча с генеральным директором одной из крупнейших в мире металлургических компаний совместно с акимом подтвердила мой

неоспоримый авторитет среди ведущих сотрудников администрации области. Многие из них не имели права, по протоколу, принимать участие во встречах такого высокого уровня, и поэтому я чувствовал возрастающий антагонизм по отношению к себе, хотя я сам, своими действиями старался не проявлять свое усиливающееся влияние.

Аким доверял мне и во всем поддерживал, и вот однажды, когда я в очередной раз больше времени задержался у него в кабинете, один из заместителей акима недоброжелательно заметил: «Илья, ты заходишь на 10 минут к шефу, а задерживаешься там на целый час, надо понимать, что кроме тебя здесь работают и другие люди». Это был первый звоночек приближающейся проблемы, на которую я тогда не обратил должного внимания.

«Самое главное, – думал я, – не переоценить свой потенциал и личную значимость. Важно не позволить себе проявить высокомерный подход к своим коллегам, чтобы из доброжелателей не превратить их в противников». Я приехал работать, и работал как умел, а на фоне бездействия некоторых чиновников становился сверхактивным работником, который хочет, как им казалось, выслужиться, что, в свою очередь, вызывало жгучую ревность и зависть окружающих меня коллег.

Абдибеков, представляя меня генеральному директору завода, начал с того, что я израильтянин и являюсь его советником, занимаюсь вопросами организации малого и среднего бизнеса в регионе.

– О, это правильное решение! – отреагировал генеральный директор. – У нас в Индии работают много первоклассных специалистов из Израиля, мы очень довольны их работой в нашей стране.

– У меня просьба, – обратился вежливо аким к своему важному собеседнику, – мы задумали реанимировать швейную фабрику в Сарани, где некогда работали жены ваших шахтеров, но сейчас вынуждены оставаться дома из-за закрытия фабрики, что не позволяет им поддерживать семейный бюджет на должном уровне. Я бы не хотел сейчас сравнивать социально-экономическую ситуацию в Сарани с положением семей нефтяников в Жанаозене. Вам, конечно, известно, чем закончилась эта трагедия, поэтому мы должны совместно с вами сделать все, чтобы жены шахтеров в Сарани начали работать. С вашими представителями неоднократно обсуждался вопрос об увеличении работников на вашей швейной фабрике в Темиртау. Под это соглашение переданы вам значительные площади, а воз и ныне там, – напомнил аким генеральному директору заключительную цитату из басни Крылова «Лебедь, щука и рак». Тот вопросительно взглянул на акима, поэтому последнему пришлось вкратце рассказать суть этой басни: – Это когда действующие лица тянут воз в разные стороны, пытаясь сдвинуть его с места, но он остается неподвижен. У меня просьба, – вежливо попросил аким, – надо Ильясфу организовать визит на вашу фабрику, пока мы с вами будем обсуждать наши вопросы.

Генеральный директор перекинулся несколькими фразами с помощником, который на ломаном русском языке очень вежливо сказал: «Уважаемый господин Ильясаф, я готов сопровождать вас».

Медленно прохаживаясь по просторным и первоклассно оборудованным цехам, я обратил внимание на тысячи квадратных метров пустых площадей. Подметив мой вопросительный взгляд, директор фабрики сказал:

– Мы были бы очень рады нарастить производство, только некуда девать готовую продукцию

Позже, когда наше общение перешло в неформальное русло, за чашкой хорошо приготовленного индийского чая директор живо поинтересовался у меня:

– Ильясаф, откуда вам известны тонкости швейного бизнеса?

Когда я ему рассказал, что в свое время имел прямое отношение к швейному бизнесу и даже построил в Кульсарах, что на западе Казахстана, фабрику на 250 посадочных мест, его интерес ко мне резко возрос.

– Что произошло, почему бросили швейный бизнес? – спросил он меня удивленно.

– Китайская продукция оказалась намного дешевле, чем наша, даже с учетом транспортных и таможенных расходов, – ответил я незамедлительно, восхищаясь вкусовыми качествами чая. – Но это не главное, мы, конечно, могли бы конкурировать с китайцами, но хлопчатобумажный комбинат в городе Камышине, который был одним из крупнейших предприятий на постсоветском пространстве и перерабатывал ежегодно свыше 100 000 тонн хлопка, вот из-за отсутствия этого самого хлопка комбинат резко сократил производство тканей. Хлопок-то был, но за него уже надо было платить живые деньги и по мировым ценам. К тому же в Узбекистане и Туркмении началось строительство десятков небольших фабрик, которые производили отвечающие высоким стандартам качества трикотажную и текстильную продукцию.

Я коротко рассказал директору о тонкостях коммерческих связей покупателей узбекского хлопка и пряжи, которые позволяли избежать бойкота на хлопковую продукцию из Узбекистана. Санкции были введены из-за принудительного использования детского труда на хлопковых полях.

– Мне совершенно непонятно, почему, имея колоссальные возможности, вы не расширяете производство? – произнес я с неподдельным удивлением, бросив вопрошающий взгляд на директора фабрики. – У вас уникальный экспортный потенциал, для того чтобы успешно выйти на российский рынок. – Воодушевленный успехом своего визита, я чувствовал себя энергичным в течение всей нашей встречи. – Представьте себе, продолжал я свой монолог, – ежегодно российский рынок потребляет товаров легкой промышленности на 100 миллиардов долларов, и только 20 % этого рынка закрывают местные компании, а остальное, ну почти остальное, китайские производители. – Я намеренно перевел разговор на китайскую экспансию товаров легкой промышленности на

российские рынки, потому что буквально пару дней назад прочитал интересную статью о жестокой схватке китайских и индийских производителей товаров легкой промышленности на международных рынках. – У вас профессиональная команда, хорошие мастера швейного производства, стоит вам только свистнуть, как у вашего порога соберется толпа желающих устроиться к вам на работу. Ваша продукция, включая рабочую одежду, будет востребована в России, и, что самое важное, вы избежите таможенных пошлин. Но самое интересное в том, что все основные ресурсы, начиная с тканей и необходимой бижутерии, вы можете закупать у своих компаний в Индии, оставляя основную часть прибыли у себя на родине. Что касается реализации продукции в России, я помогу вам в этом, – уверенно сказал я, направляясь к выходу.

Мы обнялись, словно после долгой разлуки невзначай встретились друзья детства, но вынуждены расстаться, не успев вволю насладиться общением друг с другом.

– Тебя, Ильясф, сам Бог прислал мне, – прощаясь, с надеждой на новую встречу произнес он, и после этих слов лицо его стало грустным, а в глазах пропал задорный огонек. – Мои друзья в Индии и Бангладеш давно просят меня найти выход на российский рынок, а ты сейчас уедешь и навряд ли мы с тобой еще раз когда-нибудь встретимся. Но я буду очень рад, – сказал он вполголоса, – если ты примешь мое приглашение посетить Индию.

Мы подъехали на завод, когда в кабинете генерального директора уже вовсю готовились к организации чайного стола.

– Отлично, вовремя ты подъехал, – сказал аким, довольный итогами своего визита.

Директор фабрики, докладывая генеральному директору о результатах моего посещения, то и дело смотрел в мою сторону. Уже прощаясь, генеральный директор сделал важное заявление акиму, которое подняло мой авторитет в его глазах на небывалую высоту:

– Нурмухамбет Канапиевич, наши специалисты готовы обсудить вопросы, связанные с расширением фабрики в Темиртау, если ваш советник примет в них непосредственное участие.

Мы возвращались в Караганду в полной тишине, единственное, что сказал аким, это было слово «молодец».

Стремясь закрепить шумный успех первых месяцев работы, я, суетливый, самодовольный глупец, думал, что все вокруг должны уважать и любить меня из-за моей нарастающей активной деятельности, направленной на всемерное улучшение повседневной жизни жителей области. Но я, зрелый человек, даже представить не мог, каково это – постоянно быть на виду у ревностных и завистливых коллег. И как я, доживший до седых волос, многое испытавший в своей жизни, умудрился так мало узнать об истинном многообразии реальной жизни? Одно дело читать и перечитывать «48 законов власти», подыскивая в

этой книге подходящий закон, который поможет правильно выстроить отношения с коллегами и друзьями, другое дело – умело пользоваться этими законами, потому что время требовало оперативных действий и надо было принимать быстрые решения, на обдумывание которых не было достаточного времени. Аким доверял мне и проявлял ко мне уважение – я чувствовал непоколебимую уверенность в своих действиях. Все это вкупе с творческой силой разума позволяло мне без страха встречаться с серьезными и уважаемыми людьми, на которых я успешно зашивал интересы области – и мне доверяли. Мое приглашение к руководителям Фонда развития Юга России и холдинга «Кубань» не осталось без должного внимания. Обе эти структуры принадлежали Дерипаске, и он дал добро большой делегации посетить Карагандинскую область. Не буду долго рассказывать о всех перипетиях этого успешного визита, но на одном событии, которое впоследствии поставит жирный крест на моем дальнейшем пребывании в Карагандинской области и кардинально изменит всю мою последующую жизнь, я все-таки остановлюсь.

В приемной акима, где мы вместе с делегацией Краснодарского края ожидали встречу, кто-то сзади мягко положил свою руку мне на плечо, я обернулся – передо мной стоял худощавый, невысокого роста мужчина с живыми пронзительными глазами.

– Наслышан о твоих успехах, – просто сказал он, обращаясь ко мне, и без приглашения стремительно вошел в кабинет акима.

– Кто он? – удивленно спросил я секретаршу.

– Ерлан Нигматулин, – коротко ответила она, подняв трубку прямого телефона с акимом. – Ильясаф, проходите, аким вас ожидает.

Двухчасовая встреча прошла на высоком уровне! Даже лучше, чем я ожидал. Аким был в ударе, смеялся, шутил и вспоминал прошлое, но в самый разгар встречи предложил гостям посетить хоккейный матч местной команды, который должен был состояться на днях.

– Как ты думаешь, сможем достойно принять наших гостей? – обратился он вежливо к Ерлану, сидевшему по правую руку от него.

– О, да! Конечно, мы будем очень рады, – сказал он в ответ и попрощался, сославшись на важные срочные дела, и так же стремительно удалился из кабинета.

На встрече были рассмотрены разные варианты расширения торговых отношений Юга России с Карагандинской областью, но главный вопрос – «сахар с Кубани на мясо из Казахстана» – стоял особняком. Эта встреча была важна и лично для меня. Я знал, что Юра Рябченюк, руководитель делегации, в своем докладе Дерипаске о результатах поездки в Караганду обязательно укажет и меня. «Неисповедимы пути Господни» – главный смысл этого крылатого библейского выражения, заключающийся в непредсказуемости жизни и невозможности предвидеть все повороты судьбы, я неоднократно испытывал на своей собственной шкуре.

Аким предупредил меня о желании Ерлана пригласить нас на ужин.

– Я надеюсь, – сказал он, прощаясь, – что ты справишься и сможешь достойно принять наших гостей.

Наша жизнь – сплошные повторы: подобное событие и напутствие, словно удивительно схожая копия, произошли однажды в моем далеком прошлом, но только тогда губернатор Волгоградской области, обращаясь ко мне, сказал: «Илья, все должно быть сделано на высоком уровне. Просто будь по-кавказски гостеприимным человеком».

У нас в Волгограде проходил ответный визит официальной делегации из Дагестана. Губернатор поручил мне сопровождать наших гостей, надеясь на то, что я успешно справлюсь с этой задачей. Ресторан «Ночной Париж» располагался в подвале драматического театра и был самым популярным среди посетителей-меломанов на то время. Поэтому я принял решение совместить культурное мероприятие с ужином в экзотическом ресторане города, где танцевали полуголые девицы. Я часто приводил сюда официальных гостей администрации области. Менеджеры ресторана знали меня, советника губернатора по ВЭС, как говорят, в лицо и всегда стремились максимально лучшим образом удовлетворить мои пожелания. Мы целой компанией, в хорошем настроении после просмотренного спектакля ввалились в шумный, полупьяный, ночной ресторан. Посетители ресторана, чтобы расслышать друг друга, должны были прислониться к уху собеседника.

Первый тост за гостей. Второй тост за хозяев поднял руководитель дагестанской делегации, и он тут же попросил меня спеть в их честь на сцене.

«Да, мне только этого и не хватает», – подумал я, но когда в ход пошли запрещенные приемы типа «если ты уважаешь своих земляков, ты обязательно споешь нам», трудно было устоять перед таким напором кавказцев.

Я оглянулся, мельком посмотрел в зал и пришел в ужас. Вот этого в моей даже самой развернутой программе не было предусмотрено. А мозги лихорадочно искали решение неожиданно возникшей проблемы. Давно уже известно, что в экстремальных ситуациях мозг концентрирует свои возможности и всегда выдает оптимальное решение. Не зря же психологи советуют почаще смотреть фильмы ужасов. Короче говоря, я встал и решительно направился к сцене. Уже находясь на сцене с микрофоном в руках, глядя на эту шумную, веселую толпу пьющих и жующих людей, я понял, что погорячился. Кроме того, прямо напротив сцены, в двух шагах от меня, стоял огромный стол с обильно расставленными закусками и напитками. По краям на стульях уже лежали молодые люди, а между ними восседали две хорошенькие девушки, которые с удивлением смотрели на меня.

– Друзья, – робко произнес я, обратившись в зал, – хочу прочитать стихи в честь наших гостей из Дагестана.

– Ты что, земляк, на азербайджанском языке будешь читать нам свои стихи? – громко, на весь зал произнес один из парней, который, с трудом открыв глаза, с интересом взглянул на меня.

– Нет, на русском, – очень спокойно, но достаточно решительно ответил я.

Наша перепалка заинтересовала посетителей ресторана, и на мгновение в зале воцарилась мертвая тишина: все ожидали продолжения бурной дискуссии, рассчитывая на жаркие баталии между нами.

«Удачный момент начать выступление», – подумал я, к тому же девушка, которая сидела буквально перед моими глазами, с жадным любопытством и нескрываемым интересом разглядывала меня. Ее красивые нежно-голубые глаза горели страстным желанием, и в дальнейшем во время моего получасового выступления на сцене ночного ресторана я их не отпускал от себя. Она стала моим единственным молчаливым и благодарным слушателем в тот вечер в ресторане «Ночной Париж».

Я имел оглушительный успех, даже получил от руководства ресторана предложение проводить у них еженедельно вечера восточной поэзии и прозы. Но девушку, которая глаза в глаза поддержала меня тогда, я уже никогда не встречал. А сейчас, сидя в огромном, сверкающем золотом, полупустом зале одного из лучших ресторанов Караганды, я с любопытством наблюдал за тем, как официанты изо всех сил старались удовлетворить любое желание своенравного, капризного гостя. Ерлан своими выверенными действиями показывал нам, кто здесь настоящий хозяин. Скажу вам честно, он добился своего, мы с Юрой были поражены его энергичностью, страстью и решительностью действий. Ерлан в тот вечер устроил нам походы еще по нескольким ресторанам города, и везде нас встречали очень вежливо и учтиво, а самым удивительным было то, что, покидая тот или иной ресторан, Ерлан нигде не расплачивался. Конечно, он просил, порой даже требовал счет, просто рестораторы, прикладывая обе руки к груди, тонко и проникновенно говорили: «Как это возможно, Нурике?»

Прощаясь, Юра обнадеживающе сказал мне: «Илья, постараюсь организовать встречу Абдибекова с губернатором Краснодарского края и Дерипаской». Он сдержал свое обещание довольно неожиданным для нас образом. На имя акима поступило официальное приглашение от члена Совета Федерации Федерального Собрания России, президента агропромышленного комплекса Кубани Е.В. Громыко посетить в качестве почетного гостя Международную агропромышленную выставку «ЮГАГРО-2014». В кулуарах выставки планировались ряд встреч, в том числе с губернатором Краснодарского края, и совместный обед с премьер-министром России в родовом поместье Дерипаски. Абдибеков был в восторге, были согласованы все мероприятия с принимающей стороной, и мы начали активную подготовку к полету, даже был зафрахтован самолет. Но в самый последний момент Абдибекову запретили вылет за пределы Казахстана. «Кто может запретить акиму крупнейшего региона страны, остро нуждающегося в дешевой сельскохозяйственной продукции и продуктах питания, посетить аграрную выставку в дружественной стране?» – гневно возмущаясь, спрашивал я Абдибекова в частных беседах. А он, взметнув свой взгляд вверх, только и делал, что разводил руки по сторонам.

Радостная эйфория честолюбивых мечтаний закончилась в один миг. Тогда зачем я здесь, если вся моя бурная деятельность идет коту под хвост? Как мне продолжать активно работать на акима, который несамостоятелен в своих действиях и зависит от чужой воли? Ведь он так и не решил ни одной моей проблемы: я до сих пор проживаю в гостинице, все бы ничего, но за проживание я расплачиваюсь со своего оскудевшего кармана, не говоря о том, что до сих пор я не был официально пристроен. Да и этот козел, один из заместителей акима, вконец испортил мне настроение, когда нахально, с затаенным злорадством бросил: «Не парься, мы твоего шефа скоро уберем». Было явно видно, что в администрации области возникли непримиримые противоречия между отдельными группами специалистов и акимом. Иначе, как можно было понять и оценить нетактичное и неуважительное поведение заместителей акима, которые позволяли себе громкие шуточные разговоры во время совещаний, которые он проводил. Причем все это делалось нахально и намеренно, словно специально, для всеобщего обозрения ведущих специалистов администрации, присутствующих там. Я на миг представил себе такое при Мусине или Кушербаеве, – уверен, что эти говорливые работник и часа не удержались бы на своих местах.

«Не обманывай себя, – мысленно говорил я с горечью самому себе, – Абдибеков не тот, за кого ты его принимаешь, он слаб и совершенно неспособен эффективно управлять крупным регионом. Надо валить отсюда и поскорей, чтобы разочарование целиком и полностью не захватило мое сознание и душу», – беспокойно размышлял я, мысленно представляя себе, как это лучше сделать, чтобы никоим образом не ущемить самолюбие акима.

Вдруг, ни с того ни с сего зазвонил мой мобильный телефон. «Какого черта в семь утра названивать?» – хотел я было в пылу своего плохого настроения выругаться матом, но приятный голос секретаря акима привел меня в чувство. Она сообщила мне, что мы летим в Жезказган и что я должен быть готов через полчаса выйти из гостиницы – меня будет ожидать машина.

Аким пригласил меня в зону отдыха внутри самолета, а в заднем отсеке уже сидели его заместители и несколько руководителей отделов администраций.

– Это не очень хорошая идея, – сказал я акиму, – мне лучше сесть рядом с парнями, там, за перегородкой.

– Нет, сиди рядом со мной, мне кое-что надо с тобой обсудить.

Мы посетили несколько компаний, добывающих золото и медь, и я впервые увидел, как израильская система капельного орошения с более эффективными капельницами и максимальной перколяцией резко увеличивают добычу золота и меди. А я-то думал, что капельное орошение применяют исключительно в сельском хозяйстве. Улетая обратно в Караганду, аким сказал, что мне придется на следующей неделе возвратиться в Жезказган, для того чтобы подписать кое-какие бумаги.

– Я договорился насчет тебя в частной медной компании, они официально примут тебя на работу.

Мы не успели подготовиться к выходу, как рядышком пристроился такой же частный самолет, из которого вышел Ерлан Нигматулин.

– О, парни! Я только, когда приехал в аэропорт Жезказгана, узнал, что вы тоже были там. Нурике, – обратился он к акиму, – сегодня хоккей, придешь?

– Нет, – сказал он, – может, Илья захочет, пригласи его.

– Нет проблем, все равно тебе нечего делать по вечерам, – обратился Ерлан ко мне, – приезжай, хочешь я пришлю за тобой машину?

В VIP-зале хоккейного дворца, в спокойной обстановке, вдали от глаз болельщиков, за большим круглым столом сидели руководители крупнейших компаний города и областные начальники. Ерлан, низко опустив голову к тарелке, доедал свой суп. Увидев меня, он еле уловимым кивком головы указал мне на место напротив себя. Я уже успел осмотреться вокруг и обнаружил, к своему нескрываемому удивлению, что в основном все заместители акима сидели кто по правую, кто по левую руку от него. То и дело к нему подходили начальники отделов и управлений администрации области, что-то шептали ему на ухо, а Ерлан, не подымая головы от тарелки, внимательно выслушивал их.

«Ого, вот это да! – подумал я. – Парни устроили вечернее заседание администрации области. Ну и черт с ними!» – старался я не обращать внимания на предательское поведение противных моему духу чиновников. Слева от меня сидел глава угольного департамента АО «АрселорМиттал Темиртау», с которым у меня сложились довольно дружеские отношения, а справа – аким Караганды, приятнейший молодой человек.

Ерлан, обратив внимание на мой вопрошающий, удивленный взгляд, каким я окинул его соседей, спросил меня жестко, зло и недвусмысленно:

– Илья, ты пришел сюда ради встречи со мной или как?

Можно было не напрягаясь догадаться, откуда ветер дует. «Это результат моего уединения в самолете с акимом области во время нашего полета в Жезказган», – размышлял я лихорадочно. Но вопрос стоял ребром, и мне надо было что-то отвечать, потому что Ерлан в упор смотрел на меня, ожидая ответа. За столом воцарилась мертвая тишина: все понимали, что Ерлан таким образом решил избавиться от меня. Конечно, я не мог противостоять всеильному клану Нигматулиных в Караганде: в то время его родной брат был главой администрации президента Казахстана. Скажу «да» – об этом завтра узнает аким и его реакция может быть непредсказуема, скажу «нет» – я должен буду поскорее свалить из Караганды.

– Я пришел ради хоккея, с некоторых пор я полюбил эту прекрасную игру, – ответил я нахально, взглянув прямо в его глаза. – Что касается вопроса, ради кого я в Караганде, то это ради моего шефа.

– А кто твой шеф? – провокационно спросил меня Ерлан.

– Мой шеф – Абдибеков, – пошел я уже вразнос.

– Запомни раз и навсегда, – дерзко произнес он, – у нас в Казахстане один шеф – это президент Назарбаев.

Ерлан встал из-за стола, попрощался со всеми за руку, но моя протянутая рука осталась висеть в воздухе. Сославшись на усталость, он ушел, испортив мне настроение, я уже не хотел наблюдать за хоккеем.

В этот вечер я спал беспокойным сном, но вновь ранним утром у меня зазвонил телефон – снова на проводе была секретарша акима.

– Ильясаф, – сказала она мягко и дружелюбно, – тебя ждет аким, приезжайте по возможности поскорее, пожалуйста.

«Неужели снова куда-то летим?» – подумал я, чувствуя в самой глубине души, что произошло что-то неладное.

Аким был темнее черного, злой и непредсказуемый в своих высказываниях:

– Почему ты несешь всякую чушь, распространяя всякую блажь, что ты чуть ли не управляешь моими действиями в администрации? Мы должны расстаться с тобой, возврати удостоверение и на этом мы закончим наше сотрудничество.

Все шаги по направлению к выходу из его кабинета я чувствовал его взгляд. Каким он был, я не мог оценить, мне уже было все равно. Спустя несколько лет мы вновь случайно встретились, но уже с безработным Абдибековым. Прощаясь, он так, между делом, сказал мне, что был звонок из администрации президента, который требовал расторгнуть со мной отношения.

Глава 28

«Чем больше связей, тем больше шансов добиться успеха», – писал Джеффри Гитомер в своей «Маленькой черной книге о связях». «Не имей сто рублей, а имей сто друзей» – гласит русская пословица. Трудно поспорить с этими утверждениями, но как по максимуму обзавестись полезными связями и настоящими друзьями, которые пригодятся в работе и в жизни? Какие правила и действия нужно соблюдать, чтобы научиться молчать? Ведь как ни банально это звучит, но даже сегодня молчание остается золотом, а слово – серебром. Как оказаться в нужное время в нужном месте и в нужной компании, чтобы поймать свое счастье за хвост и уже никогда, ни при каких обстоятельствах не расставаться с госпожой удачей? Что со мной не так и почему я снова в беспросветном тупике? Черт меня возьми, если я хоть что-то понимаю! Господи, что я натворил вчера этакое смутное и непостижимое? Почему, если Ты такой

крутой, что можешь контролировать все и вся в земной жизни, не остановил меня, а позволил углубиться в дремучий враждебный мир людских страстей и устремлений?

Находясь в глубоком раздумье весь остаток минувшего дня, я постепенно погружался в пучину вчерашних событий.

«По-моему, я слетел с катушек», – продолжал я глубокомысленно размышлять, разбирая по отдельности всю историю наших взаимоотношений с Ерланом и каждое слово вчерашнего разговора. А ведь все так классно начиналось. Ерлан ценил и уважал мою готовность трудиться много и плодотворно, потому что сам каждый божий день работал не покладая рук. Я, возгордившийся чужак, не задумываясь о последствиях, своим дерзким ответом унизил Ерлана перед всей его командой. Узвненное самолюбие не прощается людьми, обладающими безраздельной властью. Слава богу, что мне дали возможность без неприятных происшествий убраться восвояси. Ведь я сам при осознанной необходимости вправить мозги молодым цитировал Саади: «Коль нужно говорить, и мудреца не бойся, но будь всегда учтив и зря не молви слово». Порой становится поздно говорить себе: «Остановись, не в ту степь тебя понесло», чтобы можно было исправить то, что уже сказано. Есть вещи, которых уже не изменишь, сказанные слова останутся сказанными, их последствия уже прошлое и их изменить никак нельзя. Ладно Ерлан, я могу его понять – он родной брат всесильного руководителя администрации президента Казахстана, без прямого согласования с которым даже районные акимы в регионах не назначались. Но почему Абдибеков, которому я безгранично доверял, на которого работал на полную катушку, просто, без боя сдал меня, надежного члена своей команды, – ума не приложу.

Вглядываясь сквозь толстое стекло иллюминатора в бескрайнюю звездную бездну, где Владыка Земли на золотом троне творит свой суд, я надеялся, что и в этот год Господь будет благосклонен к моей судьбе. Еще в далекой юности в своих воображаемых фантастических полетах я многократно встречался с Богом и мы всегда душевно беседовали между собой, но я никогда ничего не просил у него, кроме советов. И сейчас, пытаясь мысленно сквозь бесконечное космическое пространство донести до Бога свои заботы, я просил его лишь об одном – поговорить со мной: «Господи! Я вновь пред Тобою, мне снова есть, что сказать тебе, но сейчас я не уверен, готов ли ты выслушать меня, понять и простить за поспешные решения, за бесчисленное количество глупых, непоправимых ошибок, допущенных мною за столь короткое время».

Я снова и снова вспоминал то, что произошло, и вдруг откуда не возьмись, совершенно неожиданно, как обыкновенно происходит в нашей суетной жизни, появляется надежда – я слышу вновь давно забытый, но до боли знакомый голос: «Это не конец, это еще один шаг к твоей конечной цели, но помни: время бесценный друг, но время и заклятый враг. Оно не прощает, когда к нему поворачиваются спиной».

Я еще долго раздумывал над мудреными, ободряющими словами, которые легко и свободно проникали в сознание, словно их там давно ожидали, для того чтобы успокоить мою истерзанную, опустошенную душу. Незаметно для самого себя я впервые за долгое время безмятежно уснул. Мне снился вещий сон, как будто я в бескрайних просторах вселенной искал свою звезду среди миллиарда звезд, которая указала бы мне прямую и самую короткую дорогу к счастью.

«Нет такой звезды, ты зря потратишь время на бесплодные поиски, – безмолвно сказал мой внутренний голос. – Дорога к счастью не бывает прямой, короткой и ровной. На ее непредсказуемом извилистом пути, полном разнообразными событиями – радостными и печальными, драматическими и трагическими, важно не отступить и не сойти с дистанции, потому что счастье – это само движение, главное – не тормозить на пути к своей цели».

Проснулся я в шесть часов утра, когда за бортом уже вовсю синело небо, а из-за горизонта медленно поднималось ярко-желтое солнце. В салоне самолета оживленно суетились пассажиры. Уставшие от ночного перелета, но еще сонные, они пытались поудобнее устроиться на своих местах, готовясь к завтраку. Что такое эмоциональное приснилось мне? С трудом я пытался вспомнить сон, затронувший меня так сильно, что я никак не мог обрести душевного равновесия, в котором остро нуждался последнее время.

«Этот сон с продолжением, – подумал я, – вот почему он запомнился мне во всех деталях и поразил меня ярким, вдохновенным диалогом с моим внутренним голосом».

Насколько универсален и эффективен головной мозг. Откинувшись на спинку кресла, я продолжал свои размышления в одиночестве. Даже во сне разум ведет активную работу, в ходе которой четко выполняет высшую психическую миссию и мыслительный процесс, определяющий познавательную деятельность человека, его способность выявлять и связывать понятия и образы и пути их применения: задаем себе вопросы и отвечаем, шутим и смеемся, обвиняем себя и оправдываемся. Вот и сейчас мой мозг экспромтом пишет текст оригинального, хорошо проработанного сценария моего сновидения. Этакая драматическая история, основанная на реальных событиях. Если в двух словах, сюжет сценария не так прост, несмотря на то что состоит всего из одной сцены, в которой мой мозг, сценарист, постановщик, режиссер, проявив чудеса фантазии, посадил меня и членов моей семьи за один общий субботний стол, открыл меню «Пуск», содержащее все приложения и файлы моей прошлой жизни, вмиг нашел то, что хотел показать, щелчком включил «Продолжить просмотр», и я погрузился в вещий сон. Моя семья снова вместе – надо ли объяснять смысл пословицы «Когда семья вместе, так и душа на месте»? Вот и я – самый счастливый человек на свете, потому что рядом со мной мои дети, внуки и даже моя бывшая жена, сидим, как в прежние времена, вместе за

субботним столом. Увидев их всех веселыми и жизнерадостными, я успокоился, однако был крайне огорчен. Они говорили обо всем, но я не понимал, о чем они так дружно между собой беседовали – пустые и совершенно не значащие разговоры, чтобы только заполнить пустоту. Никто из моих детей не обращал на меня заботливого и должного внимания, словно меня не и было среди них. Я был в растерянности и не понимал, что должен был делать. Я и не думал таить обиду на столь пренебрежительное отношение ко мне. Молча поднялся и ушел, холодно простившись. Никто из моих детей не пытался удержать меня, никто из них не спросил: «Папа, ты куда уходишь?»

«Наверно, им гораздо лучше без меня, – подумал я, оказавшись на улице, – но как я смог совершить такой опрометчивый и безрассудный поступок?» Было беспокойно и тревожно на душе, как будто вот-вот должно было произойти что-то ужасное и непоправимое. Я пытался понять, почему мне приснился этот кошмарный сон. Стараясь отвлечься от дурных мыслей, я стал вспоминать, как на вопрос о том, нужно ли верить дурным снам, дал ответ Рав Реувен Куклин: «С одной стороны, сны – истина и с их помощью Творец сообщает человеку о будущем; другой стороны, сновидения ложное рассказывают. Из чего следует: сны – не истина. Но между этими различными видами снов нет противоречия. Такие сны, несомненно, являются вещими, но не стоит серьезно переживать из-за сна, ведь мы не можем знать в точности, что именно предвещает тот или иной “вещий” сон, к худу он или к добру. Талмуд говорит, что сон, который не был истолкован, не может существенно повлиять на нашу жизнь. А чтобы правильно толковать сны, требуется особый талант, которым обладают единицы.

Часто бывает, что человек видит сон, который кажется ему зловещим, а в действительности он предвещает доброе. Есть только четыре сна, которые, несомненно, предвещают дурное. Это: 1) когда человек видит горящий свиток Торы; 2) когда видит себя в Йом-кипур (Судный день) во время молитвы Неила (завершающей молитвы в этот день); 3) когда видит, что стены его дома рушатся; 4) когда видит, что зубы его выпадают. Тому, кто видит такие сны, следует поститься, чтобы “отменить” беду, которую они предвещают. Однако даже такие сны не считаются вещими, если их видят после раздумий об этом наяву. В заключение хочу добавить, – писал раввин Реувен Куклин, – что страшный сон посылают человеку с Небес для того, чтобы он задумался о своей жизни, о том, насколько верен путь, которым он идет. Поэтому, говорит Талмуд, именно праведникам посылают с Небес плохие сны, чтобы они смогли глубже задуматься о своем пути и еще больше приблизиться к Творцу. Таким образом, не стоит серьезно волноваться из-за “плохого” сна, но имеет смысл задуматься о своем пути в жизни и исправить свои дела. И тогда, с Божьей помощью, все будет хорошо, как сказано в книге Коэлет (9, 7): “Поди же, ешь в радости хлеб свой и пей с веселым сердцем вино свое, ибо уже благоволит Бог делам твоим”».

Возможно, я, как все эмоциональные люди, склонен к преувеличению непредвиденных событий. Уже третий день не могу забыть сцену из последней нашей встречи с Абдибековым. Он, взяв удостоверение из моей руки, которое еще полгода назад торжественно вручал мне в этом же кабинете, открыл его, задумался на миг, словно размышлял о чем-то очень важном и существенном, затем медленно повернулся спиной ко мне и пошел к своему рабочему столу. Я же, не дожидаясь слов прощания, повернулся и вышел из темного кабинета. Я еще подумал, когда входил к акиму, почему так темно в кабинете, что невозможно было четко различить выражение его лица. Каким оно было в момент, когда он наигранно возмущался моими действиями, унижающими его достоинство?

Говорят, время лечит, но иногда бывает так, что раны становятся лишь глубже день ото дня. Даже спустя пять лет время от времени в моем сознании возникают воспоминания, и они не слишком приятны, а ведь была уникальная возможность добиться грандиозных успехов. И к своей бывшей жене я окончательно потерял всякий интерес, хотя после развода прошло всего три года. Раньше мы общались по телефону и даже по скайпу, а сегодня, видимо, уже невозможно восстановить прежние отношения, все связи, которые мы пытались еще сохранить, безвозвратно потеряны. Что она от меня хочет – мне совершенно непонятно, своими мелкими капризами и требованиями выводит меня из равновесия, и мне приходится тратить очень много сил и нервов на то, чтобы не поддаться ее настроению. Что произошло, я ведь безумно был влюблен и готов был на все ради нее, да и наши дети объединяли нас в единую семью. Но когда все началось рушиться, когда я перестал ее ценить и ревновать? Этого я не могу объяснить даже самому себе. Неужели мужчины, которые запросто женятся второй, третий и даже четвертый раз, влюбляются настолько сильно, что запросто создают новую семью и живут себе преспокойно да и в ус не дуют? Мой близкий знакомый оставил жену с двумя взрослыми детьми. Он женился на молодой женщине, которая родила ему двойню. Но он опять развелся, правда не по своей инициативе, заново завел классную женщину, с которой жили одной семьей и... снова разбежались. Я не готов к такой жизни, хотя каждый раз прошу Бога, чтобы он дал мне сыночка. Но это вряд ли уже возможно, хотя, кто знает, ведь пути Господни неисповедимы, может быть, сам Господь Бог припас для меня этот бесценный подарок в моей жизни...

Пожалуй, этот год приготовил для меня неприятные сюрпризы. Все пошло совсем не так, как я еще полгода назад планировал. Возникает ощущение, что одна неприятность валится за другой, за одной неудачей тянется целая вереница других, на которые я даже не могу повлиять.

«Заряженные негативом мысли, приправленные легкой паникой и потерей ориентации в общественном пространстве, могут многократно увеличить вероятность новых ошибок, провалов и неудач», – думал я, неосознанно вглядываясь в глубину ярко-синего утреннего неба.

«Говорят, что и среди бела дня можно увидеть звезды на небе, но это уже совсем другая история. Важно не опускать руки, а двигаться еще быстрее, избегая ненужной суеты, чтобы только не стоять на месте, – услышал я доброе напутствие голоса сердца. – Попробуй еще раз, постигнет неудача, начни снова, но уже более мудро». «Легко советовать: начни снова и снова, не бойся неудач и никогда не сдавайся, – впервые мысленно возразил я своему внутреннему голосу». «Стоп, стоп! – попытался голос остановить минутный порыв моего противоречивого настроения. – Мне кажется, что мы это уже однажды обсуждали, но тогда мы с тобой условились, что, несмотря ни на какие разочарования и поражения, мы вместе идем вперед, до впечатляющих головокружительных успехов. Иначе я напрасно расходуя свои силы и энергию, трачу время, подбирая нужные слова, фразы и афоризмы, для того чтобы ты нашел верный способ добиться успеха. Как говорил Уинстон Черчилль, “успех не окончателен, провал не фатален: имеет значение лишь смелость продолжить путь”. Но, как говорится, хозяин – барин, а я всего-навсего твой покорный слуга, – сказал на прощание изрядно уставший голос, но напоследок все-таки успел добавить: – Живи, как считаешь нужным, но я не могу и не хочу играть в игру, не веря в победу».

Наш самолет сделал круг, вышел на посадочную полосу, снизил скорость и выпустил шасси. «Господа, необходимо выключить во время посадки или перевести в специальный режим ваши телефоны, из-за того что его сигналы могут создать помехи системам навигации самолета», – объявила звучным, артистичным голосом стюардесса.

Несмотря ни на что, я все равно был искренне благодарен Абдибекову, ибо он в трудное время моей жизни поддержал меня, дав мне уникальную возможность обрести вновь стойкую веру в свои силы. В то же время непоколебимая вера рождает надежду, сильнейшую уверенность в ожидаемом, и ты готов идти до победного конца, даже если это, на первый взгляд, кажется совершенно фантастической идеей. Может, надо капитально задуматься над тем, чтобы более серьезно отнестись к своему хобби, возникшему почти из ничего, начать писать хотя бы короткие рассказы из слободской жизни горских евреев. Я обратил внимание, с каким повышенным интересом отреагировали читатели на мои первые беззубые рассказы, выставленные мною на портале «Проза.ру».

«Илюха, да ты что, совсем с ума сошел? У тебя просто нервный срыв, чуть успокоишься и все образуется, ты перестанешь даже думать об этой очевидной глупости и выкинешь из головы эту сентиментальную несусветную чепуху. Ишь, писатель нашелся, написал несколько рассказов, полных орфографических ошибок, и размечтался чуть ли не на получение Нобелевской премии по литературе» – с этими запутанными, забавными мыслями, рожденными в процессе разговора с самим собой, с мечтательной улыбкой на лице я терпеливо ожидал, пока пограничник пристально изучал мой паспорт на пограничном контроле.

В соседней очереди я уже давно заметил красивую женщину, которая нежно прижимала к своей груди маленькую собачку.

«Нет, она совсем не похожа на Айгуль, – подумал я и на мгновение потерял ее из виду, отозвавшись на вопрос пограничника, куда и с какой целью прилетел в Россию. Но почему-то мне очень захотелось снова увидеть ее. Я взглядом отыскал в очереди женщину с собачкой, чему был несказанно рад. – Да что, черт возьми, происходит?» – спросил я самого себя.

Пристально взглянув еще раз на молодую и весьма привлекательную женщину с собачкой, я убедился, что она совершенно не похожа на Айгуль. Но мимолетное воспоминание об этой удивительной женщине с красивым именем взбудоражило меня, нарастило и усилило неумное чувство восторга и восхищения, которое некогда я испытал, нежно и трепетно прижимая к груди случайную, фантастически обаятельную женщину, которая до сих пор тревожит меня гибкостью и упругостью своего нежного, молодого тела. Иногда такие красотки встречались в Караганде – аж дух захватывало. Хотя русские женщины традиционно считаются самыми красивыми в мире, мне кажется, что азиатки ни в чем им не уступают и тоже очень хороши.

Как-то во время званого ужина в доме моего знакомого в Караганде меня очаровала молодая женщина, которая проворно ухаживала за гостями, сидящими за большим овальным столом в самом центре зала. Хозяин дома, заметив мое изумленное внимание к женщине, которая незаметно для гостей создавала за столом особый шарм и уют, сказал мне: «Райана, супруга моего младшего сына, он вскоре присоединится к нам». Как можно передать просто словами всю неповторимую красоту казашки с ярко-голубыми глазами?! Очарованный красотой этой женщины, я решил выяснить, где, в каких местах Казахстана можно встретить таких восхитительных женщин. Как бы читая мои мысли, мой новый знакомый продолжил: «У нас в Казахстане много аулов и сел, где девушки сплошь с голубыми глазами. Многие исследователи считают, что они потомки финнов, которые некогда переселились на бескрайние просторы Казахстана». Не успел завершить хозяин дома свой монолог, как в зал вошел молодой человек. Представившись, он нежно, слегка обняв свою супругу, сказал: «У казахов заведено, что дорогих и уважаемых гостей за столом обслуживают близкие члены семьи. Я уверен, что Райана хорошо справляется со своими обязанностями». Глядя на эту молодую, прекрасную пару, я с восхищением думал, какие же красивые люди бывают на свете и какое прекрасное потомство они могут оставить в будущем.

В аэропорту Шереметьево вызвал такси, сел на заднее сиденье и поехал в отель в центре Москвы. Буквально через несколько минут зазвонил мой мобильный телефон. «Я никого не ожидаю», – недовольно пробормотал я сквозь зубы, но все же посмотрел на входящий номер.

– Слушаю, Натан Борисович, что-то случилось? – с удивлением спросил я ответственного работника Года Нисанова с обязанностями помощника по

особым поручениям. Он крайне редко звонил мне, и как я смог запомнить его голос, было действительно удивительно.

– Илья, привет, где ты сейчас? – звучным, бархатистым голосом спросил он меня и, не дождавшись ответа, продолжил: – Ты мне нужен, важное дело к тебе по просьбе Гоа Нисанова.

Не ожидая глобальных потрясений и проблем, я коротко ответил:

– Я в Москве, в такси, еду в гостиницу «Славянская».

– Ого! Здорово! Как говорят у нас, у русских, на ловца и зверь бежит.

– Ну да, конечно, ты такой же русский, как я казах, – попробовал я отшутиться, хотя осознал, что он с чем-то очень серьезным хочет обратиться ко мне, иначе не позвонил бы, рассыпаясь в любезностях.

– Илья, через час я у гостиницы, постарайся не задерживаться, по дороге в Курск все расскажу.

«Чем черт не шутит, – подумал я, – серьезные люди эти парни, возможно, совершенно случайно я найду себе новое рабочее место где-то в Москве, и это было бы даже очень здорово».

Не успел я сесть в машину, как Натан загадочно спросил:

– Ты знаешь, кто такой Пронин?

– Нет, я не знаю, а кто он такой? – ответил я вопросом на вопрос. – Если бы я заранее знал, кто он такой, я бы еще подумал, лететь ли с тобой на машине с такой скоростью в Курск.

– Да ты просто прикалываешься! – сказал Натан, недоверчиво взглянув на меня. – Пронин – глава ГУВД Москвы.

– И что? – снова коротко ответил я, обдумывая различные варианты, с чего это вдруг я понадобился начальнику полиции Москвы. А Натан все это время, не переставая, животрепещуще обсуждал по телефону различные темы, посвященные жизни и быту горских евреев Москвы.

– Все, приехали, – разглядывая через лобовое стекло автомобиля указатель поворота на Курск, Натан самодовольно улыбнулся.

Набрав номер телефона, он доложил, что мы уже на месте. «Ждите», – кто-то коротко сказал ему в ответ. Вскоре кавалькада из трех черных джипов, резко притормозив, остановилась рядом с нами. Из каждой машины вышли стоящие генералы полиции и все дружно направились в нашу сторону. Впереди всех шел высокий, здоровенный, подтянутый гигант в генеральском мундире.

«Вот такими должны быть генералы» – мелькнула у меня дельная мысль, как вдруг я услышал сильный басовитый голос.

– Кто из вас Азарьев?

– Я, господин генерал, – смело ответил я, посмотрев на него снизу вверх. Страху не было, было лишь одно неумное любопытство.

– Садись ко мне в машину, по дороге расскажу, для чего ты мне понадобился, – как будто читая мои мысли, приказал генерал.

То, что я увидел за несколько часов своего пребывания в Курской области, меня сильно впечатлило, но особенно поразил конезавод на двести племенных лошадей. Это был один из лучших конных заводов Европы. Так по крайней мере рассказывал генерал Пронин своим двум заместителям, все время пытаясь держать меня рядом собой.

«Какие неожиданные повороты судьбы и сюрпризы приготовил мне Господь Бог в этой жизни, – думал я, вспоминая, как еще пару дней назад я даже и фантазировать не мог и не предполагал, кем же в конце концов я буду в своей будущей жизни. – Где ты, мой верный и надежный друг, мой добрый, мудрый советчик, почему сейчас я не слышу твоего вкрадчивого, проникновенно голоса? Неужто обиделся на меня? Ну прости, прости меня, пожалуйста, на самом деле я всегда внимательно прислушиваюсь к твоим советам и наказам». Вот с такими грустными мыслями я шел рядом с генералом, не понимая совсем, чего ожидал от меня этот доброжелательный гигант.

– Ну что же, дорогой Илья, а теперь пойдем обедать, там за столом все и обсудим.

«Ну надо же, – подумал я, – как будто читает мои мысли – профессиональный милиционер».

Стол был накрыт в просторном зале добротного сруба из бревен хвойных пород, больше похожем на богатую крестьянскую хату; и какой только еды на нем не было: и водка, и вино, и разные заморские закуски, и жаркое, и борщ, конечно. Я вдруг вспомнил, что ничего не ел аж с самого утра, в самолете даже не дотронулся до завтрака: я в самолете вообще ничего не ем. Мы все дружно уселись за стол: генералы по одну сторону, я с Натаном по другую. Так случайно получилось, – а возможно, и намеренно, кто их знает, этих полицейских, – что я оказался прямо напротив Пронина.

Я не думал тогда, что из этого всего выйдет. Предполагал, конечно, что и эта встреча с генералом Прониным пройдет так же, как мои прежние встречи с известными на всю страну боевыми генералами Рохлиным и Лебедем. Эти люди сохранили в моей памяти лишь смутные воспоминания – тут уж ничего не поделаешь, время стирает из памяти даже самые яркие и незабываемые события. Стыдно признаться, я как-то однажды пытался вспомнить черты лица своего отца, но все было тщетно, память не возжелала подчиниться указаниям мозга.

Красный борщ ароматно дымился и манил к себе, дразнил своим запахом пирог с мясом и грибами, салат из свежих помидоров, огурцов и болгарского перца, запавленный зеленью с сыром и маслом, интригующе волновал, притягивая восточным ароматом. Я не сразу приступил к еде, хотя был очень голоден. Терпеливо ожидая ответа на вопрос, зачем я здесь, я вопросительно взглянул на Пронина.

Заметив мой недоуменный взгляд, он переглянулся с соседями, затем еще раз по-дружески взглянул на меня и произнес:

– Борщ – царь супов, к нему надо относиться с уважением, поэтому его надо есть медленно, с удовольствием, и всегда не меньше двух тарелок. Он кивком головы приказал мне приступить к еде и тут же сам принялся за дымящийся борщ.

Через несколько минут генерал поменял позу, ладонью левой руки несколько раз быстро прошелся по затылку, легким качанием головы из стороны в сторону выразил свой восторг от борща. Откинувшись на спинку кресла, он бросил на меня свой цепкий, наметанный взгляд, спокойно, не испытывая ни малейшей неловкости, невозмутимо произнес:

– Так вот, дорогой Илья, ты здесь для того, чтобы помочь лошадям, которых ты только что видел, каждый день сытно есть сочную траву и овес – это их естественное питание, каждая лошадь в сутки без вреда для здоровья съедает до 50–60 кг зеленого корма. Нужны новые, оригинальные технологии для выращивания травы и овса, в Израиле сегодня бум разведения племенных и породистых жеребцов, вот и помоги нам с этими технологиями.

Поскольку я не имел абсолютно никакого понятия ни о лошадях, ни о кормах для них, к тому же я с трудом мог отличить обыкновенную траву от овса, то в моей жизни вновь и совершенно случайно возникла критическая ситуация.

«Нет, своей смертью я точно не умру. Или генералы меня тут прикончат как афериста, или горские евреи меня морально убьют, прилепив мне прозвище “бестолковый болтун”. Что страшнее для меня, надо будет еще посмотреть, если, конечно, останусь жить и не наложу руки на самого себя. Шутки шутками, конечно, ну а если серьезно, надо без физических и моральных травм выйти из этой кризисной и почти безнадежной ситуации», – безрадостно и мучительно размышлял я, выдержав прямой, испытывающий взгляд генерала.

Кто-то из великих однажды сказал: «Все, что происходит в нашей жизни, все к лучшему». Когда-нибудь, возможно в другой жизни, я обязательно пожму ему руку. Так вот, три года назад я как-то сопровождал большую группу аграриев из Казахстана в Израиль. Специалисты одного из кибуцев, специализирующиеся на выращивании спортивных лошадей, провели двухчасовой мастер-класс для моих гостей.

«Да на кой черт мне все это нужно?» – думал я тогда. «Видимо, для этого дня», – произнес мой внутренний голос.

Экстремальные обстоятельства порождают аномальную реакцию мозга на естественные, реально доступные разуму трагические события. Передо мной вдруг со всей ясностью и очевидностью развернулись события трехлетней давности в кибуце, в котором выращивали лошадей. Я был в ударе. Легко и свободно проникая в сознание, отдельные фразы, эпизоды, цифры из той удивительной лекции на выходе превращались в хорошо подготовленный доклад о том, как эффективно и качественно выращивать лошадей. Я поразил генералов своими познаниями. Заметив их явный интерес к моему повествованию, я

плавно перешел к выращиванию овощной продукции, тут меня уже невозможно было удержать: это была моя стихия. Я закончил свое более чем двухчасовое выступление смелым заявлением:

– Товарищ генерал, – дерзко глядя прямо ему в глаза, сказал я, – мы готовы обеспечить всех полицейских Москвы качественной овощной продукцией и, заметьте, по цене, которая как минимум в два раза будет дешевле, чем на рынках Москвы.

Уже за чайным столом, выразив свою искреннюю благодарность, господин Пронин вручил мне уникальный подарок – карманные серебряные именные часы.

– Покажешь любому полицейскому в Москве, и у тебя не будет никаких проблем. Мы посоветались, – продолжал заинтересованно говорить генерал, – хотим предложить тебе возглавить нашу аграрную компанию в Ставрополе. Уже давно мы задумываемся над предложением, которое ты только что озвучил, об обеспечении наших работников свежей овощной продукцией, твоя идея нам понравилась. Тебе неделя на раздумье, согласишься – позвони. – Вручив мне свою визитную карточку, он встал из-за стола: – Да, еще хочу спросить, где ты научился так складно говорить? Тебе рассказы писать, подумай об этом.

По дороге в Москву Натан сказал мне восхищенно: «Илюха, ты поразил меня своим выступлением».

Закон Мерфи известен также как «закон подлости» – принцип, который гласит: «Если какая-то неприятность может произойти, она непременно случится». К переезду я начал готовиться уже на следующий день – как можно было отказаться от такого заманчивого предложения, которое всецело занимало мои мечты в последние несколько лет моей жизни? Даже работая в Караганде, я всю свою сознательную деятельность посвятил созданию рабочего места для себя-любимого именно где-то на Юге России. А тут без титанических, самоотверженных усилий мне, словно на блюдечке, преподнесли то, о чем я мечтал и фантазировал. Наверно, Бог все-таки любит меня, несмотря даже на то, что я иногда, – это, конечно, происходит крайне редко, – позволяю себе задавать ему нелегкие вопросы. А ведь времени после карагандинских событий, которые напрочь вывели меня из душевного равновесия, прошло всего ничего, и я снова в деле, да еще в каком.

«Это невероятно, – думал я, – как будто все, что происходит со мной в последние дни, не явь, а цветной волшебный сон».

В дорожную сумку то и дело не спеша укладываю нужные на первое время вещи. Чтобы хоть каким-то образом разнообразить этот бессознательный процесс, включаю телевизор во время новостей, словно кто-то из самой канцелярии Всевышнего приказал это сделать. Диктор спокойно зачитывал криминальные новости Москвы, и лишь тогда, когда высокий полицейский чин стал комментировать произошедший накануне вечером расстрел людей в столичном

супермаркете начальником ОВД «Царицыно», майором Денисом Евсюковым, я обратил внимание на это сообщение.

«Не может быть, – думал я, вслушиваясь в каждое слово ненавистного мне комментатора. – Денис, дорогой, что тебе я плохого сделал, что вмиг оставил меня без мечты?»

Через несколько дней глава ГУВД Москвы Пронин был отправлен в отставку.

Глава 29

«Господи! Что это было и при чем тут я? Неужели моя заветная мечта вновь оказалась лишь волшебным миражом, иллюзией, овладевшей моим сознанием, и по не зависящим от меня обстоятельствам не стала действительностью моей жизни? Вот и сейчас, в переломный момент моей судьбы, когда мечта, как в сказке, могла стать реальностью, слепая фортуна снова оказалась неблагоприятна ко мне. Ума не приложу, чего Ты хочешь от меня, зачем снова и снова, вопреки логике и здравому смыслу, испытываешь меня, переписывая опять и опять естественный ход событий и судьбу? Что мне делать: покориться, благодарить или ждать новых ударов рока? По правде говоря, я устал, подавлен, разбит, и терпение на исходе, к тому же я совсем один. Но я не теряю надежды на лучшее, потому что знаю, просто уверен в том, что состою под Твоим покровительством. Конечно, классно иметь наставником самого Бога, но сделай одолжение, поставь точку и определись, наконец, со мной, но только так, чтобы моя судьба не зависела от того, как ты расположишь звезды на небе. Я не хочу знать, какая жизнь меня ожидает в будущем, для чего я родился на свет и как закончу земную жизнь, – сохрани эту интригу, мне так даже интересней жить. Но Ты заведенным порядком запиши в Книгу Жизни ход истории моей жизни, хотя бы на этот год, закрепи эту запись своей печатью, чтобы уже никто, никогда и ни при каких обстоятельствах не пытался ее изменить».

Все мои мысли в последнее время были о Евсюкове, черт бы его побрал. Я непрестанно, и днем и ночью размышлял над тем, как человек, сам того не ведая, оказался на орбите моей судьбы. Как непоправимые, трагические события с далекоидущими последствиями, где я не был непосредственным участником, кардинально изменили весь ход дальнейшей моей жизни? Став составной частью моей судьбы, Евсюков в клочья разорвал мои мечты, наполняющие мое существование желаемым смыслом, фантазиями, что могло

произойти когда-то в будущем. Как стечение непредвиденных обстоятельств из простых случайностей превратилось в фатальную, трагическую неизбежность? Какие небесные силы направили темную энергию космоса в подсознание этого человека, отрицательно воздействуя на его мозг, разрушив психику, что и привело его к безрассудному, злостному поступку? Кто, Господи, ответит мне на эти злободневные жизненные вопросы?

Да, я уже где-то писал, что время друг и время враг, но на этот раз время играло на моей стороне. Многие из нас знают знаменитую цитату, автором которого является американский ученый и политический деятель Бенджамин Франклин: «Время – деньги». Вот и я, принимая все повороты судьбы как должное, полностью, с головой погрузился в бизнес. Спустя всего несколько месяцев после краха моей мечты, я вновь постепенно вступал в игру, которая увлекала и захватывала меня своей непредсказуемостью и интригой. Постепенно я стал забывать о Пронине и его протееже Евсюкове. Было из-за чего: мы подписали контракт, небольшой, правда, всего на 215 тысяч евро, но это было началом моего возвращения в реальный бизнес. Я говорил друзьям и партнерам, что, если мы успешно реализуем этот проект, я устраю грандиозную вечеринку. Этот бизнес не был в стиле купи-продай, а был технологическим проектом, разработанным нами от начала и до конца, с поставкой оборудования и его монтажом. Появились деньги, заработанные головой, а не руками, что означало, что мозги еще работают, и это было здорово осознавать и осмысливать.

Вдруг мою идиллию нарушил входящий вызов со скрытым номером на мобильном телефоне.

– Господин Азарьев? – услышал я мелодичный женский голос, который был незнаком мне, а потому взволновал и насторожил меня, я почему-то подумал, что опять звонят из налоговой.

– Да, – коротко ответил я, ожидая приглашения в налоговую инспекцию.

– Вас беспокоит помощница Пронина Владимира Васильевича.

Я обомлел от изумления. Я, конечно, понимал, что такой человек, как Пронин, не мог надолго оставаться без дела. Острый интерес, вмиг перешедший в жгучее любопытство, охватил меня.

– Слушаю вас, – робко ответил я с плохо скрываемым волнением.

– Соединю вас с Владимиром Васильевичем?

– Да, конечно, буду очень рад поговорить с ним.

Минута напряженного ожидания закончилась радостным удивлением вновь услышать бодрый голос человека, некогда давшего мне возможность помечтать.

– Илья, привет, ноги в руки – и чтобы ты завтра был в Сочи.

– Почему в Сочи? Что-то случилось? – Я понимал, если бы, не дай бог, что-либо случилось непредвиденное, у него и без меня было, к кому обратиться.

– Я в Олимпстрое, отвечаю за эксплуатацию олимпийских объектов, прилетай, и по возможности скоро, все вопросы обговорим на месте.

Вы, наверно, давно поняли, что меня, вообще, долго уговаривать не надо. Я, как говорится, за любой кипеж, кроме голодовки, и вот я уже в приемной Пронина, за чашкой капучино, терпеливо и с особым волнением ожидаю хозяина кабинета. Капучино уже давно остыл, вообще-то я предпочитаю чай и кофе (эспрессо с добавлением подогретого, вспененного молока) пить горячими, поэтому, когда секретарша предложила мне новую порцию свежесваренного кофе, я сразу же согласился. Только собрался сделать глоток ароматного напитка, как в приемную уверенно, широким шагом вошел помолодевший Пронин.

Увидев меня, он с живостью воскликнул:

– Ого! Ты появился быстрее, чем я подумал об этом. Ну тогда проходи, – вежливо пропустил меня вперед, а сам, обратившись к секретарше, попросил ее приготовить для себя чай, а мой капучино занести в кабинет.

Небольшой, скромный кабинет, минимум мебели, на столе не было даже компьютера, но меня удивил огромный, на всю стену, архитектурный проект строящихся объектов и ключевых сооружений зимних Олимпийских игр в Сочи 2014 года. Я сделал скромный комплимент Владимиру Васильеву, сказав ему, как бы так, между прочим, то, что он с тех пор, как мы расстались, стал выглядеть гораздо лучше.

Он возгордился услышанным, всем своим видом показывая, что он в полном порядке, затем сказал:

– Илюша, я живу на курорте, а самое главное, завтраки, обеды и ужины готовит мне жена.

– Вам повезло, – сказал я, вспомнив свою размеренную жизнь в семье.

– А теперь к делу. Ты где остановился? – спросил он между прочим, хотя далеко не всегда руководителям высокого ранга интересно, как устроены их подопечные. Удовлетворенный моим ответом, он решительно продолжил: – Я говорил с Боллоевым касательно тебя, мы с ним обсудили возможность участия твоей компании по озеленению территорий спортивных сооружений олимпиады. Таймураз Казбекович дал принципиальное добро, но прежде хочет лично поговорить с тобой, так что ждем его приглашения.

Пронин, целиком и полностью уверенный в позитивном решении моего вопроса, подошел к висящему на стене масштабному проекту олимпийского комплекса Сочи-2014. Тут же кивком головы пригласил меня следовать за ним.

– Вот эти высотки строит Дерипаска, ты знаком с ним? – неожиданно, с неподдельным интересом спросил меня Пронин.

– Пока нет. Возможно, с вашей помощью, если, конечно, будем работать совместно, то обязательно познакомлюсь.

– Вот там, в самом углу, – показывал он вытянутой правой рукой в сторону отдельно стоящего здания, – должна быть пятизвездочная гостиница, строительство которой возложено на твоего друга Тельмана, а он взял да и скрылся из виду.

– Мой друг, что вы говорите? – с нарочитым удивлением спросил я Пронина, боясь выдать свое смущение.

Я, конечно, знал Тельмана Исмаилова – кумира горских евреев, талантливого бизнесмена, одного из самых первых олигархов России. Именно к нему тянулись сердца молодых горских евреев, его обожали и боготворили. Многие молодые люди мечтали, что когда-нибудь и их имена наряду с легендарным именем Тельмана будут на слуху и о них будут говорить и сплетничать на элитных тусовках горских евреев.

«Зачем мне это надо? – думал я, настороженно вглядываясь в ожившее лицо Пронина. – Сейчас даст еще какое-то непонятное поручение типа “передай Тельману, что мы его с нетерпением ожидаем в Сочи”, хотя он был в курсе, что Тельман уже давно был в немилости у властей».

Тельман Исмаилов являлся основателем и совладельцем крупнейшей в России строительной группы «АСТ», которой де-юре принадлежал Черкизон – рынок, занимающий в общей сложности почти 50 гектаров московской территории (по другим данным – свыше 70 га). В группу компаний «АСТ» входила 31 фирма. По сообщениям западных СМИ, в начале нулевых на полученные доходы Исмаилов открыл в Турции гостиницу «Мардан Палас», и это стоило бизнесмену 1,4 миллиарда долларов. На территории отеля Исмаилов построил себе дворец стоимостью свыше 50 миллионов долларов. По словам многочисленных работников Управления таможенной инспекции Федеральной таможенной службы РФ, Черкизон представлял собой город в городе, со своей системой управления, собственной службой безопасности, разделенной по национальному признаку – с китайскими, вьетнамскими, таджикскими и другими «кварталами». По данным российской таможенной службы, только на территории Черкизона проживало не менее 10 тысяч иностранных граждан, так или иначе связанных с этим рынком (эксперты называют цифру постоянно работавших на рынке свыше 100 тысяч человек, преимущественно граждан Китая). А в округе возле рынка большинство квартир были либо куплены торговцами, либо снимались ими.

В начале июня 2009 года председатель правительства РФ В.В. Путин призвал «серьезно усилить борьбу с контрабандой и нелегальным производством и уже в ближайшее время добиться коренного улучшения ситуации». По поводу борьбы с контрабандой Путин сказал, что «борьба вроде бы ведется, но что-то мало результатов. Результат в таких случаях – это посадки в тюрьму. Где посадки?» Владимир Владимирович заявил, что на одном из рынков «до сих пор стоят товары на более чем 2 миллиарда долларов. До сих пор не уничтожили, и хозяев товаров нет». В конце июня того же года решением префекта Восточного административного округа Москвы Николая Евтихеева деятельность Черкизовского рынка была приостановлена. По официальной версии, на тот момент накопилось множество предписаний Роспотребнадзора об устранении нарушений санитарно-эпидемиологических требований, которые не исполня-

лись. Кроме того, как отметил Евтихеев, Черкизон, работавший как мелкооптовый рынок, практически парализовал движение транспорта в районе Измайлова из-за непрекращающегося наплыва машин оптовиков со всей страны. О своей позиции по поводу Черкизовского рынка заявил также следственный комитет, который вынес представление об устранении выявленных на Черкизовском рынке нарушений в адрес главы Москвы Ю.М. Лужкова. Было заявлено и о многочисленных нарушениях миграционного законодательства иностранцами, работающими на рынке, а руководитель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин в одном из своих выступлений прямо сказал, что «этот гадюшник надо закрывать». В июле того же года Черкизон был официально закрыт. Хотя, как утверждают злые языки, причина закрытия была совсем в другом, и Пронин, конечно, знал об этом во всех деталях и подробностях. Однажды Тельмана Исмаилова спросили, как ему удалось создать в столице России бизнес-империю горских евреев, на что он скромно, без пафоса ответил: «Это было легко: 50 % прибыли компании, которая исчислялась миллиардами долларов, уходили на взятки, вознаграждения и дорогие подарки, – затем, мечтательно улыбаясь, будто вспоминая свое бурное прошлое, он сказал фразу, которая стала впоследствии крылатым выражением в России: – Делиться надо».

«Нужно срочно свернуть тему, – подумал я, – иначе можно на пустом месте оказаться на обочине крупнейшего бизнес-проекта России». Удачная идея, словно волшебная палочка, успешно вывела меня из очередного тупика.

– Знаете, Владимир Васильевич, а я ведь близко знаком с Вайнштоком, первым президентом корпорации по строительству олимпийских проектов.

Пронин оживился и с веселым удивлением посмотрел на меня. Он сделал заинтересованный вид, ничего не сказав, вернулся на свое рабочее место, оттуда бросил на меня недоуменный взгляд.

– Интересно, – сказал он, – хочу спросить, каким образом тебе удалось знакомиться с таким множеством состоятельных людей, владельцев крупного бизнеса. Мы ведь тебя пробивали после нашей встречи в Курске, в сущности ничего необычного мы не увидели.

– Знаете, Владимир Васильевич, – радостно поддержал я этот поворот нашей беседы, – меня часто пробивали, в том числе и компетентные органы. Однажды, будучи советником волгоградского губернатора, я умудрился пригласить к нам в область руководство компании «Тенгизшевройл». – Я думал, что этой историей окончательно отвлеку его внимание от Тельмана, и оказался прав. – Так вот, – как ни в чем не бывало продолжал я свой рассказ, – директора предприятий нефтегазовой отрасли бомбардировали меня своими звонками, они убедительно просили непременно включить их предприятия в программу посещения американцев. Времена были, сами понимаете, ничего не работало. Среди них был и Аксенов, управляющий ПО «Баррикады». Это был добрейшей души человек. Мы совместно с Грайфером – президентом ОАО «Ритэк» неоднократно

посещали завод «Баррикады», на котором разрабатывали систему гидравлического разрыва пластов для увеличения добычи нефти. Но, несмотря на это, он всегда любезно, чтобы не обидеть меня, требовал от меня паспорт. «Надо, – говорил он, извиняясь, – такое требование компетентных органов». В последний раз возвращая мне паспорт, он удовлетворенно произнес: «Чист, как стеклышко». «Уважаемый Николай Иванович, в среде горских евреев нет предателей и шпионов», – с гордостью сказал я человеку, которого безгранично уважал. Владимир Васильевич, я – любимчик Бога, на протяжении всего моего жизненного пути в большинстве случаев мне встречались добрые, искренние и очень значимые люди, я никогда их не подводил, будьте уверены, я и вас не подведу.

Пронин на короткое время забыл о Тельмане, а я был этому очень рад. «Слава богу», – подумал я, тем более никто не знал, где находился Тельман Исмаилов. Но спустя минуту, как бы невзначай он задал мне, на первый взгляд, безобидный вопрос:

– А как ты познакомился с Вайнштоком?

«По-моему, я не смогу сегодня выйти из этого круга каверзных и наводящих вопросов, – думал я. – Эй, чудака, перед тобой бывший генерал полиции, который только и знал, что задавал неудобные вопросы, как бы не сболтнуть лишнего, и в этой ситуации лучшее, что я смогу сделать, – это незатейливо закрыть рот». Но вопрос прозвучал, и надо было каким-то образом ответить. Но в эту минуту я вспомнил наш последний разговор с Вайнштоком: «Будешь в Израиле, найди меня», и новое воспоминание промелькнуло в моей голове.

Мы с Грайфером в Когалыме на встрече с руководством АООТ «Лукойл-Когалымнефтегаз», тогда Семен Михайлович был заместителем Алекперова по социальным вопросам. Затем он стал генеральным директором компании, а спустя некоторое время – вице-президентом Лукойла. Затем наступил звездный час в карьере этого мягкого, вежливого и очень эффективного менеджера, и он надолго становится президентом ОАО АК «Транснефть». На всех этапах его карьерного роста у нас были дружеские отношения. Общественный деятель Алексей Навальный в ноябре 2010 года обвинил бывшее руководство «Транснефти» в миллиардных хищениях и потребовал привлечь экс-топ-менеджеров к уголовной ответственности (при этом председатель палаты Сергей Степашин опроверг слова Навального о похищенных 4 млрд долларов США, заявив, что «после устранения нарушений проект был неплохо реализован»).

– Знаете, Владимир Васильевич, как я познакомился с Вайнштоком – долгая и нудная история, я лучше расскажу вам про то, как он, сам не подозревая об этом, стал причиной моего разрыва с Алекперовым.

Пронин, не скрывая удивления, недоверчиво, с полуулыбкой на лице глядел на меня, как на пришельца из космоса. Он вытаращил глаза и приоткрыл рот от изумления. Не отрывая своего изучающего взгляда с пары моих глаз, он с напускным равнодушием все же спросил:

– Ты знаком с Алекперовым?

Я молча кивнул ему. Он не удержался от навоящего вопроса:

– И что ты тогда делаешь в моем кабинете?

– Вы пригласили меня – вот я и приехал, – еле сдерживая улыбку, ответил я равнодушно.

– Хорошо, давай рассказывай свою историю, – согласился он, дав мне возможность уйти от новых вопросов.

– В прошлом, – начал я неторопливо свой рассказ, – я был официальным представителем Лукойла в Поволжье, у меня был министерский кабинет и чудная секретарша, мой телефон разрывался от звонков. Сказать правду, этот кайф продолжался недолго, все началось с визита к нам в город генерального директора Торгового дома «Лукойл». Он позвонил рано утром и сообщил, что хочет встретиться со мной. Я терпеливо ожидал. Заявился он поздно вечером. Обдав меня тяжелым перегаром, он начал решительный наезд: теперь все поставки ресурсов на Лангепас, Урай и Когалым только через торговый дом. Я резко возразил, – думал, как этот алкаш может управлять моими действиями. Мне казалось, что никто и ничто не сможет разорвать наши отношения с Алекперовым.

Пронин с немим удивлением слушал – они могут это делать профессионально. Переведя свой взгляд с его лица на проект, я думал: «Зачем ты ему все это рассказываешь?» Но меня невозможно было остановить, мне нужно было выговориться, и я рассказал ему всю ту злополучную историю про бандитов в аэропорту и дальнейшую мою эмоциональную речь в кабинете Алекперова, которая и привела к разрыву наших отношений с Алекперовым.

– Хорошо, а где здесь Вайншток? – спросил заинтересованно Пронин.

– В кабинет Алекперова вошел мужчина и сел напротив меня, он молча слушал нашу дискуссию. Не знаю, то ли дернул меня бес, то ли черт попутал, но мне почему-то показалось, что этот мужчина был Вайншток. Ну кто мог так просто войти в кабинет шефа, думал я, тем более он был очень похож на Вайнштока. Вот я и пошел вразнос, доверив свои мысли чужому человеку. После завершения совещания я спросил секретаря, кто был мужчина, который только что вышел из кабинета шефа. «Кукура – вице-президент Лукойла по экономике и финансам», – ответила секретарь. На следующее утро был сложный и жесткий разговор с Алекперовым, после которого дальнейшая моя работа в структуре Лукойла была невозможна. На прощание Вагит Юсуфович сказал мне: «Никому никогда ни о ком ничего не рассказывай – ни хорошего, ни плохого». Кто бы мог подумать, что именно израильские инновационные технологии станут основой деятельности нашей израильской компании в России и Средней Азии. Вот почему, Владимир Васильевич, я сегодня здесь, в вашем кабинете.

Зазвонил телефон прямой связи, и через несколько минут мы с Прониным были в кабинете Боллоева.

– У вас десять минут, – сказал помощник, открыв дверь в кабинет президента Олимпстрога.

Боллоев и Пронин, отойдя к окну, приватно, на пониженных тонах говорили между собой о чем-то важном. Было явно видно, что разговор серьезный, но все-таки пару фраз я сумел услышать. Как я понял из отдельных реплик, доносящихся отрывисто до меня, речь шла о визите Козака в Сочи.

– Ну что же, – сказал Боллоев, пристально взглянув на меня, – мне достаточно увидеть тебя. Думаю, вы найдете общий язык с Владимиром Васильевичем.

На этом наша встреча завершилась. Я только направился к выходу, как Боллоев остановил меня.

– У меня всего один вопрос. Почему в аграрном бизнесе такой низкий уровень рентабельности? Даже не так, почему в сельхозпроизводстве возникают масштабные убытки?

Я догадывался, о чем шла речь.

– Господин Боллоев, позвольте рассказать вам короткую историю.

Президент Олимпстрога с удивлением посмотрел на меня, затем перенес свой непонимающий взгляд на Пронина, а тот возьми и скажу ему, что я хороший рассказчик и стоит уделить пару минут внимания моему рассказу. Боллоев кивнул головой.

– Но только чтобы рассказ был очень коротким, – сказал он недоверчиво.

– У нас на Северном Кавказе расположены лучшие пахотные земли, на которых выращиваются зерновые культуры. – Боллоеву понравилось начало моего повествования, я интуитивно почувствовал его интерес. – Один из крупнейших землевладельцев, я не буду называть фамилию, вы, я думаю, знаете его. Так вот, он поручил моей команде сделать производственный и финансовый анализ деятельности хозяйств, входящих в его холдинг. Он с горечью сказал нам, что уже третий год в холдинге масштабные убытки, исчисляемые сотнями миллионов рублей. Через две недели интенсивной работы я доложил президенту холдинга, что основной причиной убытков является банальное воровство со стороны руководителей хозяйств, входящих в холдинг. «Не может быть, – возмущенно сказал он, – там везде сидят мои ближайшие родственники». Короче говоря, на следующий год мы вышли на небольшую, но все же прибыль, но теперь на всех важных направлениях работ трудились приглашенные со стороны специалисты.

– Интересная история, встретимся на следующей неделе и ты подробнее мне расскажешь о вашем эксперименте.

Прощаясь, Пронин строго-настрого запретил мне распространяться о нашей встрече, а напоследок сказал:

– Через два дня у нас будет Дмитрий Козак – заместитель председателя правительства, он ответственный за проведение Олимпиады в Сочи. Я очень опасуюсь этой встречи, – говорил Пронин с неким волнением, в его лице я заметил легкую тревогу и смятение, – Козак и Боллоев горячие и вспыльчивые люди,

но, что бы ни случилось и как бы все ни закончилось, будь на связи. – И тут же, буквально в минуту прощания, он загадочно спросил: – Ты знаком с Козаком?

– Да, – ответил я и задумался, вспомнив нашу первую встречу с ним.

Это произошло несколько лет назад, в начале июля, в Ростове стояла ужасная жара, но я при полном параде, в темно-синем костюме, модном галстуке и белой рубашке шел на встречу с полномочным представителем президента РФ в ЮФО. Джеффри Гитомер в своей «Маленькой черной книге о связях» советовал, как познакомиться с нужными людьми. Во-первых, надо найти человека, который в состоянии помочь вам познакомиться. У меня был такой человек – помощник Козака по экономическим вопросам Юрий Коваль. Во-вторых, должен быть неотразимый повод или ценное предложение. Такое предложение также было – это письмо президента американской компании о выделении площадки под строительство предприятий по производству оборудования для капельного орошения. В итоге ничего не получилось, мое письмо с резолюциями Козака затерялось в длинных коридорах власти Северного Кавказа. Спустя несколько дней в новостях промелькнула информация о том, что Боллоев подал в отставку, и меня, конечно, никто никуда не пригласил. Удивительно, в этот раз я никого не обвинял за то, что страдал, плакал и сокрушался о случившемся. Кто знал, как бы повернулась моя судьба, если бы Козак именно в это время не посетил с инспекцией стройки Олимпиады, если Боллоев адекватно своему статусу отреагировал бы на критические замечания заместителя председателя правительства России, если Боллоев, наконец, не подал бы в отставку.

«Ничего страшного, – уверял я себя, мечтательно улыбаясь, – надеюсь, что и в этот раз Господь раздал карты удачно и госпожа удача не обойдет меня стороной». А в сокровенных тайниках моего сознания зарождалась мысль, что Господь по известным только ему соображениям изо дня в день оберегает меня от опасности сиюминутных заманчивых предложений. Он невидим, но всегда рядом, и все, что происходит случайно со мной и вокруг меня, это на самом деле подготовка к самому значимому событию в моей жизни, которое и определит главное направление моей деятельности в будущем. Ведь давно известно: все что ни делается – все к лучшему.

Глава 30

Год упорного труда, а результат нулевой. Меня бросало то в жар, то в холод, сердце бешено колотилось, готовясь того и гляди выпрыгнуть из груди. Восторженное состояние души за считанные секунды переходило в состояние

глубокого уныния и апатии, когда мои родственники и близкие друзья с ехидством спрашивали: «Ну и какой толк от твоих походов?» Я устраивал им жуткий разнос: откуда им было знать, что сутки напролет, от момента до момента, было удивительным процессом моей жизни, что все это время я чувствовал себя в полном экстазе, словно в объятии полной любви и страсти женщины. Конечно, я многое передумал, пытаясь разгадать тайну своих провалов и неудач, которые тревожат меня, лишая покоя, по сей день. Мой разум решительно не соглашался ни с одним из известных мне признаков неудачника, пытаясь упрямо убедить меня в том, что проблема на самом деле на поверхности и она видна даже невооруженным глазом, поэтому ее можно легко и просто разрешить. Нужно только преодолеть эгоистические препятствия и установки, укоренившиеся на подсознательном уровне с того самого времени, когда, практически не прилагая чрезмерных усилий, мне удавалось играючи решать даже самые сложные задачи. Что же сегодня пошло не так? Чем продуктивность моей современной деятельности отличается от действий современных успешных людей? Нельзя же все время уповать на то, что звезды в ночном небе расположились не так, как надо для принятия разумных и взвешенных решений, что Господь, раздавая карты, пошел на небольшую хитрость, намеренно выбрав из колоды тузов, которые в умелых руках игрока придают его действиям смелости и самообладания. Если я активный игрок в театре жизни и каждый раз заново играю свою роль, а не пассивный зритель, то я нужный человек в жизненном сценарии. Если сцена, на которой я играю, это весь мир, в котором неуправляемая, необузданная стихия вечное мое пристанище, и если, несмотря на то что звезды на небе расположились не так, как надо, а на руках нет джокера, я, и только я должен писать книгу своей судьбы, а Господь пусть данной ему властью не задумываясь поставит свою печать на главном произведении моей жизни.

«На Бога надейся, а сам не плошай», – глубоко из недр моей души услышал я до боли знакомый и долгожданный внутренний голос. «Наконец, мой закадычный друг появился», – радостно подумал я, надеясь на то, что есть кому легко и просто вправить мне мозги. И он успешно сделал это, произнеся прямо, без обиняков главную проблему моего бесцветного, унылого существования: «Ты одинок, вот в чем твоя беда. – Ободренный моим гробовым молчанием, он решил до конца ошеломить и потрясти мое сознание, выговорив со всей откровенностью все, что думал обо мне: – Вот так в обнимку с одиночеством, буднично и однообразно будешь сжигать свою жизнь, обреченную на постыдное и неизбежное поражение, причем не ощущая себя нужным, даже для близких тебе людей. Не подкрепленная силой воли, стойким терпением и решительными действиями надежда на успех бесследно исчезнет, растворяясь в бесчисленных ток-шоу российского телевидения. Твое олимпийское спокойствие хладнокровно и флегматично захватит твой разум, который уже смирился с ощущением собственной безысходности, обвиняя тебя в бесконечных неудачах и провалах. И в то самое время, когда тебя перестанет что-либо радовать, постоянно будет возникать мучительный вопрос: а что дальше,

и вообще, нужно ли тебе завтра в такой никчемной, обыденной, одинокой жизни, похожей, как две капли дождя, на скучное сегодня и тоскливое вчера? Но, несмотря ни на что, я продолжаю верить в тебя, надеясь на благополучный исход твоего проекта на земле, иначе и быть не может уже потому, что ты ведь – любимчик Бога. Идея твоей жизни в другом: однажды световая вспышка сверкающей молнии из самой обители Творца на мгновение озарит твое сознание и ты успеешь увидеть начало дороги, которая выведет тебя из однообразной, уединенной жизни».

Как только закончился этот задушевный монолог, я обратил свой взгляд к небу и сказал: «О, Господи! Какое счастье – быть среди твоих любимчиком на земле, я постоянно ощущаю твою моральную и духовную поддержку, за что я твой вечный должник».

Вдруг неожиданно раздался звонок. Если раньше, когда мне звонили с незнакомого номера, я, как обычно, не реагировал на них, то сегодня каждый звонок, словно новый, робкий луч надежды, был ожидаемым и востребованным. Вот мой сын уже целую вечность, так ни разу и не позвонил, а я все еще терпеливо и покорно ожидаю от него звонка или хотя бы голосового сообщения. Смотрю на его фото из интернета и думаю, как же он изменился, совсем другой, чем тот парень, которого я видел три года назад. Передо мной лицо сложившегося мужчины: худощавый, с живыми карими глазами, а широкие выразительные брови с изломом говорили о его энергичной, вместе с тем великодушной и заботливой натуре; прямой нос, красивые, чувственные губы и подбородок с выразительной ямочкой, в точности, как у моего отца, свидетельствовал о его мужественности, силе воли и упорстве.

Наверно, многие из вас помнят баннеры в аэропортах с надписью «Позвони отцу». Читая эти магические слова, я удивлялся: неужели есть такие люди, которым необходимо напоминать, что нужно, без всяких на то причин, как минимум один раз в неделю звонить отцу. Для меня, горского еврея, отец был и останется до последнего моего вздоха подобием Бога. Когда его не стало, неожиданно обрушился и мой беззаботный мир, юность и молодость закончились внезапно и стремительно наступила зрелость. Тогда я не мог себе даже представить, да разве эта мысль могла прийти мне в голову, что меня, отца троих детей, ради которых я жил и работал всю свою сознательную жизнь, может глубоко затронуть эта актуальная проблема современности. Порой ловлю себя на мысли, что машинально ищу баннеры с этим старым, но очень полезным и необходимым лозунгом «Позвони отцу» не только в аэропортах, но и на всей территории России, но пока, увы, все тщетно.

Зато долгожданное сообщение под самый Новый год я все-таки получил от своего сына, которое и по сей день рвет мое сердце на части. «Привет, – писал мой сын. – Я слышал, что ты хочешь прилететь в Израиль на Новый год. Я почти все время буду в армии, а остальное время уйдет на учебу, в университете скоро экзамены. Так что совсем не будет времени увидеться с тобой. Гидон».

Мне не понаслышке известно, как трудно жить без отца. Я с горечью думал об этом, перечитывая раз за разом это короткое сообщение, ошеломившее меня до глубины души. Я не верил своим глазам. Неужели на самом деле все так грубо упростилось в этом мире, что можно так просто и хладнокровно написать такое своему отцу? «Отпусти сына на все четыре стороны, не зови уходящего, позволь ему уйти, он уже достаточно взрослый для самостоятельной жизни человек», – советовал мне мой внутренний голос. Но как это сделать, если он носит имя моего отца, а фамилия у него такая же, как у меня? «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь Бог твой дает тебе» (Исх. 20:12).

– Господин Азарьев?

«Ого, – подумал я, – неплохое начало, давно меня не называли таким образом, аж с тех самых пор, когда из развитого социализма я перебрался со своей семьей в отмирающий капитализм». Убейте меня, но я до сих пор не понимаю, как могло произойти такое, что я снова оказался в России, а мои дети остались там, в Израиле. Они все в один голос говорят, что очень любят Израиль, а Жанна, та вообще однажды сказала: «Израиль настолько маленькая страна, что вся вмещается в моем сердце». Я помню, как во времена всеобщего исхода евреев из Союза друзья моего покойного отца уговаривали его эмигрировать в Штаты. Он не согласился, а они все дружно переселились, и теперь их дети говорят, что Америка стала для них настоящей родиной, потому что именно в этой стране они смогли по полной реализовать свои потенциальные возможности. Сегодня никто из них даже не помышляет переехать на свою историческую родину.

– Я проездом, сейчас нахожусь в фойе гостиницы «Волгоград». Если найдете десять минут времени, с удовольствием с вами пообщаюсь.

Я даже не спросил, кто он и откуда знает мой телефон: душа жаждала общения с новыми людьми, а сердце призывало к изменениям, и совсем неважно каким, нужно было простое движение, а там – куда кривая выведет, все равно лучше, чем стоять на месте. Разум требовал перемен. «Иначе, мой друг, – шептал мне мой внутренний голос, – еще чуть-чуть и ты в полном экстазе сольешься с диваном, и тогда – пиши пропало».

Десять минут – и я уже в фойе гостиницы искал мужчину среди многочисленных гостей.

«С таким звучным голосом, как у него, – думал я, – он должен быть большим человеком» – и я не ошибся в своих предположениях. Мужчина, облик которого четко сформировало мое воображение, сидел на кресле, широко раздвинув ноги. Увидев меня, направляющегося в его сторону, он привстал, широко улыбаясь пошел мне навстречу.

«Гигант, – подумал я, – да еще и симпатичный человек».

Мы уселись за антикварным журнальным столиком. Взмахом руки он подозвал официанта и заказал две чашечки кофе.

– Я Ральф, генеральный директор группы компании «Сокольский», – по-военному четко представился мужчина, затем, не вдаваясь в подробности, уважительно добавил: – Компания принадлежит Дерипаске.

«Ну надо же!» – вспомнил я на мгновение неожиданный вопрос Пронина, знаком ли я с Дерипаской, а тем временем моя рука просто утонула в его широченной ладони. Я скромно представился, хвалиться было нечем.

– Я в курсе, кто вы, – сказал он, вежливо приветствовав меня, и, не раздумывая долго, сразу перешел к делу. – Мне нужен помощник, хочу предложить вам эту работу, но сами понимаете, придется жить и работать рядом со мной в небольшом городке Краснодарского края.

Я хотел было спросить Ральфа, к чему такая спешка, но, когда он озвучил мое ежемесячное жалование, вопросы и сомнения очень быстро сошли на нет.

Пожав мне руку, он, как бы извиняясь, сказал:

– Надо ехать домой, чтобы успеть к ужину, – затем добавил: – Тебе будет интересно работать со мной, – и на этом мы расстались.

Крепкий, хорошо заваренный кофе сделал свое дело. Я вдумчиво, снова и снова прокручивал в голове встречу с Ральфом.

«Что это было такое, – думал я, – ведь мы толком и не поговорили, а я уже был там, куда вели меня назойливые, беспокойные, сумбурные мысли».

Небольшая, скромная квартира на первом этаже старого двухэтажного кирпичного дома с окнами на дорогу была не совсем пригодна для нормальной жизни человека, привыкшего к комфорту. Меня поразило, как жильцы нашего дома оригинально решили проблему отсутствия во дворе контейнеров для отходов: полиэтиленовые мешки с мусором различных цветов и размеров, как самодельные новогодние игрушки, висели на ветвях всех без исключения деревьев во дворе. «Это, чтобы бродячие собаки и крысы не могли дотянуться до мешков с мусором», – говорили соседи по этажу.

«Конечно, не фонтан, но как-нибудь переживу, – думал я, – главное, есть где поспать и поесть, а самое важное, рядом, через дорогу – приличный стадион с хорошей беговой дорожкой». Еще неделю назад я не мог даже и предположить, что моя жизнь может так круто измениться. Я просто делал работу, которую знал и любил. С такой радостью, энтузиазмом и азартом я уже давно не работал, – наверно, мои редкие послания все-таки доходят до Бога, думал я, призвав его и впредь не оставлять мои скромные пожелания без внимания. Но начиналось все очень трудно и непредсказуемо, служба безопасности провела меня долго и очень скрупулезно.

«Наверно, их что-то не устраивает в истории моей жизни, – думал я, перебирая в памяти некоторые моменты моей бурной действительности. – Хоть бы все устроилось гладко, – с легким испугом размышлял я, – но как, черт меня возьми, я докатился до жизни такой, что кто-то где-то решает мою судьбу?» «Пока ты не свободен в своих мыслях и действиях, ты раб, лишенный возможности принимать само-

стоятельные решения. Вот почему, мой закадычный друг, ты обречен лгать самому себе, типа того, что все в жизни идет нормально» – услышал я снова знакомый голос.

В итоге все обошлось, я оказался совершенно чистым и незапятнанным человеком, и это меня безмерно обрадовало и окрылило на активную творческую работу.

«Надо же, – размышлял я, накручивая круги по стадиону, – дошел до такой жизни, что я весь из себя такой крутой и гордый вынужден сегодня безропотно ожидать результатов проверки службой безопасности чужой для меня компании. Да еще контракт на год подписал, принуждающий меня не расслабляться все это время». Я знал многих парней, профессионалов высокого уровня, которые с паническим страхом ожидали окончания срока действия контракта с работодателем. «Нет, – говорил я самому себе заносчиво, видя тревоги и переживания своих друзей в ожидании нового подписанного контракта, – такого по отношению к себе я никогда и ни при каких ситуациях не допущу». «Никогда не говори “никогда”» – вспомнилась мне чрезвычайно короткая, но очень мудрая фраза, когда я уже завершал на одном дыхании последний круг по стадиону, означающий, что утреннюю программу я успешно выполнил.

Как обычно, поднял руки к небу, поблагодарил Всевышнего за дарованное утро нового дня, но необычное, тревожное волнение охватило все мое существо.

«Почему волнуюсь? – думал я. – Ведь все в порядке, только что прошел с отличным темпом десять тысяч шагов, да и сама работа связана с многочисленными встречами с интересными людьми. Ну да, конечно, – пытался успокоить я самого себя, – враждебные силы не дремлют, они уже скалят зубы, и пусть они делают это сколько им угодно, я это недавно уже проходил и знаю, как надо себя вести в подобных ситуациях. Нужно всего-то ничего – просто делать то, что у тебя хорошо получается, много и эффективно работать, не обращая внимания на окружающих тебя завистников. В таком окружении трудно созидательно трудиться, но и без них невозможно максимально сосредоточиться на результате. Но если у тебя есть, что сказать – говори, – обратился я к своему внутреннему голосу, – только не молчи, и не нужно волнениями и тревогами напоминать мне о себе. Да, я все понимаю, моя жизнь снова оказалась зависимой от воли других людей».

Глядя как бы со стороны на себя, людей, события, происходящие вокруг меня, я все время думал: «Что я делаю? Как я, опытный, матерый менеджер, доктор наук, подобострастно делал доклад помощнику Дерипаски, стараясь всячески понравиться ему своими познаниями. Разве Господь Бог даровал мне жизнь для того, чтобы я преклонялся перед другим человеком? Разве лезть и раболепие достойны сильного мужчины? Разве об этом я мечтал в своих честолюбивых помыслах? Ты же не дерево, ведь умная голова на плечах, и ты всегда находил выходы даже из безвыходных ситуаций. Что, черт возьми, происходит со мною, почему сейчас меня так безмерно радует заинтересованный, многообещающий взгляд помощника, пусть даже самого Дерипаски?» Знаю по своему опыту, как

важно иметь прямой доступ в кабинет хозяина, поэтому битый час распинался, рассказывая ему о перспективах развития агропромышленного комплекса.

Никогда не предполагал, что в моей жизни наступит время, и я с пылким революционным энтузиазмом буду защищать интересы самого Дерипаски. У меня получилось, я смог убедить помощника в эффективности моих заманчивых предложений. Он был восхищен моим докладом, а Ральф, за которым я краешками глаз пристально наблюдал все это время, сидел молча и ни разу не вписался в наш оживленный диалог.

«Битый мужик, – думал я, – такой кинет и не поморщится».

Он то и дело безмолвно кивал головой в знак своего согласия с моими вескими доводами. Только однажды Ральф вопросительно взглянул на меня, когда я лицемерно предложил назначить на общественных началах помощника Дерипаски нашим неформальным лидером. Изворотливо возвысив его на олимп номинальной власти, я между делом, как бы невзначай возложил на него командирские обязанности защищать наши интересы перед руководством «Базового элемента». О! Надо понимать таких людей, которые очень близки к власти, но не имеют никаких прав пользоваться ею. «Твоя задача, – в заключение сказал я помощнику, – очень проста: в нужное время организовывать встречи Ральфа с Дерипаской». Когда Ральф осознал изюминку моего предложения, он одобрительно кивнул головой, но так за все время нашей встречи и не проронил ни единого слова.

Завершив, наконец, свое убедительное выступление, я, изможденный и уставший от нервного напряжения, наконец-то присел, а из глубины души доносился утомленный, еле слышный внутренний голос: «Одним из главных признаков счастья и гармонии является полное отсутствие потребности кому-то что-то доказывать, а ты с некоторых пор используешь совсем другие принципы жизнедеятельности. Нет, мой друг, это никуда не годится, не твое это дело».

Зазвонил телефон помощника, было слышно, как женский голос говорил ему, что с ним хочет переговорить Дерипаска. Вокруг возникла глубокая тишина, и все мы с нетерпением ожидали начала разговора. Я же думал об одном, хватит ли у этого парня смелости спросить Дерипаску о возможности его встречи с Ральфом, но в конце разговора он все-таки упомянул Ральфа и спросил хозяина, сможет ли он его принять. Тот дал добро. Ральф смело и решительно вошел в кабинет Дерипаски, а я, волнуясь и переживая, с нетерпением ожидал результатов его переговоров с хозяином. От этой встречи зависело многое, какой будет моя жизнь в ближайшем будущем: полной интересными встречами и активной работой или, как прежде, серой и тусклой, без дерзкой сладостной мечты. Жду – снова моя судьба оказалась во власти и воли других людей.

Много чашек кофе было выпито мною, пока Ральф, с довольной улыбкой, не появился перед моими глазами. Он торжественно заявил: «Шеф с кое-какими поправкам утвердил подготовленную тобой стратегию развития КФХ “Сокольский” на 2016–2017 годы. Это, конечно, не фонтан, но все же лучше, чем ничего».

Моя задушевная, очаровательная подруга, – я никогда не пытался перевести свои отношения с ней в романистическую плоскость, – читая мои последние главы, постоянно спрашивала меня: «Когда, наконец, закончится описание драматических и трагических событий твоей судьбы? Когда в твоих повествованиях появится настоящая женщина, которую ты будешь искренне любить и ласково целовать в губы? Такое ощущение, что в прошлом радостные и счастливые дни были крайне редкими гостями твоей жизни». А потом часто с удивлением спрашивала: «Как ты, пройдя такую насыщенную непростыми событиями жизнь, с их крутыми зигзагами, что порой казалось пережить такое, не сломавшись, просто невозможно, – выстоял и с таким неистребимым, завидным оптимизмом продолжаешь сегодня жить?» Я обязательно познакомлю вас, мои дорогие читатели, с этой чудесной, благородной женщиной, но это произойдет уже потом, когда случайно и незаметно для меня самого она превратит мое хобби в интригующую, очень увлекательную работу, полную ностальгических воспоминаний о будущем. Нет-нет, уважаемый читатель, я не ошибся в своих оригинальных философских суждениях, потому что воспоминания о прошлом в значительной степени управляют нашими мечтами о будущем.

В мой адрес часто звучали нелицеприятные высказывания: «Какой толк от твоей писанины, сидишь в полном одиночестве сутками напролет, не замечая, как наступает утро и заканчивается ночь, и все это время черти что строчишь. А где же деньги?» Знаю, знаю, большинство людей не совсем склонны нормально воспринимать человека, который живет рядом и мыслит по-другому, не так, как они сами, – и они уже готовы при каждом удобном случае язвительно высказаться об этом. «Настоящий мужчина всегда заработает себе на кусок хлеба, – напутствовал меня отец, – никогда, ни при каких обстоятельствах не работай ради живота своего».

«Деньги и известность обязательно придут, – уверенно отвечал я своим доброжелателям, – они уже по дороге ко мне, возможно даже стоят у порога моего дома, и если не в этой, то в другой жизни обязательно найдут меня». Мои друзья и по сей день спрашивают меня: «Какой кайф каждый божий день делать одно и то же, тебе не надоедает такая нудная и рутинная работа?» Я отвечаю в ответ: «Настоящая женщина, умеющая волновать мужскую фантазию, причем делая это пылко и страстно, желанна всегда, каждую ночь, ну разве ночи в объятии чудесной женщины могут надоесть, разве напрасны эти ночи в нашей суетной, обыденной жизни?» Им остается делать лишь одно – развести руки в разные стороны, выражая свое недоумение и удивление, и пожимать плечами, теряясь в своих всевозможных суждениях и догадках.

А сейчас, заглянув в дневник памяти, я стремительно, без проблем и проволочек, как будто на машине времени, перемещаюсь во времена своего далекого прошлого. Перелистаю страницу за страницей, отыщу в них знаменательные и судьбоносные события, произошедшие в последнее время в моей жизни, которые помогут вам избежать досадных, грубых и нелепых ошибок.

Не зря ведь говорят, что учиться лучше на чужих ошибках. Хотя большинство людей категорически отрицают эту спорную мысль, считая что она в корне ошибочна. «Человек может успешно выучиться только на своих собственных ошибках», – решительно утверждают многие из них.

Сегодня 13 ноября 2017 года. Лечу в командировку в Москву в качестве советника руководителя группы компании «Сокольский». Не понимаю, что в этом такого необычного и сверхъестественного, что аж отдельным абзацем написал об этом в своем дневнике. Догадываюсь почему – потому что хотел похвастаться перед самим собой, что я работаю в компании, принадлежавшей самому Дерипаске. Читаю дальше: неделю назад прилетели с Ральфом из Израиля, где в течение семи дней встречались с владельцами различных компаний Израиля. Ральф был крайне удивлен и по-настоящему потрясен моими знакомствами и возможностями в Израиле. Просто удачно все сложилось в эти семь дней: мои партнеры, с которыми я сотрудничал в зените своих возможностей, оказались в это время в Израиле. Они, зная что у меня в кармане новые контракты, с энтузиазмом восприняли мои просьбы на организацию встреч с ними. Такие счастливые случаи, правда очень редко, происходили и в моей жизни. Уже возвращаясь в Россию, я впервые подумал о том, что, показав своему начальнику свой потенциал, я переусердствовал. Никому не рассказывай слишком много о себе, потому что зависть делает слепого зрячим, немого болтливым, а глухого слышащим. Я, человек, который бесчисленное количество раз терпел неудачи, в том числе из-за своих показательных выступлений, снова захотел покрасоваться перед своим шефом. По-моему, это качество человеческого характера неистребимо в поведении человека, потому что главное, что движет им, – это его стремление к значимости, и весь этот процесс, то, что мы думаем и делаем, запрограммирован на подсознательном уровне.

Перелистываю страницу, а в ней запись аж 23 ноября 2017 года. Много раз давал себе слово вести дневник ежедневно, уделять этому делу хотя бы 30 минут, и все равно ни разу не сдержал своего обещания. Читаю. Просто удивительно, как все и сразу изменилось в моей жизни, я просто в восторге от всего того, что происходит со мной и вокруг меня. Только бы хватило здоровья и терпения на все то, что обозначено в моей программе развития аграрного бизнеса в группе компаний «Сокольский». Сегодня делаю работу, которая приносит мне немалое удовольствие, и я по-настоящему этому очень рад. Вокруг много хорошеньких и привлекательных женщин, которые с любопытством бросают на меня заинтересованные, многозначительные взгляды.

Отвечая на наводящие, щекотливые вопросы Ральфа, говорю ему:

– Мне нужна еврейка, и непременно с душой поэтессы.

– О! Такой женщины в среде наших доярок навряд ли можно будет отыскать, – отвечал он, – ну и живи себе бобылем.

Юра Рябченюк очень усердствовал, непременно хотел меня женить. На вечеринке в честь своего дня рождения он пригласил главную женщину рай-

онного центра. Я появился в разгар гулянки, Юра, заметив меня, кивком головы указал на свободное кресло. Рядом сидела очень привлекательная женщина, ну и мы, как обычно бывает в веселых компаниях, разговорились и даже начали симпатизировать друг другу. Юра шепнул мне на ухо интригующую весть, что я понравился прокурорше района, и этим поломал мне весь кайф. Но когда вся компания решила продолжить посиделки уже в другом ресторане, я вежливо отказался. «Но почему?» – удивленно спросила меня прокурорша. Как я отбрыкивался и что я ей говорил, ей-богу не помню, а ведь классная была женщина...

Я успешно двигаюсь к намеченной цели, пока только вначале этого пути. Убереги меня, Господи, от искушений, убереги меня, Господи, от необдуманных поступков. Я не могу допустить еще одного провала. Ведь деньгами я обеспечен до конца своих дней, мне нужна только работа, захватывающая, позволяющая мне жить активно, с интересом и весело.

Сегодня в ЕвроХиме я еще раз был убедителен. Я взял на себя всю систему действий на совещании и проявил себя как настоящий лидер. Это приятный кайф, ничего не может сравниться с этим чувством, когда окружающие видят в тебе настоящего лидера. И снова новые люди и значимые знакомства, а впереди еще много новых встреч и новых идей. Сейчас проявляются во мне все качества настоящего профессионала-управленца, накопленные за мою профессиональную деятельность. Расписана на многие дни вперед моя рабочая программа. И это замечательно, всегда мечтал о том, чтобы у меня не было времени на безделье. Жаль только, что не хватает времени на то, чтобы написать новые рассказы. И это мое хобби приносит мне огромное удовлетворение и радость. Спасибо тебе, Господи, за мою новую жизнь.

Мой сын молчит, не пишет и не звонит. Видимо, окончательно произошел разрыв между нами, и теперь мне нужно только терпеливо ждать. Удивительно, но я перестал переживать по этому поводу. Как долго затянется эта непростая ситуация, не могу прогнозировать, но я твердо решил для себя – я больше не буду беспокоить его. Пусть живет своей жизнью, только был бы живой и здоровый.

Глава 31

Часто на деловых встречах и дружеских вечеринках, когда речь заходит о всеобщем пьянстве в России, я советую своим оппонентам прочитать повесть «Заповедник» Сергея Довлатова – одного из самых популярных и читаемых

писателей современной России. Мой любимый писатель в одном из лучших своих произведений потрясающе красочно и очень реалистично описал своих современников, которые чрезмерно увлекались алкоголем. В основу правдивого и обстоятельного повествования журналист, публицист, талантливый романист и самый знаменитый человек в современной истории русской колонии Нью-Йорка положил описание личного опыта алкогольной зависимости, из-за чего произведение, написанное Довлатовым в Ленинграде в застойные времена, сегодня пользуется бешеной популярностью и завоевало сердца миллионов читателей по всему миру своими яркими образами.

В серии невероятно увлекательных, рассудительных и реалистичных историй, описанных Довлатовым в «Заповеднике», не было ничего скандального, заслуживающего осуждения или порицания, поскольку я, как и многие молодые люди того времени, был частью повального молодежного влечения к алкоголю. Сначала легкое пристрастие к вину дома за шаббатным столом, затем на слободке в окружении пацанов, потом в студенческие годы, когда спиртное стало неотъемлемым атрибутом веселой жизни, моя алкогольная зависимость резко возросла во время учебки в армии – это достаточно сложный этап в жизни каждого молодого человека, особенно в самом начале армейской жизни. Молодые мужчины, если они к тому же еще и женатые, привыкшие к достаточно комфортным условиям проживания, попадают в совершенно другой мир, с армейскими законами и многими лишениями. Я проходил срочную службу в городе Телави (Грузия), где в то время базировался 793-й отдельный транспортно-боевой вертолетный полк. Не было почти ни одного вечера, чтобы мы, тренированные новобранцы, не посылали молодых солдат через забор военного городка за вином. Ведро дешевого вина стоило 10 рублей. 7–8 парней, принимая по вечерам по паре стаканов снотворного, – так между собой мы называли этот шмурдяк (вино низкого качества), – могли до утра спать мертвым сном.

Иногда, поддаваясь ностальгическим воспоминаниям, которые, словно машина времени, переносили меня то в далекое, то в близкое прошлое, я из своей цепкой феноменальной памяти извлекал события и истории, поразительно схожие на те картинки и эпизоды, описываемые Довлатовым в автобиографической повести «Заповедник». Хочется вспомнить, как спиртное негласно поддерживало тесные, неформальные связи между студентами и преподавателями во многих вузах страны в канун прихода рыночной власти и суверенной демократии в гражданском обществе России.

Третий курс, лекцию по теоретической механике читает всеобщий любимчик студентов Григорий Борисович Абреков. Как он заметил мое мажорное, полное романтическими чувствами настроение, ума не приложу.

– Азарьев! – грозно во весь голос произнес он, что даже студенты на задних партах, которые резались в преферанс, на время прекратили свою игру. – Мне не кажется, что курс теоретической механики это лучший фон для мечтателей?

– Георгий Борисович, – пытался я возразить доценту, – я всегда внимательно слушаю ваши лекции и даже слово в слово записываю их в свою тетрадь.

Я думал, что это излишне заботливое внимание к моей особе вскоре пройдет и лекция как ни в чем не бывало пойдет своим ходом. Но не тут-то было: я промахнулся, я не смог его убедить в правдивости своих искренних слов. Конечно, он все понимал, что в моей общей тетради не было ни одной лекции по его предмету, но все же решился на унижительную процедуру воспитания на назидание остальным студентам.

– Азарьев, пожалуйста, ко мне со своей тетрадкой. – Это было сродни публичной порки. – Так вот, мой друг! В этой тетради должны быть все сорок лекций, прочитанных мною в этом семестре. У вас ровно две недели до экзамена, в противном случае можете не приходите на собеседование ко мне.

Через две недели на экзамене я вручил Григорию Борисовичу свою новенькую общую тетрадь с аккуратно написанными в ней лекциями. Он, листая страницу за страницей, снисходительно произнес:

– Ну, ведь можете, когда хотите. Берите билет, а я пока полюбуюсь вашим неразборчивым почерком... Мне кажется, что лекции написаны не на русском языке, – съехидничал он, а потом спросил: – Вы что, владеете армянским языком?

Короче, ни на один из трех вопросов я решительно не находил ответов. Чтобы снова не привлечь «благоклонного внимания» Григория Борисовича, я усердно делал вид, что весь нахожусь в процессе изучения экзаменационного листа, а сам непроизвольно на чистом листе бумаги рисовал горы, под горой домик с тропинкой, уходящей вдаль, несколько раз обвел слово «Дербент». Мне показалось, что чего-то существенного не хватает в моем искусстве, и дописал слово «коньяк». В общем, получилась очень забавная картинка: горы, домик с уходящей от нее тропинкой в неизвестность ну и, конечно, словосочетание «Дербентский коньяк».

– Ого! Господин Азарьев, – вдруг услышал я над собой вкрадчивый голос Григория Борисовича, – вот сейчас я вижу, что вы в последние две недели не зря тратили свое драгоценное время и очень усердно занимались, готовясь к экзамену по теоретической механике. Правильно мыслите! Пожалуйста, ко мне за стол.

Я получил тогда, не поверите, аж четыре балла.

– С такими живописными ответами вы можете в будущем смело претендовать даже на кандидатскую степень, – абсолютно серьезно и без тени усмешки произнес Григорий Борисович, вручая мне зачетную книжку.

Эти восторженные возгласы о моем творчестве стоили мне двух бутылок Дербентского коньяка. Я, уже став активным участником ударной комсомольской стройки, часто размышлял над тем, кто научил педагогов в университетах Советского Союза к издоимству, но не находил ответов, потому что это было неписанным и негласным правилом того времени.

Я часто вспоминаю самое яркое и значимое событие из моей студенческой жизни. Натали, моя первая настоящая любовь, голубоглазая блондинка с нежной, безусловно чистой кожей лица, была удивительно красивой девушкой. Несмотря на ее юный возраст, в ней уже проявлялись достоинства настоящей женщины, что делало ее невероятно соблазнительной и привлекательной. Мне, молодому человеку, кавказскому еврею, впервые приехавшему в Россию, пришлось в полной мере испытать на себе эмоциональный подъем во время дружбы с привлекательной и обольстительной девушкой. Мы были друзьями, нас за глаза даже называли «гусар и принцесса». Откровенно, не стесняясь друг друга, мы говорили обо всем, но когда речь заходила о семейных делах, я всегда был категоричен, говорил, что мой отец будет очень недоволен, если я женюсь не на еврейке. Натали не оставалась в долгу, в ответ как будто в шутку, но серьезно заявляла: «Я не представляю себе, что могу связать свою жизнь с еврейским парнем, даже если он будет самым раскрепощенным среди всех моих ухажеров». Но наше окружение по-другому воспринимало наши дружеские связи, и все думали, что у нас очень близкие отношения.

Однажды Натали по секрету сказала мне, что собирается выходить замуж за нашего однокурсника. Володя был статным парнем, из известной в городе семьи. Через неделю после свадьбы Володя, не стесняясь, просто и буднично признался мне, что зря ревновал Натали ко мне. Он был горд тем, что его супруга сохранила до замужества свою девичью ценность.

Время все лечит. Я стал привыкать, что со мной рядом уже никто не сидит, а моя жизнь течет уже по другому сценарию, но продолжается и идет своим непредсказуемым чередом. Как большинство студентов, я тоже подрабатывал. Был охранником дворца пионеров. Дежурил ночью, а ранним утром подметал вокруг своего объекта. Была глубокая ночь. На улице непрерывно шел холодный, морозящий дождь. Я только что постелил матрас на свое ложе – это два ряда стульев по три стула в каждом ряду, как вдруг раздался стук в окно.

«Господи, кто в такую погоду и так поздно может стучаться? Наверно, хотят убедиться, дежурю ли я по ночам», – подумал я, открывая дверь.

Моему удивлению не было предела, я просто обомлел от изумления – на пороге, вся мокрая и продрогшая, стояла Натали.

– Я ушла из дома, – еле слышно сказала она, продолжая стоять под дождем.

– Хочешь чая? – робко предложил я, вопросительно взглянув в заплаканные глаза Натали. Они были трогательно нежны и необычайно сексуальны, и мое сердце воспламенилось вновь юношеской любовью.

Она кивнула, но продолжала стоять на месте, как будто, переступив порог моего временного жилища, она переходила Рубикон дозволенности в своих отношениях с супругом. Натали за чаем рассказывала о каких-то незнакомых мне людях, о непонятных мне вещах и все время не переставая плакала. Я был в растерянности и недоумении, трудно соображал, не знал, как себя вести и что нужно

делать в такой ситуации. После нескольких чашек крепкого чая Натали успокоилась. Оглянувшись вокруг, она заметила мою импровизированную холостяцкую кровать, состоящую из трех стульев в каждом ряду, соединенных между собой, поверх которых был расстелен выдавший виды большой ватный матрас.

– Стильная у тебя кровать, – проникновенно произнесла Натали.

Она аккуратно расстелила и разгладила простыню, концы заправила под матрас, на простыню постелила одеяло. Разглаживая наволочку, задумчиво спросила, обратив на меня многозначительный, пронизательный взгляд.

– Можно, чтобы твоя постель на эту ночь стала и моей?

Даже не пытайся меня понять, мой дорогой читатель! От этих проникновенных и трогательных слов мое сердце замерло, а душа парила в головокружительном полете, подобно мифической птице, порожденной фантазией сентиментального, нежно влюбленного молодого человека. Я был счастлив на чужом несчастье – жестокая правда жизни.

– Натали, но после этой ночи наступит завтра и послезавтра, ты не сможешь без зазрения совести, без стыда и раскаяния подавать своему мужу завтраки и ужины, тебе будет сложно с ним в одной постели. Ты ведь не предатель, тебе лучше уйти домой, там, наверно, тебя уже заждались.

«Господи! Что я говорю, какую чушь несусь», – лихорадочно думал я, вспоминая свои эротические сны, в которых я трепетно и страстно занимался любовью с Натали. Она ушла внезапно, как и появилась.

Много лет спустя в такой же дождливый осенний день я совершенно случайно встретил Володю. Небритый, с опухшим лицом и отеками под глазами от систематического пьянства, он больше походил на бомжа. Весь его внешний вид: на нем был старый, потрепанный плащ, надетый поверх грязной, давно не стиранной майки, босые, грязные ноги в поношенной обуви, – все это было знаком того, что он уже давно не следил за собой. Мы кивнули друг другу, но прошли мимо: у каждого из нас были свои причины не останавливаться. Я обернулся и долго, пока он не скрылся в толпе, смотрел ему вслед и впервые сокрушался о том, что позволил этому парню увести от меня мою первую настоящую любовь. Спустя год я встретил и Натали. Господи, было бы справедливо по отношению ко мне, если бы Ты не устроил эту случайную встречу с ней. Натали была совсем другой женщиной...

Осень часто ассоциируется с грустью, меланхолией и тоской, потому что близятся зимние холода, небо заполняется хмурыми мрачными тучами, солнце до самого апреля скрывается из виду, все становится скучным и унылым, а люди погружаются в навязчивые, ностальгические воспоминания. Довольно часто в дождливые дни я ловлю себя на мысли, что образ Натали и по сей день живет в моих воспоминаниях. Я часто думаю над тем, как бы сложилась моя судьба, будь я немного расторопнее и решительнее в своих действиях, ведь у меня в ту злополучную дождливую ночь была редкая возможность кардинально

изменить свою жизнь. Я был безвольным рабом своих юношеских предрассудков. Как жить одной семьей с женщиной, которая однажды уже была замужем, – вот что меня волновало и беспокоило, не давало покоя моему примитивному юношескому сознанию. Мне давно не двадцать и даже не сорок пять, но в душе чуть больше двадцати. Уже десять лет, как я расстался со своей супругой, но ни разу даже мыслей не было завести новую семью, – я не знаю, смеяться мне или плакать. Я совсем по-другому представлял свою жизнь, порой мне кажется, что мои желания и мечты лишь плод моих несбыточных фантазий.

Вот и тогда, тот ноябрьский день был на исходе, а зимой и не пахло. На дворе было темно и сыро, шел мокрый снег с дождем. Холодный, промозглый ветер напевал унылую мелодию одиночества. Кому-то печальная музыка по душе, но я ненавижу ее мотивы. Я с неохотой, короткими пробежками передвигался по грязной, неосвященной улице к трамвайной остановке. Целый клубок запутанных, блуждающих мыслей агрессивно манипулировал моим сознанием, пытаюсь убедить меня, что прогулка в такую погоду не совсем хорошая идея. В голове навязчиво крутилось крылатое выражение: «Хороший хозяин в такую погоду и собаку на улицу не выпустит».

«Может, все-таки вернуться домой, лечь на диван перед телевизором и тупо наслаждаться абсолютным бездействием?» – думал я и почти был готов изменить свои планы на вечер. Как вдруг на трамвайной остановке неожиданно из черной темноты прямо передо мной появился мужчина лет пятидесяти, чуть сгорбленный, невысокого роста, с худым, усталым, измученным лицом кавказской внешности. Он был одет не по сезону – в легкое осеннее пальто с закутанным шарфом горлом.

«Кто этот человек, и почему он так похож на моего отца?» – с волнением думал я и, встревоженный этими мыслями, остановился как вкопанный.

Он подошел ко мне, протянув руку, вежливо попросил:

– Друг, выручи, мне нужно всего десять рублей, не хватает на хлеб.

– Тебе же не на хлеб нужны эти деньги, – жестко отреагировал я, а сам думал, почему я так недоброжелателен к этому незнакомому мне человеку, он попросил всего-то ничего. Я ведь никогда не отказывал нуждающимся людям и давал им гораздо больше денег, чем они просили. – Если тебе нужен хлеб, скажи, какой ты хочешь, я куплю тебе, – продолжил я, уже сочувственно и великодушно, благо на трамвайной остановке был минимаркет и через окно были видны различные сорта хлеба, аккуратно уложенные на полках.

– Нет, друг, мне хлеб не нужен, мне нужна водка, – просто и буднично ответил он, глядя прямо мне в глаза. Он опустил руку и попытался извиниться, видимо, уже не надеясь на то, что его просьба будет удовлетворена. Я протянул незнакомцу горсть мелочи.

– Но в этом магазине ты не купишь водки, – пытался я смягчить свое отношение к нему.

– Я знаю, – ответил он, подбрасывая мелочь в руке, будто пытаюсь уточнить на вес, сколько там денег.

– Это здесь рядом, за углом, там водка есть всегда, – показывал он дрожащей рукой в направлении ларька и уверенно направился к своей заветной цели.

– Постой, – попытался я остановить мужчину, – возьми, этого будет достаточно для хорошей водки, – и протянул ему купюру в тысячу рублей.

– Нет, не нужно. Спасибо, брат, мне хватит, – вежливо отказывался незнакомец.

– Возьми, возьми, – настоял я и положил ему деньги в карман. – Купи себе и закуску.

«Это не для тебя, мой друг, – подумал я и мысленно добавил: – Это и для моего отца».

Подошел трамвай, двери нехотя отворились, через минуту оставив на остановке незнакомого мне человека, а я продолжил свой путь. Уткнувшись лицом в запотевшее окно трамвая, я попытался еще раз разглядеть его в темноте, но увидел совершенно другое. Передо мной был образ моего отца. В одной руке он держал рюмку с водкой, а в другой – сочную зеленую алычу. Он выпил водку залпом, закусил алычой, потом повернулся ко мне лицом и спросил спокойно:

– Зачем ты здесь, сынок?

– Папа, тебе ведь нельзя пить алкоголь, – тихо произнес я, пытаюсь разглядеть в незнакомце знакомые черты моего отца...

Каждый раз, когда я стою у Стены Плача, поднимая руки к небу, обращаюсь к Всевышнему с одной единственной просьбой: «Убереги, Господи, сына моего от пьянства и наркомании».

Все время, пока я читал и перечитывал повесть «Заповедник», я размышлял над тем, как можно было сутками напролет, беспробудно упиваться бормотухой. Хорошо знавший Довлатова Александр Генис писал: «Сергей ненавидел свои запои и бешено боролся с ними. Он не пил годами, но водка, как тень в полдень, терпеливо ждала своего часа». Признавая ее власть, Сергей писал незадолго до смерти: «Если годами не пью, то помню о Ней, проклятой, с утра до ночи». В своем интервью скульптор Эрнст Неизвестный отмечает: «Дело в том, что я с ним пил. Его пьянство, с точки зрения психиатрии, да для этого не нужно быть психиатром, любой пьющий мужик это знает, это была форма самоубийства. Он как бы втыкал нож в свое сердце и говорил: “На тебе, на тебе, на тебе”... Это было темное русское пьянство, которое здорово, здорово отражено в песнях Высоцкого: “Что за дом притих...”, “Все не так! Все не так, ребята”».

Но как Сергей Довлатов сумел сохранить мозги здоровыми, как ему удавалось творчески мыслить и каждый раз после очередного запойного пьянства писать прекрасные рассказы и повести на самые разные темы? Я очень надеюсь на то, что уже в другой жизни обязательно встречу с моим кумиром, но уже за чашкой хорошего чая, и постараюсь выведать у него все секреты его писательского мастерства.

«За окном вторые сутки льет ледяной, пронизывающий дождь с колючим, мерзлым снегом» – читаю это в своем дневнике. Осень изо всех сил сопротивляется, но зима настойчиво вступает в свои права. Ненавижу унылую пору, очей очарованье – люблю я теплое солнце, синее море и голубое небо. Я бы сейчас с огромным удовольствием составил дружескую компанию Сергею Довлатову и выпил бы с ним пару бутылок хорошего израильского вина, но, к сожалению, это невозможно осуществить в реальной ситуации: он давным-давно на небесах, в божественных, святых местах, да и моя одинокая жизнь породила чувство эгоизма, а пить в одиночестве увеличивает риск развития зависимости от алкоголя. А мне непременно нужно сохранить остроту ума, несмотря на то что в моем возрасте не каждому мужчине это удастся успешно сделать.

Мужчина стареет, когда перестает жить активной жизнью, а мозги без интенсивной тренировки мало-помалу сходят на нет, соответственно и умственные способности резко ухудшаются. Если мы хотим долго иметь здоровые, развитые мозги и защитить свою психику, то нужно обязательно следить за тем, чтобы в нашей жизни всегда хватало проблем, будь то работа, забота о своей семье или просто смена обстановки. Чего-чего, а этого добра в моей жизни всегда было с избытком. Так что, уважаемый Сергей Донатович, я очень надеюсь еще при своей земной жизни закончить свою книгу, чтобы было о чем поговорить с тобой за чайным столиком у Всевышнего. А пока я здесь, на земле, среди живых людей, решаю свои будничные житейские дела. Наверно, оттуда, с небес, глубокоуважаемый Сергей Донатович, наблюдая за моими заботами и хлопотами, тебе хочется сказать мне, что все это суета сует. Наверно, ты будешь прав, и мой внутренний голос в последнее время все чаще и чаще призывает меня заниматься своим, предназначенным Господом Богом делом. Хочешь, расскажу тебе одну короткую историю? Молчишь? Ладно, буду считать твое молчание знаком согласия. Так вот, однажды я получил сообщение от незнакомой мне женщины, и то, что она написала, повергло меня в эмоциональный шок.

«Дорогой Ильясаф! – писала она. – Кажется, я понимаю, почему люди любят ваши произведения. Они полны жизни и искренности, честности с собой и одухотворены общением с Богом. Это редкое качество, когда настоящий мужчина смело и правдиво, со всей откровенностью рассказывает о своей жизни. И будто ощущается присутствие божественности».

Как мне быть и что делать после этих восторженных слов? Ведь ты сам знаешь, что писательская участь – уединение и одиночество, а я так устал от этого...

Мне часто вспоминается, как на следующий день после моей защиты кандидатской диссертации в Московском институте управления имени Серго Орджоникидзе я получил заманчивое предложение работать в одном из самых известных строительных трестов Москвы. Мне предложили важную должность заместителя управляющего треста по производству. «Через два года ты будешь иметь квартиру в Москве, да и я уже собираюсь на пенсию», – уговаривал меня

управляющий трестом. А было-то мне всего 32 года, но я уже успел отработать на комсомольской ударной стройке главным инженером управления, а затем начальником управления инженерной подготовки производства треста.

Моя маленькая семья в полном сборе. Я, жена и двое моих дочерей обсуждаем, как нам быть дальше: оставаться в Москве или возвращаться домой и не искушать судьбу. Тогда я еще дневника не вел, считал эту затею пустым времяпровождением, потому что во всем моем теле колоссальная, неиссякаемая энергия жизни была ключом. Уверенность в себе, в своих потенциальных возможностях позволяла мне трезво осознавать, что я готов ставить перед собой самые честолюбивые цели и достигать их. Я не помню, как проходили наши семейные дебаты по поводу того, оставаться и продолжать жить Москве или валить к себе домой. Короче, Инна пожаловалась, что в Москве солнце – крайне редкое явление, а Жанна – та, вообще, привела убийственный довод: в Москве не растут абрикосы.

Жаль время, и я именно тот человек, который твердо убеждал себя и своих друзей в том, что время не восстанавливается, а имеет способность заканчиваться. Стыдно прежде всего перед самим собой, хотя эти две недели полностью были отданы книгам и спорту, но все равно я чувствовал, что во мне происходили непонятные, ранее неиспытанные, необъяснимые чувства. Давление в порядке, ритм сердца нормальный, сахар почти в норме, а ощущаю себя некомфортно: нет смелости, задора, уверенности в действиях. Мне казалось, что это все временно, но с каждым новым днем сознание не в состоянии было активизировать мою творческую деятельность, иногда даже по утрам. Для меня утро – самое любимое время суток, когда легко думается и пишется. А ведь работать-то надо. «С таким настроем ты слона точно не продашь», – вспомнил я притчу неизвестного происхождения «Великолепный слон».

Встречаются два друга. Один от счастья просто светится. Второй его спрашивает:

– Ты что такой счастливый?

– Да вот, слона себе купил!

– Ну и что?

– Как и что?! Дети от него в восторге: он их на спине катает, в школу возит, на хоботе поднимает на второй этаж, следит за ними... Только вот уроки за них не делает. Посуду сам моет. В доме идеальный порядок, во дворе тоже. Жена в восторге! Так он еще и дом охраняет – кто же полезет, увидев слона? На работе занимаюсь только делом, по поводу дома не беспокоюсь. За последние несколько месяцев, как слона купил, заработал больше, чем за весь прошлый год!

Друг задумался, а потом говорит:

– Слушай, продай мне его!

– Да ты что? Как это продай?! Да слон – это мое все! Не могу.

Стал друг его просить. После долгих уговоров согласился первый продать слона за очень большие деньги. Прошел месяц. Встретились друзья, а тот,

кто слона купил, похудел, под глазами синяки от бессонницы, да и сам мрачный и понурый. Другой его спрашивает:

– Что случилось?

– Да слон этот, будь он неладен!.. Весь дом разломал, весь сад уничтожил, дети его боятся, спать по ночам не дает – трубит, проклятый. Дома вонь. Соседи жалуются, жена ушла. Деньги кончаются, делом заниматься некогда – только и успеваю чинить то, что этот проклятый слон ломает.

А друг ему и говорит:

– Нет, брат, с таким настроением ты слона не продашь!

Глава 32

Первая запись в моем дневнике за последние две недели, но зато такая потрясающая, аж дух захватывает: 7 декабря 2017 года в истории еврейского народа произошло знаменательное событие – США признал Иерусалим столицей государства Израиль. «Я решил, что сейчас пришло время официально признать Иерусалим столицей Израиля. Израиль является суверенным государством, которое вправе принимать решение о местонахождении собственной столицы», – передавала CNN слова американского лидера. «Америка, могущественное государство, а вы главный волшебник этой прекрасной страны, ставшей последним убежищем для многих людей на свете», – писал я в своем открытом письме президенту США Дональду Трампу. Вглядываясь в грандиозные сооружения Нью-Йорка и Чикаго, я с удивлением и восторгом спрашивал самого себя, как обычные люди могли сотворить такое сверкающее великолепие.

Нью-Йорк, плавильный котел человеческих судеб, наводненный людьми разных вероисповедований и национальностей, их запахами и звуками, стал и для меня любимым городом. Жизнь в столице мира настолько интересна и полна колоссальных возможностей, что не найти себя в городе на Гудзоне было бы непростительно. Но и здесь горские евреи не упустили свой шанс: большое яблоко пришло им по вкусу и город небоскребов стал неотъемлемой частью их жизни. Надо отметить, что, объявив Иерусалим израильской столицей, США стали первым государством, сделавшим это с момента основания Израиля в 1948 году. Поводом послужила Шестидневная война, в ходе которой Израиль, разгромив последовательно египетскую, сирийскую, иорданскую армии, получил контроль над сектором Газа, западным берегом реки Иордан, Голанскими высотами, Синаем и Восточным Иерусалимом.

Вспоминаю, как 5 июня 1967 года Еврейская слободка Дербента замерла, прильнув к радиоприемникам. Мы со страхом и надеждой, отчаянием и восторгом слушали «вражеские голоса» Израиля, США, Англии. Еврейский народ, вечно угнетенный, гонимый и униженный, прошедший изгнания, рассеяния, инквизицию, холокост и «пятую графу», восстал из небытия. Израиль за шесть дней войны повзрослел на тысячи лет, обеспечив своему народу достойное место в будущей истории человечества. Гордость за свой народ, за себя, за то, что принадлежишь к избранному Богом народу, граничащая с неумеренной, высокомерной гордыней, была важнейшим итогом Шестидневной войны Израиля. Мы на слободке почувствовали, что вдруг стали частью далекой, но ставшей для нас удивительно близкой и родной страны. В нашем сознании фраза из Пасхальной Агады «В следующем году в Иерусалиме!» стала словесным символом и горских евреев Дербента.

Уже больше тридцати лет прошло с тех пор, но я и поныне помню тот вечер, как будто это произошло вчера. Я впервые оказался в знаменитом Колонном зале Москвы, в котором торжественно отмечали юбилей Низами Гянджеви – классик персидской поэзии и один из крупнейших поэтов Среднего Востока. Я сидел на шестом ряду, поэтому мог отчетливо видеть Егора Лигачева, Гейдара Алиева и Карена Демирчяна, тогдашних коммунистических руководителей великой страны. Они чинно, бок о бок восседали в президиуме. Разве можно было допустить в то время, что через десять лет армяне и азербайджанцы станут злейшими врагами и будут воевать в течение многих последующих лет за Нагорный Карабах. Первая карабахская война унесла жизни более 30 тысяч человек, более миллиона человек сделала беженцами. Переломным моментом в 1992–1994 годы стал захват армянскими подразделениями города Шуша. Построенный вокруг крепости, возведенной на горном плато площадью в дватри квадратных километра, он стал неприступным региональным форпостом. Овладение им во многом определило исход дальнейшего противостояния. Бои за город закончились 9 мая 1992 года. На штурм у армянских военных ушли примерно сутки, а участие в нем принимали многие люди, сделавшие впоследствии серьезную политическую карьеру, – в частности, будущий президент НКР, а затем и Армении Роберт Кочарян.

Сотни тысяч жителей Азербайджана вынужденно покинули свои дома, как когда-то евреи, ставшие первыми беженцами и вынужденными переселенцами в истории человечества. Из Библии известно, что Моисей в 1446 году до н. э. вывел из Египта более миллиона евреев – 600 тысяч мужчин и членов их семей, освободил их от рабства. По воле Бога долго плутал с избранным народом по Синайской пустыне, пока не привел на Землю обетованную – Ханаанскую – к берегу Иордана у горы Нево. Там Моисей и умер. В 586 года до новой эры вавилоняне под предводительством царя Навуходоносора захватили Иерусалим и полностью разрушили Храм Соломона, главное культовое сооружение еврейско-

го народа, насильственно переселив значительную часть населения Иудейского царства в Вавилон. Спустя всего 6 лет после окончания строительства нового, роскошного Иерусалимского храма, в 70 году н. э. он вновь был разрушен. В старинных книгах отмечалось, что к моменту его разрушения это было одно из самых величественных сооружений того времени. Современники утверждают – храм был весь покрыт золотом и при ярком солнце сиял ослепительным блеском. «Как ни печальна и прискорбна гибель творения, удивительнейшего из всех ведомых миру и по объему, и по великолепию, и по роскошной отделке отдельных частей, славившегося к тому же еще своей святостью, однако утешением должна служить мысль о неизбежности судьбы для всего живущего, для всех творений рук человеческих и для всех мест земли» (Иосиф Флавий, Иудейская война, Кн. 6 5:8).

Война за Иерусалим длилась пять месяцев. В Риме победа была ознаменована триумфом – победители пронесли захваченные в храме золотые украшения и священные реликвии. «Предметы добычи носили массами, но особенное внимание обращали на себя те, которые взяты были из храма, а именно: золотой стол, весивший много талантов (1 талант \approx 30 кг, АТ), и золотой светильник, имевший форму, отличную от тех, какие обыкновенно употребляются у нас, – рассказывал один из самых известных гидов в Риме туристам из Израиля. – Ученые подсчитали, – продолжал он свое эпическое повествование, – что всего там могло быть порядка 4 500 талантов золота, то есть свыше 100 тонн, и достались они победителю, воплотившись в один из самых грандиозных памятников Античности – Амфитеатр Флавиев, Колизей. Чтобы возвести это огромное сооружение, использовался труд 60 000 евреев, которые были угнаны в рабство в результате Иудейской войны и разграбления Иерусалима (эта история изображена на арке Тита на Римском форуме)».

Ученые, занимающиеся историей испанского еврейства, полагают, что первые евреи стали заселять Пиренейский полуостров после разрушения Второго храма. Во времена Римской империи отношение к евреям в испанских землях было довольно благожелательным. Нередко христиане-земледельцы просили раввинов благословить их поля. С усилением влияния католической церкви положение евреев резко ухудшилось. Весной 1492 года был зачитан указ, обязывавший евреев в течение четырех месяцев креститься или покинуть страну. Всякий еврей, оставшийся в Испании после этого срока, объявлялся вне закона. Евреям разрешили продать свое имущество и взять с собой некоторые вещи, за исключением золота, серебра, жемчуга и драгоценных камней. Даже самые богатые должны были отправиться в изгнание нищими. Многие поспешили покинуть страну, а некоторые, приняв христианство, оставались до последнего дня. Выселить до 31 июля 1492 года всех евреев не удалось, и король Фердинанд продлил срок до 2 августа. Девятого августа, в День траура по разрушенному Иерусалимскому храму, последний еврей покинул пределы

Испании. Главным центром испанского еврейства в те далекие времена была община Толедо, в которой проживало около 10 000 евреев при общем количестве жителей города в 100 000 человек. В Толедо на то время было 10 синагог, многие из них сохранились и поныне, правда большинство функционируют как музеи, и не более того.

Немало изгнанников направилось в Португалию. А 4 декабря 1496 года был издан указ об изгнании из Португалии всех некрещеных евреев в течение десяти месяцев. Впрочем, португальский король Мануэл вовсе не хотел терять таких необходимых его стране торговцев и государственных деятелей. Он задумал насильственно крестить их и удержать в своей стране, для чего издал новый указ о насильственном крещении детей от 4 до 14 лет, а затем поднял этот возраст до 20 лет. Но этот указ лишь ускорил бегство евреев из страны. И король разрешил уезжать только из столицы страны – Лиссабона, где вскоре скопилось около 20 тысяч ожидавших отъезда евреев. Тогда 19 марта 1497 года Мануэл приказал солдатам силой загнать евреев в церкви и там крестить. Вожди португальских евреев во главе с главным раввином Шимоном Маими предпочли крещению смерть. До сих пор исследователи спорят, сколько евреев Испании покинуло страну в то время. Наиболее обоснованной выглядит цифра в 250–300 тысяч человек. Примерно столько же потомков «новообращенных» после предыдущих репрессий и принявших христианство в этом трагическом году осталось в Испании.

В своем открытом письме Королю Испании, Его величеству Хуану Карлосу, я написал: «Я кавказский еврей, порой нас называют горскими евреями, а иногда даже татами. Вы, по всей вероятности, не знакомы с моим народом. Да и в России, где я родился и вырос, многие не знают, кто такие кавказские евреи. На вопрос: “Кто такие горские евреи и откуда пришли на Кавказ?”, я всегда с гордостью отвечаю: “Вы бывали в Испании? Так вот, мы оттуда, мы испанские евреи”. Мадрид – чудо город, а его жители необыкновенно приветливые и доброжелательные люди, красивые и уверенные в себе мужчины и женщины. Вглядываясь в их лица, мне казалось, что я такой же, как они, что со многими из них я давно знаком. Просто я возвратился домой, к своим родным и близким после долгой разлуки. Находясь в Толедо, в Синагоге дель Трансито, я чувствовал дух моих далеких предков, которые жили и творили в этом городе, они внесли неоценимый вклад в развитие эпохи Ренессанса в Испании. Прогуливаясь по узким улочкам древнего города с кипой на голове, я не чувствовал себя чужим в этом городе. Ваше Величество, Толедо и мой город».

11 июня 2015 года парламент Испании одобрил принятие закона, позволяющего потомкам сефардских евреев приобрести гражданство Испании. Закон о гражданстве Испании для евреев вступил в силу 1 октября 2015 года. В первый год испанские власти планировали предоставить гражданство Испании по еврейской линии 150 тысячам заявителей. В том же 2015 году и Пор-

тугалия приняла новый закон, чтобы исправить историческую и моральную несправедливость. Этот закон, который напоминает израильский Закон о возвращении, прокладывает путь для потомков евреев из Испании и Португалии стать гражданами Португалии.

«Забыть о событиях холокоста – значит убить еще раз», – писал Эли Визель, правозащитник и человек, переживший холокост. Холокостом называют систематическое уничтожение нацистами и их союзниками шести миллионов евреев во время Второй мировой войны. «Холокост» – слово греческого происхождения, оно означает «жертва сожжения». Для нацистов цель так называемого окончательного решения еврейского вопроса состояла в истреблении всех евреев в Европе. Большинство жертв погибли в концентрационных лагерях, таких как Аушвиц-Биркенау, многие погибли от рук оперативных карательных отрядов, остальные умерли в гетто, подобном тому, что был в Варшаве. Большинство из 3 миллионов оставшихся в живых эмигрировали куда-то. Только за период с 1933 по 1939 год Германию и Австрию вынужденно покинули около 330 тысяч евреев. На тему холокоста снято много фильмов и написано множество книг. Эрих Мария Ремарк, немецкий писатель, представитель потерянного поколения, в своих романах «Триумфальная арка», «Ночь в Лиссабоне» и «Земля обетованная», лейтмотивом которых была излюбленная прозаиком тема вынужденной эмиграции, был принужден сам покинуть родную Германию. Читая эти книги, мне казалось, что Ремарк писал обо мне, – настолько судьбы эмигрантов схожи, и совсем неважно, в какие периоды человеческой истории происходили эти трагические события.

Семидесятые годы XX столетия: семья за семьей, брат за братом, сосед за соседом – поднялись и стремительно ушли из еврейской слободки Дербента, оставив самое ценное, почитаемое еврейским народом из поколения в поколение – могилы предков. Они верили и надеялись, что там, «на другой планете», обязательно найдут свое счастье и заживут достойно, по-человечески. И на этот раз, как когда-то сотни лет назад в Испании, горские евреи оставили все, дома на слободке продавали за бесценок. Сегодня горские евреи проживают во многих странах мира: США, Евросоюзе, Канаде, Австралии, России, Азербайджане и, конечно, в Израиле. Есик, мой одноклассник, не успел уехать. Его убили в Хабаровске, куда он уехал после окончания института. Ему было всего двадцать три года. Несколько пьяниц зарубили его топором за бутылку вина. В душе я сочувствовал азербайджанцам, которые вынужденно перебрались в Россию, и беженцам, которые остались и продолжали жить в палаточных городках вдоль новой границы между Азербайджаном и Арменией.

В 1994 году на вертолете министра обороны Азербайджана, Мамедрафи Мамедова, я совместно с делегацией спонсоров из разных стран Ближнего Востока и Европы посетил самый крупный палаточный городок беженцев. Я видел такое лишь в документальных фильмах, в основе которых лежали съемки

подлинных трагических событий. В палатках всевозможных типов и размеров размещалось все для монотонной нищенской жизни: школы, детские сады, поликлиники, больницы, пекарни, столовые и жилище. Много молодых, сильных мужчин слонялись без дела туда-сюда. Больше всего меня поразило то, что они были крайне равнодушны к реально сложившейся жизненной ситуации.

– Как же так? – с удивлением спросил я нашего проводника. – Почему эти парни так спокойно и безмятежно играют в нарды, когда их семьи влачат жалкое существование в палаточном жилье с глиняным полом? Ведь азербайджанцы всегда слыли мастеровыми людьми. У меня самого на стройке работали несколько бригад из Азербайджана, которые приходили на работу ни свет ни заря и уходили поздним вечером.

– А сейчас, – безучастно ответил помощник министра, – эти парни требуют все блага жизни от правительства страны, которая в нынешней экономической ситуации не в силах удовлетворить их законные, но чрезмерные требования.

Я часто вспоминаю один забавный случай, больше похожий на детективную историю, который приключился со мной на центральном рынке Баку. Я уговорил помощника министра, рассказав ему о своем детстве в еврейском квартале старого города, который был расположен буквально в трех остановках трамвая от рынка. Мы, пацаны, рвались на рынок, чтобы выпить стакан свежесжатого гранатового сока или сока из черного тутовника. Наш двор на Видади, 98 был межнациональным: устраиваясь на ночлег на крыше дома, со всех концов узкого, маленького дворика раздавались слова предостережения в наш адрес на армянском, грузинском, азербайджанском и еврейском языках. А по утрам нас будили звучные голоса армянок – продавщиц лаваша, мацони, брынзы и душистой зелени. У читателя может возникнуть вполне резонный вопрос: «Как же так, все время писал о своем беззаботном детстве и юности на слободке в Дербенте, а сейчас так живо и красочно повествуешь об увлекательных приключениях из прошлой своей жизни в Баку». Дело в том, что мои предки были родом из Баку, отец вообще родился в этом прекрасном городе. Мои ближайшие родственники рассказывали, что моя бабушка так и не смогла привыкнуть к жизни в Дербенте, поэтому много времени проводила в Баку и зачастую брала меня с собой. Когда бабушка скончалась, моя тетя, старшая сестра отца, по привычке забирала меня на лето в этот солнечный город.

Побывать на восточном рынке и не торговаться – грех и преступление. Истошные призывы и душераздирающие крики торговцев, всеобщая суматоха и оживленная суэта рынка, как будто не было той жестокой войны, которую Азербайджан совсем недавно позорно проиграл Армении. Мне казалось, что и палаточный город на десятки тысяч людей, который я только вчера посетил, был лишь живописной декорацией, для того чтобы убедить иностранных инвесторов в том, что страна остро нуждается в гуманитарной помощи. Мне сдавалось, что войны, в которой погибли десятки тысяч солдат и офицеров с обеих сторон, не

было вовсе. Что не были захвачены обширные территории Азербайджана вокруг Нагорного Карабаха. Кругом бурлил людской водоворот и необычное, для военного времени, праздничное оживление. Я случайно заметил, как несколько небритых мужчин, переглянувшись между собой, кивнули в мою сторону.

– Эй, друг, черная икра нужна? Есть и осетрина, еще сегодня она плавала в Каспийском море, – уж очень смело, во весь голос произнес один из них.

Я помахал головой.

– Нет, парни, – вежливо ответил я, стараясь поскорее ретироваться с этого места.

Несколько лет назад на рынке «Кармель» в Тель-Авиве, одном из самых известных среди подобных рынков Израиля, я так и не смог без финансовых потерь покинуть то место. Я слышал буквально все, о чем переговаривались между собой грузинские евреи. «Смотрите, как сейчас я уделаю этого фраера в костюме», – высокомерно сказал один другому, и, что интересно, переговаривались они на русском языке попеременно с ивритом. Даже несмотря на то что я знал о его намерении, он все-таки меня обработал по полной программе. Я выложил ему за четыре майки сто баксов и уже через пару минут понял, что меня одурачили, как последнего фраера, когда рядом увидел такие же майки в пять раз дешевле.

Мясной ряд Бакинского рынка меня просто поразил. На сотни метров последовательно висели разделанные туши баранов, – казалось, что им нет конца. Помощник министра, заметив мой удивленный взгляд, сказал: «Бараниной у нас торгуют только беженцы – это их бизнес».

«Вот бы эти туши баранов к нам в Израиль, – подумал я, восхищаясь этим великолепным зрелищем, – они долго не висели бы, терпеливо ожидая своих покупателей, их бы вмиг раскупили».

На выходе с рынка нам жестоко повезло: мы снова встретили тех же самых небритых парней. Они вновь, но уже нагло и бесцеремонно предлагали икру и осетрину. Один из парней, взяв меня грубо под руку, подвел к прилавку, где второй уже расставлял огромные тушки осетров, и тут же на прилавке появилась трехлитровая банка черной икры. Собралась толпа зевак, мы с полковником обменялись взглядами – это была не просто встреча взглядов, а возможность сговориться языком жестов и мимики лица. Он поддержал меня и молча наблюдал за этой комической сценой. Когда предприимчивые торгаши поняли, что я не был готов купить у них ровным счетом ничего, начали откровенно хамить. Но тут я уже не выдержал, моя молниеносная реакция на неожиданную ситуацию загнала парней в стопор. Я, дерзко взглянув на них, спросил их только об одном, где и в каких войсках они проходили службу в армии. Наглость, развязность, циничность как рукой смело, ими овладел панический страх, а когда я обратился к офицерам, которые были в гражданской одежде, чтобы они проверили этих парней на предмет того, служили ли они, вообще,

в армии, то незадачливые торгаши потеряли дар речи. «Так вот, друзья, у вас сейчас заберут удостоверения личности, вы их получите только в том случае, пока все это добро не будет передано вами в качестве благотворительной помощи Бакинскому военно-морскому училищу. Нельзя выиграть войну, когда одни граждане воюют, а другие блаженно празднуют», – прощаясь, сказал я неудачливым торгашам.

В составе израильской делегации я участвовал во втором съезде азербайджанцев мира, который проходил в Баку в марте 2006 года. Азербайджан уже в то время по своему экономическому и военному потенциалу превратился в лидирующее государство региона, что воодушевило его руководство к смелым заявлениям по защите национальных интересов страны. Вспоминаю, как президент Ильхам Алиев во главе большой группы правительственных чиновников, прибыл во дворец для участия в съезде. Они расположились в зрительном зале, не то в десятом, не то в одиннадцатом ряду, но точно помню, что наша делегация сидела прямо под ними на один ряд ближе к сцене. Таким образом, обернувшись, я мог близко разглядеть президента Азербайджана. Сегодня можно точно сказать, что Ильхам Алиев, взяв на себя всю ответственность за будущее нации в XXI веке, стал достойным сыном великого отца – Гейдара Алиева. Он сдержал обещание, данное им в конце своего выступления: «Я хочу завершить свое выступление перед вами фразой, которую евреи, прощаясь, обычно говорят друг другу: “В следующем году в Иерусалиме”. Я же хочу сказать вам, мои дорогие земляки: “В следующем году в Шуше”».

Детали Второй карабахской войны еще не до конца раскрыты, однако нет никаких сомнений в том, что операция по освобождению Шуши от оккупации, по сути, предредила исход новой войны. Один из зарубежных журналистов, находившийся в то время в Ханкенди, так описывал незавидное положение армян: «Армянская армия в Шуше разгромлена. Десятки раненых на военных машинах скорой помощи транспортируются в больницу в Ханкенди. Остальные военнослужащие, измотанные, спускаются вниз по горам, снимая с себя и сбрасывая вдоль дороги военную форму. Без конца приезжают и уезжают машины скорой помощи. В автомобилях раненые солдаты уложены прямо друг на друга. Травмы, которые они получили, являются доказательством того, что имел место рукопашный бой». В другом репортаже, опубликованном в те дни изданием *Le Monde*, говорилось, что поверженные военнослужащие армянской армии, получив ранения разной степени, покидают Шушу и бегут в Ханкенди. 8 ноября Верховный главнокомандующий Ильхам Алиев сообщил народу весть об освобождении Шуши. На следующий день были освобождены еще более чем 70 сел, а днем позже Пашинян был вынужден подписать акт капитуляции, приняв условия президента Азербайджана. И снова сотни тысяч беженцев, но уже армян. Я обнаружил, как в парикмахерской, которую я регулярно посещаю, незаметно для меня всеми мастерами оказались армянки.

Оглядываясь назад, в прошлое, я хочу высказать свое мнение по поводу сокрушительного поражения армянской армии во Второй карабахской войне. Оно было неизбежно, потому что сами армяне не верили в блестящую будущность своей родины, иначе они не покидали бы свое отечество такими стремительными темпами, больше похожими на смертоносную снежную лавину с Эльбруса. «За 30 лет независимости из Армении эмигрировало 1,6–1,7 млн человек, или 30 % населения», – сообщил председатель комиссии по вопросам миграции Общественного совета, эксперт Гагик Еганян. – Из них 1,1–1,2 млн эмигрировали в Россию, около 150 000 – в США, 120–150 000 – в Европу, остальные – в разные страны СНГ и другие государства: от далекой Зеландии до Израиля».

– Если эмиграция из страны будет продолжаться такими темпами, то Азербайджану не нужно будет начинать новую войну, они захватят Армению за пару недель, не сделав при этом ни одного выстрела, – с горечью сказал мне на нашей приватной встрече в Ереване один из чиновников, близких к руководству страны.

– Ты знаешь, – сказал я ему в ответ, – было время, когда каждый армянин, достигший финансовых успехов, покупал жилье в Ереване. Это было престижно и круто, но сейчас они бегут со своей родины без оглядки, аж пятки сверкают. Куда делся, черт возьми, ваш хваленый патриотизм? Вам никак нельзя сравнивать себя с еврейским народом, который, несмотря на то что история существования Израиля это непрекращающаяся война, продолжает эмигрировать на свою историческую родину.

Мой собеседник только развел руками.

Глава 33

События, связанные с Колонным залом в Москве, снова, словно острые искры, пробежали по жилам, пронзили сознание и резко всколыхнули мою память. На этот раз в этом замечательном зале проходили дни Красноярского края в Москве. Губернатор Лебедь был во фраке и с бабочкой на шее, я тогда еще подумал, что ему очень даже идет фрак. «Илья, – обратился он ко мне коротко, – нам нужны порты в Волгограде». Транспортировка леса в Западную Европу через южные порты России, даже имея временную перевалочную базу в Волгограде, были гораздо экономичнее, чем через порты Дальнего Востока. С генералом Лебедем Александром Ивановичем я познакомился случайно по роду своей работы и вплоть до его трагической гибели в апреле 2002 года представлял интересы Красноярского края на Северном Кавказе.

В то время я, помощник начальника Северо-Кавказской железной дороги, был командирован в крупнейший лесной регион России для заключения контракта на поставку крайне дефицитных пропитанных шпал, которые было сложно приобрести даже за живые деньги. Вот, когда мои добрые отношения с генеральным директором «Сибирьэнерго», Владимиром Зубковым, сослужили мне хорошую службу. Три года назад по поручению Станислава Ильсова, руководителя ЮЖМЭС, я сопровождал Зубкова и его семью по Кавказским Минеральным Водам. На вечеринке, устроенной Зубковым в элитном дачном поселке на берегу Енисея в честь своего дня рождения, было много известных в крае людей, присутствовал и вице-губернатор. Какие экономические отношения были у Красноярского края с Чечней, я не знал, но то, что край искал возможности поставки в разрушенную войной Чеченскую Республику продовольствия и продуктов питания, было известно всем. И вот тогда мне пришла в голову идея, которую я в доступной форме изложил заместителю губернатора. Я помню, что он сразу и по достоинству оценил изюминку моего предложения. На следующий день все было решено: Северо-Кавказская железная дорога получала шпалы в счет взаиморасчетов, дорога брала на себя обязательства поставки в Чечню продовольствия по заявкам Красноярского края. Но самое интересное было в том, что у меня на руках появилось распоряжение с подписью самого Лебеда о моем назначении генеральным представителем края на Юге России. Вот так я в глазах начальника дороги стал человеком, который мог решить самые трудные вопросы.

Как-то на очередной нашей встрече заместитель командующего войсками по строительству и расквартированию войск военного округа, генерал-лейтенант Леонид Шатворян неожиданно, как бы ненароком спросил меня: «Что, Илья, твой командующий продолжает пить? – Не дождавшись ответа, он на удивление мягко продолжил: – Как твой шеф не понимает, что сегодня начальник СКЖД – император Северного Кавказа, а он беспробудно пьет где попало и с кем попало».

Владимир Бондаренко (имя и фамилия вымышленные) был высокого роста, где-то под метр девяносто, голубоглазый красавец, больше похожий на голливудского супермена. Парадная форма одежды делала его неотразимым, от него невозможно было оторвать восторженного взгляда. Помню, как Равиль Чердабаев, аким Атырауской области, сопровождаемый группой региональных руководителей Западного Казахстана, в составе которой был и начальник Западно-Казахстанской железной дороги, в завершение визита на СКЖД сказал: «Вы, Владимир Александрович, достойный мужчина, с которым можно и нужно иметь дело».

Фельдман, первый заместитель начальника дороги, знал, что визит казахстанской делегации был целиком и полностью инициирован мною. Через несколько дней он в моем присутствии обратился с необычной просьбой к начальнику дороги:

– Передай Илью мне.

– Нет, – недолго думая сказал в ответ начальник дороги, – Илья нужен мне самому.

Мне, конечно, это здорово льстило, да и моя самооценка в своих собственных глазах возрастала неимоверно. А чуть позже Фельдман пригласил меня к себе в кабинет. Глядя прямо и откровенно мне в глаза, от чистого сердца предложил мне стать своим главным помощником. Мысли, путаясь в голове, беспорядочно разбегались в разные стороны, но одну из них я все-таки словил.

«Надо же, – думал я, – оказывается, я могу быть полезен чиновникам самого высокого ранга».

Я взглянул на Фельдмана вопросительно, и он все понял. «Это мои проблемы», – сказал он, положив руку на сердце, но этот жест не означал, что он искренне, от чистого сердца желает мне добра. Я знал, что он был серьезно болен, но ему было все равно, он работал сутки напролет. На его долю выпало настоящее испытание в ходе восстановления народного хозяйства Чеченской Республики, которое происходило непосредственно во время контртеррористической операции. Вскоре Фельдман скончался от внезапной остановки сердца, я давно так горько не сожалел о смерти совершенно чужого мне человека.

Основной экспортный груз, а это миллионы тонн металлопроката, зерна, химических удобрений и других ресурсов, в том числе из республик Средней Азии, шли через СКЖД на Новороссийский порт. Начальник дороги имел право предоставлять сопредельным дорогам скидку в размере 15–20 % от тарифа, порой скидка могла достигать и до 40 %, многое зависело от его сиюминутного, порой даже эгоистического желания. Крупные экспортеры были крайне заинтересованы в дружеских отношениях с начальником дороги. Если им не удавалось установить доверительные отношения, в ход могли пойти самые грязные методы, вплоть до анонимок в генеральную прокуратуру, государственную думу и другие проверяющие органы. Я, конечно, свечку не держал, но такие разговоры всюду шли в среднем звене управления дорогой.

Похоже, сейчас я подхожу к одному из самых гнусных эпизодов моей работы на СКЖД. Кто-то из ближнего окружения начальника дороги написал на него анонимку на двадцати страницах, и не куда-нибудь, а прямо Генеральному прокурору и председателю Государственной думы России. Многие сотрудники дороги отвечали на вопросы особой следственной группы из Москвы, в том числе и мне пришлось отвечать на неудобные, порой просто провокационные вопросы. Слухи, сплетни, разговоры заполнили коридоры и кабинеты дороги. Недруги злорадствовали, а доброжелателей у него почти не было, все закончилось в конце концов строгим выговором, что автоматически повлекло за собой понижение в должности. Его назначили руководителем Ростовской железной дороги. Спустя год я посетил своего бывшего шефа. Несмотря на то что Вла-

димир Александрович был достаточно молод, выглядел он глубоким стариком. Водка брала свое, вскоре и он скончался.

Адам Якубов, мой близкий друг, закончил экономический факультет Московского института инженеров транспорта, и вот, когда я рассказал ему эту почти неправдоподобную историю из моей прошлой жизни, он удивился только одному – как я оказался на таком ответственном посту, причем в крупнейшей компании Северного Кавказа, без специального образования.

Эта история еще более любопытная и увлекательная, а главное, она правдивая и поучительная. Как сейчас помню, я возвращался из Краснодара, куда был командирован для организации встречи Максюты с губернатором Краснодарского края. Проезжая мимо очень красивого и величественного здания, построенного в Ростове-на-Дону в царское время, я невольно, вслух спросил самого себя:

– Интересно, что это за здание?

– Управление СКЖД, – ответил мой водитель.

Мы уже почти проехали это современное здание, но что-то меня остановило.

– Возвращайся, – приказал я водителю, – и подъезжай ко входу.

– Но сегодня суббота, – возразил он, – и вряд ли кто-то там есть.

– Возвращайся, – упрямо настоял я, а сам подумал – чем черт не шутит.

Я помнил, с какими невероятными трудностями сталкивался наш главк для вывоза щебня с карьеров, расположенных в Ростовской области. Недостатки вертушек и полувагонов, дорожные тарифы, которые были значительно выше, чем стоимость самого щебня, – все это было основными темами на всех буквально коллегиях главка.

– Начальник дороги у себя? – смело и решительно спросил я охранника.

Он опешил, но кивнул головой, молча, не задавая вопросов, пропустил меня внутрь, даже услужливо подсказал, где расположен его кабинет. В приемной сидели несколько секретарш, разодетые в яркую одежду. Женщины молча, словно языки проглотили, глазели на меня. Они минуту-другую не спускали с меня своих вопросительных взглядов, – еще бы, на мне был безупречный темно-синий итальянский костюм, белая рубашка и модный галстук в придачу.

– Как доложить о вас? – спросила меня худощавая, высокая брюнетка.

– Советник губернатора Волгоградской области – Азарьев.

Когда мне вежливо сказали «входите», я испытал легкое волнение, но невероятно пьянящий юношеский азарт охватил мое сознание.

«К стенке же не поставят, – сказал я мысленно самому себе. – Давай, действуй!»

Несмотря на то что начальник дороги сидел за рабочим столом, который стоял в самом углу огромного кабинета, я легко разглядел его лицо. «Господин Азарьев, добро пожаловать, проходите пожалуйста, присаживайтесь, чай, кофе, может стопку коньяка?» – предложил он мне. Я задержался у него

в кабинете на целых два часа. Он был удивлен моими познаниями о мощнейшей минерально-сырьевой базе Ростовской области. Ежегодно миллионы тонн щебня с ростовских карьеров приобретал наш главк для своих железобетонных заводов и строительных трестов, а я, работая в стройиндустрии главка, как раз и занимался вопросами планирования и контроля поставок щебня, цемента и металлопроката. Карьеры Ростовской области оказались самым больным местом СКЖД – они были неплатежеспособные, и вдруг такой кадр объявился, а времена-то были очень интересные: бартерные отношения господствовали во взаимоотношениях между компаниями. А когда я умело подогрел его интерес к крупнейшей на то время стройке в Западном Казахстане, где Шеврон разворачивал гигантскую стройку того времени на постсоветском пространстве, я уже мог требовать все что угодно. Мое предложение об организации в Волгограде регионального офиса СКЖД со штатом в четыре менеджера он поддержал не раздумывая, а я официально стал генеральным директором представительства – помощником начальника дороги. Чем закончилась вся эта захватывающая история, вам уже известно.

«Черт бы меня побрал, – выругался я в сердцах, – я же ведь ничего не написал о Рохлине Льве Яковлевиче».

Глава 34

«Интересно, что же такое стряслось», – подумал я, с тревогой взглянув на входящий вызов.

– Николай Николаевич, неужто за прошедшую ночь разбомбили мост через реку Сунжу, о восстановлении которого вы только вчера так обстоятельно докладывали начальнику дороги? – с робкой надеждой на лучшее, спросил я командира железнодорожного корпуса Гурова.

– Нет, слава богу, с мостом все в порядке! – твердо сказал он, затем бодро продолжил: – Лев Яковлевич просил меня взять тебя с собой на встречу с ним в Госдуму.

Настоящее испытание на долю подчиненных генерал-полковника Гурова выпало в ходе выполнения специальной военной операции в Чеченской Республике. В Чечню железнодорожные войска пришли именно для того, чтобы сохранить находящиеся там объекты железной дороги. Сутками, днем и ночью, железнодорожную сеть патрулировали специальные поезда, сопровождали гражданские и военные эшелоны, реконструировали и восстанавливали мосты и

переходы. Штаб железнодорожного корпуса находился в Волгограде, и поэтому я всячески старался поддерживать Гурова, своего земляка и давнего знакомого. Чаще всего это касалось оперативной организации рабочих совещаний и его встреч с шефом СКЖД.

Кабинет председателя комитета Государственной думы по обороне был словно улей. То и дело туда-сюда беспрестанно сновали известные всей стране люди, которые постоянно мелькали на экране телевизора. У меня было ощущение, что кабинет Рохлина это вовсе не замкнутое пространство прославленного генерала, а продолжение приемной, где стояли кучками гражданские и военные, которые оживленно обсуждали события последних дней. Многоголосный шум, доносившийся из приемной, не давал сосредоточиться, и поэтому мы с генералом Гуровым так и не смогли насладиться хорошо заваренным чаем. Мы сидели за журнальным столиком в глубоком тылу кабинета Рохлина, а он каждый раз умоляюще смотрел в нашу сторону, когда очередной человек входил с каким-то важным вопросом, отвлекая его от нашей дружеской беседы. Вглядываясь в оживленное, счастливое лицо Льва Яковлевича, мне почему-то вспомнились документальные кадры из фронтового блиндажа, где он давал оперативные распоряжения своим подчиненным, а когда Рохлин взглянул прямо в объектив камеры, то вся страна увидела – правая линза на его старомодных перекошенных очках треснула. Где-то я читал, что трещина в линзах очков указывает на то, что, несмотря на внешнюю прочность в жизни, есть область, которая готова расколоться. Лев Рохлин, генерал лейтенант, за успешное взятие Грозного был представлен к званию Героя России, от которого отказался, посчитав, что не вправе получать награды за войну в своем отечестве. «В гражданской войне полководцы не могут снискать славу. Война в Чечне – не слава России, а ее беда», – обосновывал он свой отказ.

Наверно, многие россияне в то время испытывали чувства восхищения и восторга от действий боевого генерала. Нескрываемая симпатия к Рохлину, – он после отказа от звания Героя России стал всенародным любимцем, – снискала заслуженное уважение ко всей российской армии. Оказалось, что в родном отечестве еще есть настоящие генералы, истинные патриоты своей родины. Душевная доброта и твердость характера, сознание долга и неподкупная честность привлекали к нему всеобщее внимание. Как все люди, я тоже стремился иметь полезные связи, а знакомство с прославленным генералом возвышало меня в собственных глазах, и я этим очень гордился. Мне приходилось часто сопровождать Льва Яковлевича на строительство жилья, предназначенного для военнослужащих, покидающих Германию.

Однажды, когда мы возвращались с очередного совещания, он вежливо, демонстрируя искреннюю заинтересованность, спросил меня, кто я и как стал советником губернатора. Я понимал, в чем суть вопроса – его смущала моя кавказская внешность.

- Долгая история, Лев Яковлевич, – сказал я в ответ и замолчал.
- Рассказывай, у нас есть время до Волгограда.

– Я, комсомольский вожак, принимал активное участие в организации Фестиваля дружбы молодежи СССР и ГДР, который проходил в Волгограде. Как сейчас помню закрытие этого грандиозного шоу. Весь стадион – 40 тысяч молодых людей со всей страны и гости из ГДР – вместе, в едином порыве с Софией Ротару пели песню «Родина моя». Помните эту песню? – спросил я Льва Яковлевича, он махнул головой, и я с удивлением для себя отметил, что он с интересом слушал меня. – Эта песня семидесятых годов была очень популярной и поэтому постоянно звучала в эфире. «Я, ты, он, она, / Вместе – целая страна, / Вместе – дружная семья... / Черных, рыжих и льняных...» Я присутствовал на стадионе – бурный эмоциональный порыв любви к своей могучей и мирной родине волновал душу. Самым трудным было противиться желанию кричать во весь голос: «Я горд за свою страну, я вас всех уважаю и люблю!» Фестиваль успешно завершился, всем организаторам за хорошую работу вручали награды и подарки. Нашей комсомольской организации, которую я возглавлял, достался великолепный приз – 28 путевок на недельную туристическую поездку в ФРГ. Если вы помните те времена, то должны меня понять, какой восторг я испытал от возможности впервые в своей жизни посетить зарубежную страну, да еще какую.

Лев Яковлевич молча, не задавая вопросов, пасмурно смотрел в яркосинее весеннее небо. Мне казалось, что, слушая меня, он все это время размышлял о своей непростой судьбе: бедное детство в Аральской области, учеба в военном училище, Афганистан, служба в Закавказье в самые тяжелые годы распада СССР, Чечня, а после – активное участие в политической жизни страны.

Сегодня мало что известно о том, кем был отец Льва Рохлина. До поры до времени об отце будущего генерала можно было найти крайне скудную информацию. Писали лишь о том, что он ушел из семьи, когда Льву было 8 месяцев, оставив жену с тремя маленькими детьми на руках. В журнале «Кто есть кто» (№ 3 за 1997 год) можно даже найти такие слова: «Отца считали виновником тяжелой жизни, и интерес к нему в семье считался предательством». Сейчас в биографии Льва Рохлина можно найти скупые строки о том, что его отец «судя по всему, умер в ГУЛАГе». В газете русскоязычной Америки «Еврейский мир» в июле 2018 года в статье Марка Штейнберга «Два российских генерала» были опубликованы воспоминания некоего Григория Пустынникова (на самом деле – Гедалия Пустыльника, еврея по национальности, ныне проживающего в Израиле). Этот Гедалий Пустыльник во время войны оказался в плену, но счастливо избежал расстрела, поскольку имел не типичную для еврея внешность – синие глаза при русых волосах. После войны его, как и многих других военнопленных, отправили в фильтрационно-проверочный лагерь. Гедалий оказался в Киргизии. И здесь, в лагере, он сошелся с Яшей Рохлиным и узнал его историю.

Яков Львович Рохлин родился в 1920 году в Киеве. Он окончил Киевский университет по специальности «Лингвистика». Отсидев три года за антисоветскую пропаганду, он был сослан в Аральск, где и познакомился с Ксени-

ей Гончаровой. В 1942 году он был призван в армию, в 1943-м попал в плен, но сумел выжить, выдав себя за татарина и назвавшись Якубом Рахматуллиним. После войны он вернулся к семье, вскоре родился второй сын, получивший имя в честь деда. Но в 1948 году Якову Рохлину припомнили его пленение. Он вновь был арестован, и на сей раз окончательно сгинул в ГУЛАГе. Все эти факты: что Яков Львович был врагом народа, политическим ссыльным, а затем побывал в плену у нацистов, – объясняют многое. Разумеется, Льву Яковлевичу, когда он в 1964 году подавал документы в Ташкентское общевоинское командное училище, нужно было иметь безупречную биографию. Возможно, он решил скрыть свое происхождение от врага народа, да еще и еврея по национальности («пятую графу» тогда еще не отменили).

– Чем же закончилась история твоей поездки в ФРГ? – неожиданно спросил меня Лев Яковлевич, выйдя из задумчивого оцепенения.

– За три дня до вылета меня пригласил на встречу секретарь обкома комсомола, и то, что он мне сказал, просто ошарашило меня.

– Что же он тебе сказал такое, что ты до сих пор помнишь об этом? – спросил меня Лев Яковлевич.

– «Илья, ты же еврей, тебе выезд в капстраны запрещен», – сказал он. Так, в 26 лет я впервые узнал, что я еврей, хотя никогда не скрывал свое еврейское происхождение. В Дагестане, где я родился и вырос, где каждое село или аул говорил на другом языке, где в школе или на улице жили ребята различных национальностей, никто и никогда не задевал эту тему. Это табу было на подсознательном уровне.

– Да, брат, понимаю тебя, – сказал Лев Яковлевич, как-то тепло, по-братски взглянув на меня, затем, чуть помолчав, неожиданно спросил: – Что, до сих пор держишь обиду?

– Нет, я уже не переживаю, но тогда я понял, что в России, как бы я ни работал, всегда буду человеком второго сорта. Но ведь давно известно, все что ни происходит с нами, происходит только к лучшему. Именно после этого события в моей жизни произошли кардинальные изменения, которые впоследствии стали основой моей жизнедеятельности на многие годы вперед. Меня на встречу пригласил начальник нашего главка. Первое, что он спросил меня: «Переживаешь?» – «Нет», – коротко ответил я всемогущему начальнику строительного главка, который благоволил ко мне. «Хочешь, я тебя командирую в Монголию на три года?» Это была мечта всех молодых строителей, потому что давала возможность за короткое время войти в элиту строителей и, что немаловажно, заработать денег на автомобиль «Жигули». Я отказался от этого заманчивого предложения. «Но я готов поехать на любую ударную комсомольскую стройку», – ответил я ему. – Это было самым трудным, но вместе с тем самым лучшим временем в моей жизни. В Сарпинской низменности в Калмыкии на ударной комсомольской стройке работала молодежь

со всей нашей необъятной страны. Азербайджанцы, грузины, армяне, молдаване, украинцы, белорусы, россияне и многие другие. Там я познакомился с выдающимся молодым человеком, калмыком, который в 24 года за боевые заслуги в мирное время был награжден тремя орденами высшей степени важности. Я подумал тогда: «Какая у меня отличная и прекрасная страна, которая умеет по достоинству оценить заслуги своих граждан перед родиной, вне зависимости от их национальной принадлежности». И моя обида прошла и была вытеснена встречами и знакомствами с восхитительными людьми, которые проявили ко мне отцовскую доброжелательность и терпение. Вы же знакомы с Никитиным Иваном Ильичем – замом губернатора по строительству? Так вот, он у нас был в то время управляющим трестом. Он опекает меня и поныне.

Уже подъезжая к Волгограду, Лев Яковлевич спросил меня:

– Чем занят в субботу? – Не дождавшись ответа, он продолжил: – Приезжай к нам на дачу, возьми с собой супругу и детишек.

– В эту субботу никак не получится, я улетаю в Баку на встречу с руководством «Агролизинга», если только на следующей неделе.

Лев Яковлевич, набирая номер телефона, спросил меня:

– Когда точно вылетает твой самолет?

Я назвал дату и время.

– Мамедрафи, – вежливо, но по-военному коротко поприветствовал Лев Яковлевич своего телефонного оппонента, – у меня просьба, в Баку в субботу из Волгограда вылетает мой друг, организуй ему, пожалуйста, полноценную охрану в Азербайджане.

Самолет после посадки еще минут десять полз до места стоянки. Ко мне мгновенно подбежала стюардесса, вежливо посмотрев прямо в глаза, сказала: «Господин Азарьев, вас у трапа ожидают». Моему удивлению не было конца, когда, взглянув в иллюминатор, я увидел прямо у трапа самолета две черные Волги и у каждой из них стоял офицер. В моей жизни было всякое, но чтобы меня и мою команду так помпезно встречали в аэропорту, такого еще не было. Помощник министра обороны полковник Самедов (фамилия изменена) традиционно, по-военному приветствовал меня. «Мне поручено привезти вас к министру обороны Мамедову», – по-деловому произнес симпатичный молодой человек.

Наша встреча с генерал-лейтенантом, участником карабахской войны, прошла, как говорят, в дружеской атмосфере, а затем продолжилась за нехитрым ужином у него дома. Мы оказались земляками: министр родился в Кубе, небольшом городе, который расположен на севере Азербайджана, сегодня этот город является кавказским Иерусалимом. Прославили Кубу великолепные ковры и знаменитые яблоки, ароматнее и вкуснее которых, говорят, нет во всем мире. Здесь дивная природа: живописные горы, девственные леса, альпийские

луга, горные реки и богатые урожаями сады... А еще Кубу широко известной сделала Красная Слобода – та ее часть, что раскинулась на противоположном от основного мусульманского поселения, более низком берегу реки Гудиалчай. Это предместье заселено исключительно горскими евреями. Знают выходцев из Красной Слободы не только в Азербайджане, но и в Израиле, и в соседнем Дагестане, и в далекой Москве, и в еще более удаленных странах – США, Канаде, Германии. Красная Слобода – крупное компактное поселение горских евреев. Председатель религиозной общины горских евреев Красной Слободы Борис Симандуев говорит: «Сейчас здесь около 4 тыс. евреев, но в конце 1930-х – начале 1940-х годов число жителей достигло 18 тыс. человек! Следующей по численности считалась Еврейская колонка в Нальчике (Кабардино-Балкария), затем шел Дербент в Дагестане. И мои предки родом из Кубы».

Главное, чем нескрываяемо интересовался министр обороны Азербайджана, это то, как идет строительство жилья для военнослужащих, покидающих ГДР. В этом я мог полностью удовлетворить его любопытство. Окончив Тамбовское артиллерийско-техническое училище, он в звании лейтенанта был направлен для дальнейшего прохождения службы в Группу советских войск в Германии.

Моя дружба с Львом Яковлевичем крепла и процветала с каждым днем, я часто бывал у него в штабе, посещал их дачу, где иногда собиралась вся его семья. Он как-то сказал мне: «Илья, я очень хочу, чтобы вы стали друзьями с моим зятем». Все происходило на виду у всех, я и не предполагал, что дружба с Рохлиным может быть крайне чревата для меня, пока однажды меня не остудил мой испытанный влиятельный друг. «Послушай, парень, – сказал он мне, – это, конечно, здорово иметь таких влиятельных друзей, но знай – у Рохлина в штабе своя контрразведка и каждый твой очередной поход в его штаб фиксируется ими, тем более ты еврей, так что умерь свои аппетиты». Я вспомнил об этом отеческом предостережении буквально через пару недель. Мы всей семьей полетели в Израиль, сняли небольшую квартиру на берегу курортного города и, не успев даже распаковать чемоданы, повалили на море. Возвратившись буквально через пару часов, счастливые и довольные, мы увидели нечто, что нас всех повергло в панический ужас. Нас обокрали! Унесли все, что смогли – мы остались без денег, без ценных вещей жены и моих дочерей. Моя жена, показав мне свои крема в баночках, купленные в дьюти-фри в Шереметьево, удивленно взглянула на меня. «Смотри, – сказала она, – во всех баночках они пальцем прошлись аж до самого дна!» Что они там искали – ума не приложу. Но часы моего отца и перстень с инициалами моих родителей, слава богу, они не смогли обнаружить, несмотря на то что они лежали на самом видном месте. Я на них небрежно бросил старую газету.

В ночь со 2 на 3 июля 1998 года Лев Рохлин был найден убитым на собственной даче в деревне Клоково Наро-Фоминского района Московской

области. Согласно официальной версии, в спящего Рохлина стреляла его жена, Тамара Рохлина, причиной была названа семейная ссора; противники официальной версии утверждали, что к ликвидации могли быть причастны спецслужбы по вышестоящему указанию. В ноябре 2000 года Наро-Фоминский городской суд признал Тамару Рохлину виновной в умышленном убийстве своего мужа. Я ни за что на свете не поверю в это...

Глава 35

Бывают ситуации, когда дешевые понты важнее, чем здравый смысл. Чаще всего люди блефуют, чтобы произвести впечатление на окружающих. Создавая вокруг себя ауру житейского благополучия и востребованности, человек сознательно поднимает собственный рейтинг, преподнося все это как признак крутизны и успешности. Удачно выбранные кресла в самолете, который через минуту-другую возьмет курс на Милан, был одним из признаков дешевых понтов, но все же настраивал на благодушное и беспечное настроение.

Смущенно улыбаясь, Ральф выдал мне семейную тайну:

– Укладываю рубашки и костюм в дорожную сумку, а Галина стоит за спиной и с возмущением говорит мне: «С появлением Ильи в нашей компании ты перестал бывать дома, у тебя ни с того ни сего появилась гора неотложных дел, и даже чаще обедаешь у него в квартире, чем дома».

Эта была наша вторая международная командировка за два месяца моей работы в группе компаний «Сокольский». В настоящее время это родовое поместье Дерипаски в Усть-Лабинске, городе в Краснодарском крае. Он владец «Базового элемента» и компании «Русал», которая является одним из крупнейших производителей алюминия в мире и поныне составляет основу баснословного состояния бизнесмена.

Дерипаска, один из богатейших людей России, привык к победам и жаждал быстрых результатов, но при этом проекты должны были быть приятными глазу, экономически эффективными и осуществлены за наименьшие деньги. Он точно не одобрил бы моего международного рвения, которое было свойственно деловым людям лихого бесшабашного времени. Для меня было важно как можно скорее нарисоваться перед хозяином, показать ему свои профессиональные возможности, чтобы он объективно мог оценить мои деловые качества, и в этом наши цели поразительно совпадали. «За свои деньги и мудака все сделает», – вспомнил я крылатую фразу, но убейте, не

могу вспомнить, кто сказал, но сказал он точно. Вот почему я и решил быстро реализовать свой профессиональный потенциал, пока была такая редкая и благоприятная возможность, но за деньги хозяина. Ведь для него расходы на наши командировки суший пустяк, а для нас поездка в Италию – ценный приз. К тому же «пятую графу» как признак национальной «неполноценности» в паспорте уже давно отменили.

«Но зачем тебе эта бестолковая и мелочная суета? – глубокомысленно размышлял мой разум, снова и снова задавая мне провокационные вопросы: – Куда ты бежишь и чего хочешь от этой безрадостной кочевой жизни?» Внятных и убедительных ответов, честно говоря, я не находил, потому что не мог понять и объяснить, даже самому себе, чего я хочу. Ведь все уже было в моей прежней жизни. «И чего я добился?» – безмолвно спросил я самого себя. «Ровным счетом ничего», – искренне и правдиво произнес я вслух, чтобы слова, которые я только что озвучил, словно стрелы, глубоко вонзились и достигли самых отдаленных уголков моего сознания. А мой внутренний голос, поддавшись моему дурному настроению, упорно молчал. Видимо, нешуточно обиделся, раз уже давно, почти целую вечность не выходит на связь и не пытается начать хоть какой-то диалог со мной. Мне нужен был знак от него, любой знак, но его не было. И я уже давно в гордом одиночестве, один на один стоял напротив целого клубка нерешенных проблем, которые требовали своего осознанного быстрого решения.

– Хорошо, давай я первым начну разговор с тобой, я не гордый, – а что оставалось делать, мне нужен был внимательный и искренний собеседник, с кем можно было бы откровенно обсудить свои проблемы, задавать вопросы и ждать вежливых, правдивых ответов. – Ты в порядке? – воскликнул я и, осознав вдруг, что говорю вслух, спешился.

«Схожу с ума», – подумал я, надеясь все же на внятный, откровенный ответ.

– Извини, был занят, что-то случилось?

И тут мне вспомнился старый еврейский анекдот. Пришел ученик к раввину и спрашивает его, почему евреи всегда отвечают вопросом на вопрос, и слышит в ответ: «А как они должны отвечать?»

– Понимаю тебя, – вдумчиво произнес я, размышляя над своей странной и капризной судьбой, – какой толк наставлять меня, если твои вразумления не доходят до моих мозгов, я вновь и вновь продолжаю жить чужой жизнью, в которой пустота и бесцельность целиком и полностью захватили мою жизнь, преобразовав ее в призрачный мираж. Но ведь были же у меня и другие времена, когда фантастические и, на первый взгляд, нереалистичные идеи реализовывались мною легко и просто.

Вот я, непосредственный участник ударной комсомольской стройки, получил направление в аспирантуру одного из самых престижных институтов Москвы. Клянусь, хотите верьте, хотите нет, на этот раз все обошлось без коньяка. Прошел месяц, а за ним второй, я никому не нужен, даже хотел бросить

все к чертям и возвратиться к себе на стройку. Написал заявление и положил на стол заведующему кафедрой. Во избежание скандала только тогда он обратил на меня свое внимание. Но не учел лишь одного, что среди лиц кавказской национальности есть и горские евреи. Меня заведующий кафедрой всячески убеждал в том, что я зря трачу свое драгоценное время в Москве и будет гораздо лучше для меня, если я возвращусь к себе на стройку, а все хлопоты по моей диссертационной работе и ее защите возьмут на себя некие люди из его окружения и будет стоить мне это всего 5 тысяч зеленых.

– Наверно, у вас ошибочное мнение насчет меня, – сказал я твердо и убедительно, – вы не понимаете, что значит ощущать себя евреем, – вежливо ответил я тогда своему оппоненту, – я горский еврей, а за знание мы не платим, мы их приобретаем.

– Да? – воскликнул он с удивлением. – Не знал, что есть еще и такие евреи, – пристально взглянул на меня и ретировался.

Диссертацию я защитил на полгода раньше срока. Мой научный руководитель на вечеринке в честь счастливого конца истории с моей учебой в аспирантуре расхваливал меня: «Человек с производства, – говорил он с восторгом, всячески указывая на мое упрямство и невероятную настойчивость, – а диссертацию защитил раньше всех на кафедре. – На прощанье посоветовал мне начать писать рассказы: – Ты хороший рассказчик, – напутствовал он меня, – у тебя получится».

Мы с Ральфом целую неделю провели в Израиле, объехали эту «аграрную державу», как говорят, вдоль и поперек. 60 % территории Израиля – пустыня, из остальных 40 % больше половины – каменистая почва холмов и горных пород. И в этих сложнейших природных условиях израильтяне научились выращивать лучший в мире виноград. Я израильтянин, в прошлом, до эмиграции, жил в Дагестане, который уже много лет является лидером по сбору винограда в России, но, когда я увидел сотни гектаров виноградников под пленкой в пустынных районах Израиля, был, как и мой шеф, крайне удивлен и безмерно восхищен этим.

– Зачем нести такие колоссальные затраты, – спросил я фермера, – ведь урожайность винограда с гектара все равно не изменится.

– Да, согласен, – утвердительно ответил он, – тем не менее мы идем на это, потому что виноград под пленкой созревает на два месяца раньше, чем в открытом грунте. Эта солнечная ягода даже в Израиле в конце весны имеет высокую цену, что позволяет нам в течение первых двух месяцев с момента созревания закрыть все свои эксплуатационные расходы. Во-вторых, мы на рынке почти шесть месяцев, а это очень важно для любого фермера.

Шаббат – религиозное, духовное и культурно-историческое наследие еврейского народа, уходящее корнями в глубокое прошлое. Неотъемлемым атрибутом встречи Шаббата является вино, без которого невозможна семейная, общественная и религиозная жизнь в Израиле. Освящение Шаббата вначале провозносят над бокалом кошерного вина или виноградного сока, и уже затем глава

семьи благословляет хлеб насущный. Вино в Израиле имеет божественное значение, поэтому сегодня израильское виноделие переживает ренессанс – в стране проводится большое количество различных международных и израильских фестивалей, конкурсов и выставок, появляются новые производители сорта вин. В наше время израильское вино – это популярный продукт на мировом рынке, уважаемый самыми известными винными критиками, что позволило открыть новый вид деятельности в Израиле – винный туризм, который в последнее время становится очень популярным. Надежда израильского виноделия – бутиковые вина – маленькие хозяйства, часто управляемые семьями. Любители вина могут насладиться дегустацией и отведать местные блюда в уютных ресторанчиках, расположенных прямо на территории винодельни.

Израиль и черная икра. Странно? Да, но израильские компании поставляют сегодня осетровую икру в США и Европу и, что самое удивительное, в Россию, страну, которую можно назвать мировым центром осетровых рыб. В кибуце Дан, специализирующемся на разведении форели и осетров, нам показали преимущество рыбозаводов под крышей. В кибуце Долав нам устроили путешествие по молочному комплексу, где коров доили трижды в день: рано утром, в полдень и вечером. Израиль занимает лидирующие позиции в мире по надоям молока. В среднем каждая корова дает в год 12 200 литров молока. «Краснодарский край – идеальный регион для эффективной реализации этих проектов», – убеждали нас наши новые друзья в Израиле. Нас не нужно было уговаривать, мы твердо решили, что все эти проекты получают свою законную прописку у нас в Сокольском.

Северо-Запад Италии меня просто поразил: Турино, Генуя и, конечно, Милан – красивые города старой Италии с сохранившимися до сегодняшнего времени восхитительными зданиями и сооружениями, с монументальной римской архитектурой. Все это время у меня возникал один и тот же вопрос: как это великолепие еще сотни лет назад строили? Я был в немом оцепенении, когда посетил в небольшом городе, между Миланом и Генуей, супермаркет. Изобилие продуктов питания в этом провинциальном, небольшом по своим размерам супермаркете повергло меня в глубокую депрессию, уныние и недоумение. «Как всего этого можно было добиться?» – думал я, глядя на заполненные полки сотнями сортов твердых сыров буквально со всех концов Европы. В загородном придорожном ресторанчике мое недоумение еще более усилилось из-за его роскошного и изысканного зала, было такое ощущение, словно находишься в фешенебельном районе Милана. А качество разнообразных блюд и вин было вне всякой критики, поэтому он и был заполнен до предела местным населением. «Не зря итальянские шеф-повара работают по всему миру», – думал я, уплетая пиццу с хрустящей корочкой и аппетитной начинкой и запивая это местным красным вином.

В ожидании встречи с руководителем винодельни в одном из винных регионов Италии мы были шокированы увиденным. Мужчины терпеливо ожи-

дали своей очереди у огромной бочки с вином, откуда прямо из-под крана наливали красное вино в десятилитровые стеклянные бутылки с изображением виноградной лозы. «Они приезжают сюда со всей округи раз в неделю», – произнес наш проводник, видя, с каким восторгом мы наблюдали за этим фантастическим зрелищем. Сергей Довлатов, один из самых почитаемых русскоязычных писателей нашего времени, если бы он в свое время жил в Италии, тогда ему не пришлось бы довольствоваться дешевым портвейном «Агдам». Какие только ласковые и ироничные прозвища не придумывали для обозначения данного напитка в Советском Союзе: «Агдамыч», «Задурян» «Бухарыч», «Крепленыч», «Как Дам». На родине первоклассных вин выдающийся писатель мог бы жить и жить еще многие годы и радовать нас своим вдохновенным жизненным творчеством.

В самолете из Милана на Москву мы твердо решили создать в Соколовском что-то наподобие увиденного нами в Израиле и Италии.

– К Дерипаске не просто найти подход, а встретиться с ним лицом к лицу мне, менеджеру из третьего уровня управления, почти невозможно, да и ты не решаешься организовать нашу прямую встречу с ним, а как тогда прикажешь доложить ему о наших проектах, в которые нужно будет инвестировать серьезные деньги? – выдал я страстный, длинный монолог своему непосредственному руководителю. – Если мы не можем ему доложить о проделанной нами работе и о наших планах на будущее развитие «Соколовского», тогда какого хрена я здесь делаю? – продолжал я распинаться перед своим шефом. – Я оставил комфортную квартиру, знакомых, друзей, нормальную человеческую еду, переехал черти куда, живу, словно бродяга, а самое главное, забросил свою творческую деятельность, – неподдельно искренне возмущался я, а он молча слушал и только разводил свои огромные ручища. – Ральф, – деликатно, по-дружески обратился я к нему, – Дерипаска настоящий хозяин, наверно, так должен вести себя миллиардер из списка 200 богатейших людей России. Я был свидетелем, думаю, и ты хорошо помнишь, как он по телефону аж из самой Москвы глумился над тобой, вытягивал жилы, хорошо, что еще на кол не посадил из-за пяти кило возвращенного творога в связи с просрочкой срока хранения. Помнишь, что он сказал в конце разговора: «Надеюсь, из этого творога вы приготовили выпечку и снова отправили в магазины для реализации – ничто не должно пропадать». А ты, мужчина под два метра ростом, бывший подполковник российской армии, молча слушал всю эту галиматью и пытался неуклюже оправдываться. Если ты не можешь защитить самого себя, кто же будет защищать меня в этой бюрократической конторе, в которой начальников больше, чем реальных исполнителей?

Настроение было скверным, да и мой сын уже несколько месяцев молчит и не пишет... Что же касается меня и моего заветного желания, предсказанного мне волшебной феей из моего вещего сновидения, это главный секрет моего будущего счастья.

Люди часто задаются вопросом, что такое счастье. Ответы настолько же разнообразны, как и сами вопросы. Однако многие ответы являются неверными из-за субъективного взгляда на мир, в котором они проживают. Так что же это такое, человеческое счастье?

Согласно исследованию, большинство респондентов со всего мира называют физическое и психическое здоровье главными источниками счастья. Также людей делают счастливыми семья (отношения с партнером, дети) и ощущение наполненности жизни смыслом. Физическое здоровье на первом месте в Канаде, Китае, Италии, Испании, США. Счастье неразрывно связано с чувствами и эмоциями, которые придают ему дополнительную окраску. Человек может быть счастлив тогда, когда в жизни все, всегда и везде ладится. Счастье – это состояние души человека. Это чувство радости и удовлетворения жизнью. Для кого-то счастье – это любовь к любимому человеку, для кого-то – это материальные ценности, а кому-то для счастья достаточно быть рядом со своей семьей, все члены которой живы и здоровы. Как видно, люди по-разному определяют, что такое счастье.

Уверен, что и у каждого читателя найдется свое мнение по этому вопросу, но тем не менее всегда полезно узнать, что говорят по этому поводу профессионалы своего дела.

Как уверяет психолог Роберт Камминс, ни место проживания, ни национальность, ни наличие или отсутствие детей не может помешать человеческому счастью, если соблюдать правила так называемого золотого треугольника. Первое правило – приличный доход. По мнению профессора, количество денег, необходимое для счастья, зависит от наличия детей и места проживания. Цифра, которую в итоге ученый вывел, примерно равняется 100 тысячам долларов в год. Второе правило – милый человек рядом. «Вам нужен только один человек, – говорит он, – который разделит с вами вашу жизнь, и это невероятно важно». И последнее – социальная активность и наличие цели в жизни.

«Не в деньгах счастье, а в их количестве» – эта расхожая, самая известная и популярная фраза давно уже стала народной, она на устах каждого человека. Народная же мудрость гласит: «За деньги счастье не купишь». Так в чем же правда жизни и что соответствует реальной действительности понимания счастья? Люди не от мира сего, мечтатели и фантазеры, далекие от реальной жизни, считают, что счастье за деньги не купишь. Деловитые люди, напротив, полагают, что счастье вполне можно купить, если не за деньги, то за большие деньги; они даже придумали речевку: «Те, кто говорит, что счастье за деньги купить невозможно, просто тратят их неправильно».

Известный ученый, академик РАН Юрий Бузиашвили в интервью писателю Валерию Вижутовичу рассказал о том, возможно ли на самом деле купить счастье. Первый вопрос был непростой, – как говорят в народе, он сразу взял быка за рога:

– Скажите, – обратился писатель к академику, – но только честно, сколько вам нужно денег для счастья? – При этом напомнил ему знаменитый диалог Бендера с Балагановым, где впервые прозвучала крылатая фраза Остапа: «Скажите, Шура, честно, сколько вам нужно денег для счастья?» «Сто рублей», – ответил Балаганов, с сожалением отрываясь от хлеба с колбасой.

В ответ Юрий Бузиашвили процитировал А. Блока:

– «...И, наконец, увидишь ты,
Что счастья и не надо было,
Что сей несбыточной мечты
И на полжизни не хватило...
И только с нежною улыбкой
Порою будешь вспоминать
О детской той мечте, о зыбкой,
Что счастием привыкли звать!»

На мой взгляд, – продолжал он, – только материально удовлетворенный человек способен к созидательной деятельности. Деньги после воли Господа Бога – второй инструмент, который может сделать человека и здоровым, и счастливым, и свободным. Но деньги должны быть заработаны достойным путем.

Здесь я, конечно, поспорил бы с академиком, потому что деньги, прежде всего, не пахнут, а во-вторых, это крайне редко, когда большие деньги зарабатывают достойным путем. Я не буду приводить в этой главе моей книги полностью всю ту содержательную и очень любопытную беседу между писателем и академиком, чтобы случайно не попасть в паутину плагиата и не прослыть похитителем чужих мыслей и идей.

Я думаю, Валерий Вижутович поймет и простит меня и не подаст на меня в суд за то, что сейчас я, завершая разбор его интервью с Юрием Бузиашвили, приведу полностью тот поучительный рассказ, которым закончилось это прекрасное интервью, потому что именно в нем, на мой взгляд, и заключается вся суть:

– Моя хорошая подруга, – рассказывал академик, – эмигрировала в Израиль, я ее не видел восемнадцать лет. Встретились в Чехии, в Карловых Варах, и она мне рассказала: «Юра, я уехала из-за того, что у меня не было квартиры. Я всю жизнь мечтала иметь двухкомнатную. Я ложилась спать с этой мечтой и представляла, как я ее обставлю, какие статуэтки поставлю, какие занавески повешу. Этой мечтой я жила всю жизнь. Я очень тяжело работала восемь лет, – она была гидом, – и мне удалось купить не двухкомнатную, а трехкомнатную квартиру. Я ее обставила точно так, как мечтала всю жизнь. Я поставила именно те статуэтки, повесила именно те занавески. Ты знаешь, сколько я была счастлива? Ровно три секунды. Потом, заметив, что занавеска загнулась, подошла ее поправить и увидела, что на соседней вилле собирается вечеринка и “Роллс-Ройсы”

въезжают в ворота. И моя трехкомнатная квартира вмиг превратилась в тыкву. Я поняла, что погоня за счастьем в виде хорошей квартиры или дорогого автомобиля – это путь в никуда в нашей реальной жизни».

Высказывание: «Жизнь – это череда выборов» принадлежит известному прорицателю Нострадамусу. Каждый из нас каждый день делает сотни выборов, но как понять, где кончается один и начинается другой? Как не ошибиться, делая тот самый важный и единственно верный выбор, результатом которого может быть лишь одно желание – вернуть все назад.

Я долго раздумывал над тем, стоит ли вообще встречаться с Езубовым, депутатом ГД РФ, родным дядей Дерипаски. Посоветовался с Ральфом, он не поддержал мою инициативу на встречу с приближенным Дерипаски. Мой шеф, видимо, опасался, что я смогу привлечь внимание семьи как к возможному потенциальному руководителю в одной из компаний Дерипаски. Езубов сразу и охотно согласился на встречу, меня очень обнадежил его вежливый и дружеский тон во время нашего короткого телефонного разговора, я и подумал, может быть, он и есть тот самый человек, который сможет открыть нам короткий путь для встречи с самим Дерипаской. Мы с Езубовым знакомы давно, почти 20 лет, еще с тех самых пор, когда он был генеральным директором птицефабрики в Иркутской области, или в Красноярском крае, точно не помню, где-то в тех краях, – в общем в Сибири. Было время, мы даже пытались поставлять им банки для консервации мяса птицы. Езубов почти не изменился, и сегодня он такой же подтянутый и элегантный мужчина, вот только седина и неглубокие морщины на лбу и вокруг глаз выдавали его реальный возраст.

Легкое, необъяснимое беспокойство охватило меня. Признаться честно, я переживал, что сумел переступить через свои принципы и идеалы: я поступил бесчестно и недостойно по отношению к Ральфу, не получив его одобрения на встречу с Езубовым. Я ведь был в курсе натянутых отношений моего шефа с ближайшим родственником Дерипаски и должен был понимать, что моя встреча с ним может вызвать у Ральфа негативную реакцию, несмотря на то что я собирался ознакомить Езубова с проектами, в реализации которых мы с Ральфом были одинаково заинтересованы. Это была моя роковая ошибка, которая впоследствии стала началом разрыва наших партнерских и дружеских отношений.

«Что оставалось делать? – невесело раздумывал я, пытаюсь оправдать свои необдуманные и опрометчивые действия. – Иначе три месяца моего упорного труда могли бы пойти коту под хвост, – убеждал я самого себя». Временами высокомерие, самомнение, тщеславие помимо моей воли, но все же проявлялось в моем характере. Манья величия, не считаясь с чужим мнением, возносила мое эго до небес. И тут же, как ни в чем не бывало, я пытался выслужиться перед новыми хозяевами жизни, предлагая им свои идеи и проекты, хотя об этом меня никто из них не просил. Этого никогда ранее не наблюдалось за мной, но зато

тоска, отчаяние и опустошенность, словно клещами, захватили мою душу, призрачная, как удав кролика, мое сознание. Это был мой мир, в котором не было места вдохновенному творчеству, ибо оно не терпит лжи и самообмана.

Но обо всем по порядку. В Госдуму я пришел аж за два часа до встречи с Езубовым. Пообедал в столовой. Ничего особенного, но все равно было очень интересно, ведь вокруг люди, которые постоянно мелькают в телевизоре, и они рядом с тобой, стоят в очереди и заказывают кофе. Вот и сам Езубов появился, мы обнялись, перекинулись несколькими словами, он на ходу сказал: «Илья, как и договаривались, в 15:00 в моем кабинете». Я поднялся на седьмой этаж за час до назначенного времени. Помощник Езубова, как ни странно, в этот раз доброжелательно встретил меня и даже напоил меня чаем. Поговорили об экономике, плавно перешли к политике, но я понимал, что любое необдуманное слово может лишить меня в будущем возможности посещать Думу. Выразив свою искреннюю благодарность за чай, я стал готовиться к встрече. Разложил все свои презентационные материалы на столе, еще раз мысленно прошелся по программе своего выступления и только тогда успокоился, когда понял, что я готов и очень убедителен.

Езубов заинтересованно, не прерывая слушал меня. Выращивание винограда в теплице, организация кибуца в Усть-Лабинском районе, производство питьевой воды и напитков из концентрированных соков, выпускаемых в Израиле, – все эти проекты были представлены ему на высоком профессиональном уровне, а когда я сказал, что готов взять на себя все организационные и технологические вопросы реализации этих проектов, он вопросительно, с недоумением взглянул на меня и вдруг сделал мне неожиданное предложение:

– Может, ты и возглавишь «Сокольский»?

Что греха таить, мне было очень приятно услышать столь сногшибательное предложение. Я на мгновение задумался.

«Значит, высоко ценят меня», – подумал я, затем улыбнулся краешками губ, но тут же спохватился.

– Алексей Петрович, очень заманчивое предложение. Вы что меня проверяете или провоцируете? Я ведь еврей, и поныне у многих моих сограждан в России моя национальность вызывает крайне негативные эмоции, но вместе с тем евреи обладают специфической и очень важной особенностью, которая достойна заслуженного и безусловного уважения: мы не предаем своих партнеров... никогда, – произнес я это слово для пущей убедительности.

Я сказал слово «нет», потому что просто не имею права на это, тем более мне эта должность совсем не интересна. Ему понравился мой ответ.

– Ты знаешь, моя невестка тоже еврейка, – то ли в шутку, то ли всерьез сказал он, прощаясь, однако попросил меня оставить материалы ему на столе.

Сказав слово или сделав деловое предложение вышестоящей инстанции и не согласовав его со своим непосредственным шефом, можно вконец ис-

портить отношения с ним и даже лишиться работы. Надо отвечать за свои слова и поступки. Если ты не можешь знать, как они будут истолкованы впоследствии, лучше их вовсе не говорить или ничего не предлагать.

Я снова в самолете, но уже лечу из Тель-Авива в Краснодар. Неделя напряженной и продуктивной работы в Израиле зарядила меня энергией, мотивировала, дарила хорошее настроение, вдохновляя на упорную каждодневную работу. Я размышлял. «Передо мной открывается большое поле деятельности для бизнеса в одной из самых крутых компаний России, – размышлял я, глядя на бескрайнее синее море под крылом самолета. – Лишь только создавай прорывные идеи и не страшись их масштабов», – наставлял я самого себя. Настроение воинственное и радостное, давно не ощущал такого чувства, мне хотелось все, и самое интересное, я верил, что это все обязательно сбудется. Моя вера была подкреплена железной волей, упрямой настойчивостью и терпением.

Вера, воля и терпение – все эти качества успешного человека можно приобрести в любом возрасте. Когда я это обсуждаю с друзьями, многие из них говорят: «Да ты просто фантазер и мечтатель!» «Я планов наших люблю громадьё, Размаха шаги саженьи. Я радуюсь маршу, которым идем в работу и в сраженья...» – писал Владимир Маяковский в своей поэме «Хорошо». Мой школьный учитель русского языка и литературы Александр Владимирович Журавлев страстно любил Маяковского – «лучшего поэта советской эпохи». В подпитии, а это было почти постоянным явлением в его педагогической практике, он мог наизусть декламировать «певца банок Моссельпрома» – так Есенин в шутку называл творчество Маяковского. Я же из-за русского языка чуть не остался на второй год. В сочинениях и изложениях я редко дотягивал до трех баллов с минусом, а вот по содержанию мой учитель, наставник от Бога, всегда ставил мне жирную пятерку с плюсом.

По приезду в Усть-Лабинск во второй половине дня ко мне заехал Ральф. «О! Здорово! – произнес я, приглашая его за стол. – Моя повариха только что приготовила великолепный украинский борщ, да и свежей рыбы успела поджарить, она с утра сбегала на рынок и купила моего любимого судака», – продолжал я как ни в чем не бывало свой вдохновенный монолог.

Ральф молча сел за стол. Чувствовалось, что генеральный директор моей компании был не в духе, и то, что он мне сказал, не дотрагиваясь до горячего, аппетитного борща, меня поразило, просто повергло в ужас. Я был шокирован, унижен, оскорблен и подавлен. Он сказал, что ему звонил Езубов и предложил гнать меня в шею из компании, назвав меня мошенником и обманщиком. Я не поверил его словам, но даже если это неправда, а он в резкой форме высказал мне это, значит пришло время паковать свои вещи и валить отсюда подобру-поздорову. Я в тот момент думал лишь об одном – что скажу своей дочери, если мне придется уйти из компании и возвратиться восвояси. Ведь только несколько дней назад я с восторгом рассказывал ей, что наконец сбылась моя

мечта. Я живу и работаю в солидной компании на Юге России, у меня высокий авторитет в компании и мне даже предложили возглавить группу компаний «Сокольский». С тех пор и двух недель не прошло, как Езубов, тепло, по-дружески обнимая меня, желал мне хороших новогодних праздников. И вот теперь он так вульгарно и нелицеприятно отзывался обо мне.

«Не может быть такого! – мыслил я, выискивая в этом деле скрытый подвох, потому что в глубине души я не верил Ральфу. – Не мог Езубов так паскудно отнестись ко мне, – думал я, разбирая скрупулезно нашу последнюю встречу с ним, – а Ральф тот еще интриган, что свет ни видывал. Но откуда в нашей связке с ним появился Езубов?» – лихорадочно размышлял я, анализируя щекотливую, но уже безвыходную для меня ситуацию. Но все оказалось банально просто. На новогодней семейной вечеринке Езубов в присутствии близких помощников Дерипаски предложил ему заменить Ральфа мною и кто-то из них впоследствии доложил Ральфу об этой инициативе Езубова. Ральф признался сам о том, что ему позвонили и сообщили об этом. Кто мог позвонить ему, я догадывался, но тогда это не имело никакого значения.

«Да, дорогой друг, – произнес я твердо и решительно, – Езубов предлагал мне возглавить “Сокольский”, а не сказал я тебе об этом, чтобы только не испортить твоё настроение под Новый год, тем более я категорически отказался даже рассматривать эту идею. Я не предаю друзей и никогда в жизни этого не делал», – пересказывал я Ральфу наш разговор с Езубовым. А в моей голове крутились невеселые суетные мысли. Зачем он мне об этом сказал? Он ведь мог пропустить все это мимо своих ушей, он же понимал, что я не конкурент ему и мне это совершенно не было нужно. Но у него впереди замаячила фигура потенциального конкурента, и он, как истинный управленец, не мог позволить себе такого риска. Я смотрел на него и думал: «Каким образом я буду продолжать работать с тобой?» Но вразумительного ответа я тогда не нашёл. На душе было тягостное настроение, да и борщ уже остыл. Мы попросились с плохими чувствами.

В таких ситуациях я обычно выхожу на спорт, и на этот раз двухчасовая прогулка по стадиону, который построил Дерипаска в Усть-Лабинске, успокоила меня. Северо-восточный морозный ветер с ледяным, колючим дождем освежил мою горящую голову, и мысли одна за другой пришли в обычный порядок. Я образумился, когда понял, что ощущения тягостной безысходности с каждым новым кругом по стадиону теряли свою гипнотическую власть надо мной. «Эй, парень, что с тобой? – во весь голос орал я, глядя в небо, пытаюсь с помощью Всевышнего достучаться до своего сердца. – Ты здоровый, профессионально подготовленный человек, чего боишься? Ты ведь знаешь наш главный девиз: ничего и никого не бойся!»

Придя домой весь мокрый и замерзший, я опрокинул стопку коньяка и лег спать. Выспался как никогда. Утром следующего дня я снова ушел на

стадион, прошел в хорошем ритме 10 километров и окончательно восстановил свою нервную систему. Но зато с Ральфом случился нервный кризис: поднялось давление, и он был вынужден обратиться к врачу. Прошла неделя, Ральф пришел в себя, мы встретились за чашкой чая, спокойно обсудили наши планы на будущее, приняли решение продолжить совместную работу.

«Но он уже не остановится, пока не найдет удобного случая, чтобы выжить меня из компании», – думал я. И наша совместная встреча с владельцем алюминиевого завода в Крымске, которая проходила по инициативе Дерипаски, еще раз убедила моего друга, что лучше будет для него, если он избавится от меня.

«Я знаю про вас все и поэтому принял решение лично встретиться с вами, – сказал владелец крупнейшего завода в России по производству алюминиевых профилей собственной разработки. Затем, вежливо указывая на чайный стол, который изобилдовал восточными сладостями, сказал: – Я даже прочитал несколько ваших рассказов, и мне они понравились».

Было приятно слушать в свой адрес такие лестные слова от владельца завода. Он, конечно, понимал, что если представители Дерипаски заинтересовались продукцией, производимой его предприятием, то, возможно, речь может идти о многих сотнях тонн. Мой доклад заинтересовал хозяина завода, он даже ненароком осведомился, есть ли у меня намерения поменять место работы, но зато еще раз убедил Ральфа, который сидел рядом со мной и за все это время не проронил не единого слова, что я в действительности могу быть реальным его конкурентом. Спустя всего месяц после этой открытой, дружеской, вместе с тем деловой встречи, которая произвела на меня поистине неизгладимое впечатление, со мной разорвали контракт. Был бы я чуть помоложе, я бы не переживал. Я много раз в своей жизни спотыкался и падал, но каждый раз находил в себе силы подняться и начать жить снова, но по-новому.

Однажды на большой скорости я даже врезался в трамвай. Единственное, что запомнилось мне в этой глупой истории, как те люди в трамвае, ставшие невольными свидетелями этого безумия, смотрели на меня сверху вниз и усердно крутили указательным пальцем у виска.

«Наверно, вы правы», – думал я, равнодушно глядя на них снизу вверх. И тут мне вспомнилась похожая история, произошедшая с моим близким другом. Яша сидел в кафетерии один за столом.

«Вот это да, Яша и в одиночестве за чашкой кофе», – подумал я и вмиг оказался рядом с ним.

– Яша, кто оставил свои костыли на стуле за твоим столом? – в недоумении спросил я, оглядываясь по сторонам.

– Илюха, это мои костыли, – со слезами на глазах ответил он.

– Да что случилось, ты что, поломал ногу? – взволнованно спросил я. – Вот почему тебя так давно не было видно, а мы, пацаны, думали и гадали, куда ты запропастился.

Яша, не вставая со стула, развернулся и весь оказался перед моими глазами, и то, что я увидел в тот момент, шокировало меня до глубины души: у него не было правой ноги намного выше колена.

– Как? – смог я лишь вымолвить это короткое слово.

– Я столкнулся с трамваем, – так же коротко ответил он, и у него на глазах появились капельки слез.

Я машинально прошелся руками по своим ногам. Слава богу, они были целы и невредимы.

Глава 36

Все мои мечты и устремления рухнули в одночасье, как карточные домики, когда, подслушивая телефонный разговор Дерипаски с Ральфом, я услышал нечто, что определенно не ожидал услышать. Я сидел рядом по правую руку от Ральфа, в которой он держал мобильный телефон, а левой умело управлял автомобилем. «Передай своему советнику, что наша компания более не нуждается в его услугах. Пока я не уверен на 200 %, нужно ли полностью прекращать отношения с ним, – поначалу он говорил жестко, даже сердито, но постепенно голос смягчился и зазвучал спокойнее, – но если завтра он предложит нам актуальные бизнес-идеи, мы готовы их рассмотреть: интересные проекты могут стать основой для сотрудничества с ним, но уже на наших условиях».

Мой привычный мир обрушился всего лишь одним телефонным звонком. Наступило безмолвное отчаяние, тревога и бессилие от того, что изменить я уже ничего не мог. Ральф же не скрывал своего злорадного удовлетворения, видно было по его довольной широченной физиономии, что он только что услышал именно ту команду босса, которую с недавних пор так затаенно ожидал. За время телефонного разговора с хозяином он ни разу, ни единым добрым словом не обмолвился в мой адрес, как будто не было тех восторженных признаний, что именно я внес в его монотонное бесцветное существование головокружительное ощущение жизни.

А ведь в последнее время все складывалось по-другому. По моему приглашению ряд израильских и итальянских компаний, предварительно получив добро хозяина, прибыли к нам в «Сокольский», где провели маркетинговые презентации. Но в последний момент хозяин, или кто-то из его окружения, дал отбой. Ральф светился, словно сияние самого солнца озарило его бескровное лицо.

«Он наконец отделается от потенциально опасного конкурента, – думал я, – хотя многократно заявлял ему, что ни на что не претендую и он может быть совершенно спокоен на мой счет».

Слушая этот неприятный и очень оскорбительный для меня телефонный разговор, я хотел лишь одного – провалиться сквозь землю, в лучшем случае как можно скорее отдалиться от Ральфа и никогда более не иметь с ним дел. Он, несмотря на свой грозный вид, вызывал во мне неприятное, почти брезгливое ощущение, что я даже не успел обидеться на него: удар был неожиданным и исподтишка.

«Я, наверно, недостаточно хорошо усвоил законы власти», – думал я, глядя сверлящим, недоуменным взглядом в профиль его лица. В своей насыщенной экстраординарными событиями жизни я научился самостоятельно принимать порой очень важные и нестандартные решения. А на пике своей деловой карьеры мне довелось значительное время проводить с людьми, которые были на вершине публичной власти. Но ошибки и неудачи, будто верблюды в караване, следовали за мной одна за другой. И на этот раз удача не оглядываясь ускользнула прямо из под носа, сбежала, не согласовав со мной свое спорное решение. Наверно, я спугнул ее, или она просто не выдержала ухабистую, извилистую дорогу, сплошь заросшую злостными и колючими сорняками.

«Моя дочь словно в воду смотрела», – подумал я, вспомнив наш последний с ней разговор. Наверно, я просто не понимаю, что такое счастье, это трепетное, щемящее, волнующее сердце и душу чувство. Может быть, мне вообще не дано познать его утонченный, пикантно-сладковатый, со множеством разнообразных оттенков вкус.

«Как же так? – пытался я мысленно заговорить с собой. – Вспомни, сколько незабываемых, счастливых моментов было в твоей жизни, – возражал я себе. – Пошевели мозгами и подумай о том, что ты и поныне живой и невредимый, хотя много раз бывал между жизнью и смертью, а сегодня даже заглядываешься на красивых женщин, провожая их сексуальными взглядами. Помнишь, как ты неистово орал от нахлынувшего чувства счастья, вглядываясь в черную бездну ночного моря. “Господи, я сделал это! я сделал это! я сделал это!” – возбужденно кричал ты во весь голос, уповая на то, что Всевышний услышит тебя. “Я самый счастливый человек на свете”, – обращая свой взор в ночное небо, покрытое мириадами звезд, кричал ты в полный голос и тебе было плевать, услышит ли тебя еще кто-нибудь, кроме самого Бога. Несмотря на то что паника, тревога, страх сковали твои руки и ноги и практически не подчинялись твоей воле, ты все же выплыл. Сейчас со слезами на глазах хочу спросить тебя: зачем Ты это сделал, для чего Ты, Господи, сохранил мне жизнь? Ты как всегда упорно и многозначительно молчишь, заставляя меня самому разобраться и понять суть своей жизни. Наверно, это правильно, это самая непостижимая твоя загадка, которой ты одарил человека».

Эта правдивая история из моего детства вызывает в памяти волнующие воспоминания. Это был счастливый момент на заре моей юной жизни, который отчетливо и навсегда сохранился в моей памяти. Я думал лишь только об одном – удержаться на плаву. Плавать с поднятой головой было невыносимо трудно: быстро уставали мышцы шеи. Плавать с закрытыми глазами, но с полуопущенной в воду головой было намного легче, но терялось направление движения. Плавать с открытыми глазами, даже на несколько секунд опустив голову в воду, было страшно: передо мной открывалась безмолвная и безграничная мгла, готовая поглотить меня в любой момент. Было пугающе темно, только луна изредка выползала из-за туч, но вела себя невозмутимо спокойно. Прошло много лет с тех пор, но я помню каждое слово из своего эмоционального обращения к морю: «Только не сейчас, ты же знаешь, я люблю тебя». Откуда взялись силы – для меня это и на сегодняшний день непостижимая загадка. Вот так впервые я по-настоящему научился плавать, и все это благодаря Ханчуку Тумкелиевскому.

В одной руке горбушка черного хлеба, а в другой несколько долек чеснока и головка лука размером с яблоко – вот таким этот слободской пацан запомнился мне на всю мою жизнь. Чеснок он обильно натирал на горбушку хлеба и этим бутербродом с аппетитом закусывал лук. По-другому он не обедал: они жили бедно и незаметно. На слободке редко можно было увидеть его в рубашке, да и майку он носил не очень часто. Бицепсы на его руках и кубики на животе вселяли в нас, слободских пацанов, зависть и уважение перед его физической силой. Море было его стихией. Он мог в одиночку утром заплывать за горизонт и только к обеду возвращаться на берег. Его решение было окончательным для нас в любом споре, никто и никогда не осмеливался его оспаривать. Ханчук был неформальным лидером в нашей среде, но слободские пацаны всячески сторонились дружбы с ним.

«Эй, пацаны, кто хочет заплыть со мной за горизонт, кто здесь из вас настоящий мужчина? – Ханчук откровенно насмехался и издевался над нами, провоцируя на безумные поступки. Он хорошо знал, что среди нас не было пловцов, достойных ему, никто не мог составить ему хоть какую-нибудь маломальскую конкуренцию в этом. – Англичан, – грубо и пренебрежительно обратился он ко мне, – тебе давно стукнуло тринадцать, ты уже можешь даже жениться, давай вперед!»

Мы были с ним извечными соперниками на слободке. Если играли в футбол, то обязательно в противоположных командах. Горский еврей не может простить себе только одно – насмешку над собой. Восточно-еврейское воспитание с кавказским акцентом формировало в нас сильный характер с юношеских лет. Слободские пацаны не ведали страха. Во всех потасовках, которые проходили вне слободки, они проявляли агрессивную дерзость и смелость. И мы, конечно, все как один поплыли за ним к горизонту. Но вскоре все пацаны

благоразумно возвратились на берег, и только я вместе с Ханчуком оказался в открытом море. Я обернулся, но берега не увидел: вокруг было море. Только когда волна откатывалась, можно было увидеть вершушки гор. Успокаивало только одно – со мной был резиновый мячик. Я всегда брал его с собой, когда пытался заплыть дальше, чем мог бы осилить без посторонней помощи. Но Ханчук каким-то невообразимым образом вынырнул прямо передо мной, выбил мяч из моих рук и поплыл с ним в направлении берега. Он быстро удалялся, и вскоре я потерял его из виду. Но я выплыл и вскоре жестоко расквитался с ним. Играя в футбол, я намеренно задел его – и пошла беспощадная драка. Я никогда более так жестоко не избивал человека. Тогда, в тот самый момент я впервые испытал чувство справедливой гордости и невыразимое, головокружительное удовольствие, неожиданно перешедшее в безмерное эгоистическое счастье, которое продлилось всего несколько минут.

Такая же фантастическая история приключилось со мной спустя тридцать лет – и снова на море. Накупавшись вдоволь, я натянул джинсы и обулся, а Андрей в это время с восторгом наблюдал за рыбаками, которые на свои убогие спиннинги вытаскивали за раз по 3–4 крупных тараща (каспийская вобла).

– Илюха, вали сюда! – звал он меня во весь голос. – Да ты только посмотри, что творится, это невообразимое удовольствие даже смотреть на такую рыбалку!

– Нет времени, – в ответ крикнул я Андрею, – пора собираться, еще надо привести себя в порядок. – В мыслях я уже гулял на свадьбе дочери моего двоюродного брата.

– Ну пожалуйста, хотя бы на одну минуту подойди и посмотри на это чудо, – настойчиво уговаривал меня мой близкий друг.

Меня легко уговорить, вспомнил я крылатую фразу Яши Абрамова: «Если бы я был женщиной, то непременно стал бы проституткой». И вот, легко и ловко прыгая с одного камня на другой, я поспешил к своему другу. В очередной раз подпрыгнув через небольшой проем между камнями, в моей голове внезапно, словно молния, сверкнула мысль, что если я даже нечаянно споткнусь, то все равно не упаду в эту расщелину между камнями – настолько она была узкая. И вот я в воздухе. Все происходит, как в замедленной съемке: я завис над расщелиной, думаю, куда спрыгнуть, и выбрал наихудший вариант – поскользнулся и с огромной скоростью полетел вниз, в этот узкий проем между камнями. От сильного удара у меня вывернуло правую руку, сильный удар пришелся также на ребра, и я на мгновение потерял сознание, очнулся уже глубоко под водой. Смотрю вверх – надо мною вода, только блики солнечных лучей едва пробивали толщу воды. Нестерпимая боль в грудной клетке, как будто ребра разбились вдребезги и мое сердце собралось в свободное плавание, не имея естественных преград. Вывернутая рука бессильно висела, совершенно не реагируя на команды из центра управления моим телом.

Как прыгал – помню, как взлетел – помню, как поскользнулся – помню, как падал в расщелину – помню, как тонул – тоже помню, как умоляюще я просил море: «Только не сейчас», тоже помню, но как я оказался на поверхности воды и кто меня вытащил на берег, – ей-богу не помню. Я умирал от боли, никто из рыбаков не оставил удачную рыбалку, чтобы отвезти меня в ближайшую больницу, до которой было не менее десяти километров.

«Как с такой ужасной болью в груди и вывернутой рукой да еще по таким ухабам меня могут довести живым до больницы», – гадал я, потеряв всякую надежду на благополучный исход этой экстремальной ситуации. Только от одной этой мысли меня бросало в дрожь и выворачивало наизнанку, а сознание было готово в любой момент покинуть мою отчаянную голову. Страх не было, я думал только об одном – как моя бедная мама вынесет такое мое жалкое состояние, а ведь она уговаривала меня не приезжать на свадьбу.

Когда мне стало совсем скверно и, казалось, я уже готов был отдать концы, я засек, как в мою сторону очень медленно подъезжал горбатый запорожец и остановился почти рядом со мной. Я с любопытством смотрел, как из этой маленькой машины один за другим вышли почти с полдюжины детей, да еще с удочками.

«Этот водитель – волшебник, – пытался я сквозь жуткую боль улыбнуться. – Как он всех этих детей умудрился уместить в эту машину?»

Андрей слезно уговаривал его отвезти меня в ближайшую больницу, предлагая ему целую пачку денег. Молодой человек медленно направился ко мне, тихо и деликатно спросил: «Больно, да? Я вас понимаю, конечно больно, вы просто чуточку расслабьтесь», – и моя рука оказалась на месте. Как он это сделал, тоже не помню. Этот парень оказался врачом-травматологом и уже потом спокойно рассказывал мне, как дети с улицы слезно просили его отвезти их на рыбалку. «Я упорно отказывался, но почему-то в последний момент собрался и в одночасье решился на эту поездку», – приводя спиннинг в рабочее состояние, он спокойно рассказывал мне эту чудесную историю.

«Это снова ты, Господи?» – спросил я себя, мысленно окинув незнакомца благодарным взглядом, переведя свой взор на горизонт, где ярко-голубое небо роднилось с темно-синим морем.

Дома никого не было. «Слава богу», – подумал я, одевая с грехом пополам свой новый костюм, который я привез с собой специально для свадьбы. Только уселись за стол, как сильнейший боковой удар именно по моему больному плечу чуть не свалил меня в преисподнюю. Это мой брат таким оригинальным способом пытался выразить свое возмущение моим поздним прибытием на свадьбу. Как я не умер тогда – не знаю, но то, что весь тот день и всю ту ночь меня оберегал ангел-хранитель, одарив меня несколькими мгновения абсолютного счастья, это четко усвоилось в моем сознании.

Паскаль как-то сказал: «Мы по-настоящему счастливы только тогда, когда мечтаем о том, что случится в будущем». Я мечтал о веселой свадьбе, на-

деясь оторваться по полной программе и почувствовать себя счастливым в кругу своих близких и друзей. Я мечтал, что наконец построю свой дом, он будет большой, красивый и уютный – такой, какой выстроил себе Адам в Нью-Йорке. Во дворе у меня будет яблоневый сад и небольшой виноградник, который не нужно будет укутывать на зиму. Мой дом будет совсем рядом с горнолыжным курортом «Красная Поляна», и моим детям не будет необходимости лететь в Европу, чтобы покататься на лыжах. Как они меня уговаривали, как убеждали и ломали: «Папа, давай построим дом со двором, будем готовить шашлыки». Ну и что, пока строился дом, их след простыл, и теперь они все дружно живут в Израиле и даже не помышляют когда-либо, хотя бы на время возвратиться в родные места. Нельзя всецело полагаться на свои мечты, потому что затем они могут стать неактуальны. Поэтому разумные люди, способные изменить все вокруг себя, чтобы чувствовать себя постоянно счастливыми, должны жить идеями и идеалами, потому что эти призрачные миражи, как и звезды на бескрайнем и необъятном ночном небе, недостижимы никогда.

Это старая история, но я постараюсь рассказать ее вам подробно, не упустив ничего важного, что позволило бы вам ответить самому себе: «Да, я это понимаю и принимаю, или не приемлю ни при каких обстоятельствах». Электричка как транспортное средство сегодня анахронизм. Но до недавнего времени она являлась самым эффективным общественным транспортом, позволяющим дешево и, самое главное, без пробок и вовремя добраться до работы, учебы и по всяким другим срочным делам. Электричка была местом наших коллективных дискуссий и горячих споров, шахматных баталий и новых знакомств. Мы, постоянные пассажиры, знали, кто на какой остановке войдет и кто где выйдет. Именно здесь, в своем купе, в котором собирались давнишние знакомые, мы обсуждали последние события, в том числе из криминальной хроники города, вся информация была из первоисточников.

В дороге время проходило быстро и очень интересно. Если в вагоне появлялся новый человек, и если это была женщина, вся его мужская половина выражала живейший интерес. Но привычка мало-помалу делала свое дело, и, если новые пассажиры не были симпатичными людьми, они становились незаметными. В одно прекрасное утро в наш вагон вошла принцесса. Эта была нарисованная блондинка с длинными вьющимися волосами и удивительно голубыми глазами – уж очень была она хороша собой. Она присела рядом в соседнем купе напротив меня. Взгляды всех мужчин устремились на эту молодую обольстительную женщину, а кое-кто из моих попутчиков получил даже шейный остеохондроз.

Весь день прошел в тревожном ожидании нового утра. И когда та же самая женщина вновь вошла в наш вагон и села на то же самое место, мы были очень этому рады. Представьте себе, почти целый час лицезреть живое искусство. Уголки ее манящих, сексуальных губ выражали лукавую улыбку, и это придавало ее лицу особый шарм настоящей женщины.

«Какой же счастливец тот мужчина, который может позволить себе каждую ночь любить эту женщину и, что важно, когда он этого пожелает», – всякий раз думал, я глядя в ее сторону.

Наши глаза за поездку неоднократно пересекались, иногда на пару секунд задерживались, и этого времени было достаточно, чтобы можно было бы ее понять и прочувствовать. Холодный, тревожный взгляд ее глубоко посаженных голубых глаз говорил о ее душевном смятении. Я где-то читал, что женщины с подобными глазами очень ранимые и романтические натуры, любят помечтать, принимают любой пустяк близко к сердцу, поэтому чересчур обидчивы, склонны к депрессиям. Такие женщины не любят однообразие, поэтому не всегда постоянны в своих любовных привязанностях.

Что-то нешуточное волновало и беспокоило ее. Она, как мне показалось, хотела найти поддержку и сочувствие, а возможно, просто поговорить по душам, пусть даже с незнакомым человеком. И вот однажды мне здорово повезло: я и оказался тем самым человеком, которому эта удивительно красивая женщина открыла свои сокровенные мысли и переживания. Как-то, возвращаясь ночной электричкой домой, я совершенно случайно встретился в своем вагоне с моей восхитительной попутчицей. На этот раз я уже имел возможность сесть рядом с ней, потому что в вагоне почти никого не было. Она была явно чем-то обескуражена и расстроена. Мы некоторое время ехали молча, я же не пытался заговорить с ней первым, – я просто хитрил, думал, интересно, начнет ли она разговор первой, к тому же я даже не знал, как ее зовут. Трудно общаться с женщиной с плохим настроением – можно запросто напроситься на жесткое «нет». И тогда суши весла, надо будет просто ретироваться, и на этом закончилась бы вся моя восторженная влюбленность. Один из самых простых способов добиться взаимопонимания, даже с малознакомыми людьми, – это показать свое хорошее настроение. На самом деле, каждой умной женщине нравится тонкий мужской юмор.

В Нью-Йорке живут самые свободные и раскрепощенные женщины на земле, так вот 90 % из них определили чувство юмора как главное достоинство современного мужчины. А мужчина желает разобраться, как любить эту самую женщину, как сделать ее счастливой, как добиться того, чтобы она стремилась к нему-единственному. Мужчины хотят знать, как устроен женский ум и как стать тем, в ком женщина будет нуждаться. Накачанный пресс, банковский счет или тонкий юмор – что же делает мужчин привлекательными в глазах женщины? Конечно, каждая женщина имеет свое понимание, каким должен быть настоящий мужчина. Однако определено, что существуют четкие черты характера, на которые почти все женщины обращают свое внимание. Вот современные женщины Нью-Йорка и определили эту черту характера мужчины, которая их привлекает в большей степени, – им оказалось чувство юмора. Кстати, многие российские женщины также высоко оценили это качество характера в мужчинах.

Рассчитывать только на юмор, для того чтобы начать хоть какой-то внятный диалог, было неразумно с моей стороны. Предпочесть открытый и честный разговор – это могло выглядеть слишком пошло и нахально. Когда мужчина не может сразу с пол-оборота заинтриговать женщину, лучше не затеваться с этой затеей, все равно ничего не получится. Надо просто посочувствовать ей, продемонстрировать, что тебе важно, от чего у нее такое подавленное настроение.

«Все, что нужно в этой ситуации, – думал я, – задавать ей правильные вопросы, ну, например, могу ли я чем-то помочь». Каждая женщина при знакомстве с мужчиной задает себе подобные вопросы: он надежен? он станет мне поддержкой? ему можно доверять? на него можно положиться? Высказывая насущную проблему, женщины избавляются от эмоционального напряжения. «Но как растормошить ее, как обратить ее внимание на себя, чтобы выстроилась эмоциональная связь?» – лихорадочно думал я, потому что времени было в обрез – всего тридцать минут до ее остановки. Решение пришло само собой.

– Хотите, я расскажу вам интересную историю? – лукаво спросил я ее, абсолютно не надеясь, что мое экстравагантное предложение может ее заинтересовать.

– Рассказывайте, – с явным безразличием ответила моя спутница, бросив свой взгляд в ночную темноту за окном.

По мере того как я рассказывал ей только что придуманную мною историю, она приходила в себя и с нарастающим интересом прислушивалась к моему повествованию.

– Полагаю, что этот рассказ вы придумали экспромтом, и если я права в своих предположениях, то могу определенно сказать вам, что ваша история очень даже интересная, надо вам подумать над тем, как познакомить и других читателей вашего таланта с этим удивительным рассказом. – Ее вопрошительный изучающий взгляд смутил меня.

«Вот тебе на! – подумал я. – Она не только красавица, но еще и умная женщина. С ней легкий, мимолетный флирт не пройдет. Пусть будет то, что будет», – подумал я и начал с первого пришедшего на ум вопроса.

– Мы так часто вместе с вами едем в одном вагоне и до сих пор не знакомы. Как вас зовут? – поинтересовался я ненавязчиво.

– Алена, – коротко ответила она и снова замолчала. Мне показалось, что наша дальнейшая беседа не имела смысла. Я поднялся и хотел было пересест на другое свободное место, но она меня мягко остановила. – Я знаю ваше имя, можете не представляться. Ильясф – здорово звучит, оно мне нравится, мне вначале казалось, что это ваш псевдоним, – проговорила она, немигающим взглядом, глаза в глаза глядя на меня, и я впервые близко увидел зрачки ее голубых глаз. Они были бездонные, как безжизненное космическое пространство, недостижимы и отдавали ледяным холодом. Я опешил, был озадачен и ошарашен тайной ее пустых глаз, невольно отвел свои глаза и уже больше не искал ее прямого взгляда.

«Еще полчаса пути, – думал я, осознавая меркантильную суть женщины, сидевшей рядом со мной, которой мы всей гурьбой восторгались и восхищались. – Но надо продолжать беседу, – решил я, – чтобы не оказаться в ее глазах похотливым мужчиной».

– У тебя плохое настроение. Поругалась с супругом? – любопытствовал я: мне, конечно, хотелось узнать, замужем она или нет.

– Нет, я с мужем не ругаюсь, он любит меня, – коротко ответила она и снова замолчала.

«Нужно быть полным идиотом, – подумал я, – иметь такую женщину и не любить ее», – но любопытство брало свое и следующий вопрос napро-сился сам собой.

– Что же произошло и почему у тебя заплаканные глаза? – не ожидая ответа, я углубился в свои мысли и, смущаясь, замолчал.

– Меня использовали, жестоко обманули и кинули, – еле выдавила она из себя.

«Вот это неожиданный поворот дружеской беседы», – подумал я, а молодое ненасытное любопытство брало верх над угрызениями совести.

– Ну стоит ли из-за какого-то обмана так расстраиваться? – попробовал я утешить ее, затем добавил: – Вранье и измена всегда рядом с нами, они сопровождают нас всю нашу жизнь, – пробовал я философствовать.

– Мне обещали трехкомнатную квартиру, а дали двухкомнатную, – как ни в чем не бывало сказала она и ушла в свои мысли.

– Ого! Ты, наверно, важная особа, что в таком возрасте имеешь возможность претендовать на трехкомнатную квартиру, – наша беседа начала принимать довольно откровенный характер.

– Да, я секретарь генерального директора нефтяной компании, он имел меня при каждом удобном случае, когда он хотел. – Ее откровения сродни покаянной исповеди, но я, не перебивая, продолжал ее молча слушать. – Хотите верить, хотите нет, но сейчас я описываю реальную историю. – Она, не отрывая взгляда с темного окна вагона, внимательно наблюдала за моим отражением, продолжая безмятежно рассказывать: – Он старый, с обрюзгшим, морщинистым лицом, меня ужасно тошнило от него, но каждый раз, принимая таблетки, которыми он пичкал меня, я позволяла ему делать со мной все то, чего он желал. – В ответ на мой немой вопрос она просто и буднично выдавила из себя: – Мой супруг инженер, он очень любит свою работу, у нас маленькая дочь, а жить было негде. Когда он узнал, что я получила двухкомнатную квартиру, он был безгранично счастлив.

Когда пришел домой, было уже поздно. Я взял бутылку коньяка и тихо ускользнул на кухню.

– Что произошло, мой дорогой? – вдруг услышал я заспанный голос своей супруги. – С каких это пор ты выпиваешь по ночам и в полном одиночестве? – Я молча разлил коньяк по фужерам. – Мне чуть, за компанию, – сказала она, пристально взглянув на меня. – Что же все-таки произошло?

– Ничего дурного, все хорошо, просто очень соскучился по тебе, – впервые солгал я своей прекрасной супруге, полной таинственной энергии любви. – За тебя, моя дорогая, – произнес я, пытаюсь изо всех сил подавить отвращение, которое охватило мое сознание от недавней встречи с женщиной, которой еще совсем недавно я так восторженно восхищался.

Бросив взгляд на улицу, я сквозь темное стекло окна отчетливо увидел красивое, улыбчивое лицо Алены. Поднял фужер, попытался выпить, но коньяк не шел, застревал в горле. И снова я услышал мелодичный голос супруги:

– Дорогой, я тебя жду.

Разумная психологическая реакция брала свое и в моем подсознании в автоматическом режиме сформировалось главное решение сегодняшнего дня: в согретой постели тебя ожидает классная женщина, наслаждайся бескорыстной, страстной, преданной и непорочной любовью.

Глава 37

Бесспорно, у каждого человека есть свои секреты – это то, что не подлежит разглашению, что расчетливо, причем часто сознательно, скрывается даже от самых близких людей. Всякое утаивание истины, интриг, супружеских измен – это джентльменское соглашение между правдой и ложью, это осознанный выбор между насущной жизненной необходимостью и безупречной совестью. Такое разрешение конфликтной ситуации путем взаимных уступок изматывает эмоциональное состояние человека, вызывает ревность, беспокойство, агрессию, – и все это из-за страха, что когда-нибудь правда откроется, истина выйдет наружу, а тайна супружеских измен станет явной. Люди опасаются неизвестности, выхода из зоны комфорта, перехода от размеренного и будничного потока жизни к неуправляемой разрушительной лавине, остановить которую они не в силах. Если личный или семейный секрет, бросающий, как им кажется, тень на их безупречную репутацию, вдруг раскроется и станет достоянием окружающих, тогда для них наступят сложные времена. Надо быть законченным идиотом или последним разгильдяем, чтобы не понимать всю серьезность такого положения. Естественно, в такой проблемной, нестандартной ситуации нарушается душевное равновесие человека, а фокус его внимания смещается в прошлое, где он надеется найти ответы на чувство страха, тревоги и безысходности. В таких жизненных условиях человек не может полноценно радоваться настоящему и честолюбиво мечтать о будущем.

Секреты, как и злых джиннов, слывущих слугами сатаны, лучше все же держать в закрытой бутылке на дне самого глубокого океана, чтобы никогда и ни при каких обстоятельствах они не смогли вырваться на волю. Не дай бог, чтобы они, прорвав оборону, вышли на оперативный простор злословий, кривотолков, сплетен или, хуже того, стали причиной для творческого осмысления агрессивной толпы. Даже самые сокровенные секреты, которые, как нам кажется, надежно спрятаны от чужих глаз и длинных языков, все равно со временем становятся явными. По меркам отдельных личностей это не проблема, однако есть люди, и их большинство, для которых, как ни крути, это неприятная ситуация, потому что не позволяет им оставаться в зоне психологического комфорта.

Мне как автору-рассказчику, конечно, было бы интересно знать, какие эмоции и чувства возбудят у читателей мои откровенные рассказы, в которых я честно и правдиво, без всякого утаивания и смущения рассказываю о своей прошлой жизни, хотя временами мне было крайне трудно это делать. Я пишу историю своей жизни от первого лица; пишу о том, что вижу, слышу, чувствую, о чем думаю, пишу о том, что люблю и ненавижу, о чувстве долга и предательстве, пишу, потому что возникают очевидные вопросы, на которые надо дать прямой и искренний ответ, и от этого даже самая фантастическая история становится реалистичной. Что если моя судьба невероятным образом схожа с вашей, тогда несмотря ни на что в моих повествованиях вы найдете скрытые мотивы и подсказки и сможете избежать ошибок и провалов в своей жизни. Возможно, благодаря моим коротким рассказам, пронизанным авторскими эмоциями и противоречивыми чувствами, в которых события развиваются нейтрально, а чаще всего субъективно, но всегда правдиво, кто-то задумается над расстановкой приоритетов в своей жизни. Главное – не повторять чужих ошибок.

В одном древнейшем предании одного мудреца спросили:

– О великий! Ты умнее всех умнейших мудрецов на свете, ты предусмотрительнее всех людей на свете, скажи, кто тебя обучил этому, неужели он был умнее тебя?

– Нет, – сказал мудрец, – моими учителями были дураки, шуты и неучи!

– Но почему? Неужели ты считаешь их умнее себя?

– Нет.

– Так в чем же секрет? – недоуменно спрашивали мудреца люди.

– Я просто смотрю на то, что делают эти глупцы, и поступаю наоборот!

Короткие истории, рассказанные мною уже много раз моим друзьям, не плод моих фантазий – они подлинные: романтические и драматические, печальные и нежные, – в общем, обыкновенные, из реальной жизни.

Оставив повседневные дела, мы, старые приятели, как обычно собирались у кого-либо из друзей для живого человеческого общения. Выпивали несколько бокалов выдержанного Дербентского коньяка золотисто-янтарного цвета, в котором само солнце нашло свое убежище, играли в карты, травили

анекдоты, вспоминали славные времена слободской жизни и, конечно, вели сердечный и душевный разговор на актуальные темы. Я постараюсь без прикрас, последовательно и полно рассказать вам о невероятной атмосфере дружеского застолья, которая позволила мне и моим друзьям в тот дождливый осенний вечер оторваться по полной программе, общаться по-дружески, искренне и откровенно, обмениваться взглядами и мнениями касательно судеб героев из тех рассказов, опубликованных на портале «Проза.ру».

Мои друзья – не вымышленные литературные персонажи, я не выдумал их образы, внешний вид, стиль одежды, не сочинял манеры поведения, общения, сферы их деятельности. Они подлинные, полные достоинства, с располагающей внешностью зрелые мужчины из прошлой и настоящей моей жизни. События, истории, любопытные факты из их жизни не выдуманы мною, они – реальные, происходившие иногда на моих глазах, а порой и с моим прямым участием. С этими парнями я еще пацаном до изнеможения играл в футбол, уплывал далеко в море, аж по самый горизонт, где вода вокруг была синее синего. Казалось, это безбрежное море с секунды на секунду раскроет свои ласковые объятия и вберет меня, чтобы слиться со мной в единое целое. Страх не было: рядом, безмятежно разговаривая между собой, веселой гурьбою плавали отъявленные пацаны со слободки. Я знал о них все, даже то, что они ели за завтраком и что у них будет на обед и ужин. Они, веселые и забавные, незаметно поседевшие, оживленно усаживаясь вокруг пиршественного стола в предвкушении приятного общения и праздничного застолья, перекидывались смешными историями из прошлой слободской жизни, время от времени обращаясь друг к другу по старым прозвищам.

«Как же быстро и незаметно наступила зрелость, – думал я, разглядывая своих сверстников сквозь призму времени, – а ведь совсем недавно мы отчаянно бились о стенку, пытаясь правдами и неправдами обыграть друг друга. Еще зелеными пацанами мы старались держать в секрете свои романтические тайны, чтобы не дай бог не навредить репутации своей возлюбленной девчонки».

Помню, как мне было невыносимо стыдно рассказывать о своих бессонных ночах «слободскому профессору» – Изя был старше меня на несколько лет, но в семнадцать он уже слыл донжуаном нашей махаллы.

– Я умру! – сказал я ему.

– Не умрешь, ты будешь жить еще сто лет, – ответил он мне по-дружески, не обращая внимания на мои причитания.

– Но я безнадежно влюблен в девчонку, которую невзначай обидел, и сейчас я не знаю, как мне искупить свою вину, какими словам задобрить ее, чтобы она меня простила. – Изя, помоги! – умолял я его. – Подскажи, как мне быть и что делать?

То, что Изя мне, пятнадцатилетнему пацану, посоветовал тогда в ответ на мои взывания, настолько ошеломило мое неокрепшее сознание, потрясло

и смутило мою неоперившуюся душу, что я до сих пор помню каждое слово, сказанное им не то всерьез, не то в шутку.

– Англичан, мой юный друг! – высокомерно, с высоты своего величия, покровительственно сказал он мне. – В твоей жизни будет много раз, когда ты будешь умирать от искренней и возвышенной любви, и каждый раз ты будешь считать, что такой девушки в твоей жизни больше не будет. Но когда-нибудь, а это время обязательно придет, другая принцесса появится на горизонте, и эта всепоглощающая страсть снова целиком и полностью овладеет твоим сознанием, и ты вновь будешь считать себя самым счастливым человеком на свете.

В следующую минуту я потерял дар речи, меня буквально громом поразила безапелляционный приговор моей первой всепоглощающей любви. Я не мог даже представить себе, что когда-нибудь моя нежная, чудесная, волнующая музыка любви затихнет, растворится во времени, словно никогда ничего и не было. Я был потрясен до глубины души, никогда ранее мне не приходилось испытывать подобных чувств. Но прошло время, мало-помалу эмоциональное потрясение отлегло от сердца, и вновь пылкая, страстная, трепетная любовь захватывала сознание, веселила и тревожила мою душу. По жизни я не единожды встречался с очаровательными, творчески одаренными женщинами, которых, как мне казалось, я по-настоящему любил. Однако до сих пор я убежденный холостяк. Хорошо это или плохо, я не знаю, и не дано мне знать, к чему приведет то или иное событие в моей будущей жизни. Но я твердо убежден: все, что происходит со мной, случается только к лучшему, ведь я могу созерцать и оценивать события моей жизни в реальном времени, значит я живой – что еще хорошего можно пожелать самому себе?

Вот и эта притча гласит об этом. Один мужчина встретил в лесу дикую лошадь и забрал ее себе.

– Ого! – сказали соседи. – Так вот взял и обзавелся лошадью – повезло тебе!

– Не знаю, повезло мне или нет... – ответил он.

Сын этого человека стал объезжать эту лошадь. Она была своенравна, и сбросила его. Он сломал обе ноги.

– Ах! Какое несчастье! – восклицали соседи. – Как плохо!

– Я не знаю, хорошо это или плохо, – отвечал мужчина.

Вскоре началась война и всех пригодных юношей забирали в армию. Соседские сыновья тоже отправились на войну и погибли.

– Хорошо тебе, – говорили оставшиеся без детей люди, – твой сын остался жив.

– Я не знаю, хорошо это или плохо, – по-прежнему отвечал мужчина.

В последнее время я часто вспоминаю наши тусовки. Хотя все это уже в прошлом, но я прекрасно помню ту трепетную атмосферу, которая роднила наши души, делая нас близкими и неразлучными друзьями. Мы говорили обо всем, но больше всего разговоры вращались вокруг женщин. Ну о чем, скажите

на милость, могут так эмоционально и вдохновенно часами напролет говорить мужчины?! Стоило только вскользь затронуть эту извечную тему, как тут же разгорались страстные и нешуточные споры о влиянии женщины на современную жизнь мужчины. Мы отчетливо, личным и необъяснимым капризом представляли себе, какой должна быть настоящая женщина, а вот какой мужчина должен быть рядом с такой женщиной, мы стыдливо умалчивали, потому что понимали, что ни один представитель сильного пола не может чувствовать себя уверенно рядом с настоящей женщиной.

Еврейские мудрецы говорили, что познать главную черту женщины – ее загадочность – невозможно. Эти старцы еще с библейских времен знакомы с загадочностями человеческой природы и знают о женщинах все, об их самых сокровенных, многогранных, запутанных и завуалированных тайнах и секретах, являющихся главной интригой очень ярких, порой невероятно сложных отношений с мужчинами.

Мы, друзья детства, занятые по горло своими повседневными делами, собрались у Артура на мальчишнике: был его день накрыть праздничный стол для друзей.

«Класс! – думал я. – Здорово же он подсуетился».

Артур добрейший души человек, среднего роста, с темно-кариими глазами – прирожденный лидер, к тому же с горбинкой на носу и с ярко выраженной глубокой ямочкой на подбородке. Не обращая внимания на наши одобрительные возгласы и ликующие взгляды, Артур, пытаясь удивить нас экзотическими блюдами кухни горских евреев, крутился вокруг прекрасно сервированного стола, пробуя найти свободное место для очередного популярного блюда – тары. Это вкусное и необычное для европейцев блюдо готовится из одноименной травы. Ее варят в говяжьем бульоне с большими кусками мяса, луком и сушеной алычой. Жареные, с хрустящей корочкой дюшбара (пельмени) в фарфоровой тарелке соседствовали на столе с благородной дулмой – царицей кавказского застолья, а в самом центре стола властвовали легкие закуски: сельдерей, кинза, зеленый лук и многие другие травы, без которых не обходится ни одно застолье на Кавказе, – и наконец, вишенка на торте – вяленая рыба кутум. Надо отметить, мясо кутума нежное, слегка сладковатое и очень сочное, выступает в качестве главного блюда в любой компании и на всех без исключения торжествах и культурных обрядах горских евреев.

Наблюдая с немалым интересом за своими приятелями, я, как автор-рассказчик, описывая простым языком картину происходящих событий, размышлял о том, как было бы здорово, если бы я мог прогуляться по закоулкам и лабиринтам их сознания. Как было бы круто, если бы я мог заглянуть в их сердечные тайны, где хранятся удивительные романтические истории любви, каждая из которых достойна экранизации лучших киностудий Голливуда. Жадные до чужих секретов и тайн, мы судьбой знакомых нам людей интересуемся

гораздо больше, чем своим предназначением на земле, – такова природная и социальная сущность человека и никуда от этого не денешься.

Мы в силу своего естества честолюбивы и тщеславны, поэтому, не смотря ни на какие препятствия, стремимся стать значимыми и известными людьми. Этот природный наркотик, заложенный в самом характере человека еще при его рождении, величайшая задумка Творца – он хочет видеть нас мечтателями, витающими в небесах, людьми, способными воплотить в реальность свои самые заветные идеи и сокровенные мечты. Я же, любимчик Бога, большой выдумщик и великий фантазер, к тому же профессиональный рассказчик, попытаюсь начать это повествование с самого начала.

Вечеринка была в самом разгаре. В центре уютного зала хозяйничал большой круглый стол, покрытый белой скатертью, который ломился от изысканных и соблазнительных блюд и напитков. Мы дружно приняли дерзкий вызов красиво сервированного стола с ароматами блюд, любимых нами с самого детства. Начались неизменные тосты за хозяина с пожеланиями ему крепкого здоровья и процветания. Артур все больше молчал, блаженно упиваясь нашими восторженными отзывами о вечеринке. Разливая янтарный напиток по большим, пузатым бокалам, он вопросительно покосился на меня. Заметив, с каким неподдельным интересом я рассматривал небольшой черно-белый портрет обаятельной молодой женщины на фортепиано, Артур, загадочно улыбнувшись, произнес: «О, это удивительная история, которая может стать реальной основой для твоего нового рассказа». Вся компания неожиданно притихла и за столом вдруг воцарилась непривычная тишина.

Артур, с восхищением вглядываясь в портрет доселе неизвестной нам женщины, которая не сводила с нас своих любопытных, пронзительных глаз, тихо, вполголоса рассказывал трогательную и невероятно захватывающую историю случайной встречи с женщиной, которая заставила трепетно волноваться зрелого, респектабельного мужчину. Тогда, поддавшись стихийной магии его настроения, я мысленно благодарил Бога за то, что Всемогущий Царь Вселенной иногда позволяет нам отвлекаться от рутины жизни и пусть не так часто, но все же дает нам возможность насладиться случайными встречами с настоящими женщинами. Затаив дыхание, я слушал необыкновенную историю Артура, а перед моими глазами феерично блистала гордая, нежная, красивая фея из волшебной сказки. Она ненадолго задержалась в моей беззаботной, беспечной жизни, но успела овладеть моим сознанием, сердцем и упрямой душой, но вскоре исчезла, не оставив даже визитку...

Наша замечательная вечеринка плавно подходила к своему логическому завершению, а романтическое настроение и дружеская атмосфера, в основе которых были восторг и признательность за щедрое горское гостеприимство, навевали спокойствие и настраивали на лирический лад. Вскоре на столе появились кофейный и чайный сервизы, всякие восточные сладости и десерты. На расписном

прямоугольном подносе стояли хрустальные вазы с вареньями из инжира, айвы и кизила и большая стопка изящных розеток. Это то самое время, когда в дружеской компании, после превосходной трапезы с отменными напитками, можно навеселе поговорить по душам со старыми, испытанными друзьями.

– Англия, – иногда мои друзья детства называли меня именно таким образом, – что-то не так, о чем молчим весь вечер? – пытался Артур втянуть меня в оживленный разговор. – Похоже на то, что сейчас ты не с нами, а где-то далеко, за пределами нашей тусовки, – не дождавшись ответа, он медленно, с расстановкой продолжил: – Ты перестал писать, не видно твоих новых рассказов.

Обратившись к парням, которые с интересом следили за нашим разговором, он пытался втянуть и их в нашу полемику.

– Послушайте, пацаны, если я не прав, то поправьте меня. – Посмотрев прямо на меня, он произнес слова, которые просто шокировали меня: – Ты погрузил и меня в мир своих фантазий, сотворил впечатляющие женские образы, – бросив многозначительный взгляд в мою сторону, он медленно встал из-за стола, сделал короткую паузу, задумчиво посмотрел на ребят, затем продолжил: – Илюха, мой дорогой друг, я полагаю, что любовные истории, описанные в твоих коротких рассказах, не иллюзорные мечты разуверившегося романтика, что они не надуманы в пылу творческого экстаза и не высосаны из пальца бредом сумасшедшего. Я хочу верить в них, потому что они, эти истории, заставили и меня, зрелого человека, задуматься о смысле моей жизни. Сегодня ты оставил меня наедине со своими мыслями и чувствами. Может быть, те таинственные женщины из твоих рассказов, словно миражи, ушли куда-то в небо или задержались где-то в далеком прошлом, в романах и рассказах Чехова, Тургенева, Куприна, и по счастливой случайности не успели сесть в поезд, стремительно мчавшийся в наше настоящее. Иногда мне кажется, что они окончательно и бесповоротно задержались в прежних временах. Окажись случайно эти женщины в нашей современной жизни, они не поверили бы своим глазам: кругом одни пьяницы, которые могут достойно сделать лишь одно – напиться до беспамятства. Сделай милость, сотвори хотя бы одну, но реальную женщину, чтобы можно было втрескаться в нее по-юношески – страстно и трепетно, и по-взрослому – без колебаний и сомнений.

– Очень интересное предложение, я полностью поддерживаю в этом Артура, – задумчиво вписался в разговор Игорь, неисправимый романтик и беспечный транжира. Он при любом удобном случае любит говорить, что настоящий мужчина всегда заработает столько, сколько ему нужно для активной жизни, и поэтому никогда не парился насчет того, как он будет существовать завтра. Удивительно, он всегда при деньгах и в окружении сладострастных белокурок девчонок, которые умело пользовались его вниманием и щедростью. – Илюха, – продолжил Игорь, – нам не нужны лицемерные восторги и страдания, мы хотим доверять героям твоих рассказов, при этом понимать их, осознать и

осязать вместе с ними все чувства, свойственные реальным людям из современной нашей жизни. Короче, нам нужен Голливуд, а не Болливуд, мы хотим бессонных ночей, наполненных страстными поцелуями и восторженным сексом.

Заметив устремленные на него недоуменные взгляды, Игорь замолчал, – видимо, понял, что сказал то, что задело парней до глубины души. Подняв бокал, он предложил тост за одержимую, чувственную и страстную любовь.

– Игорь, ты безнадежный оптимист, – негромко произнес Эриэль, – но сказано неплохо.

Он сидел за столом напротив меня, лениво крутил в левой руке толстую незажженную сигару, а на столе напротив него стоял пузатый бокал коньяка, к которому он периодически с удовольствием прикладывался. Эрик, быстро добившись успехов в бизнесе, был предельно открытым и достигаемым для своих друзей. Он знал и понимал, что с пацанами из махаллы иначе нельзя, потому что они могут жестко и дерзко осадить и поставить на место любого взорвавшегося парня. Тем более за нашим общим столом сидели пацаны, равные ему по потенциалу, которые знали толк в деньгах, понимали и осознавали их роль во взаимоотношениях с друзьями.

– Илья, помнишь, в своих ранних рассказах ты часто декларировал поэтов Востока, – неожиданно подключился Игорь к оживленному разговору. Он говорил медленно, еле слышно, считал, что в любой компании он должен быть в центре внимания, но всегда держался тактично и достойно. – Любовная лирика классических поэтов Востока, – продолжал он, сделав небольшой глоток коньяка, – созданная тысячелетия назад преимущественно безымянными поэтами, и сегодня тревожит души и сердца наших современников. Но послушайте, пожалуйста, что писал еще совсем недавно Юрий Окунев, дай ему Боже вечный покой: «О женщины! От вас зависит все, кем будем мы. Лепите нас, лепите нас самозабвенно. Своею нежностью, гордостью, тоской...» – Англичан, – обратился ко мне Игорь, – мой дорогой друг, вот какую женщину я лично сам хочу видеть в твоих новых произведениях.

– А уши в бриллиантах в пару карат ты случайно не хочешь видеть? – с усмешкой парировал Игорю Адам, который всю разгорающуюся дискуссию вокруг женщин высокопарно игнорировал. Чуть задумавшись, он с белозубой улыбкой продолжил: – Классным телкам, – он обвел нас торжествующим взглядом, смачно выразился на матерном и, довольный своим блатным жаргоном, решительно добавил, – сегодня нужны дорогие бирюльки и много, очень много бабок. Сегодня они жаждут богатства, призвания и непременно власти. Одной бутылкой шмурдяка, – продолжал он цинично и со знанием дела, – в наше время уже не обойтись.

– Ладно, пацаны, уже поздно, пора разбежаться по домам, но я готов эту дискуссию продолжить с вами на следующей нашей тусовке. У меня на примете есть один незаконченный рассказ, он не совсем готов к восприятию, но очень

надеюсь, что к следующей нашей встрече все будет окей. Так что, пацаны, готовьте бабки, каждый из вас получит от меня по книге с моей подписью. А кто, кстати, наш будущий гостеприимный хозяин? – обратился я к парням как будто невзначай. Все пацаны единогласно, словно пионеры перед присягой, подняли свои натруженные руки. – Отлично, созвонимся позже и определим, у кого будем гулять в будущий Шаббат.

Поблагодарив Артура, его дружную семью за прекрасный вечер, мы беспечно разбрелись по домам с надеждой на скорую новую встречу.

Глава 38

Любое повествование должно нести в себе некую незавершенность, потому что возбуждает читательский интерес. Мои преданные, горячие почитатели даже бунтовали, возмущались над тем, что в отдельных моих рассказах в самый острый и наиболее напряженный момент дальнейшее развитие сюжета и истории главных героев внезапно обрывалось. На что я им отвечал: «Не ленитесь, придумайте сами, как бы вам хотелось, чтобы эти истории завершались». Но окончание этой истории я поведаю вам сам...

Я долго размышлял над тем, какую форму повествования взять за основу. Сейчас большинство начинающих авторов художественной прозы пишут от первого лица; в этом случае произведения становятся реалистичными и достоверными, так как акцентируют внимание на образе рассказчика. Ведь начинающему писателю, такому как я, всегда проще живописать свои чувства, чем понять другого человека. Такая форма повествования, на мой взгляд, дает возможность легко и свободно переноситься в мир подлинных событий, наблюдать за ними со стороны, становясь незримыми участниками этой увлекательной истории.

Вот как это было на самом деле.

– Илья, привет! – услышал я знакомый голос уважаемого человека в своем мобильном телефоне. – Ты, где? – повелительным тоном спросил он меня.

– В Кисловодске, – с некоторым недоумением ответил я ему.

Есть люди, которые никогда не позвонят первыми, если даже им это очень нужно. Они будут ждать звонка до посинения, потом невзначай скажут: «Слушай, как раз хотел с тобой связаться», и начнутся просьбы. На этот раз звонил Владимир Григорьевич, легендарная личность, бывший генеральный директор крупнейшего в стране трубного завода.

– В Кисловодске? – переспросил он меня. – О! Это просто здорово! У меня будет к тебе небольшое поручение. – Минуту помолчав, видимо раздумывая о том, стоит ли вообще обращаться с просьбой к не очень близкому знакомому о дружеской услуге и смогу ли я достойно ее выполнить, он все же продолжил: – Послушай, Илья, сегодня в Кисловодске открытие театрального сезона в театре «Благодать». Мы спонсируем этот театр. Ты можешь от моего имени вручить букет цветов его директору, Валентине Петровне? – Я так и думал, что эта просьба будет связана с женщиной, и не ошибся. – У меня не получается самому это сделать, ты не волнуйся, я обязательно компенсирую твои расходы при встрече. – Лучше бы он не говорил мне о расходах, всю интригу и романтику просьбы поломал.

– Да, конечно, обязательно выполню вашу просьбу, – твердо заверил я его, пообещав выполнить все на самом высоком уровне. – Не беспокойтесь, ваша женщина будет довольна. – На этом наш разговор закончился.

Коробка красных роз с нежными бархатными лепестками легла на стол миловидной девушке, хозяйке цветочного магазина.

– Почаще бы нам таких клиентов под конец рабочего дня, – шептала она негромко, живо собирая букет. – Где вы покупаете цветы? – тихо спросила она, как будто боялась испугать такого, невесть откуда упавшего на ее голову щедрого заказчика. А руки, исцарапанные и в занозах, продолжали проворно работать, формируя прекрасный букет из алых роз по законам и правилам, известным только ей одной. Одна женщина работает не покладая рук, чтобы угодить другой, – вот тебе и вся правда жизни.

«Интересно, как она сама отреагирует на подарок из цветов?» – подумал я, попросив ее сделать еще один небольшой букет на ее профессиональный вкус. Оба букета получились необычными и очень красивыми: один маленький из разноцветья, другой масштабный из алых роз.

– Этот букет цветов мой подарок вам в знак моей благодарности за превосходно выполненную работу. Вы сотворили настоящее чудо!

Она не понимала, что произошло, но ее восхищение я чувствовал, ощущал всем своим существом. Я тоже не понимал, что случилось, но удовольствие от моего поступка я получил не меньшее, чем эта женщина от неожиданного подарка.

В театре уже было достаточно много посетителей. Увидев меня с большим букетом цветов, работница театра проворно подошла ко мне. «Вы, видимо, к Валентине Петровне? – спросила она меня уверенно, как будто в театре больше не было достойных женщин, которые могли получать цветы в подарок и продолжила. – Сейчас же доложу ей о вас».

Я терпеливо ожидал, разглядывая портреты великих русских полководцев, завоевателей Кавказа, делая вид, будто мне совершенно безразличны косые взгляды женщин в изысканных нарядах, то и дело прохаживающихся в

фойе театра. «На меня или на цветы в моих руках смотрят они украдкой? – гадал я, а в мыслях фантазировал Валентину Петровну. Кто эта женщина, которая, сама не ведая, дала мне несколько приятных часов работы в моей обыденной, безмятежной жизни на курорте. Разве я пошел бы на такой необдуманный, импровизированный поступок ради своей супруги? Она сделала мне поистине великий подарок, воплотила мою главную мечту – родила сына, который стал смыслом моей настоящей жизни. «Ты ни разу не подарил мне даже самый простой букетик цветов», – упрекала супруга меня в разгар наших семейных разборок. А было время, когда она была одной из самых красивых девчонок в институте, а я был фантастически влюблен в нее, и до сих пор эти чувства не оставляют меня в покое. Сегодня я ждал другую, совершенно незнакомую мне женщину, чтобы вручить ей букет цветов. Дожив до возраста, когда к твоим советам прислушиваются друзья и партнеры, я так и не понял, что значит подарить женщине цветы. Я так и не осознал, какая глубокая романтика кроется в этом простом поступке.

Подумав об этом, я вспомнил интервью корреспондентки первого канала, которое она брала у женщин на улицах Москвы в преддверии праздника 8 Марта. Она задавала всем женщинам один и тот же вопрос: «Какого подарка вы ждете от ваших мужчин в этот весенний женский праздник?» Большинство женщин в один голос отвечали: «Конечно, цветы, что еще можно желать женщине в этот день». Но мне запомнился ответ женщины, которая сказала: «Хотелось бы цветы... – но чуть погодя, не стесняясь своего заветного желания, добавила: – «Но, если это будет безделушка с бриллиантом в пару карат, было бы гораздо лучше». Это тоже – правда жизни, но уже другая.

Валентина Петровна, красивая, мягкая, женственная особа, была в восторге от моего подарка. Казалось, что она только что сошла с картины, чтобы принять у меня этот букет цветов, и торопилась снова взойти на пьедестал. Как будто этого букета из красных роз только и не хватало ей для полноты всей картины. Женщины разные: одни – на вершине успеха, другие – рядом с ними, третьи – мечтают только о достойной семейной жизни. Есть и такие, которые потеряли себя в этом мире. Но у всех женщин есть одна общая черта – они любят цветы.

Спустя год я вновь в городе-курорте и снова на тропе здоровья, которая серпантинном, через заповедные рукотворные леса вела в горы. Вдруг каким-то чудесным образом, словно из волшебной сказки, напротив меня возникла женщина.

– Ты классная, просто ангел! – не выдержав своего неподдельного восторга, проникновенно произнес я, пронзительно взглянув в ее красивые голубые глаза.

– Да, я знаю, – доброжелательно-снисходительно ответила она. Затем, обойдя меня зигзагом, непринужденно добавила: – Мне многие говорят об этом, и вы совершенно не оригинальны в своей догадке. – Она произнесла эти слова так непринужденно, что я невольно захлопал в ладоши.

– Одну минуту, – попросил я незнакомку, но ее пронзительно-жесткий взгляд остановил меня.

«Путного от этой затеи, все равно ничего не получится, – подумал я, – тем более вскоре возвращаться домой, пусть валит своей дорогой». Но свою визитку я все-таки успел вложить в оттопыренный карман ее ветровки.

– Позвони мне, – бросил я ей вслед, помахав рукой, как старой знакомой.

– Конечно, позвоню, – не оборачиваясь, высокомерным тоном и без всякого желания продолжать дальнейший разговор сказала она, скрывшись за поворотом.

Спустя несколько минут я стоял у развилки, откуда дорога расходилась в разные стороны. Мысли вихрем кружились в голове, стремительно захватывая сознание.

«По-моему, я втрескался, – раз мечтался я, – и влип, как мальчишка». Приятные ощущения кружили голову, возбуждая сексуальные фантазии, поэтому вопрос, ждать или не ждать эту дерзкую красавицу, не стоял вообще: я просто не мог двигаться и встал как вкопанный.

Все-таки чудеса случаются на свете. Верится с трудом, но через несколько минут она снова оказалась лицом к лицу со мной.

– Надеюсь, вы не очень долго меня здесь ждали? – насмешливо-кокетливо, с хитринкой в голосе спросила меня голубоглазая брюнетка. – Только не подумайте, ради бога, что я так скоро вернулась из-за вас, – и как ни в чем не бывало встала рядом со мной.

– Конечно, нет, – безразлично ответил я и продолжил: – Я все уже забыл, – и сделал невозмутимый вид.

– Великолепно! – нервно воскликнула она, затем неестественно рассмеялась и добавила: – Выбирайте, по какой тропе вы последуете, а я пойду другой дорогой, – растерянно взглянув на меня, она торопливо двинулась вниз, к центру города.

– Замечательно, и я пойду вашей дорогой, – не задумываясь, весело отреагировал я и пошел следом за ней.

– Зачем нам двигаться разными дорогами к одной и той же цели, «ведь вдвоем вдвойне веселей», – вспомнил я слова из очень популярной песни нашей молодости.

Я старательно уговаривал ее, убеждал, что со мной ей будет интересно и уютно, рассказывал ей разные истории, напевал попури из блатных песен, – у меня они всегда получались выразительными, и наконец она согласилась.

– Ладно, вы можете идти рядом, но не слишком близко, – сдержанно произнесла она, улыбнулась краешками губ и погрузилась в свои мысли.

В моей голове смешалась все – мои фантазии, мечты, желания. Это был не сон и не кадры из индийского кино – женщина, о которой я мечтал всего-то час назад, уже была рядом со мной.

«Какой же я все-таки молодчина, – нахваливал я себя, – просто счастливчик, не зря ведь я любимчик Бога». Восхищаясь собой, я строил грандиозные планы на вечер.

– Да, конечно, – покорно согласился я, украдкой взглянув на нее.

Никогда не думал, что голубые глаза могут быть такими колючими и дерзкими. «Но эти глаза, какими бы они не были, уже мои», – думал я и весело зашагал рядом с этой чудесной женщиной. Я наслаждался ситуацией, чувствовал себя молодым и желанным человеком. Такие возвышенные, романтические чувства придают мужчинам невероятную силу, помогают воплотить в реальность самые дерзкие мечты и планы. Мне казалось, что я теряю чувство времени, мне очень захотелось посмотреть на себя со стороны: какой я на самом деле и почему эта молодая, красивая женщина живо заинтересовалась мною, и что такого сверх естественного могла она увидеть во мне за столь короткое время?

– Вы самоуверенный и самовлюбленный мужчина, – спокойно, буднично и безо всякого интереса сказала она, увидев мое восторженное настроение. – Я не туристка, не тратьте свое драгоценное время, – критически взглянув на меня, она ускорила свой шаг.

Вскоре мы оказались на главной дорожке, которая вела к центру города-курорта, толпа отдыхающих и туристов становилась все больше и значительнее.

– Знаете, я бы не хотела, чтобы нас увидели вместе. Наш город маленький и обязательно кто-то встретится, а потом не оберешься вопросов, кто и почему был рядом со мной, – она медленно, с расстановкой выбирала слова. – Меня просто привыкли видеть одной – и вдруг рядом чужой мужчина, – говорила она, стесняясь этого слова.

Да, я знаю по себе, одиночество – это паскудное состояние души. Я понимал и совершенно не возражал против этого, я сам тоже небольшой любитель рисоваться и очень не хотел, чтобы кто-нибудь из моих местных знакомых увидел меня с незнакомой женщиной.

– Заметьте, а какой мужчина рядом с вами! – попробовал я пошутить. – Вам все будут только завидовать.

Моя прекрасная попутчица с любопытством, внимательно и доброжелательно взглянула на меня, словно хотела найти на моем смуглом лице те красивые, благородные и мужественные черты, которые могли удивить и восхитить ее знакомых и недоброжелателей. Ее выразительный взгляд из-под широких бровей, без изломов и изгибов, на безупречно красивом овальном лице был уже совсем другим, оценивающим и удивленным, как-будто хотела спросить саму себя: откуда ты свалился на мою голову?

– Кстати, как вас зовут? – неожиданно спросила она и, не дожидаясь ответа, протянула мне руку и назвала свое имя: – Я Анжела. – Ответив на рукопожатие, я тоже назвал свое имя. – Видите, вот навстречу нам идет моя близкая

знакомая, – Анжела всем своим видом показала, что я случайный человек, которых было так много в парке.

Я пригляделся, женщина была моей ближайшей родственницей, на заре нашей юности у нас даже были теплые и душевные отношения. Несформировавшийся треугольник быстро распался, потому что все сделали невозмутимый вид, словно никто никого не знал и ничего сверхъестественного не произошло, и каждый из нас пошел своим путем.

– Теперь весь Кисловодск будет говорить, что я разгуливаю по парку с чужим мужчиной, – Анжела была явно разочарована и обескуражена, я же думал о своем – что сегодня уже все мои местные друзья и родственники будут говорить, что я наконец нашел себе женщину, потому что открыто прогуливался с ней по парку.

– Я виноват и каюсь, – отчеканил я, пытаюсь быть подчеркнуто вежливым, – и для того чтобы искупить свою вину, приглашаю тебя в театр «Благодать».

– Мне знаком этот театр, – коротко и без настроения ответила на мое приглашение Анжела и продолжила без энтузиазма, – но там никогда не бывает свободных мест.

– Подождите несколько минут, – произнес я неуверенно, – может, мне повезет, и я найду пару билетов в театр.

«Нужно изо всех сил постараться решить эту проблему, – думал я, и это был тот случай, когда Бог оказался на моей стороне. – Надо же, как мне повезло», – услышал я свой собственный голос, и мне чудесным образом вспомнился забавный эпизод, когда год назад здесь, в Кисловодске, я вручал директору театра «Благодать» роскошный букет из алых роз. «О! Спасибо, Илья, очень мило с вашей стороны, – восторженно воскликнула она тогда, принимая букет из моих рук, и не переставая уговаривала меня остаться на спектакле. – В любом случае, – сказала она на прощанье, – в нашем театре для вас и ваших друзей всегда найдутся свободные места».

– Мне кажется, ты зря стараешься, проще, если мы попросимся и каждый из нас пойдет своей дорогой, – но в ее тихом, бархатистом голосе, словно легкий весенний морской ветер, звучали нотки разочарования и сдержанной досады. Было видно, что она запуталась в своем решении проститься со мной, или мне казалось, думал я, нежно, но твердо удерживая ее возле театрального киоска.

Естественно, из-за важности этого развлекательного мероприятия, которое могло позволить мне удержать Анжелу в зоне своей орбиты, я всячески пытался получить от кассирши номер телефона администрации театра, но она была непреклонна к моим просьбам и мольбам. Протянув в маленькое черное отверстие театральной кассы крупную купюру, которая тут же, словно черная дыра вселенной, с космической скоростью была поглощена, я все же добился желаемого результата. Анжела, все это время с интересом наблюдая за моими

решительными и целенаправленными действиями, наверно, думала, что я дурачусь, просто хочу произвести на нее благоприятное впечатление. Я набрал телефон и попросил соединить с директором театра. На другом конце провода меня деликатно спросили: «Как вас представить?» «Илья, – коротко ответил я, – если правильно – Ильясф».

– Здравствуйте, Валентина Петровна, – начал я подчеркнуто вежливо, – мне пришлось столкнуться с проблемой приобретения билетов на сегодняшний спектакль в театре «Благодать». Помните, как-то однажды вы приглашали меня посетить ваш театр, но тогда я не смог принять вашего любезного приглашения. Сегодня я вновь в Кисловодске, мы с другом решили посетить ваш прекрасный театр, и, как всегда, здесь нет свободных мест.

– Илья, конечно, найдем места, мы непременно и с большой радостью будем ожидать вас к 18:00, – ответила Валентина Петровна.

– Ладно, вы меня убедили, – Анжела сказала эти слова, с восхищением глядя мне в глаза. Она первая кокетливо протянула мне руку и на мгновение задержала свою маленькую холодную кисть в моей теплой ладони, – вы реально вдохновенный и целеустремленный человек, к тому же и горячий мужчина, – тихо, затаив дыхание, с трепетным волнением произнесла она слова, от которых у любого мужчины может снести голову. – Хорошо, я пойду с вами в театр, заезжайте за мной в 17:30, адрес я сообщу позже.

Я был на седьмом небе от счастья.

«Надо же, – думал я, – даже мой возраст не стал помехой нашей зарождающейся дружбе».

«Видней мужская красота в морщинах» – вот так звучит ария из знаменитого мюзикла «Дуэнья» – это к тому, что мужчины не теряют своего обаяния и привлекательности с годами. А вот мужчин старше пятидесяти почему-то привлекают дамы бальзаковского возраста – от 30 до 35 лет. Это уже не девушка, но еще и не заикленная на проблемах женщина. В этом возрасте еще не совсем испорчена фигура, обычно приличное образование (есть о чем поговорить). Как правило, хорошо одевается, ухаживает за собой и легко идет на контакт с противоположным полом. Не напрягает мужчину мыслями о замужестве и детях. Немного легкомысленна, но уже с установившимся характером. В общем, то что надо! Многие представители сильного пола считают, что пик женской привлекательности все-таки приходится на возраст от 41 до 45 лет, так что я еще в полном порядке для Анжелы, думал я, успокоившись после своих глубокомысленных размышлений.

«Было бы очень кстати изменить в паспорте дату своего рождения», – подумал я, глядя широко раскрытыми глазами вслед элегантной женщине, которая, грациозно покачивая идеальными бедрами, направилась к стоянке такси. Вот и наступил тот момент, когда реально хочется уменьшить свой возраст хотя бы на 10 лет. Тут вдруг мне и вспомнилась эта забавная история. Израильтянин

в возрасте 60 лет безумно влюбился в белокурую русскую женщину, которая была моложе его аж на 20 лет. Позже в своем письме министру внутренних дел он кратко рассказал историю своей пылкой, романтической любви. «Эта женщина определила суть всей моей будущей жизни, – писал он министру, – и я решительно настроен завести с ней счастливую семью... Я хочу уменьшить свой возраст на десять лет, с шестидесяти на пятьдесят, – почтительно писал мужчина министру. – Какая несомненная и очевидная польза от моего поступка будет для страны! – продолжал он азартно убеждать министра. – Я на целых десять лет позже буду получать пенсию и сэкономлю для бюджета миллионы шекелей». Когда это письмо стало достоянием гласности, тысячи израильцев обратились к министру с подобной просьбой. Многие мужчины хотели уменьшить свой возраст даже на пятнадцать лет. Людская молва утверждала, что этот нестандартный подход к решению важнейшей проблемы зрелого и боеспособного мужчины вызвал серьезные разногласия между различными видами средств массовой информации в Израиле. Конечно, старение – процесс неизбежный и неотвратимый, но многие мужчины в зрелом возрасте чувствуют себя гораздо моложе своего реального возраста.

Марк Хайман, знаменитый американский врач, утверждает, что его биологический возраст меньше, чем паспортный, на 20 лет. Он придерживается новой палео-веганской диеты, которая на западе набирает большую популярность, и регулярно занимается медитацией, силовыми упражнениями и принимает ледяные ванны, что позволяет ему достигать «эффекта Бенджамина Баттона» – явления, описанного в одноименном рассказе Фрэнсиса Скотта Фицджеральда. Хайман является автором бестселлера «Вечная молодость: секреты самой долгой и здоровой жизни». Он утверждает, что его образ жизни позволяет ему дольше оставаться здоровым. Кроме того, Хайман придает большое значение физическим упражнениям, которые он считает ключевыми для укрепления памяти, улучшения интеллекта и настроения. Он подчеркивает важность здорового ночного сна и предупреждает, что недостаток сна может ускорить старение и привести к различным заболеваниям. В общем, ничего нового, и к тому же, как утверждают многие ученые, диеты в долгосрочном плане не приводят к улучшению здоровья у большинства людей. А что касается сна, я на личном опыте осознал, что достаточно 5–6 часов крепкого сна для нормальной жизнедеятельности. Нельзя по 8 часов валяться в постели и впустую тратить драгоценное время – самый дорогой ресурс в нашем мире, потому что его нельзя вернуть или восстановить.

Мне все же ближе правила достойной старости, которые с высоты своего жизненного опыта и восточной мудрости вывел Омар Хайям, выдающийся философ, математик, астроном и поэт. Во-первых, он призывал пожилых людей не ставить знак равенства между своим возрастом и старостью. Она наступает тогда, когда человек сам ставит точку в своей жизни. Во-вторых, Хайям отме-

тил, насколько важно научиться принимать перемены и жить с тем, что у вас есть. Только поняв важность собственной жизни, можно ее менять, оставаться настоящим и жить каждым моментом. В-третьих, он отмечал важность умения радоваться мелочам, полноценно жить здесь и сейчас, не витать в облаках и быть благодарным Всевышнему уже за то, что приспособил землю, чтобы люди могли строить на ней дома и засеивать поля.

Однажды мой знакомый «сорокалетний пацан», стараясь меня маленько утешить, дружески похлопал меня по плечу и успокаивающе произнес: «Вы выглядите на все 100, вам нечего стесняться своего возраста». Хотел бы я на него посмотреть лет через десять: что, глядя в зеркало, скажет он о себе и о чем «запоет»? Вопросы о возрасте, тем более если ты уже выглядишь чуть больше 25, для мужчин означают сплошную головоломку. «Мужчин не спрашивают о том, сколько им лет», – стараюсь я всегда шутливо уйти от этого щекотливого и неудобного вопроса. Мне решительно возражают: «Да нет же, ты не знаешь, это женщинам не задают подобных вопросов». В этом случае у меня есть убийственный аргумент: «Мужчине столько лет, на сколько он работает, а возраст женщины определяется тем, как она выглядит и как ощущает себя».

Два букета из 25 роз «кармен» насыщенного ярко-красного цвета, украшенные декоративной лентой, легли на сидение такси, и я по дороге к чарующей темноволосой женщине с большими ярко-голубыми глазами. Почему мужчины предпочитают женщин с карими глазами, ума не приложу. Голубые глаза Анжелы на фоне белоснежной кожи лица и темного цвета волос придавали неотразимый шарм и изысканность ее женскому облику. Анжела, искренне, по-детски восхищаясь букетом роз, взволнованная и растроганная, с легкой грустью в голосе произнесла: «Мне никогда не дарили таких прекрасных букетов». По дороге в театр она больше не проронила ни единого слова.

«Как такое возможно? – думал я. – Неужели рядом с такой чудесной женщиной не было мужчин, которые могли бы найти путь к ее сердцу?»

Я не мог предположить, о чем думала Анжела, нежно прижимая к груди огромный букет из красных роз. Мне удалось угадать с цветами, заметил я, глядя на то, как ярко-красные цветы прекрасно гармонировали с ее темно-бордовым платьем. Бордовый цвет в одежде, как утверждают стилисты, это вечная классика, которая идеально смотрится в любой ситуации. Его изысканность привлекает внимание, поднимает и подогревает настроение мужчины.

«Анжела выбрала этот цвет платья специально, чтобы привлечь мое внимание к себе, – думал я, не сводя с нее своих озорных, восторженных глаз. – Еще утром жила себе преспокойно, может быть, и ни в кого не была влюблена, а сейчас сидит со мной рядом в такси, гордая, нежная, молчаливая, и, наверно, думает обо мне».

Ей хотелось нравиться мне, я чувствовал это всем своим существом. Мне даже казалось, что она чуть-чуть влюблена в меня. Мои фантазии легко

оторвали меня от земли и понесли в центр вселенной. Я размечтался, думая о том, что никто из людей не в состоянии меня сейчас понять, и честолюбиво устремился вслед своим фантастическим мечтам.

«Что же привлекло меня к Анжеле? – сосредоточенно думал я, полностью уйдя в свои размышления. – Просто искра, огонь, игра или атмосфера ветреных весенних чувств?» Она выглядела, как настоящая леди – эта счастливая возможность быть яркой, обаятельной и успешной, предопределена самой судьбой и, конечно, во многом зависит от самой женщины, от ее желания, стремления и силы воли стать желанной. Очень ценю женственность и романтичность в женщинах. Именно эти качества Анжелы с первых минут нашей случайной встречи привлекли к себе мое внимание, и речь вовсе не идет о фигуре и внешних данных. Это ее способность мгновенно, не страшась последствий, подстроиться под обстоятельства реальной жизненной ситуации. Это талант понимать и оценить, с чем ты можешь смириться, а с чем не можешь мириться ни в коем случае. Это умение восхищать взглядом, походкой, движением рук, быть интересной и загадочной дамой, в которой магия жизни бьет ключом.

Два персональных места в первом ряду театрального зала несказанно удивили Анжелу, но когда, выйдя на сцену с букетом красных роз, я произнес приветственную речь, она была удивлена и поражена моим экстравагантным поступком.

«Я добился своего, – думал я, – эти чудесные мгновения произвели настоящий фурор и надолго сохранятся в ее памяти».

В ресторане на нижнем этаже театра для нас был накрыт столик на двоих и вечеринка продолжилась в романтическом духе. Все время, что мы находились в ресторане, я то и дело ловил взгляды мужчин и женщин, сидящих за соседними столиками. Им было чем восторгаться и восхищаться: рядом со мной ослепительно красивая женщина и огромный букет алых роз, еле умещающийся на маленьком столике.

«Возраст для настоящего мужчины не серьезная проблема, если он убедительный, сильный духом, настойчивый и последовательный, – думал я, успокаивая самого себя, – он везде и во всем победитель, иначе просто незачем жить на этом свете».

– Сколько тебе лет? – неожиданно мягко спросила меня Анжела, делая виноватый вид, что для нее на самом деле это совершенно не важно.

Я же не думал об этом вообще, просто забыл о своем возрасте. И что мне ответить этой женщине? Как сказать ей, что мне уже много лет. Чтобы как-то разрядить не совсем благоприятную ситуацию и не дать ей развиться, я рассказал ей известную уже вам историю, приключившуюся с безумно влюбленным израильтянином.

– Если хотите, можете не отвечать на мой глупый вопрос, – с трудом выговорила Анжела, заметив мое замешательство. – На самом деле у настоя-

щих мужчин нет возраста. – Затем мягко взяла мою руку, ласково прикоснулась губами к открытой ладони, нежно поцеловала и тихо произнесла: – Прости.

Я обалдел... Этот чудесный миг между прошлым и будущим, переполнивший мою израненную, нуждающуюся в любви душу, до сих пор в моей памяти.

– Ты очень интересно рассказываешь разные истории. Наверно, и история нашей случайной встречи будет такой же глубокой и захватывающей, – произнесла Анжела, чтобы как-то выйти из этой неуклюжей ситуации.

Цыганское трио, вооруженное скрипкой и двумя гитарами, встало напротив нашего стола и традиционно запело любовный романс.

Всему есть начало и конец. Прощаясь, Анжела коротко, с тревогой спросила меня:

– Завтра встретимся?

– Да, конечно! – с грустью ответил я.

Заканчивался чудесный день в моей жизни, наполненный незабываемыми впечатлениями, эмоциями, переживаниями, давший мне возможность снова, как и прежде в моей бесшабашной молодости, понять и прочувствовать тонкости романтических отношений.

Спасибо тебе, Господи, за то, что остановил меня тогда на развилке дорог. Твоя Посланица наполнила мою душу и сердце космической энергией жизни и любовью. Своей нежностью и кротостью, смелостью и гордостью, настойчивостью и терпением она дала мне понять, что с возрастом жизнь не кончается.

Глава 39

Сильные, затяжные дожди лили всю неделю. Такие дожди, с редкими перерывами, чаще всего идут глубокой осенью и несут с собой холод и пронизывающую сырость. Я как зачарованный смотрел, как крупные капли дождя ритмично барабанили по окнам, отбивая такт красивой грустной песни, но вспомнить название или хотя бы пару слов из этой песни, хоть убейте, у меня не получалось.

«Старею, наверно, – печалью подумал я, а потом, увидев, как дождь зримо очистил стекла от налипшей пыли и грязи, настроение резко улучшилось. – Хоть какая-то польза от этого дождя», – заметил я, глядя, как капля за каплей, словно слезинки, стекали по прозрачному стеклу.

К вечеру ветер с дождем лишь усилился, напомнив, что осень еще даже не перевалила за экватор. Этот нескончаемый, надоедливый дождь вызвал у меня неподдельный интерес не только своей мощью и непрерывностью, но и незатей-

ливой картинкой за окном. Я с любопытством наблюдал за тем, как промокшие до ниточки и дрожащие от холода прохожие жались друг к другу. Они шли на удивление не торопясь, уж очень медленно для такой промозглой погоды. Я не удержался от накатившихся эмоций и закричал во весь голос: «Эй, чудачки, бегите скорее домой!», но они не слышали, им было не до меня. Мне вдруг вспомнилась, как много лет назад в Израиле я попал точно в такую же ситуацию. Насквозь промокший от декабрьского холодного дождя, я уже никуда не торопился. Машины в ровном потоке двигались навстречу, направляясь в сторону выезда из города. Большинство водителей были сосредоточены исключительно на дороге, но те, кто успевал заметить меня, кричали во весь голос, крутя указательным пальцем у виска: «Эй, парень, ты сошел с ума? Вали скорее домой!» Откуда им было знать, что мне не хотелось домой, да и незачем было идти туда, где уже давно не звучали горячие, знакомые мне по счастливым временам звуки жизни.

«Зачем сокрушаться о прошлых временах – днях, неделях, месяцах, – думал я, вглядываясь в хмурое, беспросветное небо, – не лучше ли радоваться настоящему, ведь годы несутся, словно бешеные олени по бескрайним просторам тундры».

Никогда в жизни я не сожалел ни о чем больше, чем о потерянном времени. Всего несколько лет назад мне казалось, что самое счастливое время моей жизни безвозвратно ушло в прошлое, что годы моей жизни, словно дорожные знаки на скоростной трассе, шустро, с ветерком пролетали мимо меня. А я из-за быстрого темпа жизни и отсутствия какой-либо мотивации не успевал за теми необратимыми и разительными изменениями, которые стремительно происходили вокруг. Время с годами значительно ускорило свой ход, но слава богу, я успел зацепиться за последний вагон скоростного поезда, унесшего меня от неудач и невзгод. Сегодня с восторгом ловлю себя на мысли, что моя жизнь все же удалась, она стала яркой и выразительной, насыщенной невероятно захватывающими и интересными событиями, несмотря на мое гордое одиночество.

За окном темнело, промозглый северо-восточный ветер с хлестким холодным дождем давно разогнал прохожих по домам, и только болтающийся на ветру одинокий фонарь на безлюдной улице, неустанно подмигивая, напоминал мне о том, что я не одинок в своем тоскливом одиночестве. Печальные мысли туманили мою голову, погружая вновь в глубокую меланхолию, и снова все стремительно покатило и понеслось назад, в прошлое...

«Стоп, стоп, стоп! – услышал я вновь внутренний голос, который на этот раз звучал дерзко и властно. – Прежде всего отойди от окна: там нет ничего интересного, а только ностальгия сердца и ума. Для чего ты снова тревожишь прошлое и к чему эти мечты о былых победах и успехах? Мысли о них не помогут тебе в завтрашнем дне, оставь их и закрой за ними плотно дверь. Вспомни, что писал Омар Хайям: “Живи сегодня, а вчера и завтра не так важны в земном календаре”. Мы с тобой однажды уже договаривались, помнишь? – продолжал

голос убедительно и твердо наставлял меня. – Любой успех в жизни заслуживает долгого терпения, и запомни раз и навсегда: никто за тебя ничего не сделает. Верь в себя, вообрази в своих мечтах самый фантастический сценарий своей будущей жизни, у тебя все получится. Только не тормози и не сдавайся, слышишь, никогда не сдавайся. Ты же знаешь, ну как же тебе не знать?! – продолжал голос настойчиво убеждать меня. – Ты же любимчик Бога. Все очень просто на самом деле, если берешь и делаешь то, что задумал. А сейчас выспись, безмятежный сон под шум дождя тебе обеспечен. – Ощувив мое легкое душевное смятение, мой незримый собеседник произнес, словно отчеканил: – Заботу о своем завтра предоставь Творцу: у Него это получится гораздо лучше, чем у тебя.

Голос, бережно укладывая меня спать, еще о чем-то спокойно говорил, но постепенно затихал и наконец исчез из моего сознания. Незаметно для себя я впал в глубокий сон.

Раннее ясное утро принесло безмятежное спокойствие, и мое настроение заметно улучшилось. Оно было подобно тем позитивным изменениям за ослепительно чистыми окнами, из-за которых ясно-голубое небо приняло свой естественный цвет, а в лучах восходящего солнца живописно сияли, медленно падая на асфальт, желто-золотистые, красные и коричневые листья.

«Как же все-таки здорово жить на свете, – подумал я, – когда просыпаешься бодрым со свежей головой, пусть даже под постоянный лай бродячих собак и непрерывное чириканье воробьев». А все это время, пока я восхищался своим восторженным состоянием, осенние листья, сияющие желтым и красным светом в лучах пылающего солнца, не обращая на меня внимания, медленно падали, кружась в обнимку, словно пытались танцевать вальс-бостон. Просто солнце брало свое и совсем неважно, какое оно: весеннее или осеннее, утреннее или вечернее, восходящее или заходящее, – его лучи заряжают мое сердце космической энергией жизни. На душе стало легко и спокойно. Тем более сегодня вечером состоится дружеская вечеринка с отменным ужином, состоящим из трех, а возможно, даже из пяти перемен с лучшими блюдами, которыми славится кухня горских евреев. За что купил, за то и продаю, а как на самом деле все будет и как Игорь удивит нас – увидим!

В предвкушении субботнего ужина и новой встречи с друзьями я все же нашел время сесть за письменный стол и заняться творчеством. Вообще-то, я люблю порядок на столе. Мне не нравится, когда стол захламлен папками, бумагами, черновиками, хотя я допускаю, что какие-то бумаги все же должны быть под рукой. Многие творческие люди рассказывают, что только когда все документы и материалы у них рядом, перед глазами, им легче работается. Мне непонятна такая логика организации рабочего пространства: бардак на столе – бардак в голове, а без ясности мышления невозможно плодотворно заниматься творческой деятельностью, если, конечно, эта работа не дурачество ради временной потехи своего тщеславия.

Однажды я не поленился и опубликовал пост на своей странице в фейсбуке об одном интересном эпизоде из моей прошлой деятельности. Мне, советнику губернатора Волгоградской области, часто приходилось бывать в личном кабинете губернатора. Николай Кириллович был простым, очень доброжелательным и работоспособным руководителем. Его стол вечно был завален всевозможными папками и бумагами, которые горками возвышались как с правой, так и с левой стороны его большого стола.

Как-то раз я не выдержал и все-таки спросил его:

– Николай Кириллович, как вам удается справляться с этим валом документов?

– Никак, я их просто не смотрю, – коротко ответил он, – если в течение недели никто не интересуется судьбой своей бумаги, то я передаю ее в канцелярию. – И тут я рассказал ему о моей встрече с председателем правительства Ставропольского края Станиславом Ильясовым.

– Знаете, Николай Кириллович, – сказал я ему, – у Ильясова на его огромном, начищенном до блеска столе, кроме дорогого настольного набора из малахита, каких-либо папок и документов я не приметил. Но когда я вышел из огромного здания правительства Ставропольского края, а это уже было в девять часов вечера, то, обернувшись, увидел, что во всех окнах горел свет.

Время поджимало, я быстренько переоделся в свой любимый темно-синий костюм, надел белую рубашку, долго раздумывал, нацепить ли новый модный галстук, однако разум взял свое, и я, взглядевшись в зеркало, вполголоса сказал самому себе: «Да, без галстука гораздо лучше». Весь из себя довольный, новоиспеченный писатель, я с мыслями о вкусном домашнем ужине и новой встрече с друзьями направился на нашу очередную тусовку, где хозяином положения на этот вечер был уже Игорь.

Игорь устроил нам настоящую интригу, которая всех нас очень даже позабавила. Скажу одно: мы все катились со смеху, когда увидели на столе хлебницу с черным хлебом, нарезанным ломтиками, вазочку с головками очищенного репчатого лука и зубчиками чеснока и горчицу, была, конечно, баклажановая икра и настоящая каспийская килька, – в общем, стандартный набор ночного ужина бедного студента. «Англия, помнишь, как мы с тобой шарили по пустому холодильнику после затянувшихся гулянок и, если находили что-либо съестное, считали, что нам крупно повезло», – вспоминал Игорь. Если серьезно, он в тот вечер устроил нам настоящий праздник живота. Мы много ели и пили, весело шутили друг над другом, от души смеялись, вспоминая наши нелепые, безрассудные поступки.

Если в свое время все дороги вели в Рим, то на Дербентский консервный завод шла только одна дорога, и проходила она через нашу еврейскую слободку. Везли овощи, фрукты, виноград, выращенные на благодатной земле Дагестана, различные сорта рыб, выловленных некогда в одном из самых богатых рыбой – Каспийском море. Не поверите, на складах кооперативов, занимающих-

ся рыбным промыслом и расположенных недалеко от косы, где мы пацанами проводили все свое время, можно было увидеть фантастическое зрелище: сотни тонн каспийской рыбы хранилось навалом в огромных складах на берегу моря и, заметьте, без какой-либо охраны. Ну, понятно, чем мы занимались там порой. По крайней мере свежей жареной рыбы мы на море ели до отвала. Почти все машины по дороге на консервный завод делали незапланированную остановку на главной площади слободки, и начиналась распродажа с колес за наличные деньги по смешным ценам. Ящики с помидорами, огурцами, баклажанами, яблоками, абрикосами, персиками, виноградом, рыбой перекочевывали с машин во все переулки и закоулки слободки, растворяясь в подвалах «свободной экономической зоны». Затем все это сырье превращалось в соленую, маринованную, вяленую, копченую продукцию, которая затем появлялась на столах жаждущих вкусно и сытно покушать жителей слободки.

Еще тогда, во времена социализма, необразованные горские евреи слободки понимали, как важно иметь свою дорогу, через которую транспортируют различные ресурсы и товары. Они умело и эффективно использовали потенциал транспортной логистики, которую Господь Бог дал в подарок своему избранному народу. Было за что: у нас была своя синагога на слободке, а мальчики абсолютно все проходили процедуру обрезания. Мы, слободские пацаны, имели свой транспортный налог и налог на продажу со всех без исключения водителей машин. Они понимали, что у нас была реальная возможность заблокировать любую их незаконную сделку, и в большинстве случаев закрывали глаза на то, что мы без оплаты скидывали с машин минимум пять ящиков с их содержимым, которое тут же продавались нашим постоянным скупщикам на слободке. Транспортный поток был неиссякаемым, а наши карманы все больше тяжелели, потому что цены на продовольствие уже с тех пор имели только одну тенденцию – к повышению. Большие деньги придавали нам, пацанам, уверенности и самостоятельности в решении многих вопросов, которые были под силу взрослым мужчинам. В престижном кафе города, куда мы любили заходить толпой, стобы выпить бокал вина и закусить шницелями и разными заморскими закусками, мы расплачивались самостоятельно. «Бизнес на продовольствии не может быть убыточным», – говорил один старый еврей...

«Какая была у тебя классная женщина – мечта для мужчин и причина зависти для женщин, – вспоминал я, глядя по-братски на Игоря, – а ты, чудак, так легко упустил свою настоящую любовь. Тебя потянуло в Дербент, в родные края, – видите ли, она не была горской еврейкой». У меня сохранилось их совместное фото, и однажды я напомнил Игорю о своей находке. Он грустно посмотрел на меня, слегка улыбнулся краешками губ, затем разочарованно сказал: «Илюха, не сыпь мне соль на рану – это моя непреходящая душевная боль». Игорь, известный врач, красавец мужчина, с цельной страстной натурой, впоследствии говорил: «Жениться надо только по любви».

Игорь и сегодня такой, каким я знал его много лет назад, весельчак, весь из себя правильный и успешный человек. Но непростительную ошибку по молодости он все же допустил. Он не оценил то, что имел, а эта женщина давно замужем, у нее уже трое взрослых сыновей. Я давно не видел Игоря таким озорным и общительным. Заметив его добродушное настроение, я ненароком спросил его:

– Ты доволен жизнью?

Он замешкался, с минуту раздумывал, словно искал правильного ответа на мой в высшей степени некорректный вопрос, ведь кавказские мужчины подобные вопросы не задают друг другу. Мне было жутко стыдно за себя, за свой бестактный вопрос.

Заметив мое легкое замешательство, Игорь непринужденно сказал:

– Илюха, все путем, не парься, даже не думай и не переживай, ты имеешь право задавать мне любые вопросы, ты же до мозга костей мой настоящий друг. Что касается твоего вопроса, – задумчиво продолжал он, – я не могу однозначно ответить на него. Вообще-то, я счастлив, ведь я занят своим любимым делом, а это великий кайф. С другой стороны, я самый несчастный человек на свете, потому что за свою долгую и сложную жизнь так и не смог встретить женщину, которую мог бы так же сильно полюбить, а без любви, мой друг, сам знаешь, музыка жизни медленно, но верно затихает в тишине одиночества.

Мы вкусно поужинали, полакомились отменным израильским вином, насладились изысканным вкусом Дербентского коньяка, – в общем, все было просто великолепно. Парни молча уселись, ожидая чего-то интересного и необычного от меня: я обещал им прочесть свой новый рассказ. Вдруг меня осенило, надо прежде их разогреть какой-нибудь историей, чтобы они окунулись с головой в реальный мир героев моего романтического повествования.

– Ладно, парни, но вначале хочу рассказать вам курьезный эпизод, случившийся со мной недавно в аэропорту Шереметьево. Я случайно столкнулся лицом к лицу с Познером. – Я быстрым взглядом обвел своих друзей, которые мгновенно переключили свое внимание на меня, услышав известную фамилию. «Здорово я зацепил их с пол-оборота», – подумал я, неторопливо начав свой рассказ. – Так вот, в трех шагах от меня, после прохождения паспортного контроля, стоял маг советского и российского телевидения Познер. Не раздумывая долго, я быстро привел в порядок свои мысли, сформулировал четко вопрос и решительно направился к нему. «Господин Познер, я ваш фанат, – торжественно произнес я, глядя ему прямо в глаза. Он с удивлением посмотрел на меня, но молчал – видимо, ждал продолжения. – Нет, нет, не беспокойтесь, пожалуйста, я не любитель автографов, у меня к вам всего один короткий вопрос, который я хочу задать вам уже целых двадцать лет». «Обычно вопросы задаю я, – с усмешкой произнес он, – ну раз такое дело, спрашивайте, но представьтесь». «Я Ильясаф Азарьев, мой вопрос очень простой: почему вы ни разу не пригласили на свою передачу человека с улицы, ну, скажем, строителя, колхозника, врача,

слесаря, сантехника? Я уверен, интервью с этими людьми были бы не менее интересными, чем со всякими знаменитостями, известными руководителями и крупными предпринимателями». На это он коротко, но высокомерно ответил: «Простые люди никому не интересны». – Немного помолчав, я продолжил говорить: – Помните высказывание У. Шекспира: «Весь мир – театр, в нем женщины, мужчины – все актеры. У них свои есть выходы, уходы; И каждый не одну играет роль». – Этот вдохновенный монолог я произнес на одном дыхании, в полной тишине.

«Удивительно, – подумал я, – пацаны навеселе и так смиренно себя ведут. Начало не плохое. Если все пойдет так гладко, тогда точно избежим ненужных дебатов, которые могут перерасти в банальный еврейский базар.

Игорь, не проронив ни слова, разлил коньяк по фужерам, затем вернулся на свое место и сел в своей любимой позе, закинув ногу на ногу. Даже тост не предложил.

«Это очень деликатно с его стороны, – подумал я, с благодарностью взглянув на своего друга. – Ну, что же, надо брать быка за рога и, пока они готовы терпеливо и заинтересованно слушать, начну свой рассказ».

– В центре событий судьба необычной женщины, – убедившись в том, что теперь уже окончательно внимание моих друзей было сконцентрировано на мне, я неторопливо начал свой обещанный рассказ, – которая вдохновила меня, дала мне силы, помогла в самые трудные времена моей жизни совершить беспрецедентный поступок. Я подготовил к изданию свою вторую книгу, чему весьма рад, потому что могу с гордостью сказать детям, что мой кропотливый труд, волевые усилия и неустанные молитвы не были напрасны. Жизненный путь любого мужчины неразрывно связан с жизнью женщины, и все это так причудливо переплетается, что превращает саму жизнь в сплошной театр. Каким будет этот театр: любительским или профессиональным, драматическим или романтическим, – это уже совсем другая история и во многом зависит от сценариста, режиссера и актеров, играющих главные роли.

В спектакле, в котором я играл главную мужскую роль, все произошло чрезвычайно быстро. Я не успел понять, как оказался в небольшой комнате в сопровождении хорошенькой женщины, которая, знакомя меня с сотрудницами компании, бросила на меня быстрый оценивающий взор. Это был один из тех взглядов, которые молнией пронизывают сознание, глубоко проникают в сердце и задерживаются там если не навсегда, то надолго. «Нет, в этом взгляде, по-моему, больше вопросов, чем любопытства», – подумал я, пристально взглянув в ее сверкающие зеленые глаза с коричневатым оттенком. Изячно обернувшись ко мне спиной, она попросила меня следовать за собой. «Вот это да, хороша чертовка, ничего не скажешь, все на месте: талия, попочка, белоснежная сексуальная шея, открытая до самых кончиков волос. Но мне зачем это сейчас?» – спросил я мысленно самого себя.

– И что, втрескался с первого взгляда? – слегка улыбаясь, поинтересовался Артур перспективами развития романтической истории, которую я начал рассказывать с естественным волнением.

– Илья, прости, на минуту прерву тебя, – сказал Игорь, затем, обратившись к пацанам, предупредил их: – Еще одна такая выходка, я закончу эти посиделки. Что происходит, черт возьми? – искренне возмущался он. – Что, нет терпежа молча выслушать своего друга? Неинтересно – подымаем свои задницы и валим по домам!

Воцарилась тишина. Артур извинился и в знак примирения и солидарности разлил коньяк по бокалам.

– Илья, продолжай, – вежливо произнес Игорь и обвел парней жестким взглядом. – Очень надеюсь, что больше никто никого прерывать не будет.

– Ладно, парни, все хорошо, – справившись с нахлынувшими воспоминаниями, как будто только что получил изрядную порцию адреналина, я решил продолжить свое повествование. Прищурив глаза, я задумчиво улыбнулся, как будто хотел вспомнить, на чем остановился. Сделав небольшой глоток коньяка, я продолжил: – Заметив, как она с показной застенчивостью отводила свой взгляд, я почувствовал всей своей душой, что ей хочется нравиться. «Ну что же, давай поиграем, – думал я, – и посмотрим, чем все это закончится и куда нас заведет судьба-злодейка». Меня это очень забавляло и льстило то, что я могу волновать хорошеньких женщин. Почему бы и нет, если женщина этого хочет.

Обратив внимание на движение ее глаз, я заметил, что она в смятении, ее душевное состояние, вызванное сложной внутренней борьбой противоречивых чувств, возбуждено. Я поймал себя на мысли, что читаю ее, как открытую книгу. Я знал, о чем она думала, медленно, грациозно обходя стулья, заграждающие ей дорогу к выходу. Под пристальным взглядом окружающих нас дам я все-таки смог нежно и искренне сказать в ее маленькое, красивое ушко дежурный комплимент: «Ты классная, просто супер!» Она вздрогнула, медленно обернулась, замерла, заметно растерялась, на щеках появился легкий румянец, а глаза вдруг поменялись в цвете и засверкали зеленым изумрудом. Всего несколько слов – и я попал в самую точку. «Ох уж эти женщины, как им мало надо!» – думал я, наслаждаясь этой пошлой музыкой любви и давая ситуации развиваться уже по законам своего жанра, известным лишь одному Господу Богу.

Выйдя из здания и даже сев за руль автомобиля, который за пару часов на солнце превратился в горячий котел, я раздумывал. Включил кондиционер – подул прохладный освежающий воздух; оставалось всего-то ничего – переключать коробку передач и уехать к чертовой бабушке. «Мне только сейчас этого и не хватает, – думал я, – новых волнений, страданий, любишь не любишь. Илюха, вали отсюда по-хорошему, – сказал я сам себе вслух, – и чем скорее, тем лучше будет для тебя самого». Но почему я не двигаюсь, почему машина стоит на месте? Да потому что мне показалось, что я что-то упустил, недоделал. «Не валяй

дурака, – продолжал я говорить самому себе, – трогай и через пару минут все закончится». Нет, машина не трогалась. А она ведь не замужем, – вспомнил я свой мимолетный взгляд на ее красивые, с нежной гладкой кожей руки, – обручального кольца я не заметил.

«Возвращайся, она свободна, – услышал я свой внутренний голос. – Она классная, где еще найдешь такую прелестную, нежную женщину? – продолжал я упорно убеждать самого себя». Наконец, я принял соломоново решение. Выключив зажигание, я направился обратно в офис, откуда всего пять минут назад вышел и даже попрощался с сотрудницами. «И что эти матерые бабы подумают обо мне? – размышлял я. – А мне все равно!» – с этими мыслями я стремительно вошел в просторную комнату, в которой усердно работали несколько женщин.

– Ой, знаете, – обратился я к женщинам, которые были крайне удивлены моим внезапным возвращением, – на улице сто градусов жары, вода у меня в машине превратилась в кипяток. Можете меня напоить? Мне далеко ехать, а без воды мне будет сложно это сделать, – пытался я оправдать свое неожиданное возвращение.

– Мы напоим вас чаем, – вежливо предложила мне Анна, усадив меня за свободный стол.

Пока она готовила чай, я нес всякую чушь про какие-то крепдешиновые платья, которые моя мама любила носить в молодости, и про то, какие туфли были в моде в то время. Ну разве можно провести взрослых женщин пустой болтовней? Они же видят все насквозь, и, конечно, я не смог отвлечь их внимание от главного вопроса дня: почему я оказался здесь вновь. Эти интеллигентные женщины сделали вид, что ничего не заметили, просто человеку вдруг, ни с того ни с сего, захотелось чая, почему бы и нет. К этому времени я уже написал короткую записку Анне, в которой было всего несколько слов. «Что ты делаешь, что ты тут делаешь? – вертелось в голове, хоть кричи во весь голос, чтобы этот вопрос вонзился в самую глубину моих мозгов. – Но посмотри, ведь хороша, – уговаривал я самого себя, – ты ведь давно мечтаешь обрести такую женщину – и вот она совсем рядом, давай двигай». Моя записка перед ней: «Я хочу пригласить вас на обед в приличный ресторан». Я ждал ее реакции с волнением, которое уже давно не испытывал. Она молча взяла ручку и стала медленно выводить слова: «Я замужем». Твою мать, опять не так, уж очень смело и по-юношески я размечтался. Через пару минут, не сделав ни одного глотка чая, я покинул комнату.

На улице жара, моя азартная, бунтующая душа возбудила в моем сознании нервные импульсы, которые требовали от меня продолжения этой невероятно романтической интриги, зародившейся совершенно случайно в моем пламенном и чувствительном сердце.

Спустя некоторое время мы с Анной неожиданно встретились. Эта история может показаться вам настолько фантастической, что в это невозможно поверить даже самым оторванным от реальности фантазерам и мечтателям. Но поверьте, все произошло именно таким образом. Однажды в своей электронной

почте я обнаружил сообщение с предложением от Анны совместно позавтракать в кафе, в котором можно было выпить великолепно приготовленный капучино, съесть пару свежих, вынутых только что из духовки моих любимых сочников из домашнего творога. Я согласился.

Анна сидела глубоко в кресле, не обращая внимания на окружающих. Едва встретившись со мной глазами, она поманила меня своим указательным пальцем, затем тем же пальцем указала на свободное место за своим столиком. Она ярко улыбнулась, засуетилась, как будто хотела извиниться передо мной за свою фамильярность. Я же, в свою очередь, как и любой другой мужчина, увидев красивую женщину, готов был простить ей любые шалости, лишь бы провести с ней пару часов с глазу на глаз.

Мы сидели молча, стараясь быть предельно вежливыми. Анна оценивающе посмотрела на меня, затем сказала:

– Знаете, я искала встречи с вами. Может моя история заинтересует, а возможно, и заинтригует вас и ваших читателей. Хотя сомневаюсь, что у этой невероятной истории может быть яркое продолжение. Ведь мы с вами совсем разные люди из противоположных миров: я христианка, а вы иудей. Я замужняя женщина, а вы...

– Я горский еврей, но черт возьми, какое это сейчас имеет значение, ведь мы живем совсем в другое время, в котором консерватизм остался в далеком прошлом. Рассказывайте вашу историю, я готов ее слушать не перебивая и очень заинтересованно.

– «Ты классная» – услышала я простой и банальный комплимент, раскрасивший в один момент ничем не примечательное утро посреди серых рабочих будней, – начала свой неторопливый рассказ Анна. – Эти слова прозвучали так эмоционально и восторженно, как может произнести мужчина в порыве настоящего восхищения. Такой мощный, наполненный живой энергией и необузданной страстью энергетический посыл был настолько сильным, что просто не мог оставить меня равнодушной.

Вы появились в нашем офисе, как гром среди ясного неба, и произвели настоящий фурор, нарушив размеренное и привычное течение дел. Это был просто взрыв эмоций и ураган страстей: вы пели, шутили, зачитывали стихи и со всеми стремились завести знакомство. Весь наш женский коллектив, все без исключения были вовлечены в атмосферу вашей неумолимой жизненной энергии. Я обратила внимание на вашу походку. Вы спокойно, но очень уверенно и деловому бодро зашли в наш кабинет. Довольно раскованно и непринужденно передвигаясь по помещению, будто все здесь было для вас знакомо, вы точно чеканили шаг, устремив свой ясный и пронзительный взгляд на каждую из нас, пытаясь понравиться всем сразу. Это было удивительно для меня. Очень эмоциональный, темпераментный мужчина с активной жизненной позицией, вы всем своим видом стремились показать нам, что привыкли побеждать.

«Ты такая классная» – звучит, безусловно, приятно. Любая женщина, независимо от ее возраста и статуса, желает услышать слова восхищения в свой адрес от мужчины, считая это проявлением его истинного и неподдельного интереса к ней. Но что-то меня настораживало и отталкивало от вас, производящего довольно горячо эти простые слова, вселяющие какое-то странное ощущение, граничащее со страхом.

– Но послушайте, Анна, почему вы меня опасались? – не удержался я от вопроса. – Что так возмутило вас, ведь вы давно не девочка и должны понимать, что мужчина, увидев женщину, прежде всего оценивает ее как потенциального сексуального партнера. Обижаться вам было абсолютно не на что.

– Вот именно потому, что я уже не девочка, а взрослая женщина, имеющая за спиной достаточный житейский опыт, я с большим недоверием отношусь к словам мужчин и не могу бросаться очертя голову в любовное приключение. – Анна замолчала, потом вдруг наклонилась ко мне и продолжила говорить, но уже очень тихо: – Понимаете, впустить в свое сердце человека, поверить ему и открыть свою душу очень просто. Но в этом случае высок риск остаться разочарованной, позволив сожалениям отравлять свою жизнь долгое время. Женщина должна уважать себя настолько, чтобы не отдавать всех сил души и сердца тому мужчине, которому они не нужны и который этого не сможет оценить, лицемерно воспользовавшись ее добротой и доверием. Но как распознать, что движет мужчиной, когда он обращает внимание на женщину, как понять, каковы его истинные мотивы? Где эта тонкая грань между добром и злом, искренностью и фальшью? Где игра, а где правдивая музыка любви?

Я гнала от себя эти сумбурные мысли, стараясь вести себя сдержанно и непринужденно. «Нет, нет, – говорила я сама себе, – первое впечатление обманчиво. Не стоит вообще думать об этом». Однако, когда вы вновь подошли ко мне практически вплотную – так, что слышно было ваше страстное дыхание, и вручили визитку со словами: «Позвони мне», я еще более утвердилась в своей мысли о пошлом характере ваших намерений. А после того, как вы передо мной положили листочек бумаги со словами: «Я хочу пригласить вас в ресторан», я просто вышла из себя от негодования. «Каков нахал, – возмущалась я, – ему, наверно, все в этой жизни легко достается, и уж, наверно, он не привык слышать слово “нет”». Вырвав у вас этот злополучный обрывок бумаги, я едва успела написать непослушной от волнения рукой: «Я замужем», как вы мгновенно развернулись и очень резко поспешили за дверь. Моему возмущению просто не было предела.

– Анна, какая вы эмоциональная женщина! – прервал я этот страстный рассказ, чтобы разрядить обстановку.

– Вы знаете, Ильясф, я даже не знаю, почему я так горячо отреагировала в тот момент. К вниманию мужчин я давно уже привыкла, но далее обожающих взглядов и неловких попыток познакомиться обычно дело не шло.

Да и эти попытки были настолько неуверенными и безжизненными, что вряд ли могли заинтересовать замужнюю женщину. Ведь не секрет, что замужние женщины тоже влюбляются, от этого никто не застрахован. Но я сама не подаю никаких знаков и поводов для ухаживания. Мой взгляд на происходящее вокруг меня всегда был очень серьезным и даже, я бы сказала, холодным. Удивительно, но вам совсем эти знаки не потребовались. Наоборот, вы действовали, как настоящий мужчина: пришел, увидел, победил! Мне нравятся умные и уверенные в себе мужчины, которые знают, чего хотят от жизни и какую женщину желают видеть рядом с собой.

– А что же, по вашему мнению, характеризует настоящего мужчину?

– Настоящий мужчина это прежде всего сильный духом человек, который не будет врать самому себе и играть чувствами женщины. Он не будет пытаться показать себя таким, каким он на самом деле не является, потому что настоящая женщина всегда поймет обман, раскусит, разберет на кусочки. Она вывернет наизнанку. Настоящая женщина в слабом мужчине увидит то, чего не видит он сам. Поэтому слабые мужчины боятся настоящих женщин, а сильные – стремятся к ним всей своей душой. Потому что настоящая женщина – это сложная натура, неудобная и непрístupная, а потому крайне интересная для настоящего мужчины, который привык преодолевать, завоевывать и покорять даже самые недоступные вершины. И вся прелесть настоящей женщины в том, что она очень умна и проницательна, для того чтобы сделать правильный выбор и принять единственно верное решение.

– Анна, надо же, как вы интересно рассказываете, какие необыкновенные образы всплывают в вашем сознании!

– Да это все вы, Ильсаф, вдохновили меня на это откровение. Знаете, это я сейчас вам так спокойно рассказываю, а тогда, в тот день нашей первой встречи я была вся красная от злости, когда получила записку с приглашением отобедать вместе. Мое лицо горело так, будто я только что получила пощечину. Но нужно было держать удар. Я всеми силами пыталась скрыть свои бушующие эмоции, но сердце по-прежнему колотилось в груди, а ноги, закинутые одна на другую, нервно подпрыгивали под столом, будто стараясь в такт попадать моему неугомонному, бунтующему сердцу.

Ошеломленные сотрудницы нашего отдела все это время наблюдали за очень короткой, но наполненной страстью и волнением немой сценой. То и дело искоса поглядывая на эту «горячую перепалку» между двумя людьми, они решительно не понимали, что происходит. Когда вы вышли, мои коллеги мгновенно устремили свои взгляды на меня, ожидая, что сейчас уж точно последует хоть какое-то разумное объяснение. Но я упорно молчала и делала вид, что изучаю очередной очень важный и срочный документ. Не удовлетворив своего любопытства и не решаясь задавать бестактные вопросы, они вновь погрузились в свою работу.

У меня же в голове продолжался непримиримый бой с вами. «Как же так? – все не могла я никак успокоиться. – Неужели я произвожу впечатление легкомысленной девицы, которая вот так просто может пойти куда-то с малознакомым мужчиной, дающим так явно понять, что на этом дело не закончится. Неужели я похожа на женщину, с которой можно закрутить мимолетный роман?»

Совершенно неожиданно раздался телефонный звонок, который вывел меня из этих неприятных раздумий. «Анна, это тебя. Похоже, это опять он...» – произнесла Валентина, взглянув на меня многозначительно. С нескрываемым раздражением взяв трубку, я услышала волшебные слова: «Простите меня, пожалуйста, за мое вульгарное и бестактное поведение».

Удивительно, всего лишь одной короткой фразы оказалось достаточно для того, чтобы растопить лед и утихомирить невероятно бушующую стихию в моей терзаемой сомнениями душе. Иногда одно простое слово «извините» может прозвучать теплее, чем тысячи льстивых, сказанных невпопад слов. Это означало, что вы проявляете уважение ко мне и признаете основные правила и принципы поведения с замужней женщиной. Конечно, мне было это очень приятно. И вот уже гнев в моей душе сменился на милость.

«Слава богу», – выдохнула я и спокойно принялась за работу. Почувствовав, что напряжение спало и увидев на моем лице безмятежную улыбку, мои коллеги поспешили заварить чай. Мы стали разговаривать на отвлеченные темы, и я, глядя на них, думала: «Боже, мои дорогие девочки, как я вас всех люблю. Какие вы тонкие, добрые, нежные создания, способные понять друг друга без слов и стремящиеся помочь, когда об этом никто не просит».

Анна замолчала, будто раздумывала, стоит ли высказывать свои сокровенные мысли вслух и вообще продолжать эту беседу. Я же, с неподдельным интересом слушая ее, решил, что настало самое время, и задал ей философский, животрепещущий вопрос. Мне было очень интересно узнать ее мнение на этот счет.

– Анна, раз уж вы так откровенны со мной, раскройте секрет: в чем лично для вас заключается счастье?

Анна улыбнулась, расслабилась, откинувшись на спинку уютного, мягкого кресла, ее лицо приняло мечтательный вид. Помолчав с минуту, она очень спокойно и тихо заговорила:

– Удивительно, но счастье – это лишь ощущение счастья, и оно в мелочах. Встречать каждое новое утро с улыбкой от того, что рядом с тобой любимый муж, что ты здорова и живешь полноценной жизнью. С удовольствием, напевая любимые песни, готовить завтрак. Вместе строить планы на день и с нетерпением ожидать вечерней встречи за одним столом в кругу своей семьи. Но самое божественное – это наши дети. Как много счастья в простых каждодневных заботах: одевать ребенка, бережно помогая просунуть ручки в рукава, как будто это самая большая в мире драгоценность, нежно расчесывать волосы, заплетая их в изящные косы, целовать на прощание. Слушать своего ребенка,

когда он приходит из школы и делится своими впечатлениями. Укладывать спать, нашептывая нежные слова на ушко, и гладить по голове, перебирая волосы и вдыхая такой тонкий и неповторимый аромат, который может исходить только от самого нежного и самого родного детского тела. Руки в такие моменты растут от сердца... И такое счастье охватывает тебя, что невозможно описать словами. Когда в одно мгновение ты понимаешь – вот оно счастье, и хорошо бы таких мгновений было больше...

Глава 40

Что значит жить полной жизнью и есть ли мерило человеческой жизни? Этот вопрос я часто задаю самому себе. Думаю, правильного и обстоятельного ответа на него невозможно найти по многим причинам. Я сейчас не буду философствовать на эту тему, скажу только одно: мерилом моей жизни были и остаются встречи и расставания с людьми. С одними, расставаясь легко и непринужденно, я ждал новой встречи, некоторых других, прощаясь с горечью в душе, сразу же хотел забыть и выкинуть напрочь из своего сознания. Совершенно очевидно, каждый человек мечтает жить достойно, чтобы его дела и поступки навеки вечные остались в памяти и сердцах близких людей. Вот почему в последнее время я часто вспоминаю своих друзей, близких мне по духу, мыслям, идеям, делам... но увы, многие из них ушли из жизни в самом расцвете сил, другие, слава богу, продолжают жить и процветать.

Сергей Иванович Шулико, основатель и первый президент проектно-строительной компании «Бинко», неожиданно умер, не оставив завещания своим преемникам. Довольно скоро и компания «Бинко», которая в известный период своего существования построила грандиозное здание Сбербанка в центре Волгограда, не выдержав агрессивного и беспощадного натиска мелких акционеров, прекратила свою яркую, но непродолжительную жизнь. Сергей Иванович мощно, с быстротою молнии ворвался в элиту деловых людей Волгоградской области и пользовался непререкаемым авторитетом благодаря своей терпимости, тактичности, врожденной деликатности и деловой обязательности. Нас, абсолютно разных людей по темпераменту, деловым и личностным качествам, сблизил общий бизнес: его компания специализировалась на проектировании и строительстве жилых, общественных и промышленных зданий, моя компания «Поиск-2» занималась проектированием и строительством аграрных проектов.

Мы с Сергеем Шулико познакомились случайно в просторном кабинете легендарного секретаря Волгоградского обкома КПСС Владимира Калашникова. Этому человеку область обязана амбициозным проектом мелиорации земель. И свел нас не кто иной, как сам Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев. «Порядок в доме может навести лишь человек, чувствующий себя его хозяином», – произнес он, дав начало грандиозным преобразованиям в стране. И вот 35 лет назад Советский Союз сделал важный шаг к капитализму. 26 мая 1988 года Верховный Совет одобрил закон № 8998-ХІ «О кооперации в СССР». Меры по развитию кооперации, хозрасчета, самофинансирования кое у кого вызывали страх: не подрываем ли «устой», не плодим ли «частника»? Внедряем арендный подряд – не подорвем ли колхозы? А вот что в магазинах многого недоставало – как с этим быть? Вот по этому поводу никто тревогу не бил и не кричал, все молчали в тряпочку, словно по-другому никто и не жил во всем этом огромном мире. Так, косность и консерватизм системы, нежелание воспринимать какие-либо нововведения – все это спровоцировало начало реформ. В конечном итоге именно благодаря Горбачеву стала возможной легализация частного предпринимательства (через развитие кооперативного движения и фермерских хозяйств). Появились первые негосударственные банки, совместные предприятия, товарно-сырьевые биржи, акционерные общества. Именно при Горбачеве экономика встала на рыночные рельсы.

Надо отметить, что в то время большинство кооперативов в строительстве возникали по указке сверху. И в наш строительный главк поступила разнарядка о создании строительного кооператива. Новый начальник главка рьяно взялся за эту идею, я же, не ведая ни сном ни духом, попал под раздачу и впервые оказался в кабинете первого секретаря обкома партии, где должны были утвердить мою кандидатуру на должность руководителя кооператива. Когда Калашников из моего резюме узнал, что я целых шесть лет осваивал Сарпинскую низменность, а по сути занимался орошением безводных степей Калмыкии, он ахнул от восторга и удивления. «Когда ты, молодой человек, успел все это сделать? Мы с тобой коллеги, и это очень здорово!» – сказал он, безоговорочно поддержав мою кандидатуру.

В кабинет Калашникова Сергей Иванович Шулико, начальник отдела строительства обкома партии, важный чиновник в то время, вошел мягко, но уверенно. Это был не крупный человек – чуть ниже среднего роста, но лицо его с широким благородным лбом и умными глазами казалось интеллигентным, впоследствии я не раз убеждался в правильной оценке его личности. Калашников весьма уважительным тоном приказал Шулико содействовать мне в моем непростом начинании. Я хорошо его знал, мы много времени провели вместе в его кабинете, где я рассказывал ему о хозрасчете в строительной отрасли. Могу смело сказать, что именно я оказался тем человеком, который стал его первона-

чальным наставником и подсветил ему правильную дорогу в развитии бизнеса. «Илья, как ты думаешь, у меня получится?» – неоднократно спрашивал он меня. «Конечно, получится, у тебя такие связи, дай бог каждому», – настойчиво утверждал я, размышляя над тем, какой значимый человек в будущем может стать моим соратником в бизнесе.

Начало было непростым, но очень денежным. Спустя несколько месяцев в мой кооператив потянулись самые лучшие строители со многих строительных трестов главка. Буквально на каждой коллегии главка одни управляющие трестами поносили меня на чем свет стоит, из-за того что я переманиваю лучших строителей в свой кооператив высокой заработной платой. Другие приветствовали и поддерживали за мужество. «Да, конечно, надо с этим безобразием что-то делать, – искренне и наигранно возмущался Эдуард Аронович Жуков, начальник главка, но тут же добавлял: – Кооператив “Поиск-2” под особым контролем первого секретаря обкома партии», – и на этом все возмущения руководителей строительных трестов прекращались.

Вылет вечернего рейса из Шереметьево в Волгоград по непонятным причинам задерживался на 20 минут. В салоне было душно и жарко. «Наверно, ждем запоздалых пассажиров», – подумал я и не ошибся. Через несколько минут в самолет шумно ввалился Сергей Шулико с семьей. Пышущий здоровьем, яркий и загорелый, он радостно воскликнул, увидев меня: «О, Илья! Как говорят у нас, у русских, на ловца и зверь бежит. Я после отпуска, чуть оклемаюсь, разберусь с делами и надо будет встретиться, обязательно», – произнес он интригуяюще. Он указательным пальцем показал на часы, резко перевел палец к уху и покрутил вокруг, что означало набери как можно скорее, затем взглянул на меня и подмигнул.

Как обычно бывает в нашей суетной жизни, я закрутился, завертелся и подзабыл обо всем этом, да и Сергей не давал о себе знать. Честно говоря, я толком не помнил причины, побудившей меня позвонить Сергею, но он раз за разом не отвечал на мои звонки.

«Мой друг, наверно, обиделся на меня», – подумал я и решил позвонить Чернявскому Александру Ивановичу. Чем он занимался у Шулико, я толком не знал, но он гордо именовал себя председателем совета директоров компании «Бинко». Ну и ладно, чем бы дитя не тешилось, лишь бы вело себя достойно.

Спрашиваю его:

– Куда подевался твой шеф, совсем не реагирует на звонки, умер что ли? – в шутку произнес я.

Александр Иванович с минуты молчал, словно воды набрал в рот.

– Да, умер, – преспокойно ответил он, затем добавил: – Мы его вчера похоронили.

– Ты так, сука, не шути со мной! – произнес я по-прорабски, с явной ноткой сомнения, но в душе было беспокойно и тревожно.

Сережа за считанные недели после долгожданного отпуска на Кубе сгорел от рака, он был молод и внешне выглядел очень здоровым человеком, я долго не мог привыкнуть к тому, что его уже нет среди нас.

С Игорем Лобортасом я познакомился в самолете, который летел из Тель-Авива в Москву, и волею судеб мы оказались на соседних креслах во втором ряду бизнес-класса в салоне Боинга-737. Он был красавцем, крепкий, спортивного телосложения, с умным пронзительным взглядом, – по его внешности было видно, что он трепетно заботится о своем здоровье. Мой сосед был образцом успешного, счастливого человека, занимающего высокое положение на социальной лестнице, – в общем, мечта любой женщины. Как обычно бывает в таких случаях, за стопкой янтарного виски со льдом мы разговорились. Игорь оказался владельцем недавно созданного ювелирного дома «Лобортас». Он увлекательно рассказывал о ювелирных украшениях, выходящих из под рук ортодоксальных евреев.

– В любом городе, где имеется еврейский квартал, от Антверпена до Нью-Йорка, и тем более в Израиле, – рассказывал Игорь, – ультрарелигиозные евреи самые искусные мастера ювелирного дела, эти навыки они сохранили еще с древних времен. В Талмуде тщательно описан великолепный интерьер Иерусалимского храма и царского дворца. Эти описания столь подробны, что, руководствуясь ими, ювелиры наших времен восстанавливают произведения древнего искусства, которые десятки веков назад исчезли с лица земли.

Игорь оказался хорошим рассказчиком. Передавая красноречивым, живым языком тысячелетнюю историю ювелирного дела, он меня заинтриговал. Игорь рассказывал, какой это каторжный труд – ювелирное производство, и, наверно, это так и есть. Кто-то работает с утра и до позднего вечера, зарабатывая гроши, а те, кто торгует их трудом, зарабатывают большие деньги. Я выпил залпом содержимое своего бокала, подозвал стюардессу и попросил повторить.

– Но, пожалуйста, – обратился я к ней ласково, – налейте сто граммов и поменьше льда.

Игорь посмотрел на меня с удивлением и как-то неуверенно спросил:

– Все в порядке?

Я неопределенно пожал плечами и с трудом выдавил из себя:

– Да, конечно, все окей, мне просто вспомнилась одна молодая особа, которая во времена моей бурной студенческой молодости работала в фирменном ювелирном магазине нашего города. Надежда, так ее звали, была непревзойденной красоткой, я удивлялся, когда она успевала делать такие модные и дорогостоящие прически. Мы тесно и трогательно дружили между собой, вместе ездили на пляжи за Волгой.

Стюардесса принесла бокал с виски, я, укоризненно покачав головой, вопросительно взглянул на нее:

– Но не столько же! – раздраженно произнес я. – Это, чтобы я больше не беспокоил вас аж до самой Москвы?

Она пожала плечами и удалилась, а Игорь молча слушал и вдруг заинтересованно спросил:

– И что же с ней случилось?

– Ее зверски убили, семнадцать ножевых колотых ранений нашли на ее молодом, удивительно красивом теле. Злые языки утверждали, что работники магазина «Топаз» промышляли незаконными делами, что они продавали ювелирные изделия не с настоящими бриллиантами, а с их подделками.

– Нет, нет, Илья, – неожиданно подключился к этой теме Игорь. – Это длительный и сложный технологический процесс, так как должны были быть подключены и ювелиры, что значительно усложняет процесс мошенничества. На самом деле все было очень просто: украшения с бриллиантами всегда были надежным способом сохранения финансовых средств. Во времена теневого бизнеса появились люди, у которых этих средств было слишком много, и востребованность украшений с бриллиантами резко возросла. Этим и воспользовались тонкие знатоки человеческих душ. Они минимум в два раза завышали заводскую цену изделий, просто меня бирку на них. Тогда это был крутой бизнес, но не всем удавалось выйти сухими из воды. Бриллианты затрагивают сердца даже самых равнодушных к ювелирным изделиям людей, – таинственно продолжил Игорь свое повествование. – Красота этого камня волшебна! Даже если нет желания приобрести драгоценность в свою коллекцию, хочется ненадолго остановиться в вечной суете и полюбоваться блеском граней, глубиной свечения, восхитительной игрой сияния бриллиантов. Их красота завораживает, как и стоимость камней отличного качества, огранки, формы. Увы, но ювелирный мир не всегда столь же безупречен, как эти драгоценные камни, неприятные сюрпризы и попытки выдать за бриллианты совсем другие камни имеют место быть.

Мы оба замолчали, каждый думал о своем. В нагрянувшей безмолвной тишине передо мной всплыл образ лучезарно улыбающейся девушки – я очень ценил дружбу с ней.

– Знаешь ли ты, – дружелюбно обратился Игорь, стараясь вывести меня из грустных воспоминаний, – что легендарный трон царя Соломона, сделанный из слоновой кости и золота, с ножками в виде львиных лап, стоит не на своей исторической родине, а в Нью-Йорке, на манхэттенской Пятой авеню. Там можно увидеть и царскую мантию, и одежду священников-коэнов, реконструированных по лоскуткам ткани, чудом сохранившимся. Все это бережно и максимально точно восстановлено специалистами знаменитого Метрополитен-музея. Храмовая утварь, посуда и украшения, предметы быта для богатых домов, одежда – все это создало громкую славу еврейским златокузнецам еще в древности. По всему востоку еврейские ювелиры и оружейники считались непревзойденными по виртуозности, вкусу и фантазии. Именно их головы и руки вкупе с телами как самую богатую добычу везли в свои столицы все завоеватели Израиля, начиная с Навуходоносора и заканчивая императором Константином. Да что я тебе обо всем

этом рассказываю, ты и сам, наверно, все это мог видеть в этом уникальном музее, который, по моему мнению, является крупнейшим и лучшим в мире. К моему глубокому стыду, неоднократно бывая в Нью-Йорке, я ни разу не смог посетить этот всемирно известный музей, не нашел время в суете жизни. – Мое молчаливое согласие сыграло свою роль. Игорь с интересом продолжал свое историческое повествование о ювелирах. Любовь и склонность евреев к созданию ювелирных шедевров именно из серебра также можно объяснить религиозной традицией. Иудейский календарь основан на фазах луны («новомесячье»), и серебристый цвет нашего небесного спутника является базовым для культовых и обыденных предметов. А вот к золоту отношение двоякое. С одной стороны, это символ «золотого тельца», которого евреи выплавили в ожидании Моисея на горе Синай и стали этому «кумиру» поклоняться. С другой стороны, более меркантильной, «аурум» (латинское название золота) есть символ вечного и непреходящего богатства еврейской нации. Помнишь Шейлока у Шекспира? А потом и всех остальных миллионеров-иудеев! Не знаю, смогу ли я когда-нибудь приблизиться к мастерству ювелиров-евреев и организовать достойную компанию у себя в Киеве. Будешь в наших краях, – любезно обратился ко мне Игорь, – обязательно найди время и навести нас, думаю, что мы сможем найти общие интересы. Мне нужен человек, который знает менталитет нуворишей в республиках Средней Азии.

В Шереметьево мы расстались уже закадычными друзьями, договорились о новой встрече.

– Послушай, Илья, мы намерены открыть свое представительство в Москве, буду рад видеть тебя своим гостем.

В 2003 году ювелирный дом «Лобортас» принял участие в ведущей выставке ювелирного искусства «Джуалье креатрс» в Париже. Как отмечает The Wall Street Journal Europe, выставка ателье «Лобортас» была самой романтической в Париже. В 2005 году ювелирным домом «Лобортас» создана дарохранительница «Лавра Небесная» – уникальный православный ювелирный объект искусства из резного топаза в виде небесной Лавры. В 2006 году было создано произведение ювелирного искусства «Время Мира», которое стало шедевром и пополнило мировую культурную сокровищницу, за что ЮД «Лобортас» был награжден высшей ювелирной наградой – орденом Карла Фаберже. В этот же период закладывались основы ювелирной скульптуры, искусства оружейной миниатюры, элитных столовых приборов и кабинетных украшений.

Ночной звонок снова поставил меня в тупик.

«Вот этого звонка я точно не ожидал, – подумал я, желая вспомнить, когда мы в последний раз общались с Игорем Лобортасом. – Наверно, чрезвычайные обстоятельства вынудили интеллигентного человека позвонить в столь позднее время, – подумал я, но когда услышал его бодрый и веселый голос, успокоился. – Слава богу, что живой, а остальное все поправимо», – подумал я и со всем вниманием приготовился слушать Игоря.

– О, Илья! Прости меня, пожалуйста, что так поздно и что вовремя не поздравил тебя с выходом твоей книги. Я очень надеюсь, что буду иметь честь держать эту прекрасную книгу в своих руках, и обязательно подписанную тобой. Я прочитал почти все твои произведения на «Прозе.ру», ты молодчина, восхищаюсь тобой, продолжай писать не останавливаясь! – в общем, лились вежливые, тактичные слова интеллигентного человека. – А вот меня, мой друг, ты не поздравил, – как-то неуверенно произнес Игорь, что-то в его интонации заставило меня насторожиться.

– погоди, погоди, – воскликнул я и, едва успокоившись, попробовал возразить Игорю, – твой юбилей ведь не скоро. Ты весь из себя такой крутой, – наверно, нам, простым смертным, не будет места на твоём празднике жизни, – как-то неудачно пошутил я и замолчал в ожидании дальнейшего разговора.

– У меня обнаружили рак желудка 4-й стадии с метастазами, – спокойно и даже как-то немного буднично произнес он, – врачи дали мне 6 месяцев, чтобы я привел свои дела в порядок.

Я, жестоко напуганный, почувствовал оцепенение с ног до головы. Это ведь не безобидный розыгрыш или глупая шутка, да и день смеха давно позади. Такими словами нормальные люди не бросаются. Мне по-настоящему было страшно услышать такие роковые слова из уст друга.

– Игорь, ты знаешь, – пытался я привести свои мысли в порядок, – у меня есть очень близкий друг в Нью-Йорке, так вот у него тоже был рак желудка, но он, слава богу, уже пятый год после операции живет и здравствует, даже водку иногда попивает.

– Илья, мне нужно переговорить с тобой за бокалом хорошего израильского вина, – прервав мою сбивчивую, бессвязную речь, он дружелюбно пояснил: – С такой болячкой, как у меня, врачей не меняют. Я буду в Цюрихе проходить химию и лучевую терапию, и было бы очень здорово, если бы ты прилетел в это время в Швейцарию.

Я не успел, ровно через неделю после нашего общения, 9 мая 2023 года, на 56-м году жизни после тяжелой болезни скончался Игорь Юрьевич Лобортас – яркий, харизматичный человек, благотворитель, общественный деятель, ювелир, художник. Смотрю на его портрет и не могу поверить в то, что он мне больше никогда не позвонит и я уже не узнаю, о чем Игорь хотел со мной переговорить...

Это сообщение, которое пришло мне в семь утра от Джулии, моей доброй знакомой, по своему содержанию и характеру больше походило на исповедь женщины, потерявшей всякие ориентиры в жизни. Все время, пока я вникал в суть неутешительных новостей от нее, я живо, всем сердцем, всей душой чувствовал ее бессильное отчаяние. Она, из родовитой, богатейшей семьи, которая никогда не отказывала себе в дорогостоящих прихотях и была всегда в центре всеобщего внимания, вдруг предстала передо мной совершенно в ином образе.

«Привет, мой дорогой друг! Как ты там поживаешь? Как проходят твои дни? Наверно, как всегда, просыпаешься рано утром, бежишь на тренировку, потом завтракаешь... Прости, если я любопытствую, но мне просто интересно, кто тебе готовит завтраки по утрам? Почему спрашиваю? Потому что в моей жизни все пошло не так, как было прежде. У меня состояние полной апатии, утомления и неуверенности в завтрашнем дне. Я очень устала, мне ничего не хочется, а с некоторых пор я потеряла всякий интерес абсолютно ко всему тому, что некогда интересовало меня. Ты можешь представить меня духовно разбитой женщиной, которой совсем недавно восторгались многие мужчины. Я когда-то ощущала на себе и твои восхищенные взгляды, мне казалось тогда, что ты был даже слегка влюблен в меня: пел песни, делал комплименты, дарил цветы. Помнишь, как однажды мы с тобой оторвались в Астане, гуляли до глубокой ночи? Я помню все, даже отменный ужин, который ты мне устроил в тот незабываемый, чудесный вечер, а эти черти, мои охранники, не позволили мне тогда прижаться к тебе, а я так хотела этого...»

Не в силах сдержать свои эмоции, я с удивлением думал лишь об одном: почему судьба этой женщины так схожа с судьбой моей матери, судьбами многих тысяч горских евреек? Признаюсь, я такого поворота событий совсем не ожидал, да мне и в голову не могло прийти такое, и поэтому несколько опешил от досадной неожиданности. Затем, прослушав сообщение второй, третий раз, я наконец глубоко осознал и врубился в самую суть ее искренней исповеди. Ничего не добавив и не убавив, я попытался в сжатой форме, выраженной простым, доступным языком, описать всю гамму чувств и желаний женщины, которая за тысячи километров от меня заставила меня одним голосовым сообщением серьезно призадуматься. Я, волнуясь и терзаясь мыслями, думал лишь об одном: способен ли, вообще, человек, – неважно, женщина это или мужчина, – после пятидесяти лет кардинально изменить свою судьбу.

«Прочитала твой рассказ, в котором ты умело, со знанием дела пишешь про тайны. Я согласна с твоим мнением насчет того, что любая тайна в конце концов становится явью, но как же быть мне, ведь и у меня есть своя женская тайна. Как невозможно долго утаивать шило в мешке, так и невозможно утаивать свои чувства, эмоции, сокровенные тайны в большой семье, в окружении взрослых сыновей, их жен, которые сами женщины, поэтому все все видят и понимают. Я всегда на виду. Что же мне делать? Как мне жить дальше со своей личной тайной, я не знаю. Короче, Илюша, я запуталась и не могу найти выхода из этой весьма сложной ситуации. Мне скоро 52 года, а ты, мой ангел-хранитель, постоянно пытаешься успокоить меня, я очень благодарна тебе за твой позитивный настрой, который стимулирует и меня. Я сильный и самостоятельный человек, но очень слабая женщина, которой, как и любой женщине, нужна трепетная забота, нежные и искренние слова любви.

Ты всегда в разговорах со мной заявляешь, что 50 лет – это не возраст, что это совсем ничего, что для женщины это только начало ее сексуальной активности.

Возможно, там, где ты живешь, на самом деле так оно и есть, но только не у нас, в Средней Азии. Страшно подумать, оказалось, что мне, бабушке, которая строго придерживается мусульманских традиций и обычаев, в повседневной жизни страстно хочется пламенного, восторженного секса. Ты говоришь, надо втрескаться и вновь почувствовать щемящую любовь. Но как это сделать, как влюбиться и потерять голову, хотя бы на короткое время, от восторженной любви в нашем богобязанном обществе, в котором все твое окружение считает, что этого ни в коем случае нельзя допустить, поскольку это аморально. Но мне хочется, я пылко желаю сильных и нежных мужских объятий. Но вокруг меня бесплодная пустыня, которая медленно, но верно отвоевывает мое жизненное пространство, поглощая шаг за шагом мои надежды и мечты. Но я знаю, в каждой пустыне есть свои оазисы, в которых бьют живительные родники и растут деревья, а значит, там могут жить люди, пустыня не терпит слабых. Поэтому я хочу видеть рядом с собой настоящего мужчину, который ценит себя и не зависит от воли и желаний своей женщины».

А это уже совсем другая история.

– Я хочу начать новый бизнес, буду строить в Казахстане комплекс по выращиванию свиней. Что ты на это скажешь? – спросил меня Гайк Тертерян, мой близкий и добрый друг.

– Ты или сошел с ума, или бешишься от жиру, – ответил я ему. – Свиньи в мусульманской стране, по-моему, не совсем верное решение. – Послушай, Гайк, – сказал я ему, – в твоём ресторане на завтраки собирается вся элита Актюбинска, ты богат, очень известный и уважаемый человек в Казахстане, зачем тебе это надо, живи в свое удовольствие.

– Мне скучно так жить, – коротко ответил Гайк.

Чуть позже я стал немым свидетелем реализации его фантастической идеи, которая с течением времени приобретала реальные очертания крупнейшего на то время в Казахстане свиного комплекса. Я наблюдал за совещаниями, которые проводил Гайк со специалистами из Украины, Германии Австралии, Канады и США. Следя за его перемещениями по миру, я искренне завидовал его целеустремленности и настойчивости в достижении поставленных целей. Уже потом, когда гигантский свиного комплекс заработал во всю свою мощь, он стал визитной карточкой Актюбинской области. Этот комплекс посетило все высшее руководство Казахстана, в том числе и его президент – Нурсултан Назарбаев. Гайк был на вершине головокружительного успеха, однако все закончилось трагично.

Уголовный суд установил, что в буферной зоне предприятия закапывались отходы убойного цеха, другой мусор, что привело к порче земли. Суд учел пожилой возраст, положительные характеристики обвиняемого и частичное возмещение ущерба. Гайка Тертеряна приговорили к 1 году и 6 месяцам ограничения свободы, но суд освободил его от этого наказания в связи с юбилейной амнистией. Судебный процесс проходил в Алге. Само имущество свинофермы распродается по решению суда, чтобы возместить ущерб экологии в 7 с лишним миллиардов тенге.

Всякое было в моей жизни, но самую сильную и глубокую обиду нанес мне школьный друг, а главное – сделал он это умышленно и сознательно. Я до сих пор не могу простить ему это. С тех пор прошло уже много времени и никто из нас не проявлял инициативы восстановить наши некогда дружественные отношения. Каждый раз вспоминая ту простую, на первый взгляд, житейскую ситуацию, я прихожу к выводу, что самым уязвимым местом у нечаянно разбогатевшего человека является его самолюбие и эгоизм. Еще совсем недавно он проживал в небольшой трехкомнатной квартире на первом этаже, с огромной собакой и таким же большим котом. А сейчас он выстроил огромный дом на миллион долларов, с ухоженным двором и отдельной псарней для своей собаки, в которой был даже душ. Заканчивая ужин, мой друг за бутылкой дагестанского коньяка рассказал, что совсем недавно он чуть не умер в Таиланде, изрядно приняв местный алкоголь.

– Если бы не супруга, меня черта с два откачали бы тогда, – весело и непринужденно рассказывал он эту неприглядную историю своего путешествия.

– Зачем было так напиваться? – спросил я его в конце нашего разговора, и на этом мы закончили наши посиделки.

Наутро, уже по дороге домой, мне на мой мобильник, – ей-богу, я не знал, кто, – прислал юмористическое видео про какого-то пьянчугу. Я машинально, без всякого умысла переправил это видео своему другу и забыл про него. Прошло совсем немного времени, я получаю от него обратное сообщение, которое меня ошарашило таким образом, что я вынужден был остановить машину на трассе и долго не мог успокоиться. «Ты неудачник! – писал он мне. – Я прекращаю с тобой всякие дружеские отношения». Нет чувства юмора – считай калека, никакими деньгами это не вылечить.

Еще одна история, которую я хочу рассказать, это история об удивительном человеке, моем нью-йоркском друге. По понятной причине, я дал ему слово, что его настоящее имя я держу в секрете, но для простоты повествования назову его Адамом. Еврейская слободка Дербента, где мы родились и выросли, формировала в нас высокую степень независимости и невероятно отчаянную смелость. Мы, сопливые слободские пацаны, были предоставлены самим себе, никто нас не опекал и не лелеял, поэтому с самого детства учились самостоятельно принимать судьбоносные решения даже в самых сложных житейских ситуациях, твердо уверенные в своих действиях и поступках. Жизнь в еврейской слободке была великой школой выживания в условиях беззакония и коррупции, которые царили в то время вокруг нас. Мы видели и понимали, как нашим отцам было сложно поддерживать в своих семьях достойный уровень жизни. Они рисковали своей свободой, ради того чтобы мы ели досыта и могли пользоваться услугами спекулянтов. Но кто тогда думал об этом? Для нас это была норма жизни.

Мы ушли из дома в неизвестный фантастический мир иллюзий, созданный сознанием реальных пацанов. Даже наши отцы, сильные духом мужчины, которых мы безгранично любили и уважали, не смогли удержать нас в родных

стенах. Сегодня мы совсем не те зеленые пацаны со слободки – судьба разбросала нас по всем краям Земли, кого куда, даже в Австралии можно встретить парней, с которыми когда-то мы гоняли футбол на слободке.

Однажды я спросил Адама:

– Сожалеешь ли ты сейчас, что когда-то принял решение и перебрался в Штаты?

– Нет, ничуть, пусть простят меня друзья за мое откровение, но Америка стала для меня настоящей родиной. День независимости, который празднуется в США 4 июля, стал для меня и моей семьи самым важным праздником.

Прошло время, и мы с ним снова встретились, но уже в совершенно иных, трагических обстоятельствах.

«Какая чудовищная несправедливость! – воскликнул Адам, узнав что у него редчайшая форма рака желудка. – Почему из ста тысяч больных раком людей именно у меня диагностировали такую редкую, экзотическую его разновидность, что даже с трудом я выговариваю название этой паскудной болезни? – произнес Адам, безучастно глядя бог знает куда сквозь лобовое стекло своего нового БМВ 8-й серии. Затем он медленно повернул голову и вопрошающе взглянул на меня. Невозможно осознать, понять, ощутить тревоги и страхи даже близкого друга, которому десять минут назад сообщили, что у него обнаружена неизлечимая болезнь, которая может навсегда лишить его трудоспособности, а возможно, и самой жизни. – А ведь планов громадье, – задумчиво проговорил он, не отрывая своего взгляда с моего растерянного, озадаченного лица. – Хорошо, что мы успели с тобой вдоволь поесть вкусной свежей рыбы и выпить немало хорошего вина», – добродушно, с легкой, еле заметной улыбкой на породистом, холеном лице промолвил он, переведя свой взор на зеркало заднего вида в салоне автомобиля.

Он смотрел на себя в зеркало и надолго задержал на нем свой взгляд, пытаясь увидеть изменения в лице. Выдержав короткую паузу, Адам ухмыльнулся, резким движением левой руки почесал затылок, – наверно, подумал, что же могло пойти не так в его жизни. В отражении зеркала он, должно быть, видел факты, события, мельчайшие подробности из очень сложной и трудной истории эмигрантской жизни в Новом Свете.

«И вот сейчас, по истечении 25 лет, когда мне казалось, что все наконец разрешилось: дом построил в престижном районе Нью-Йорка, сыновья закончили лучшие университеты в Штатах, работа спорится, что позволяет мне существовать на широкую ногу... Но нет, видимо, Господь на этом хочет ограничить мое пребывание на этой благодатной земле. – Он молча, не сводя своего взгляда с зеркала, обдумывал будущие планы и спустя минуту с воодушевлением произнес: – Я верю в американскую медицину!» – И машина тронулась, медленно ускоряя свой ход.

Ни с того ни с сего став невольным участником описанных событий, мне хотелось исчезнуть, испариться, провалиться сквозь землю, лишь бы не стать невольным свидетелем молитвы моего близкого друга, обращенной к

Богу. Я получил то, что хотел. Господь выполнил мою настоятельную просьбу и провалил меня в глубокую историю нашей слободской жизни.

Соленый острый перец на слободке обожали все и в любое время года, но приготовить это любимое нами блюдо было сущим адом. Каждый год в каждом дворе слободки можно было видеть горы не набравших силу зеленых стручков острого перца. Мы часами вместе с мамой прокалывали их вилками, но для чего нужна была это процедура, я так и не узнал. В результате нашей самоотверженной работы подвалы наших домов наполнялись различными соленьями, которые уже к весне благополучно заканчивались. И вот однажды, проходя мимо двора Адама, я заметил, как его мама, тетя Бад, собирала гостинцы в Москву для своих сыновей. Это было неисчислимое количество трехлитровых баллонов с различными соленьями, и в особенности с острым перцем. Я не удержался и спросил маму своего друга: «Зачем так много?», на что она с улыбкой ответила: «Твои братья, Биня и Адам, очень любят мои домашние соленья». Наши мамы подарили нам жизнь и заветно мечтали сделать ее беззаботной, сытой и счастливой.

С тех пор прошло пять лет, Адам заканчивает строительство нового трехэтажного дома в престижном районе Нью-Йорка. «В подвале непременно будет винный погреб, – с восторгом рассказывает он о преимуществах своего роскошного жилища, – так что к твоему очередному приезду в Штаты нам будет что пить». Адам не смирился с неизлечимой болезнью – и победил, несмотря на все мрачные прогнозы официальной медицины. Такое случается очень редко, но когда это случается, значит ангел жизни поселился в самом сердце баловня судьбы, любимчика Господа Бога. Когда по видеозвонкам переговариваюсь с Адамом, вижу его улыбочивое мужественное лицо и говорю ему не стесняясь: «Ты настоящий мужчина, я не перестаю восхищаться твоей жизненной энергией и силой воли!»

А Сусанну я давно не видел... Иногда, в яркие моменты своей жизни, мне казалось, что мы и поныне живем единой, счастливой семьей, словно вовсе и не было развода между нами. Порой, возвращаясь вечерами домой с ощущением радости на душе, бывали и такие времена в моей жизни, я, с несбыточной надеждой вглядываясь в окна своей квартиры, дико желал увидеть их освещенными. Когда в окнах горит свет, значит дома кто-то есть. За все годы моей одинокой жизни так никто и никогда не отворил мне дверь в мое жилище: Сусанна не могла, она далеко, а других женщин я не желал видеть сам. Войдя в пустую квартиру, я всегда думал об одном: почему я до сих пор не могу забыть ее, почему иногда в своих воспоминаниях о будущем я мечтаю о ней и хочу вновь видеть ее рядом с собой?

Сусанна поступила правильно, я же до сих пор мотаюсь по лабиринтам и закоулкам своей памяти, ища жалкие, невнятные оправдания своим необдуманным и легкомысленным поступкам. Я был уверен лишь в одном, что надо пережить и эту ночь, а магия утра непременно поможет настроиться на новый день и постепенно настроит мои мысли на позитивное мышление.

Иногда мне хочется кричать во весь голос, но сейчас я хочу кричать так, чтобы весь мир услышал меня. Я хочу жить, хочу жить как никогда раньше! Моя главная цель очень проста – я хочу оставить свой след на земле, опубликовав свою новую книгу. Важно иметь в виду и то, что в моем романе я веду воображаемый диалог со своим сыном, и наш задушевный, содержательный, откровенный разговор еще не закончился. Вот почему, Господи, мне нужно еще чуть-чуть времени, для того чтобы закончить свои дела на твоей обетованной земле.

Эпилог

Всевышний любит всех одинаково: он никого и никогда, даже в самых сложных и трудных обстоятельствах, не оставляет без своего отеческого благоговения. Он каждому из нас дарит шанс и надежду вырваться из безысходной ситуации и занять достойное место в мире. Кто-то скажет, что это большая редкость в реальной жизни, не всем удастся успешно изменить свою судьбу. Я сумел, я смог выследить и схватить свою удачу за хвост, поймать момент, этот уникальный шанс на успех, который позволил мне повернуть свою судьбу лицом к мечте, и я оказался на дороге, ведущей к счастью. Фортуна, в конце концов, улыбнулась и мне, я нашел дело своей жизни, которое люблю, обожаю и почитаю всем своим сердцем и душой. Сегодня я могу сказать смело и уверенно, что я самый счастливый человек на свете.

«Я получала превеликое удовольствие, редактируя ваше гениальное произведение, достойное Нобелевской премии по литературе, – сердечно, по-дружески шутила Юлия Ивановна, литературный редактор моей книги. – Читая и перечитывая отдельные абзацы и даже главы вашего романа, я часто задумывалась над тем, как в невероятно трудных житейских ситуациях, в которых большинство людей опускают руки, вы смогли сохранить позитивный взгляд на жизнь?!»

Вспоминаю, как однажды, когда мои рассказы были опубликованы в сборнике «Писатель года 2022», моя старшая дочь, прочитав их, с удивлением сказала: «Папа, я не могу поверить, что эти рассказы написаны тобой. Мне думается, что ты создаешь идею повествования, а воплощает ее в жизнь твой редактор». Да что мои друзья и родственники – временами я сам не верю, что смог сделать это – написать роман. Возможно, я повторюсь, но это важно отметить: как мне, человеку, который издавна, аж с самой школьной поры, не был в ладах с русским языком, удалось написать книгу на этом языке?!

Мне часто вспоминается забавный эпизод из моей аспирантской жизни. Итак, дождавшись резюме Венгерова Алексея Анатольевича на мою научную статью, вернее сказать, бессвязный бред о проблемах управления строительством в Советском Союзе, он невозмутимо произнес: «Я армянским языком не владею, так что, пожалуйста, постарайся в следующий раз писать на русском языке».

После окончания аспирантуры я некоторое время преподавал в институте повышения квалификации для руководителей среднего звена управления. Это были двухмесячные курсы для начальников и главных инженеров строительно-монтажного управления главка. Возраст слушателей колебался от 30 до 40 лет, причем зачастую это были обеспеченные, уверенные в себе люди. Каково же было мое удивление, когда на вопрос к слушателям: «Кто из вас доволен своей профессией и работой, которую вы делаете каждый день?», только единицы из 30–35 профессиональных строителей отвечали утвердительно. «Но как же так? – продолжал я философствовать, развивая эту актуальную, волнующую тему и для современного человека. – Вы терпеть не можете свою работу, но продолжаете ее делать, потому что зависите от нее материально?» Одна из самых страшных вещей, которую обычно говорили многие слушатели, молодые и талантливые люди, это был ответ: «А куда деваться-то?» Я никогда не задавал себе подобных вопросов. Если работа не приносила мне морального и эмоционального удовлетворения, я смело и решительно оставлял это занятие.

«Как ты можешь в самый разгар развития своего бизнеса бросить все и начать новое дело?» – с удивлением спрашивали меня мои партнеры и друзья. Я до сих пор не могу найти ответа на этот простой и безобидный вопрос, потому что я не знаю что им сказать. Возможно, все происходит по воле случая или по интуиции, а может быть, сама судьба подсказывает, что наступил новый этап жизни и пришло время перемен, и это уникальный шанс расставить новые приоритеты, чтобы выйти на дорогу, ведущую к счастью.

В мире написано большое количество книг про счастье, и большинство из них бестселлеры. Существуют десятки миллионов определений счастья, и у каждого, как правило, свое понимание этого душевного состояния человека. Счастлив ли я сам, чувствую ли я радость и удовлетворение от своей жизни? Вопрос, конечно актуальный, но провокационный. Ведь жизнь продолжается, и пока черный верблюд смерти не стал попрек моей дороги, буду писать. Оглядываясь назад, в прошлое, я думаю, как же все было сложно и запутанно в моей жизни, но я выстоял и победил самого себя. Не знаю, мой дорогой читатель, взяв в руки мою книгу, дочитаешь ли ты ее до конца, но это уже совсем другая история. На прощанье хочу поделиться с тобой своей формулой успеха: если в течение 10 минут не знаешь, куда себя деть, надевай кроссовки и вали на спорт, а если в данный момент ты не имеешь такой возможности, возьми мою книгу в руки и читай ее внимательно и вдумчиво.

Содержание

Пролог.....	5
Глава 1.....	7
Глава 2.....	12
Глава 3.....	19
Глава 4.....	25
Глава 5.....	30
Глава 6.....	39
Глава 7.....	51
Глава 8.....	59
Глава 9.....	67
Глава 10.....	71
Глава 11.....	87
Глава 12.....	96
Глава 13.....	106
Глава 14.....	124
Глава 15.....	133
Глава 16.....	139
Глава 17.....	145
Глава 18.....	147
Глава 19.....	153
Глава 20.....	161
Глава 21.....	170
Глава 22.....	176
Глава 23.....	189
Глава 24.....	195
Глава 25.....	205

Глава 26.....	215
Глава 27.....	221
Глава 28.....	234
Глава 29.....	245
Глава 30.....	253
Глава 31.....	262
Глава 32.....	271
Глава 33.....	279
Глава 34.....	283
Глава 35.....	289
Глава 36.....	301
Глава 37.....	310
Глава 38.....	318
Глава 39.....	328
Глава 40.....	341
Эпилог.....	353

Литературно-художественное издание

Азарьев Ильясаф

ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ

Роман

Знак информационной продукции **18+**

В дизайне обложки использована фотография из личного архива автора.

Главный редактор *Н.В. Горева*

Редактор *Ю.И. Неделькина*

Корректор *М.В. Гайваль*

Верстка и техническое редактирование *М.Ю. Меркуловой*

Дизайн обложки: *Н.И. Бурая*

Оформление обложки *М.Ю. Меркуловой*

Подписано в печать 14.08 2023 г. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 28,8. Уч.-изд. л. 46,2.

Тираж 1000 экз. (1-й завод 1–70 экз.). Заказ 102. «С» 50.

*Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность
приведенных фактических данных, цитат и иных подобных сведений.*

Позиция издательства может не совпадать с позицией автора.

Отпечатано в издательстве Волгоградского государственного университета.

400062 Волгоград, ул. Богданова, 32. E-mail: izvolgu@volsu.ru